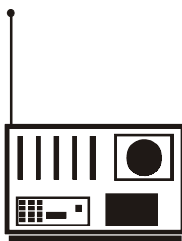

Анатолий Стреляный

Ваши письма на «Свободу»

Собранные в этой книге тексты звучали на волнах радио
«Свобода» (Прага) в 1995-2000 годах
в еженедельной передаче Анатолия Стреляного
«Ваши письма»

Говорит радио «Свобода». «Россия вчера, сегодня, завтра». У микрофона в Праге Анатолий Стреляный с передачей «Ваши письма».

Нет мнения, которое не могло бы прозвучать на волнах «Свободы».

Не на все письма я могу отвечать, тем прилежнее все их читаю.

Передача «Ваши письма» выходит в эфир по пятницам в 23.10 и повторяется: в субботу в 2.10 и 10.10, в воскресенье в 13.10 и 18.10 по московскому времени на волнах радио «Свобода»

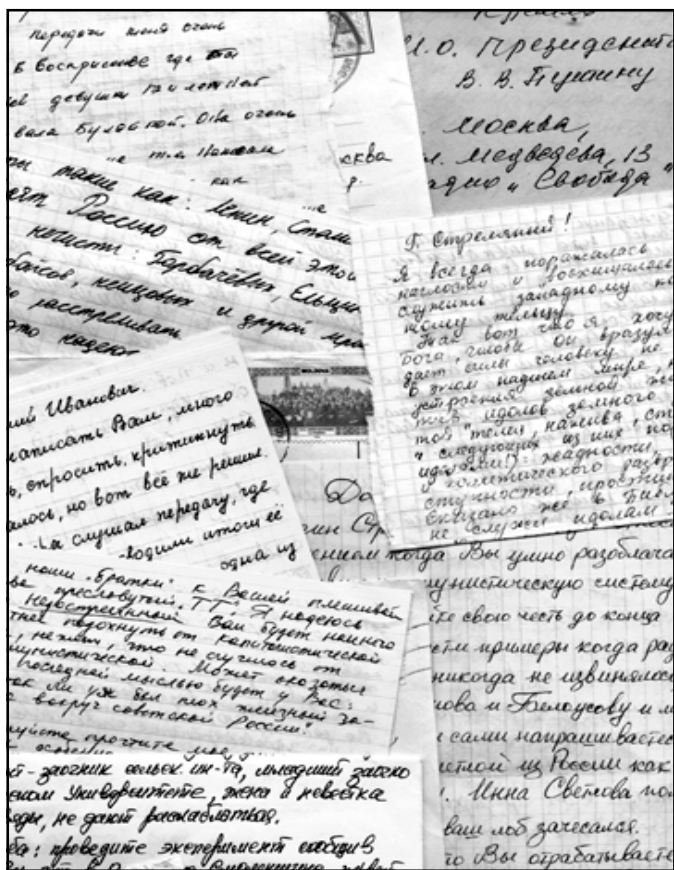
Пишите мне по одному из трех адресов.

Московский: Москва 103006, Старопименовский переулок, 13, корпус 1. Бюро радио «Свобода».

Пражский: RFE/RL, Vinohradska 1, 110 00 Prague 1, CZECH REPUBLIC.

В *Интернете* я в списке сотрудников Русской службы радио «Свобода» на сайте: www.svoboda.org

Анатолий Стреляный
Ваши письма на «Свободу»

Август 1995 – Апрель 2000

Пророчества

Август-сентябрь 1995

В каждой почте есть стихи. Вот целая книжечка, прочитаю из неё несколько строк.

Дорогие мои россияне!
Много лет я желал и мечтал
по душам побеседовать с вами.
И вот час для беседы настал.

Тут автор представляется:

Я, непризнанный вами философ,
человечества жизнь изучил
и для главных житейских вопросов
все ответы давно получил.

Вам легче, господин философ.

Мария Тихоновна Зотова из Новгорода пишет, какой бы она хотела видеть Россию:

«Жесткий тоталитарный режим на ближайшие 100 лет.
Железный занавес с открытием в одну сторону: вон из
России на ближайшие 100 лет.

Запрещение частной собственности и найма рабочей
силы (лакеев и батраков).

Право на труд. Академик при этом получает в 10-15
раз больше дворника.

Право на отдых.

Бесплатное среднее и высшее образование, среднее -
обязательное.

Счастливое детство для всех без исключения.

Обеспеченная спокойная старость для всех.

А «права человека», о которых вы все время твердите,
мне не нужны!»

Марии Тихоновне интересно, как я выскажусь о ее
программе. Я тоже хотел бы, Мария Тихоновна, чтобы у

всех без исключения не только в России, но и повсюду на Земле было счастливое детство. К сожалению, до сих пор не было и, кажется, не предвидится такой власти, которая могла бы это устроить. Даже в самых благополучных странах и семьях дети болеют, бывает, неизлечимо, некоторые и рождаются больными или увечными, попадают под машины, ребенок может быть несчастным оттого, что не ладят его родители. А каким несчастьем может быть неуспеваемость или неразделенная любовь к однокласснику или однокласснице!

То же и со спокойной старостью. Известны страны, где очень неплохо обеспечен практически каждый старый человек. Я бывал в богадельнях США, Голландии, Германии. Условия там не хуже, а в чем-то лучше, чем в кремлевских санаториях и больницах. Сверхъестественная чистота, вкусная и здоровая пища на заказ. Для работы в таких местах, для ухода за их обитателями, для организации их досуга получают дипломы в специальных учебных заведениях и даже университетах. Бабулек моют, сооружают им прически, делают маникюр... Видел в одном американском городке. Маленькая богаделенка, человек на полсотни, не больше. В штате – парикмахерша. Щелкает ножницами над креслом, которое на первый взгляд кажется пустым. Только потом замечаешь: сидит в нем божий одуванчик. Но по-настоящему спокойным и довольным жизнью там был один человек: старик-инженер, холостяк, он построил на свои деньги эту богадельню и сам в ней жил, выбрал себе светлую комнатку. Что касается остальных? Ссорятся и между собой, и с персоналом, обижаются кто на детей, кто на судьбу. Доживать в богадельне, даже похожей на рай, никому не хочется.

Я, естественно, и за бесплатное образование со здравоохранением. Но приходится признать, что и это, к сожалению, недостижимо. Бесплатного ничего не бывает. В казну – там, где она содержит больницы, университеты, школы, деньги с неба не падают. Закономерность такая: чем боль-

ше бесплатных услуг, чем больше доля бесплатности в той или иной услуге, тем она хуже по сравнению с платной.

Вот так я отношусь к вашей программе, Мария Тихоновна. Вы, конечно, тут же уточните ее, скажете, что и вам понятно: какие-то несчастья и беспокойства будут всегда, не надо придирааться. Но это вы скажете теперь. А когда готовили свою программу, оставляли это за скобками. Так поступали все проектировщики рая на земле... Их не устраивал рай частичный. Если они говорили, что знают, как сделать детей счастливыми, а стариков спокойными, то обязательно говорили: всех без исключения. С меньшим замахом никто никогда не проектировал, с меньшим замахом никто не приступал к строительству. Свободное (или буржуазное – можно и так) общество потому и свободное, что его никто не проектировал и никто его не строил – оно построилось само собою, поэтому оно не совершенно, оно умно только в той мере, в какой умны люди, и в той же мере глупо. Впрочем, тут я сказал неточно. Оно глупо в меру человеческой глупости, это верно, а ума в том, как оно устроено, все-таки больше, чем в людях, которые бессознательно его строили. Я очень люблю слова одного большого буржуазного ученого. Он всю жизнь изучал капитализм и социализм, показывал, насколько капитализм выгоднее, удобнее, человечнее. Но видел ученый и другое: вечное недовольство людей, то, какие они завистливые, как им хочется всех поровнять, как они ожесточаются, просто безумеют от нищеты и как на них действуют тогда посулы красных и коричневых. Поэтому он сказал однажды так: если бы капитализм был обязан своим возникновением и существованием сознательному выбору людей, его никогда бы не было.

В чем разница, скажем, между Лениным с ленинцами и их врагами? В историю вошел перечень этих врагов, составленный Бухариным. В нем были не фамилии, а названия сословий, общественных групп, профессий и

занятий – от учителей и священников до социологов и философов, не говоря уж об инженерах. Николай Иванович не упустил никого, кроме себя, да и то потом, на суде, исправил свою ошибку. Разница простая. Ленин и ленинцы хотели устроить все идеально, а их враги хотели, чтобы все устраивалось не идеально, а свободно. Они понимали, что идеально и вместе с тем свободно не может получиться, потому что у каждого свой идеал и свой план, таков человек. Чтобы все люди согласились на единый идеал и единый план, их надо очень долго и больно бить и «воспитывать». Несвободно, зато идеально – тоже не может получиться, хотя многим кажется, что может и должно. Вы хотите, чтобы была запрещена частная собственность, хотите тоталитаризма. А другие не хотят ни тоталитаризма, ни общественной собственности. Как вы предполагаете поступать с ними? Люди – существа капризные, переменчивые, все куда-то стремятся, к чему-то новому. А ну как где-нибудь на семидесятом году тоталитаризма он им надоест, и они, не все, но очень многие, захотят, допустим, социализма или капитализма, а кто-то и коммунизма? Придется вам их урезонивать. Для их, конечно, блага, Мария Тихоновна, я понимаю, но они-то наверняка не такие понятливые. Или надоест им общественная собственность, разочаруются они в ней, захотят попробовать частной, человек ведь двойствен: он и коллективист по природе, и одновременно частник... А захотят частничества – захотят и прав человека, без них частная собственность – пустой звук, станут люди за эти права с вами бороться – придется вам их окорачивать. Посадите человека в тюрьму – у него остались дети, престарелые родители. Вот еще несчастные, беспокойные, Мария Тихоновна. Какое спокойствие – каждую ночь ждать, что и за тобой придут, решив, что раз ты сын, брат или сват врага народа, значит, тоже можешь помешать тоталитаризму! Причем, как показывает история человечества, в борьбе за права человека – за эту ненужную вам вещь – люди

особенно упорны, готовы на любые жертвы, сражаются все возрасты, вспомните английские буржуазные революции, вспомните французские, другие европейские, вспомните американскую гражданскую войну... Все это – за права человека.

В письме госпожи Зотовой отражен очень интересный сдвиг в людях, которые раньше были довольны и счастливы, сознавая себя советскими патриотами и строителями коммунизма. Мария Тихоновна мечтает теперь не о социализме, не о коммунизме, а о целом столетии тоталитаризма. Тоталитаризм, как его понимают повсюду в мире, – это такая власть, которая держит под неусыпным контролем все стороны жизни человека, буквально все, вплоть до его любовных отношений, как было, помните, в Советском Союзе, где личные дела людей разбирались в комсомоле и партии. И, конечно, это власть, которая сама себя назначает, не терпит никаких возражений и никакого соперничества. Нынешние российские дела Мария Тихоновна понимает так. Есть президентство, есть правительство, есть чиновничество. Единственное, чем эта часть населения умело и добросовестно занимается, – прокормлением себя. Разочаровавшись в правлении бывших партийных секретарей и советских министров, оставшихся у власти, озлившись на них, а заодно и на демократию, в которой они первая скрипка, – часть бывших рядовых доверчивых строителей коммунизма поворачивает не назад, не к социализму, а черт знает куда – куда глаза глядят. А когда идут куда глаза глядят, то обязательно попадают в фашизм или нацизм.

Слушатели всю философируют на экономические темы. Точки зрения противоположны до враждебности.

Сегодня скажу только об одном письме, даже об одном предложении из письма. «Русский человек не привык жить на пособие», – вот это предложение.

Автор вспоминает тех специалистов, которые еще при

Горбачеве говорили, что капиталистические реформы надо проводить быстро, как можно быстрее. Особенно быстро, исключительно быстро – приватизацию. Собственника нельзя менять постепенно, настаивали они, безхозное производство – малина для воров и лодырей. Таких специалистов было всего несколько – покойный Василий Селюнин, здравствующая Лариса Пияшева, еще два-три человека, не боявшихся насмешек и упреков в экстремизме. Среди них не было, кстати, ни Гайдара, ни Явлинского. Гайдар в самом начале сказал, как отрезал, что быстро только кошки рожают, Ельцин его поддержал. Жизнь не преминула над ними посмеяться: их половинчатые, медлительные, двусмысленные действия все равно сразу же называли шоковыми, рубкой плеча, рыночным романтизмом, радикализмом и другими иностранными словами, которых они никак не заслужили.

Обвальная приватизация и полная свобода хозяйствования привели бы к немедленному банкротству многих, в некоторых местностях – чуть ли не большинства предприятий. Миллионы оказались бы на какое-то время безработными. Больше всего Ельцин боялся как раз этого. Селюнин, Пияшева говорили ему: лучше, дешевле, человечнее платить самые большие пособия этим людям, чем еще лет пять, если не десять, содержать для них убыточные заводы и фабрики. Получая хорошее пособие, человек будет спокойно искать себе занятие. Держать его в подвешенном состоянии на заводе, который все равно обречен, – значит, обманывать его, вынуждать терять дорогое время, мучить, как ту кошку, которой рубят хвост по частям.

Сегодня уже можно сказать, кто был прав. В тех странах, где капиталистические реформы провели быстро, дела идут намного лучше, чем там, где продолжают осторожничать, тянуть резину. Недавно экономист Илларионов написал специальную статью об этом. Она называется: «Реформисты-постепеновцы терпят поражение», на нее

у нас уже есть отклики. Замечено, что автор не упоминает ни Пияшеву с Пинскером, ни других критиков Ельцина-Гайдара «справа», умалчивает и о том, что сам был среди политиков и теоретиков, которые терпят сегодня поражение. Автор письма на «Свободу» придерживается, между тем, ельцинской точки зрения: в России лучше не торопиться, то есть, лучше платить зарплату рабочим и служащим убыточных предприятий, чем пособие по безработице.

«Русский человек не привык жить на пособие», – пишет он. У меня на это только один вопрос: а по семь месяцев не получать ни зарплаты, ни пособия он что, к 1992 году, когда в Кремле решали, как рубить кошке хвост, – привык?

Психолог Т. А. из Москвы прислал свою «Характеристику на Ю. М. Лужкова».

«Лужков Юрий Михайлович. Крутой, жесткий, беспощадный человек. Не любит лести, держит подчиненных и зависимых от него людей в постоянном напряжении. Для этого использует одно средство: страх. Люди должны бояться быть наказанными или потерять его расположение. Все время меняет дистанцию: то приближает к себе человека, то отдаляет, все время меняет тон: от милого домашнего до самого резкого. Одно его мимолетное грубое, насмешливое слово может обернуться для кого-то трагедией, он это знает. Вызывающе не желает вникать в дела, которые считает несущественными. Создал двор, в котором он хозяин-барин. Интересы Москвы отстаивает, как свои собственные, а собственные – как интересы Москвы. В Москве распоряжается, как у себя дома, а у себя дома – как в Москве».

Дальше интересные слова: виден не только Лужков, но и автор характеристики:

«Очень позитивная личность, потому что умеет заставить людей работать и способен что-то создать. У него

выдающаяся организационно-административная память. Он способен держать в ней бесчисленное число дел. Никогда он не бывает так далек от истины, как в тех случаях, когда говорит, что он что-то забыл. Исключительно самоорганизован, чрезвычайно последователен, не бывает поручений, исполнения которых он бы не проверил. Не боится никаких законов, никаких проверок, никаких преследований, потому все, что есть в Москве – это его или подконтрольно ему. Создал настоящее государство в государстве, понимает это и в глубине души гордится этим. Тем не менее, это человек, который знает, что такое грех. Он способен пойти на многое, но не на все. Очень хочет оставить после себя заметный след, заботится о культуре, любит покровительствовать искусствам. Самодержец, думающий иногда о Боге и своей душе. Будет раскулачен и растоптан новой властью». Делая этот политический прогноз, психолог совершает выход за пределы своей специальности, что меня, признаюсь, смущает.

Из Калининграда (в скобках указано: Кёнигсберг) пишет Антон Петрович Бубенцов: «Мы как жили, так и продолжаем жить в том государственном образовании, которое сформировалось в четырнадцатом и окончательно укрепилось в пятнадцатом веках и которое Европа совершенно правильно называла Московией».

Тут он отдает должное меткости украинцев, которые до сих пор всех русских зовут москалями.

«Как бы ни назывались московские цари: государями-императорами всея Руси, генеральными секретарями или президентами, в народном сознании они всегда оставались монархами. С этим ничего не поделаешь, такова уж политическая традиция, общая культура и правосознание в нашей еще средневековой стране».

Когда говорят, что нынешняя Россия является президентской республикой, автору письма, по его словам, становится смешно: «Попробовал бы глава настоящей, а не

фиктивной президентской республики откровенно нарушить закон или превысить свои конституционные полномочия! В таком обществе непременно нашлись бы силы, которые немедленно сместили бы его. А вот в монархической Московской Руси таких сил никогда не найдется. Подавляющее большинство ее граждан вообще не понимает, что такое закон, что власть кремлевского властелина может быть как-то ограничена. Они мыслят совершенно другими категориями: плохой царь – хороший царь. Что касается Лужкова, то он давно превратился в довольно самостоятельного главу своеобразного государства в государстве: со своим гражданством (московской пропиской, которая стоит 500 минимальных зарплат), с визовым режимом допуска иногородних (так называемая регистрация) и даже собственным правительством (как теперь называется московская мэрия). Все бы ничего, но двум царям в одной Москве не бывать. Когда Юрий Михайлович горделиво заявляет, что собирается бороться на предстоящих мэрских выборах, я с грустью думаю о скором закате его блестящей карьеры».

Антон Петрович пишет о самом важном, самом злободневном и тревожном, с его точки зрения:

«Впервые на Московской Руси назревает любопытнейший конфликт – между провинцией и ее метрополией. Представим себе, что до 90 процентов обладателей столичного гражданства поддержат своего любимого мэра в награду за то, что «рыночные отношения» ни в коей мере не коснулись их феодальных привилегий».

Когда Гавриил Попов стал мэром Москвы, я был уверен, что первое, что сделает он, – это явочным и торжественным порядком отменит прописку. Демократ во главе столицы государства, которое берет курс на капитализм, не может начать свою деятельность по-другому, думал я. Дело не просто в том, что демократия и прописка несовместимы. Прописка есть величайшая помеха для капиталистических, то есть, свободных хозяйственных отноше-

ний частных лиц. Гавриил Попов не посягнул на прописку. Юрий Лужков – тем более, хотя сейчас это уже прямое нарушение закона.

«С еще большим подозрением, – пишет господин Бубенцов, – начнет относиться к главе второго московского правительства даже нынешний хозяин Кремля, наградивший Юрия Михайловича орденом «Белого Орла» за вынужденное послушание и подобострастные речи. Увы, исторические законы неумолимы: если Юрий Михайлович и сохранится в качестве мэра, то в лучшем случае только при этом царе, другой же его ни в коем случае не потерпит. А если еще представить, что на президентских выборах Москва вместе со своим северным филиалом голосует за одного царя, а вся провинция – за другого, то это уже начнет угрожать самому существованию Московии как государства. Лужковская столица может оказаться враждебной московскому царю!»

Автор опасается, что «вызывающее поведение Лужкова может привести даже к тому, что от московского сюзерена начнут отпадать не только колонии, но и провинции». Он обращает внимание на то, что, судя по опросам, до 60 процентов немосквичей в России высказываются за перенос столицы в другое место, и вспоминает слова победившего в Екатеринбурге Росселя, что он не желает быть «московским диспетчером по Свердловской области». Господин Бубенцов на стороне провинции – это по русской привычке стоять за обиженного. Его симпатии проявляются в выборе слов: «Провинция терпелива и бессловесна, но на нее сейчас упала двойная нагрузка. Аппетиты у московских кровососов остались те же, а подконтрольная территория и население после отделения окраин уменьшились примерно в два раза, так что восстания, конечно, не будет, а саботаж вполне возможен».

Мне кажется, если уж употреблять крепкие слова, то следовало бы сказать для большей точности не «кровососы», а «нефтьесосы».

Антон Петрович Бубенцов заканчивает свое письмо так:

«Мы живем в эпоху крутого исторического сдвига. Московия проигрывает колониальные войны и рушится. Мне кажется, что в это переломное время ни товарищу Лужкову, крупнейшему после Ельцина феодалу и ярчайшему воплощению московского паразитизма, ни товарищу Черномырдину, который по нынешней конституции официально наследует трон, на самом деле московскими царями не быть. Страна бурлит, все ждут неумолимо надвигающихся выборов или очередного военного переворота, феодальный миропорядок на пороге крушения, и гибель его так же неизбежна, как и гибель всего отсталого Московского царства в его архаической средневековой форме».

Начинали с Лужкова, а заканчиваем всей немалой российской частью человечества?

Пишет бывший сержант, механик-водитель танка Т-34, награжденный двумя боевыми орденами и медалью «За отвагу», инвалид войны Шувалов Борис Иванович из Выборга. Он уверен, слушая нас, что в данный момент мы существуем исключительно «для поддержки спадающих с российского президента штанов». Письмо начинается так: «Здравствуйте, Анатолий Стреляный. Как видите, в обращении нет слова «уважаемый». Почему? Сейчас объясню». И дальше – насчет президентских штанов и еще о том, что самое большее, чем можно доверить командовать Павлу Грачеву, – полевая кухня, как будто автор заранее уверен, что я с ним не соглашусь и стану предлагать генералу большую должность.

Люди холопского звания

Октябрь-декабрь 1995

«В 1973 году за срыв флагов перед выборами (дважды в одном месте) меня осудили на 10 лет лагерей плюс пять лет высылки. Мне было около 18 лет от роду. КГБ пыгало меня и требовало назвать имя сообщника. Я его не выдал (он жив и ныне) – не выдал и получил 10 лет за «грабеж? соседа».

В 1991 году этот человек вышел, было, на волю.

«Пересидел трех царей: Брежнева, Андропова, Черненко. Посадили в 18 лет, вышел в 36. Большой (ТБЦ), без денег, все, кто мог мне помочь, поумирали. На дворе светопреставление: карточки, кризис и т.п. И я выбрал «келью» и срок. Все продумал и взял на себя чужое преступление».

Он отсидел еще 3,5 года.

Пишет Михаил Александрович Яценко из города Юбилейного Московской области: «Я хотел бы напомнить наивным соотечественникам, что даже при Сталине настоящие уголовники в лагерях не работали, а быстро сбивались в волчьи стаи, снюхивались с администрацией и жестоко паразитировали на так называемых «мужиках», которых органы специально «заметали» в качестве бесплатной и безропотной рабсилы. На воле это прекрасно знали, но каждый жил по принципу: лишь бы не меня».

Автор приводит несколько известных ему случаев. Он берет их из жизни одной сельской улицы в сорок дворов. Время – середина «благополучной» брежневской эпохи, о которой многие искренне вздыхают, по его словам.

«Какие большие срока давали людям за незначительные и случайные преступления и проступки! Четыре года северного лесоповала – молодому шоферу, который прихватил двести килограммов совхозного ячменя. Женился

полтора года назад, грудной ребенок. Два молодых мужика по пьянке стащили старую стиральную машину, оказавшуюся неработающей, – им дали по два года «химии». На стройках коммунизма требовалось много рабсилы, министерство внутренних дел имело свой огромный производственный план – настоящими преступниками выполнять его нечего было и думать».

Напомнив это, автор обращается к «людям среднего и особенно старшего возраста, тоскующим по сталинско-брежневским временам» и к молодым, кляущим на дешевую демагогию глашатаев свободы, равенства, братства: «В случае возврата на круги своя может крупно не пофартить вашим внукам, господа старики. Машина Гулага ждет, ее нужно только чуть подмазать и раскочегарить. Сейчас много шума о борьбе с преступностью. Но как раз настоящих преступников и всяких-разных состоятельных «крутых» красные, как и прежде, сажать не будут, так как отдача от них нулевая, скорее отрицательная даже, только морока. Сажать будут простонародье, случайно оступившихся людей, у которых ни «блата», ни крыши, из которых можно выжать бесплатный труд».

Шафранский Петр Иосифович из деревни Станьково Псковской области: «Почему вы боитесь той правды, что за социализм – все желающие честно трудиться, а за капитализм – воры и мошенники?»

Из того, что известно мне, Петр Иосифович, такого резкого разделения не было и нет. И в том лагере, и в другом всякой твари по паре. Мы знаем немало честных тружеников, которые всей душой за частную собственность и свободное предпринимательство. Точно так же мы знаем воров и лодырей, которые против. Карл Маркс был большой труженик, но ведь и живший до него Адам Смит, давший до сих пор не превзойденное обоснование преимуществ свободного хозяйства и частного интереса, не был лодырем.

В письме, которое сейчас передо мною, 16 страниц убористой машинописи. Почти никто из пишущих из России слушателей «Свободы» не думает о глазах и времени человека, который будет их читать. Бумага – первые попавшиеся клочки, почерки – как курица лапой, даже пиша на машинке, изо всех сил стараются затруднить чтение. Если я вижу, что письмо можно легко читать, что оно всем своим видом показывает уважение автора к себе и к тому, кому он пишет, – то знаю: оно откуда угодно, только не из бывшего Советского Союза. Ошибаюсь редко.

Автор этого письма 1951 года рождения, окончил философский факультет Ленинградского университета, преподавал в институте, за критику проекта Конституции СССР его выгнали, с тех пор – почти 20 лет – он работает подсобником на стройках. «В КГБ никогда не вызывали, – пишет он, – поэтому считаю себя не диссидентом, а диссидентствующим». Диссидент, кстати, значит «инакомыслящий».

Автор этого письма – диссидент особый, он страдал за свою веру в хороший социализм. Он не хочет согласиться с тем, что если работа человека или его изделие не находит покупателя, то это, как сейчас любят говорить, подражая американцам, его проблема: платить ему не за что. Он хочет, чтобы благополучие рабочего, к примеру, каменщика не зависело от положения на рынке, от того, как идут дела у тех, кто владеет и управляет капиталом. Пишет: «Если я не хочу, не могу, не привык иметь права выбиться в предприниматели, если я просто хочу работать, просто каменщиком, не философом, хочу работать хорошо и раньше работал, почему отняли у нас, рабочих, такую возможность?»

Напомню, про какую возможность он пишет: возможность получать деньги за работу на возведении сооружения, которое никто никому не заказывал и за которое ничего нельзя выручить. Замечу в скобках, что при социа-

лизме, как известно, таким было едва ли не каждое второе сооружение.

Философ-каменщик с гневом пишет, что переход от социализма к капитализму не прибавил и не прибавит ему и его товарищам по классу «ни свободы, ни достоинства, а наоборот, унизили нас, заставили трястись. Как вам это кажется с нравственной точки зрения?» – спрашивает он меня. Проще всего ответить встречным вопросом. Деньги для человека, чье изделие никто не купил, можно взять только у другого человека – у того, чье изделие пользуется спросом. Как вам это кажется с нравственной точки зрения – вам, который против эксплуатации человека человеком? Дело, однако, в том, что автор письма против самих этих понятий: спрос, предложение, рынок. «Рынок, вообще говоря, нужен для расширенного воспроизводства, – пишет он. – Но нужен ли вообще производственный прогресс, тождествен ли он общественному? Нужно ли нам лететь на Марс?»

На этом примере можно видеть, что такое социалистический уклон ума. Человек уверен: если население, по его наущению, решит, что вести расширенное производство больше не надо, то так и будет. Показателен и вопрос: для чего нужен рынок? Так дети спрашивают, для чего нужно Солнце и Луна. Не: «Что такое рынок?», а «Для чего он нужен?» Рынок – это язык хозяйственной жизни, только на этом языке – на языке свободной частной торговли – люди могут сообщать друг другу сведения, без которых невозможно с толком хозяйствовать: что почем? В советское время ходил анекдот. Некто (по-моему, еврей, которого вызвали в ЦК посоветоваться с ним) говорит, что он не против победы коммунизма в мировом масштабе, но одну страну, именно Швейцарию, надо, по его мнению, оставить капиталистической. Зачем? – спрашивают его. А чтобы знать, что почем, – говорит еврей. Возникновение этого анекдота в Советском Союзе – чудо из чудес. К свободному рынку подавляющее большинство со-

ветских людей до сих пор относится с предубеждением. Как, впрочем, и множество японцев, американцев, немцев, французов – можно перечислить все нации. Но советское предубеждение – предубеждение в кубе. А в этом анекдоте оно вдруг преодолевается. Мощный умственный прорыв, озарение. Усвоить этот анекдот – значит, усвоить самую соль. Свободный рынок – это совершенная информационная система, кладезь непрерывно обновляющихся сведений. Он непогрешим, как последняя инстанция. Когда государство поправляет цену, тем более, диктует ее, рынок сразу же перестает быть свободным, кладезь замуется, сведения, которые черпает из него предприниматель, сбивают его с толку. Последствия известны: убыток или недобор прибыли, перерасход средств и сил. Решение, принятое на основе ложного сведения, способно принести только вред. Государства нередко идут на это, объяснения всегда находятся. Все дело в мере. Ее забывают тогда, когда вред начинают считать пользой.

«Хорошист» пишет: «Тот, кто становится адептом рыночной экономики, теряя из виду нравственные, гуманистические ориентиры, сильно рискует влипнуть во что-то нехорошее». Во что же конкретно? Он объясняет: «в презрение к людям, в наплевательское отношение к их судьбам». Что значит терять из виду нравственные ориентиры? Это значит сомневаться, что в бедности многих людей виноват свободный рынок. Загадочная, несмотря на все объяснения, история. Ей не одно столетие, а конца все не видно. Вопрос с виду самый обыкновенный: как работает рынок, что является его продукцией? Вопрос давно выяснен, ответ удачно переведен на современный язык: это природный компьютер, его продукция – ценник. Нет, снова и снова появляются люди, которые... Сразу и не скажешь: которые что? Считают, что знать это – нехорошо, как девице некоторые вещи до свадьбы? Нет, они просто обходят имеющийся ответ. Их дело – осуждать рынок, не желая знать, что это такое.

«Если желаешь позаботиться о людях, надо отказаться от принципа прибыльности и рентабельности». Все то же упор мысли. Хочешь работать не в убыток себе – значит, плевать тебе на людей. В свое время выражались крепче: враг народа. Кто еще не понял, почему советская власть так мучила людей, столько их погубила, пусть еще раз вслушается в слова выпускника философского факультета Ленинградского университета 1973 года: желать добра людям – значит отказаться от принципа прибыльности. Мучили в лагерях, в колхозах–совхозах, в очередях и «колбасных» электричках исключительно из любви?

Проект не нов, но автор считает, что нов. Он пишет: «Не просто высший планирующий феодал должен быть введен в каждой стране, а политическая демократия должна обеспечить коллективное управление средствами производства всей страны. В чем тут большевизм, феодализм и коммунизм?» Вытолканный в двери коммунизм лезет, как видим, в окно и успокаивает хозяев: я не я, я не вор, я вам друг, товарищ и брат. Но это особый, после-перестроечный коммунизм. Особенность его в том, что он не знает, что он коммунизм. Он не подозревает, что политическая демократия – это тоже рынок, часть ненавистного ему свободного рынка, где потребителю предлагаются на выбор – на свободный выбор! – всевозможные идеи, программы, вожди. Опыт показал, что на рынке политической демократии самый неходовой товар как раз тот, с каким обратился на радио «Свобода» автор письма, – предложения сделать все общим и дружно всем управлять.

Здесь возникает вопрос, которого больше всего не любят обещающие золотые горы красные всех времен и народов. Что вы будете делать, если политическая демократия, которую вы, естественно, тоже обещаете, – если она, не будь дура, сообразит или убедится на горьком опыте, что при коллективном управлении хозяйством, когда ни у кого ничего нет и никто не гонится за при-

былью, все скоро протянут ноги, и скажет вам: пошли вон? Двадцатый век показал, что, когда власть получают люди, которые объявляют, что никто так не любит бедных, как они, – оторвать их от нее невозможно, остается ждать, когда сами отвалятся.

Ольга Андреевна Лаврентьевна из Ярославля: «В том, что случилось с нашей страной, виновата не коммунистическая идеология, которая так же беззащитна, как честный, порядочный человек перед хамом. Бюрократизм как общемировая болезнь приобрела в нашей стране запущенную форму и по своим масштабам и количеству зла она сравнима с загрязнением окружающей среды. Как только появилась возможность, бюрократия сорвала свой намордник, то есть, коммунистическую идеологию. Сделано, как и было задумано: сделать бедных и богатых, в число последних попала, конечно, худшая часть населения. И что от них ждать? Милосердия? Патриотизма? Заботы о культурных ценностях?»

Заканчивает Ольга Андреевна так:

«Социализм – это хорошо, а бюрократизм его дискредитировал (вроде так)».

Не так, Ольга Андреевна, совсем не так. Социализм – это и есть бюрократизм, высшая стадия бюрократизма. Что такое бюрократия? Это чиновничество, госслужащие. Что такое бюрократизм? Это власть чиновничества. При социализме чиновничеством является, по существу, все население. Все состоят на государственной службе, даже врачи, люди получают средства к жизни не друг от друга – по ходу обмена своими товарами и услугами, а от государства. Здесь нет идеологии. Идеологию сюда пристегивают по недоразумению или недоброму умыслу. Какой самый главный вопрос материального порядка в обществе? Чего и сколько выпускать. Нужны ли, к примеру, колготки и сколько их должно быть. В свободном обществе это решает частник-колготочник, им командует потре-

битель, клиент, вы, Ольга Андреевна. У него ушки на макушке, он великолепно улавливает ваши потребности, вкусы, вашу платежеспособность и мгновенно откликается на все это, приспосабливается к вам. При социализме вопрос: нужны ли колготки, какими они должны быть и сколько их выпускать, решаете не вы, а чиновник, государственный служащий, Госплан. Третьего не дано. Или власть потребителя, то есть, свобода, или власть чиновника, то есть, социализм.

Пишет Николай Петрович Тучнин из Костромы. Он тоже призывает вспомнить, что было при Брежневе, Андропове, Черненко и даже при раннем Горбачеве:

«Труженик не был собственником своей квартиры, хотя давно оплатил ее своим трудом. А если он был осужден за какое-нибудь неосторожное высказывание, то он ее лишался. Сельский житель не мог продать городскому свой дом – иногда единственное ценное, что было имжито. Ему разрешалось продать его только на дрова. Когда люди обходили такие бесчеловечные правила, то договор купли-продажи расторгался услужливыми юристами. На территории Чернопенского сельсовета Костромского района было несколько таких случаев. Можно было, правда, вступить в садоводческий кооператив и получить 6 соток земли, чаще всего на болоте. Отвода земли ждали годами, хотя она пустовала. На своих сотках труженик мог построить только скворечник не более 20 квадратных метров, в нем нельзя было поставить печку. Все, что он вырастил и сама хибарка, считалось собственностью кооператива. Вся политика Коммунистической партии сводилась к тому, чтобы у человека-труженика не образовалось какой-либо собственности, кроме носильных вещей. Все это многими как-то забылось. Был полный запрет на свободное, критическое слово. Многие сейчас говорят: а зачем нам свобода слова, ею сыт не будешь! Справедливо. Свобода слова нужна тому, кто имеет что сказать, или

хотя бы тому, кто любит послушать свободное слово. Слишком многим в России это не нужно. Снова верят Зюганову, забыв, что Ленин и Сталин когда-то тоже обещали: крестьянам – землю, рабочим – заводы. Когда я вижу шествия анпиловцев, которые, как иконы, несут портреты кровавого Сталина, мне вспоминаются строки Некрасова:

Люди холопского звания
Сущие псы иногда:
чем тяжелей наказания,
тем им милей господя.

Идут люди холопского сознания».

Автор следующего письма – молодой человек, русский, приехал в Германию погостить и остался без разрешения, теперь прячется на чердаке у приятеля от немецкой полиции, боится, как бы на него не стукнул кто-нибудь из друзей закона. Видимо, от этого в его отношении к Европе, которую он называет «тетей», произошли большие перемены. Он перестал ее любить. «Тебя, – пишет, – съедают метастазы равнодушия, ханжества, стукачества, похоти. Посмотри на свои чада. У них есть все: деньги, квартиры, машины, биологически чистые продукты, а души нет. Зомби, а не люди. И счета, счета, счета. Да-да, ты, тетушка, умираешь!»

Это не мешает «племяннику» качать перед старушкой права. «В чем наша вина? – восклицает он, имея в виду таких ее гостей, как сам. – Почему нас хватают и распикивают по тюрьмам, где мы месяцами ожидаем высылки? Разве это не нарушение прав человека? Разве земля не создана для всех одинаковой? Почему туркам, грекам, итальянцам можно, а нам нельзя? Почему? Почему? Почему? Ответь мне, тетя!»

«Тетя» молчит, и он заходит с другой стороны, хочет разжалобить богатую стерву: «Я тебя не виню во всем. У тебя свои проблемы, мы тебя понимаем, родная, но и ты

нас пойми. Мы устали, мы хотим жить, как все». Европа и тут как воды в рот набрала (а немецкие стукачи неутомимы). Тогда он обращает свой взор на родину, на Россию. Да ведь она лучше Германии! В ней, в России, есть душа. В Германии и во всей объединенной Европе души, как было сказано выше, нет. «Больно ты нам нужна, старая рухлядь! Я свалю из твоего рая, прихватив с каминной полки пару подсвечников, – свалю домой. А ты оставайся, дрожи своими ревматозно-демократическими ножками. Мы приходим и уходим к себе в Азию – у нас веселее».

Ему может стать еще веселее, когда он узнает, что поносить Европу русские научились у нее самой. Она первая произнесла слова о своей дряхлости и бездушии, о скором своем закате. Это было очень-очень давно. У них же, у европейцев (конкретно – у немцев), русские научились любоваться своей нацией, возносить над всеми ее «кровь и почву». До немцев они просто не подозревали, что любовь к родине может быть специальностью. А когда узнали, то, не мудрствуя лукаво, стали повторять за немцами каждое любовное слово, только не о Германии, конечно, а о России. С тех пор так и ведется.

Пишет «беспартийный и безработный большевик»:

«Назовите мне хотя бы одну нормальную капиталистическую страну, где на экранах телевизоров рекламируются иностранные товары. Иностранные товары в магазинах там есть, но никто в Америке не решится рекламировать японские или немецкие машины или еще что-нибудь, включая женские гигиенические прокладки, как это у нас делается».

Большевик ошибается.

Во всех нормальных капиталистических странах товары рекламируются без оглядки на то, где они выпускаются. Каждый, кто может купить телевизионное время, будь он хоть марсианин, вправе рекламировать что угодно.

Все-таки загадочна душа современного русского боль-

шевика. Сразу не поймешь, что его больше задевает: то, что эти шгуки выпускает не Россия, или то, что их показывают на экране? Или и то, и другое? Ему бы вспомнить одно из гениальных указаний Великого Кормчего: неважно, какого цвета кошка, лишь бы мышей ловила, – и жить стало бы легче.

Из Москвы пишет господин Арефьев:

«Я глубоко возмущен организованной вами кампанией травли нашего мэра Ю. М. Лужкова, на котором вы обнаружили какие-то родимые пятна коммунизма, сославшись на какое-то, скорее всего вами же придуманное письмо радиослушателя».

Это он о письме господина Бубенцова из Калининграда, я читал его в одной из недавних передач.

«Почему это в Москве надо отменить прописку? – возмущается господин Арефьев. – По-моему, прописку нужно только ужесточить, впускать в столицу только командированных и по приглашениям родственников, утвержденным в префектуре: и так в Москве слишком много приезжих и лимиты. Исключение можно сделать только для жителей второй столицы – Петербурга, а остальные пускай живут в своих Саратовах, Тамбовах и колхозах, а в Москве им делать нечего».

Господин Арефьев продумал все подробности. Предусмотрел, например, и решение такой проблемы, как транзитные пассажиры. «Их впускать только на вокзалы и только при наличии билетов. Москва – столица государства, – объясняет он, – и режим проживания в ней должен быть особый. А Лужков много делает для города, наконец-то у него появился настоящий хозяин, он строит Храм, дороги, расселяет коммуналки. И никакой он не коммунист, это вы, оплевывая Лужкова, льете воду на мельницу красно-коричневых».

Каждый раз, когда в почте «Свободы» попадаете такое письмо, вспоминаю Александра Зиновьева, философа

и публициста – его мысль, по-моему, неверную, но понятно из чего возникшую. Это мысль о том, что в России всегда будет социализм-коммунизм, что все там будет по-коммунистически даже в том случае, когда всем будет приказано стать антикоммунистами или сами это решат. Когда Зиновьев это сказал, еще был СССР, была КПСС.

В общем, «попали мы в яму, как Жилин и Костылин», как написала слушательница Ножкина.

Москвич Владимир Алексеевич Чудов считает своевременным напомнить, что в войну были строевики и нестроевики: «Строевик на передке сам по себе, начальство создай, слушай его вполуха, а главное – старайся подловить и убить немца, прежде чем он тебя словит. Это воспитывало в характере самостоятельность, что слегка повышало шансы уцелеть. Для нестроевика же – немец далеко, а начальство – вот оно, нависло, грозит за любой промах на передок отправить, ему и надо угодить. Вот так и воспитывалась привычка к послушанию, покорности, конформизму. (Конформизм по-русски – приспособленчество). Деление на строевых и нестроевых условно, формально. Истинный водораздел – не сидение в окопе или блиндаже, пусть и на передке, а бегание в атаку. А теперь приглядитесь к ветеранам, дожившим до полувекового юбилея победы. По моим наблюдениям, на одного строевика приходится десяток нестроевиков, что и неудивительно. Пули да осколки щедрее шли строевым, ордена да медали – нестроевым. Раны и контузии не помогают долголетию. А уж нервы да хронические хвори от полевых неудобств несравнимы. Вглядитесь в советы ветеранов частей и соединений – там строевик вообще редкость. Вот и получилось, что большинство ветеранов – ретрограды. Чего от них ждать? Их просто жаль. Свобода им не впрок».

Ретроград – значит, воинственный приверженец несвободы, жестоких порядков, враг всяких новшеств.

Пишет чеченец Владимир Дадаев, который в качестве беженца проживает в Тирнаузе, Кабардино-Балкария, с семью детьми, приехал сюда из Урус-Мартановского района: «Боюсь, что нас потихоньку ведут к краю бездонной пропасти. У меня нет образования, всего средняя школа, всю жизнь работал на стройках по найму в России. Я не знаю, как ответить на вопросы, которые у меня есть. Кому была нужна эта война? Кто и зачем оставил в Чечне горы оружия, а войска вывел? Кто и зачем направил Дудаева в Чечню? Если бы у меня была возможность, я собрал бы всех здравомыслящих людей и сказал бы им: «Люди, что мы делаем, куда мы идем, давайте объединимся, иначе выйдем все, как динозавры!»

Владимир Дадаев пишет, как ему обидно знать, что таких, как он, неумные и нехорошие люди в России называют чурками, черномазыми, лицами кавказской национальности. Обида горячая, она подогревает его национальную гордость до кипения: «Да, я из тех чеченцев, которые за золото не пропустили Чингиз-хана на Грузию и воевали с Ордой 12 лет, защищая соседа, да, я из тех чеченцев, кто вел 26 лет войну с царизмом... Меня 300 лет татарин не топтал, в свои сорок лет я могу показать могилу восьмого прадеда».

Мелехина Юлия лишилась родителей в 1937 году – их расстреляли, была беспризорницей, много страдала всю жизнь из-за того, что считалась дочерью «врагов народа». Сейчас живет в Юрмале. Она считает, что если бы у людей не была такая короткая память, они бы меньше вздыхали и не произносили такие слова, как «обиженные русские» в бывших советских республиках. «Русских никто в шею не гонит, не заталкивает в теплушки, не увозят на медленную смерть и не расстреливают по дороге. Все получают пенсии, имеют жилье. Мне 76 лет, и я не могу забыть, как я, после расстрела родителей и всех родственников, скиталась по Средней Азии, а затем в китайских

бригадах ссыльных валила лес в Хабаровском крае за 200 километров от железной дороги с 40 по 46 год. Я ничего не знаю о войне, но знаю о лагерях и тюрьмах от Сахалина до Соловков. Я хочу сказать, что никто этот проклятый СССР не разваливал, а он развалился после того, как закрыли многие лагеря и ударные комсомольские стройки, возводившиеся руками заключенных. Если бы это чаще повторяли, то может быть у Зюганова было меньше сторонников. Но ничего, прошлое еще вернется, оно уже стучится в дверь, они его получают на свои головы. В Библии у Экклезиаста сказано: «Что было, то еще будет, но у людей нет памяти о том». Отбили память чекисты...»

Письмо из Швеции, из города Флен: «Зовут меня Сафар Льянов, я ингуш, родился в ссылке в Средней Азии, в 1955 году, всю свою жизнь прожил в городе Грозном, а свое 40-летие встретил в Швеции. В годовщину бойни в Чечне многое из пережитого тогда в Грозном всплыло в памяти. Там, под русскими бомбами и снарядами, я стал мусульманином. Свой первый в жизни намаз я совершил 20 января, в пятницу, когда пал президентский дворец. Я думаю, в России не будет мира и благополучия, пока она не повернется лицом к Богу и не откажется от зла. То, что сделала русская армия в Чечне зимой 1994-95 и в Ингушетии осенью 1992-го. Мне страшно за саму Россию. Зло, посеянное Россией в Чечне, в скором времени вернется бумерангом. Дело здесь в Божьих законах – законах справедливости. По-божески надо жить. Бог создал всех людей равными перед собой, и никто не имеет права навязывать свою волю другому, если он живет по законам Всевышнего. Мой дед по матери, бывший царский офицер Созерко Мальсагов, в 1925 году бежал из концлагеря на Соловках в Финляндию из большевистской России. Теперь, спустя 70 лет, в 1995 году, я, его внук, вынужден бежать уже из демократической России. Ничто не изменилось в этой стране: то же зло и та же ненависть».

Совсем иначе настроен Юрий Скоморовский. Если ингуш Лянов под влиянием того, что делается в России, принял мусульманство, то еврей Скоморовский – кажется, христианство, православие, хотя прямо он этого не говорит. Ему 50 лет, 27 из них он прожил в Сибири, работал токарем на заводе, с 18 лет жил по общежитиям, «как живет половина населения Сибири», – пишет он. Закончил университет, стал математиком. В 1978 году из протеста решил уехать в Израиль. Его не выпустили, по пятам стало ходить КГБ, с квалифицированной работы его прогнали, он стал дворником, скитался по стройкам. Этим положением он решил воспользоваться, чтобы понять, «где же я все-таки живу». Потихоньку он вернулся к работе по специальности, объездил всю страну, занимался туризмом и альпинизмом, даже танцевал в любительском балете. «За это время я понял, что люблю Россию и ее людей и что это взаимно. Поэтому я должен убрать все препятствия внутри себя на пути общения с ними». Препятствие, как выясняется из дальнейшего, было одно: ему казалось, что люди видят в нем еврея со всем дурным, что приписывается этой нации. К тому же, он, видимо, был верующим иудеем, если так можно понять его слова, что со своим национальным происхождением он связывал и свое «индивидуально-религиозное мироощущение». В конце-концов этот серьезный и пытливый человек решил поехать в Израиль и, наконец, разобраться во всем. «Мне это вполне удалось, – пишет он, – и когда я выполнил свою программу, то возвратился в Россию – так же сознательно, как уехал».

За одно это надо день и ночь благословлять российскую свободу, какая она ни есть, за одно это! Свобода не дает и не может, наверное, давать легкого разрешения всех затруднений, от которых мается человек, особенно в своей сокровенной жизни. Но без свободы и самого человека как человека нет.

В Израиле Юрий Скоморовский жил четыре года,

встречался с людьми из многих стран, был рабочим на стройке, гидом туристов, научным сотрудником в технологическом колледже, системным программистом в частной фирме. «Я жил там полноценной жизнью, – пишет он, – у меня было много друзей и товарищей, но такого контакта с людьми, который дают настоящие испытания, а не то, что происходит от скуки или в погоне за деньгами, не было ни с кем. Поэтому я окончательно убедился, что мое место в России».

В нескольких строках он излагает свое теперешнее понимание России: «Проблемы, стоящие перед Россией, еще не разрешил никто. Просто другие нации либо еще недостаточно развиты, чтобы их осознать, либо уже слишком хорошо живут, чтобы о них думать. Можно убеждать людей в превосходстве буржуазного обывательского образа жизни, но история и настоящее России не позволяют, не обманывая себя, сделать такой выбор. Сама жизнь заставляет людей думать «о вечном». В этом духовное превосходство русских, то есть, людей, живущих в России и внутренне связанных с нею, хотя и не их это заслуга».

С. Вишневская из Минеральных вод: «Вы только посмотрите, что сейчас творится. Я давно не была в Москве и Ленинграде. Говорят, что там много НЕРУСИ. Телевидение это подтверждает. Как проведут камерой – одни черные. Тоже скажете: ну, и что?»

Скажу, госпожа Вишневская, скажу.

«А вот мне, – пишет она, – не «ну и что?»! Кто отстоял Москву??? Сколько русских людей сгинуло в болотах, пока строили Петербург? А пользуется всем чернота. Разве мне не обидно как русскому человеку? Очень обидно. У нас на Кавминводах всё она заполонила. Их цель и задача – нас уничтожить. Сейчас пока подлизываются к нашим русским дуракам, ставят себя вежливыми, уважительными. А наши дураки рот открыли».

Много в таком духе.

«Я теперь поняла, кто такие демократы. Это вся нерусь, объединившаяся для того, чтобы стереть с лица земли Россию и русский народ. К этому все идет».

Сначала я хотел сказать С. Вишневской только одно: до тех пор, пока вы будете так настроены, не будет хорошей жизни ни России, ни вам, это правило, из которого нет исключений. А живет она плохо, бедно, боится нерусских соседей, хотя сама же говорит, что ничего дурного они ей не делают. Домовладение ее стоит на улице Интернациональной. Эта женщина считает себя верующей, православной христианкой. Их немало – людей, которые уверены, что быть православным – значит ненавидеть «нерусь» и «черноту». Помолитесь за эту женщину – может быть, ей станет легче.

В большом размашистом письме В. Ахвердян из Сухуми рассказывает нам, какая плохая жизнь в Соединенных Штатах Америки. Там он, правда, не был, но твердо знает: «Демократия и права человека не могут быть там, где главным является доллар и его идеология». Ставит задачу перед миром: «Уничтожить доллар и его идеологию». Может быть, господин Ахвердян знает и то, почему как раз в тех странах, которые он имеет в виду, самая большая продолжительность жизни, самое большое потребление мыла и горячей воды на душу населения, почему эти страны идут впереди всех по количеству изобретений и открытий, – может быть, он в следующем письме объяснит нам, почему это так.

За туманом

Январь-июль 1996

«Вы знаете, я терпел, сопел и кипел, как тульский самовар, но дальше уже не вмоготу, и я начал бороться в одиночку против этого вопиющего факта», – пишет Богдан Михайлович Д. из села Пидгородци Львовской области. Факт такой: все государственные служащие – от продавщицы в магазине до фельдшерицы приходят на работу и уходят когда хотят. «У нас здесь сатана так все напутал, что это дико, – пишет Богдан Михайлович. – Я уже никому и ничему не верю, кроме Бога, и буду действовать своими, жесткими, но честными, методами. Как сказал Володя Ульянов: мы пойдем другим путем».

Только бы не тем же самым, Богдан Михайлович, не тем же самым!

«Зря вы с таким пылом навязываете избирателям «демократию», которая уже в младенческом возрасте наводнила страну «новыми русскими». Умерьте пыл», – призывает меня Маргарита Федоровна Федорченко.

Это больше, пожалуй, относится к тем слушателям, которые пишут на «Свободу», что они против возвращения советской власти, – ну, да ладно, я действительно не осуждаю их пыл. Что дальше? Ну, перестанут они напоминать своим забывчивым соотечественникам, как в народе называлась колбаса по два двадцать (сопливой она называлась, потому что содержала много воды – воды и бумаги) – и что? Что они должны говорить вместо этого? Маргарита Федоровна приводит в своем письме слова кучера из одного бунинского рассказа: «Всякая власть – сволочь!» Не будем оспаривать классика!» – призывает она меня.

Во-первых: классика или все-таки кучера, который придет домой и, водя пальцем по строчкам святой книги,

будет с умилением читать, что всякая власть – от Бога? А во-вторых, – что, опять же, потом, когда мы в тысячный раз скажем, что всякая власть – сволочь?

«Неужто кто-нибудь вам поверит, – пишет Маргарита Федоровна далее, – что Россия и впрямь состоит из таких, что пишут на радио «Свобода»? Ведь давно известно: 90 процентов пишущих в газеты – люди нетерпимые, чаще всего с больной психикой. Подлинная Россия молчит, как молчит всякий нормальный человек, не зная еще, что думать, что делать. Это ведь, в широком смысле, земля, почва, которой только предстоит быть засеянной здоровым (здравым!) семенем, к чему она должна созреть, насилье тут бессмысленно, что и доказано десятилетиями социализма».

Большинство, конечно, молчит, Маргарита Федоровна, но те мнения и настроения, которые в письмах беспокойного, говорливого меньшинства, укоренены, по-моему, в этом большинстве, что подтверждает и специальное изучение, если не полагаться на обыкновенные литературские наблюдения. Да и вы сами – наглядный пример, ваше письмо не содержит и намека на больную психику.

Продолжая свое сравнение России с неспелой почвой, Маргарита Федоровна пишет, что российское начальство напрасно торопит свой народ в сторону Запада, внушает ему индивидуализм, собственничество, все то, что в словах: «Спасайся кто как может!»

«Идивидуализм, «дочка – дачка» никогда не были для россиян пределом мечтаний, – пишет она. – Люди не оттого, очертя голову, бросались «за туманом», что так скачала партия. Нет, дорогой Анатолий Иванович, существует нечто сугубо личное, созвучное коллективному, о чем приличные люди не склонны разлагольствоваться, а если вы не знаете, что есть это сугубо личное и в то же время общее, то мне вас искренне жаль».

Кажется, знаю, Маргарита Федоровна, сам вдоволь наездился «за туманом, да за запахом тайги», но известно

и другое об этом свойстве нашей души. Очень уж туго был всегда спеленат россиянин, мало к чему позволялось ему приложить руки, ум да предприимчивость. Вот и тянуло его куда глаза глядят, лишь бы посевнее-повосточнее. Он уходил не только от скуки накопительства, но и оттого, что ничего не удавалось накопить, сколько ни старайся. Он рвался вперед и выше не только ради Родины, но и от Родины – из-под ее цепкой руки.

Как бы то ни было, я не вижу ни одного признака, что российская власть подгоняет население в новую, несоциалистическую, жизнь, внушает ему ценности собственничества. Наоборот! Российская власть – одна из самых медлительных в бывшем социалистическом лагере, отчего как раз все трудности и мучения людей. Это сейчас признает и Егор Гайдар, который в 1992 году, когда ему говорили: «Быстрее, быстрее!», отвечал, что быстро только кошки рожают. Посмотрите хотя бы на государственный сектор российского хозяйства – какой он все еще огромный, какая масса чиновничества в нем, на нем, под ним и вокруг него, как эта сплотка объедает и грабит частного, вынуждая его ловчить до потери человеческого образа...

В предыдущих передачах я читал письма людей, которые возмущаются теми, кто голосуют за коммунистов в уверенности, что те вернут им колбасу по два двадцать, и не помнят, что ездить за той колбасой им приходилось из Курска в Москву.

«Этот ваш довод, уверяю вас, давно не работает, – пишет мне Маргарита Федоровна, – потому что искалеченные судьбы и цинковые гробы наших, в том числе и чеченских, мальчиков несопоставимы с пустыми прилавками и колбасой по два двадцать».

Вы хотите сказать, Маргарита Федоровна, если я правильно понял, – были пустые прилавки, зато не было войны.

Вот что делается с памятью людей... Скажи мне кто-нибудь еще пару лет назад, что так будет, не поверил бы.

Во времена пустых прилавков и колбасы по два двадцать Советский Союз стирал с лица земли Афганистан, цинковые гробы оттуда – «груз двести» – доставляли самолетами, их называли «Черными тюльпанами» – и вот все это забыто, забито несытой злобой дня.

Мальчиков, о которых вы пишете, я видел в Чечне до положения в цинковые гробы: это был ряд серебристых конвертов на полу пожарки, приспособленной под морг. Глядя на эти конверты, я думал – да, Маргарита Федоровна! – о русской почве, которая все спеет, спеет и никак не доспеет. Достаточно было бы зимой 1995 года ста тысячам в Москве – в одной только Москве – выйти с протестом против войны, которую Ельцин начал, как теперь сам говорит, по ошибке, и мальчики были бы живы. На антивоенные митинги, которые сегодня пытается созывать демократическая оппозиция, приходят по тысяче-две, – на митинги, которых никто не разгоняет.

Точке зрения, с которой смотрит на российскую жизнь Маргарита Федоровна, не один век, – что русский человек по натуре не частник, а общинник, коллективист, вот всякие немцы – те частники, почему они и хуже русских. У Владимира Ильича Ленина есть одна работа, которая, видимо, останется. Вы догадались – «Развитие капитализма в России». В тот самый момент, когда все лучшие сыны России доказывали, что капитализм не для нее, что русский человек слишком возвышен, чтобы денно и нощно думать о наживе, – Ленин в ссылке зарылся в статистику и доложил им: пока вы разговариваете свои разговоры, капитализм уже шагает по России, даже по деревенской.

В писании сказано: бык жиреет от взгляда хозяина – хозяина, а не трудового коллектива, воодушевленного историческими решениями надцатого съезда партии. Русский человек, конечно, весьма своеобразен, но бык, по моим наблюдениям, в России устроен так же, Маргарита Федоровна Федорченко, как и в Америке. Так что русскому все равно ничего не останется, как выбирать – или

добрый кусок говядины с костью в борще, или взятый с бою кусок колбасы за два двадцать.

Разговор об этих вещах сегодня сильно затруднен. Раз ты говоришь что-то плохое о коммунистическом прошлом, тебя, не дослушав, понимают так, что ты восхваляешь настоящее с его «дерьмократией», «прихватизацией», ельцинским «наведением конституционного порядка» на Кавказе, порнухой и т.д.

«У нас любят, – пишет Алия Чумаева, фармацевт из Луганска, – или все хвалить, или все в грязь топтать».

В полном соответствии с этим правилом, она хвалит все, что было при советской власти, и ругает все, что сейчас.

«Людам все равно, кто у власти, – пишет она, – коммунисты или националисты. Обывателю нужна квартира, кушать и медицинское обслуживание. А вот высокие идеи – это по части журналистов». Алия объясняет, в чем тут дело: «Свобода, демократия – это для людей, обладающих самоконтролем. А если свобода и демократия вызволила из человека все его первобытные инстинкты, – это не свобода, это бардак». Дальше – на первый взгляд неожиданные слова: «Извините, если что не так. Скорее всего, мое письмо вам не понравится. Оно в защиту коммунистов».

Мне ваше письмо не просто нравится, Алия Чумаева, я скоро полюблю такие, а когда их не станет – будет же и такое время! – мне их будет не хватать, как не хватает живущему вдали от родины ее картин и примет. Кое в чем я с вами даже согласен – в том, например, что демократия – это плохо потому, что до нее многие не дозрели. Только как быть с людьми, для которых демократия – это хорошо, потому что они до нее дозрели и не могут без нее полностью раскрыть себя?

Такие письма замечательны тем, что в них одно слово противоречит другому, то же и с чувствами, а все вместе

– целно и понятно. «Развал Союза – это трагедия, – пишет Алия. – Вы думаете, простой народ говорит за это спасибо нашим царям? Они одурачили народ и втроем развалили Союз». Такие три богатыря: взялись втроем, поднатужились и развалили Союз Советских Социалистических республик. Человек, который так рассуждает, должен, казалось бы, стоять на очень почтительном расстоянии от коммунистов, до сих пор отводивших отнюдь не такую большую роль личности в истории, а госпожа Чумаева – за них, с ними.

Между прочим, про трех богатырей, которые развалили Советский Союз, говорится на второй странице этого письма, а на третьей – его, оказывается, развалили коммунисты плюс демократы. Коммунистов Алия приветствует, а их соучастников клеймит. Как же это возможно – за одно групповое преступление одних казнить, а других не просто миловать, но награждать? А вот так и возможно. Это сегодня состояние того пространства, на котором располагался Советский Союз.

Владимир Орлов считает, что людям, чьи глаза устроены так, что не замечают разницы между тем, что представляет собою двор колхозника и что – колхозный двор, я напрасно не задаю вопросов, которые могли бы заставить их хоть чуть-чуть подумать. Он предлагает такие вопросы.

«Коммунистическая идея была хорошей в чем, когда и для кого?»

Ну, для них, господин, Орлов нет более легкого, более желанного вопроса, не хочу даже останавливаться на нем.

Второй вопрос Владимира Орлова: «Почему форпост коммунизма Куба и Северная Корея все еще далеки от процветания?»

И на этот вопрос, господин Орлов, у них есть ответ: мешают враги, внешние и внутренние, на то и классовая борьба.

И с третьим вашим вопросом, Владимир Орлов, они справятся играючи. «Почему Голландия, Швеция, Швейцария, Германия имеют самый высокий уровень жизни? – предлагаете вы спросить их. – Может, они уже построили коммунизм-то? Или владеют богатыми колониями и живут за счет их?» «Нет, – ответят вам, – но если бы они шли по советскому пути, то жилось бы им еще лучше».

У них на все вопросы есть ответы, даже и на главный: почему двуногие созданы такими, что все свое у человека в порядке, а все общее – не совсем. У нас с вами нет ответа на этот вопрос. Мы считаем, что и быть его не может, а они своими ответами заполнили целые тома. Кто глупее, отвечает: это ошибка природы, но ее можно исправить, что является целью-задачей коммунистов. Кто поумнее, говорят, что так сложилось не от природы, а от истории, но она ведет к тому, что эта ошибка будет исправлена. Все, что должны коммунисты, – маленько ускорить дело, поспособствовать истории. Мне, короче, кажется, Владимир Орлов, что, когда эти люди рвутся в словесный бой, не надо его принимать, – это бесполезно, их никто никогда не переговорит. Лучше заняться собою – себе, а не им, лишний раз напомнить, в чем разница между коммунизмом и обыкновенным, демократическим умонастроением.

Мы с вами говорим: есть бедные и есть богатые. Люди неравны от Бога. Один сильный, другой слабый, кто-то умнее, кто-то глупее, одному везет, другому не очень. Чтобы лучше стало тем и тем, нужно больше свободы всем. Коммунисты в наше предложение: «есть бедные и есть богатые» вставляют только одно слово, но такое, которое все меняет – и меняет так, что обязательно льется кровь и хуже становится всем, даже им самим. Нередко – в первую очередь им. Это слово – «потому». Они говорят: есть бедные, потому что есть богатые. Отсюда программа их действий: чтобы лучше стало бедным, надо всех поровнять, свести под одно, как говорил в прошлом веке писа-

тель Глеб Успенский, с ужасом предвидя приход социализма.

Чтобы убедиться, что это не так, что между нищетой одних и богатством других нет связи, достаточно, кажется, спокойно оглядеться и подумать, а сейчас и на недавний опыт можно сослаться. Вот уже почти сто лет (хотя опыты ставились и тысячу лет назад) всюду, где уравнивают бедных и богатых, вторые действительно беднеют, но первые не богатеют. Но коммунисты стоят на своем: бедные есть потому, что есть богатые. Почему им хоть кол на голове теши? Ответ давно дан. Потому что их терзает зависть – тем более жгучая, чем труднее жизнь.

Лучших, но не самых умных из них, терзает, правда, не зависть, а сочувствие к бедным... И замешанная на этом сочувствии одна мысль. Они уверены, что все недостатки общественного устройства можно устранить, и тогда оно станет безукоризненным – и все блага польются широким потоком, и будет каждому по потребностям.

Этой мыслью – что все недостатки общественного устройства можно устранить, причем, быстро, лишь бы захотела власть, которая как раз и обязана это делать, глубочайшей убежденностью, что во всякой трудности жизни кто-то виноват и что остановка только за тем, чтобы найти и прижучить негодяя, а искать и прижучивать должна, опять же, власть, – этим проникнуты все, без исключения, письма людей, которые собираются голосовать за «краснокарих» (выражение из письма Владимира Орлова).

Валентина Ивановна Родионова долго жила в городе, потом переселилась в село. Пишет: «Помню, наши писатели писали, что Россия будет держаться деревенским жителем. Какая чушь собачья! Господи, да видели бы вы, как живут в этом хуторе, где я уже пять лет. Мужики поголовно пьяницы. Разговаривают только матом, даже не ругаясь, и взрослые, и дети. За то время, что я здесь живу, в одной семье сын убил отца (отрубил ему голову).

Сам повесился. Через два месяца повесился его брат. Нет семьи. Осталась мать с еще одним сыном. Не проходит года – она уже замужем за молодым мужиком-пьяницей. Ну, что это? В другой семье сыновья, после великой пьянки, берут отца за руки, за ноги, раскачали и бросили через забор. Не прожив недели, умер. Еще в одной семье мать пожаловалась сыновьям, что ее обижает их отец. Взяли, поколотили его. Он лег на диванчик под сарай и тоже вскорости отдал Богу душу. Рядом со мной жила бабушка, так у нее муж и сын повесились. У злой, скандальной, не старой еще бабы муж повесился, недавно застрелился молодой мужик. И это не весь перечень. А хутор наш – не более 30 дворов. Несколько мужиков живут без семей и дошли до одичания. Так кем эта наша Россия будет возрождаться? Какими силами? Да меня ужас одолевает».

Пишет Евгений Александрович Новиков из села Нурадилова Хасавюртовского района в Дагестане, это рядом с Чечней, я там, кстати, был.

«Здравствуйте, работники «Свободы». Я живу среди аварцев, даргинцев, лезгинцев, чеченцев, всего вокруг меня 14-15 национальностей. Как говорится, среди всех есть и хорошие, и плохие, в семье не без урода. Сам я русский, но скажу откровенно: хотелось бы мне быть именно чеченцем. Это народ особый. Если взять в процентном отношении, то я могу смело сказать, что 90-95 процентов из них – люди положительные. Чеченец никогда не поступит подло в отношении друга. Что пообещал, сделает. Если не может сделать, не будет обещать. Он смелый, гордый, гостеприимен. Это народ трудолюбивый. А как они чтят своих родителей, нам, русским, это и не снилось! У моего соседа тетя была – одинокая больная женщина. Он так с нею носился, как не всякий сын будет носиться с матерью. Опять скажу: чеченцы – это народ особый, среди них жить – одно удовольствие, вам это скажут русские, которые проживают в горах среди них, – учителя, врачи. Если

у тебя в доме кончилась мука, сосед чеченец поделится с тобою своей, если у него есть корова, а у тебя, у русского, нет, он будет делиться с тобою молоком, приговаривая, как мой сосед: надо, надо делиться. И что же делает Россия с этим народом! Я считаю, что наши внуки нам этого не простят. Ведь этот народ ничего особенного не хочет – только свободы и независимости. Ну, почему мы не можем жить с ними как хорошие соседи? Нам, русским, надо лучше в себе разобраться, мы сами себя не любим и не уважаем. Я вижу, как над этим народом издеваются. Правда, не все, есть среди нас и сочувствующие ему. Мне даже бывает стыдно, что я русский. Как же мне жить среди них, какими глазами смотреть им в лицо? Очень хотелось бы через радио «Свобода» выразить им сочувствие и от души перед этим народом извиниться. Если брать на одну сторону хорошее, а на другую – плохое, то уверяю вас: на плохой стороне почти ничего не будет, а все будет на хорошей. Мы, русские, причинили им столько вреда и продолжаем причинять, а они к нам, проживающим среди них, относятся хорошо. Мне хотелось бы, чтобы меня поняли. Уж, наверное, так во всем мире. Религию не любим, если она лучше твоей. Соседа не любим, если он лучше тебя. Нацию не любим, если она лучше твоей».

Я не возьмусь полностью подтвердить только одно место в письме господина Новикова – где он говорит, что чеченский народ хочет жить вне России. Хочет, но не весь, даже сейчас, когда Чечня разрушена российской армией. Не весь. После распада СССР это стало одной из причин внутреннего напряжения в Чечне. Кроме того, война причинила уже столько беды чеченцам, что многие из них сегодня хотят мира больше, чем независимости, просто от усталости, оттого, что им уже невыносимо видеть, как дрожат и синеют маленькие дети во время воздушных налетов и артобстрелов.

«Я трудно выдавливал это письмо, как засохшую пасту

из тюбика», – пишет бывший летчик Гилев из Кишинева. – Сковывает бесполезность этого письма».

Это настроение очень многих людей из бывшего Советского Союза. То, что письмо в редакцию о состоянии молдавского законодательства (господин Гилев пишет о молдавском – что оно строится по советским образцам, «от дикости которых в недалеком прошлом цепенел цивилизованный мир», другие пишут о российском, белорусском) – то, что письмо о молдавском, российском или белорусском законодательстве в какую-нибудь редакцию не приводит к немедленному и коренному улучшению его, одних сковывает, других ожесточает, иные впадают в ярость.

В свое время я был обязан объясняться с такими людьми. Спрашиваешь: «Ну, как вы себе это представляете чисто практически. Вот написали вы в газету, что колхозный устав, по вашему мнению, никуда не годится. Что должна сделать газета, чтобы вы на нее не обижались, а не обидитесь вы, как следует из ваших слов, только в том случае, если в считанные дни будет принят новый устав?» – «Не могу, – отвечает, – сказать, что должна сделать ваша газета и другие органы, – знаю только одно: раз устав не годится, о чем я указал в своем письме, он должен быть изменен, а иначе зачем вы печатаете свою газету?»

Это состояние людей, «красные» они или «белые» – все равно, выросших в несвободных обществах, с молоком матери впитавших ленинское положение, что газета должна быть не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и организатором. Этого подхода не понимают в свободных обществах. Газета – это кладезь новостей, сведений и мнений. Не больше и не меньше. Она не может подменять собою правительство или какое-либо из государственных и общественных учреждений и пусть не вздумает заниматься агитацией и пропагандой – ее перестанут читать и пойдет по миру.

«Слушая вас и ваших коллег, – пишет господин Гилев,

– я понял, что на «Свободе» нет профессионалов пропаганды. (Верно, вот уж кого не держим). Думаю, что коммунисты в России победят потому, что из рук вон плохо ведется антикоммунистическая пропаганда, в том числе и радиостанцией «Свобода». Ни у кого не хватает ума для эффективной, отрезвляющей, вразумляющей народ антикоммунистической пропаганды (ее никогда нигде и не было, господин Гилев, сами эти слова выдумали коммунисты). А уж в коммунистах можно не сомневаться, – продолжает он, на сей раз, по-моему, совершенно верно, – дорвавшись до власти, они еще не одни салазки загнут этому ими же лишенному разуму народу».

Спасибо, господин Гилев за признание, пусть невольное, главного достоинства радиостанции «Свобода» – она, повторяю, действительно не занимается пропагандой и не должна заниматься, в этом смысле она обычная западная радиостанция, ее дело – распространять по возможности полные и точные сведения о том, что происходит в мире. Ваше письмо послужило мне большим утешением. Недавно один член зюгановской партии с неподдельным уважением написал мне, что я исключительно талантливейший пропагандист. Я готов был сквозь землю провалиться.

Василий Андреевич Кожевников из Ижевска: «Что такое американская демократия, свобода, никак не могу понять. Для кого свобода в Америке? Американцы боятся говорить о политике даже на кухнях: а вдруг их мысли узнает ФБР или хозяин (шеф) – тогда человек лишится работы или его убьют хозяйские молодчики. Потому и висят в США повсюду полосатые флаги. Люди боятся: нет флага, а кто ты такой?»

Естественно, Василий Андреевич Кожевников, по его словам, «не хотел бы жить в этой американской свободе с цепями на руках. Это хуже, чем сталинский Гулаг». Особенно ему не нравится то, что в Америке не социализм, а значит, по его сведениям, нищета. «Я против капи-

тализма и против американской свободы быть нищим», – пишет он. Хотя и в России, в Ижевске, ему несладко: «Я рабочий, при коммунистах ел хлеб и колбасу, была работа. Теперь колбасу вижу только на витринах магазинов. Работы нет, денег нет, даром дадут только по шее».

Америка, уточняет он в другом месте, страна не только нищих, но и рабов.

Если бы Василий Андреевич чуточку помедлил, прежде чем закрепитесь на выводе, что в Техасе народ живет хуже, чем в Удмуртии, то ему за глаза хватило бы и тех сведений, что у него наверняка есть. Он, например, не может не знать, что в России люди предпочитают хранить свои деньги в американских долларах – разве этого недостаточно, чтобы понять, какая это благополучная страна? Он скорее всего знает и то, что в Америку стремятся люди со всего света, и так уже 200 лет, нет отбоя, желающих все больше, так что власти вынуждены теперь не пускать всех подряд, а из Америки из-за бедности не уезжает никто.

Я замечаю, что враждебность к Западу, к западной демократии, особенно к американской жизни испытывают те люди в России, которым особенно плохо живется у себя на родине. Прямая связь. Люди это, в основном, рядовые и, что еще я заметил, – рабочие. Недовольство собственной жизнью, собственной землей, ее порядками и начальством переносится на землю, которая за три моря, которую человек никогда не видел.

Василий Андреевич сведения о Соединенных Штатах Америки, об американском образе жизни черпает не откуда-нибудь, а из российского телевидения и радио. Он пишет:

«Телевидение ОРТ, «Радио России» усиленно пропагандируют американский образ жизни. И что мы видим на экранах днем и ночью? Сборище «клипов» (это даже не кино!) с насилием, убийствами, наркоманией, развратом, проституцией. Жестокое отношение к женщине, к просто-

му человеку: хозяин и раб, господин и слуга. Для кого создаются эти фильмы об американском образе жизни? Сплошная пустота мысли: погони, стрельбы, катастрофы».

Василий Андреевич, эти картины – не об американском образе жизни. Жизнь в Америке совсем не такая. Вы помните картины наподобие «Свинарки и пастуха» или «Кубанских казаков»? Можете ли вы сказать, положив руку на сердце, что в них показывалось не что иное, как советский образ жизни? Или спросите кого-нибудь из еще живущих фронтовиков-окопников: похожа ли та военная жизнь, которую показывали в брежневское время, на ту, которую помнят эти люди? Те западные картины, которые идут по российскому телевидению, называются боевиками, детективами, фильмами ужасов, молодежь говорит: «ужастик» или «страшилка». Это особые сказки, они делаются по особым правилам. В детективе обязательно все должно вертеться вокруг загадочного убийства, в боевике должны быть всевозможные приключения со стрельбой, погонями, в «страшилке» обязательно должны быть какие-нибудь чудища – вспомните Кощея Бессмертного. Как и вы, я не люблю эти картины, мне скучны эти современные сказки, я, как и вы, с удовольствием вспоминаю сказки своего детства, но ради справедливости опять же должен вам напомнить, сколько насилия, обмана, коварства и прочего зла в этих сказках – и все благополучно кончается, так же как и в этих кинокартинах, которые вы приняли по доверчивости за картины американской жизни. Мать с ребенком запечатывают в бочку, дракон пожирает девиц – черт знает что творится в том, таком очаровательном мире сказки нашего с вами детства. К тому миру разве нельзя отнести ваши слова: сплошная чернуха и порнуха?

Вы пишете: «Есть же в Америке умные люди, неужели и они смотрят эту американскую белиберду? Почему молчат, если в США свобода слова и мысли?» Умные люди

в Америке есть, Василий Андреевич, но даже и они иногда смотрят эту белиберду – для развлечения, для отдыха, так уж устроен человек. Да и вы ведь её смотрите, не так ли? Конечно, россиянам не везет: они могут смотреть только две-три программы телевидения, а в Америке их десятки, кто хочет, может с белиберды переключиться на что-нибудь такое, к чему не придрался бы и покойный Михаил Андреевич Суслов. А скоро число программ вырастет до 500, – и если вы любите смотреть, к примеру, только рыбную ловлю, – она будет перед вами на экране 24 часа в сутки, Василий Андреевич. Американцы предпочитают этот путь. Они считают, что человек имеет право смотреть то, что ему нравится, а не то, что ему предпишут смотреть пусть и самые умные и просвещенные его соотечественники. Дело не в том, чтобы не дать человеку смотреть белиберду, а в том, чтобы он мог свободно выбирать то, что ему больше нравится.

Ну, а что касается того, как ведут себя американцы не в этих телевизионных сказках, а в настоящей своей жизни, то, например, супружеских измен в Америке, как свидетельствуют знающие люди, намного меньше, чем в России, хотя американские условия не сравнить с российскими: людям есть где встречаться и есть на что встречаться. Одна русская мне там смешно рассказывала год назад, какие странные люди – американские мужики. Если он женатый и влюбился в другую, он разводится с женою и вступает во второй брак. «Все тут хорошо, – говорила она, – но мало свободных мужиков». Свободных внутренне, уточняла она с видом превосходства, – мужик в Америке связан своей верой в Бога, мнением окружающих, верностью супруге, долгом перед семьей, чувством приличия. Рассказывала мне, как влипала, бывало, в первые годы своей жизни в Америке. Завела приятеля, провела с ним две-три ночи – пора и честь знать, искать другого, а он, оказывается, уже супруге сообщил, уже собирается разводиться, заводить новую семью – это же, смеялась

она, сколько я должна семей заводить, если идти каждому навстречу, чтобы у него совесть была чиста! Трудно с ними, это вам любая русская тут скажет». Это было в Бостоне, рассказчицей была женщина тридцати с небольшим лет, рослая, дородная, русская красавица с еврейской черниной, большая мастерица по мгновенному переводу с русского на английский. «Наладилась бы жизнь в России, так вернулась бы, – говорит, – без раздумий». А раздумавши немножко, должна была все-таки добавить, Василий Андреевич, что это, наверное, связано: благополучие и страх Божий в народе. Чем больше страха Божия, тем больше свободы. Не как-нибудь, Василий Андреевич, а именем Бога американская Конституция уже двести лет запрещает такие порядки, при которых одни люди могли бы решать за других, что им можно читать, смотреть и слушать, а что нельзя. А где больше свободы, там и жизнь сытнее и чище.

Если судить по почте, больше всего противников свободы среди простых людей, хотя, может быть, это так только кажется, потому что они в своих письмах подчеркивают: я рабочий, я рабочая. Но с другой стороны, самые большие друзья свободы тоже среди простых людей. Во всяком случае, они пишут о ней лучше всех.

Тайные хозяева

Август-декабрь 1996

Юрий Михайлович Сумской: «Убежденный коммунист, я постоянно спорю с вами. При этом, как в шахматной игре, приходится искать не только лучшие ходы, но и сильнейшие возражения. К сожалению, все эти споры заканчиваются моей убедительной победой».

Почему «к сожалению», Юрий Михайлович? Еще никто не написал мне, что под влиянием моих передач ушел из коммунизма в демократию.

Чтобы победить меня окончательно и бесповоротно, автору этого письма, по его словам, осталось задать мне пару вопросов.

«Не представляю себе, как вы сможете оспорить мое утверждение, что общество за последние 10 лет нахлебалось «свободы» до рвоты и приход коммунистов неизбежен».

Ничего не могу вам возразить вам, Юрий Михайлович, тем более, что слово «свобода» вы взяли в кавычки.

Затем он спрашивает меня, как я, который сам жил «в нашей советской действительности», могу «повторять сказку о пустых прилавках в советское время». «Во-первых, пустые прилавки были не всегда, – пишет он. – Во-вторых, в 80-е годы пустота была создана искусственно». Эпохой наполненных прилавков он называет 70-е годы. В те годы, Юрий Михайлович, я жил в Москве, много ездил по стране, хорошо зарабатывал. Дышать было нечем, но месячного заработка могло хватить на десяток неплохих костюмов. Тем не менее, я годами ходил в одном 70-рублевом. Объяснял свое поведение так: «Закон советского снабжения гласит: того, что тебе нужно, там, где тебе нужно и тогда, когда тебе нужно, не бывает и быть не может. В Советском Союзе покупатель – это профессия,

а у меня профессия другая. Я не имею ни времени, ни способностей их совмещать».

В те же годы мы как раз грызли подпольную и запрещенную, что не одно и то же, экономическую науку. Хотелось понять, почему, например, советский трактор в три раза тяжелее американского. Ну, и почему за всю историю СССР только во время нэпа были более-менее наполнены прилавки. Только в то время, Юрий Михайлович, и ни в какое другое – можно проверить даже по советской статистике. С чувством первооткрывателей мы узнавали в ходе наших штудий, что капитализм создает вечные трудности со сбытом, социализм – со снабжением. Трудности со сбытом, которые испытывает заинтересованный в прибыли частник, заставляют его улучшать производство, отсюда – прогресс науки и техники, а трудности со снабжением (бери, что дают) наоборот, порождают бесхозяйственность и в конце-концов взрывают страну изнутри.

Советский опыт, узнавали мы, это показал уже в 1918 году, и тогда же был обобщен в науке, – да, Юрий Михайлович, уже в 1918 году наука описала то, что вы увидели в 1991-ом, да не поверили своим глазам. При капитализме – кризисы сбыта, при социализме – кризисы снабжения. Кризисы сбыта – это движение, это жизнь. Кризисы снабжения – это застой, это трактор, на который страна победившего социализма расходует в три раза больше металла, чем американцы, это смерть. Я готов уступить вам, Юрий Михайлович, словесную победу без всякой борьбы, но что это изменит в том факте, что частная собственность всегда и везде превосходит любую несчастную? Пример, который должен быть вам ближе других: советские воздушные порты и западные. Сразу видно, что в одном случае вы имеете дело с Аэрофлотом – государственной компанией, которая никогда не может разориться, а в другом – с тьмой частных, которые лезут из кожи вон, чтобы угодить пассажиру, поскольку над каждой из них, как дамоклов меч, висит угроза разорения.

Юрий Михайлович по профессии летчик, 12 лет, вплоть до 1991 года работал в подразделении гражданской авиации заместителем командира по политической части – замполитом. «Были моменты, – признается он, – когда приходилось приглушать голос совести. Например, мне тошно было объяснять людям, почему на праздничную демонстрацию должны прийти все свободные от полетов, почему в форме, почему без жен и детей. Или вот когда приходилось готовить командиру два взаимоисключающих варианта выступления на каком-нибудь совещании в верхах, чтобы он затем сориентировался по обстановке, ибо от них, от верхов, зависело распределение ресурсов, в первую очередь топлива и таким образом – благополучие коллектива».

Этими простыми словами вы, Юрий Михайлович, против своей воли сказали о социализме, по существу, все. Я не смог бы лучше ответить вам на ваш главный вопрос: как я, по вашим словам, не глупый человек, могу быть против социализма? Да вот так. Потому что это общество, в котором ресурсы не продаются-покупаются, а распределяются начальством: послушным – больше, строптивым – меньше или ничего. Следовательно, это общество, которое само зачинает и выращивает своего могильщика – бесхозяйственность. Это, наконец, такое общество, в котором вы 12 лет подряд получали хорошие деньги, имели власть, привилегии и почет только за то, что организовывали верноподданнические демонстрации, писали такие же речи для вышестоящих товарищей, следили за тем, чтобы летчики и бортпроводницы не позволяли себе лишнего, паче всего – инакомыслия.

«Я человек молодой, но советскую жизнь застал, – пишет Сергей Гайдадин. – Хорошо помню, чем люди хвалились: «Ничего не делаю, двести рублей заколачиваю. Красота». Особенно хорошо было тем, кто находился ближе к выдаче: к мясокомбинату, хлебозаводу, кондитерской

фабрике. Одна женщина мне прямо сказала, что при коммунистах ей хорошо жилось, так как ее дочь работала на мясокомбинате и колбасу по рублю брала без проблем, и весь подъезд ей кланялся. Так жили миллионы, но это не могло продолжаться бесконечно: эти люди выжали из страны все, что было можно».

Сергей Анатольевич не стал полагаться на специалистов – он решил сам изучить людей, которые своим голосованием в июне могут изменить судьбу России.

«После успеха коммунистов на думских выборах у меня возникло сильное недоумение: как, почему, откуда столько? Я решил пообщаться с этими людьми. По утрам хожу за молоком на рынок, и там постоянно идут политические разговоры. Ведут их, в основном, люди коммунистического воспитания. Но как ведут? Они, как правило, плохо говорят и не умеют слушать. Лучше у них получается размахивать руками. Поразительно, что они сами не понимают смысла своих слов. Кричат: «При коммунистах было хорошо!» Говоришь им: «Как же хорошо, если слова своего не скажи, дела своего не заведи, за границу глазом не смотри?» Отвечают: «У нас тогда все было». – «Что – всё?» – «Да всё!». Обращаешься к ним как можно душевнее: «Вы в своем уме, люди? Неужели забыли, как за коробкой конфет к празднику или для взятки чиновнице ходили к знакомому продавцу? А за курицей для попавшей в больницу мамы – в село, к родственнику. За сапогами для жены – в Москву на «колбасном» поезде или на рынок, но втридорога». В ответ ругаются: «Ты вор, тебе хорошо, а мы брошенные, никто о нас не думает». – «Что, коммунисты о вас подумают? Так ведь они уже были у власти 70 с лишним лет. Времени им не хватило, чтобы о вас подумать?» – «Нет, – говорят, – наши коммунисты теперь хорошие». – «Непонятно, – говорю, – когда они успели народиться?» В ответ: «Брежнев, много начитался!» – «А зачем, – спрашиваю их, – ваши большевики Храм Христа разрушили?» Отворачиваются, молчат. «А зачем

столько народу погубили в лагерях?» На это у них ответ есть, оживляются: сажали, мол, врагов и предателей. «У вас в роду такие были?» Нет, говорят. «А сидевшие были?» – «Ну, были». – «И вон у того, – говорю, – дедули были, но врагов, скажет он, не было, и это верно, но тогда откуда же они взялись – миллионы врагов?»

Тяжело говорить с этими людьми. Удивляюсь, сколько злобы в них. Слышится одно и то же: «Вот наши придут – всех пересажаяют!» Эти картины надо снимать для вечности. Старички, с которых порох сыплется, грозятся перестрелять несогласных с ними. Я на них смотрю и думаю: наверное, у них есть этот опыт – посадок, расстрелов...»

Сергей Гайдадин задает вопрос, который мне бы не пришел в голову:

«Почему им не жаль свое потомство? Ведь никто из нас, молодых, не хочет коммунизма. А еще говорят, что любят своих детей, все лучшее – детям. Обманывают, лукавят».

Когда я дошел, Сергей, до этого вашего слова: «лукавят», то вспомнил того бывшего замполита, который написал, что он все время мысленно со мной сражается и неизменно выходит победителем. Он хороший, видно, человек. Помните? – признается, как ему стыдно было врать себе и людям, унижать их от имени партии и правительства, стелиться перед начальством. Но даже такой совестливый человек, судя по его письму, не сознает, что при коммунизме и благодаря коммунизму, он был самым настоящим эксплуататором и что по одной этой причине не ему бы сейчас спорить с противниками любезного ему строя.

«Иногда мне кажется, что надо все-таки дать большевикам порулить, – пишет Гайдадин. – Они быстро опозорятся, нефтяных рек и ГУЛАГов в их распоряжении больше не будет. И тогда, возможно, их избиратели прозреют. Но с другой стороны: зачем второй раз наступать на те же грабли?»

Григорий Степанович Леонтьев из Челябинской области: «Послушаешь прочитанные вами письма и становится так тошно, что спать невозможно. В них все наши нелепые надежды и вся тупость нашего ума, наше стадное мышление».

Свою жизнь до 1991 года он называет «плакатным кошмаром», который «затуманил мозги и душу», описание этого он нашел в стихах Анны Барковой, которая почти всю свою взрослую жизнь провела в тюрьмах и лагерях при Сталине, Хрущеве и Брежнев.

Веду классовую борьбу,
Молюсь на фабричную трубу.
Бубубу, бубубу.
Я давно уже в бреду
и все еще чего-то жду
у-у-у.

«Уж так устроена память советского человека, что он помнит только то, что ему разрешалось помнить, пока он живет. Поэтому пожилые люди уже забыли, что их детям не разрешалось знать о событиях той поры, когда они, их родители, были молодыми».

Григорий Степанович три года назад провел много зимних часов за чтением Ленина. Пишет: «Один мой знакомый сказал так: надо быть чокнутым, чтобы его читать. Действительно, можно было чокнуться, переваривая ту ненависть к человеческой личности, которой проникнуты все ленинские страницы». Он выписал слова, которыми Ильич обозначает героя своей знаменитой статьи: «Пролетарская революция и ренегат Каутский». «Лакей буржуазии, подлый ренегат, слепой щенок, мещанская сволочь, ослиные уши, парламентский кретин, кабинетный дурак, сладенький дурачок, враг рабочего класса, прислужник буржуазии, негодяй, иудушка, тупоумный филистер».

Недавно господин Леонтьев прочитал книгу американского фермера Дэвида Клайна и приводит из нее некоторые сведения в назидание своим соотечественникам:

«Подумайте, фермер один, без помощи высаживает сто тысяч зубков чеснока. Вручную. Вручную их выращивает, вручную плетет косицы, чтобы свой труд продать. Или другой фермер – он выращивает клубнику на 2,5 гектарах. Подумайте, какие машины можно применить для клубники? Пока нет таких машин. А выращивает этот человек по 10-11 тонн, не центнеров – тонн на одном гектаре».

Разница во взглядах на российскую действительность проистекает не только от того, что один был замполитом, а другой тружеником или что один сегодня бедствует, а у другого все хорошо. Разница, я замечаю, еще и от того, какой кажется человеку жизнь вообще – непрерывной или прерывистой. Есть люди, которые нынешнюю жизнь представляют как совершенно новую, возникшую на пустом месте. Отсюда у них ощущение, что кучка злонамеренных людей взяла страну и пересадила ее из одного места в другое – из рая в ад. Для них жизнь прерывиста. И есть люди, которые видят, что сегодня продолжается вчерашнее, что на их глазах, а то и в их собственном, так сказать, теле догнивает старое. То там, то здесь видны ростки новой жизни, но только ростки. От прежней жизни пока остается главное: свобода в кавычках, власть чиновничества над собственностью. И, между прочим, беспредел. Для столпов советской власти ведь не было обычного закона – законом было решение райкома, обкома, ЦК, главные распоряжения отдавались устно, с людьми делали, что хотели, особенно – с недовольными. Вот эта привычка к беззаконию и безнаказанности и дает себя знать сейчас, когда ослабились тормоза.

Господин Леонтьев занимается сельским трудом. Он один из немногих, кто решительно согласился со мной, что беда сегодняшней России не в свободе, а в нехватке свободы, в избытке большевизма, в том, что труженику, будь то фермер или предприниматель, хоть большой, хоть малый, не дают шагу ступить, чтобы не ограбить

его и не унижить. Этот человек описывает, что значит для него и для таких, как он, сбыть свою продукцию:

«Все города обложены постами ГАИ, на границах областей – ГАИ. Все придираются, вымогают, берут налог типа экологического. Когда везешь что-нибудь из Курганской области в Челябинскую, требуют разрешение на продажу. Попробуйте добыть это разрешение за так. Пусть фермер прорвется через этот преградительный частокол из автоматов и доберется до рынка. На рынке к нему обязательно подойдут два-три типа и скажут: «Плати 20 тысяч, мы тебя будем охранять». На рынке есть дежурный от милиции, но он будто не видит вымогателей, а потому они все вместе сидят в дежурке, делают деньги и пьют все, что их душа пожелает на награбленные деньги. Потому что вся наша советская система была по своему духу и по букве грабительской. Все отбиралось у тружеников и шло в общий котел, оттуда распределяли согласно занимаемому положению. Так нас отучили работать. Мы не умеем работать. Нас научили просить, канючить, рвать. Понятно, что люди с этим умением хотят прилагать его и дальше.

Согласен с вами, господин Леонтьев, это – большевистский феодализм. Я много раз наблюдал, в какое состояние он приводит труженика, будь то, повторяю, обыкновенный сельский житель или банкир (банкира обирают и унижают нередко больше). Ярость. Глядя на человека, который в этом состоянии, лучше понимаешь буржуазные революции. Буржуазные – то есть, такие, которые совершают люди дела, собственники, доведенные до крайности вымогателями всех мастей – от монарха с его мытарями до разбойника с большой дороги.

Николай Нестерович Ермаченков из Новгорода подсчитал, что производительность труда российской колхозной фермы в 24 раза ниже, чем обычной частной фермы на Западе. В его большом письме много примечательных

сведений. «Кинологи заметили на выводках собак, – пишет он, – что наши собаки устают уже через полторы минуты, тогда как германские выдерживают 12-15 минут дрессировки». Причину он видит в кормлении. Кормлению животных и питанию людей как раз и посвящено его письмо. Он напоминает, что полноценным может считаться только хлеб, полученный из урожая выше 30 центнеров с гектара, а молочные продукты – от коровы, дающей не меньше трех тысяч килограммов в год. В России урожаи и удои намного ниже.

На последней странице своего письма Николай Нестерович излагает свои «Выводы»:

«Колхозы и совхозы из-за низкого плодородия почв производят некачественную продукцию, которая обрекает на вырождение сельскохозяйственных животных, а может быть и людей. Как показывает опыт демократических революций Запада, – пишет автор, – только фермеры могут сделать свои поля и луга плодородными. Следовательно, необходимо срочно распустить колхозы и совхозы и создать фермерские хозяйства. Только тогда мы станем питаться качественными продуктами, будем иметь нормальное развитие, долгую жизнь и прочный качественный генофонд».

Спасибо, Николай Нестерович, за письмо. Если присмотреться, то увидишь, что колхозы и совхозы в России уже распущены, даже названия эти исчезли. Колхозы и совхозы сейчас на деле принадлежат председателям и директорам. Но это негласная принадлежность. Она позволяет человеку распоряжаться общим добром, как своим, а транжирить его, как чужое. Когда-то Милован Джилас сказал так о правящих компартиях. Он был в руководстве югославского Союза коммунистов, а когда это понял, взбунтовался. При советской власти общее добро транжирили в плановом порядке, открыто и торжественно: строили БАМ, поворачивали северные реки, без счета клепали военную технику. Начальству с этого доставля-

лись, в общем, крохи, все остальное распылялось бесследно. Сейчас общее добро, будь то колхозное или заводское, транжирится так же, как при советской власти, но начальству достается неизмеримо больше, добро почти не распыляется, оно превращается в частные состояния. Хозяева этих состояний – директора, председатели, купленные ими чиновники. Но хозяева они тайные, поэтому их состояния частью лежат мертвым грузом, частью работают за границей, немалую часть проедают семейства этих воров. Так что «бесхозяйственность» и «расточительство» по-прежнему главная особенность российской экономики.

Идут письма от литовцев, латышей, эстонцев – с обязательными извинениями за ошибки. «Русский язык – моя самоучка, так что извините за ошибки, – пишет Улдис Диминш. – Известно, что первое поколение эмигрантов повсюду в мире говорит на языке страны пребывания с акцентом. Но уже второе говорит отлично. Дам вам факты из Латвии. У нас много пришельцев из бывших союзных республик. Их никто не приглашал, ни у кого они не спрашивали разрешения на приезд к нам. Ну, ладно. Приехали. Получили благоустроенные квартиры. Ладно. Пусть живут. Но живет уже четвертое поколение – и не говорит по-латышски. Захожу однажды при советской власти к начальнику милиции, обращаюсь к нему по-латышски, а он вежливо отвечает: «Говорите, пожалуйста, по-человечески». Но когда теперь мы хотим, чтобы было чуть-чуть иначе, нас со всех сторон обвиняют в ксенофобии, в нарушении прав человека».

Улдис Диминш просит любого жителя Москвы представить себе, что он приходит в милицию где-нибудь в Сокольниках или Бирюлево, а там сидит китаец и вежливо предлагает: «Говорите, пожалуйста, по-человечески».

Лев Алексеевич Стрельников из Москвы вспоминает, что писал в 1905 году настоятель храма Святителя Нико-

лая Чудотворца в Плотниках, что на Старом Арбате, отец Иосиф Фудель: «Ужас положения растет с каждым днем. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или другой партии и даже не о голоде и нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастырь церкви, я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно овладевает всеми без исключения. Это настроение есть ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Все дышит ею. Она растет с каждым часом: у одних к существующему порядку, у других – к забастовщикам, одна часть населения проникается ненавистью к другой».

Оставалось не так уж много времени до 30 января 1923 года, когда в присутствии Троцкого и Луначарского было устроено заседание политического трибунала для вынесения смертного приговора самому Богу. Но пустым свято место не собирались оставлять.

«Интересная штука, – пишет Лев Алексеевич. – Тело Лукича забальзамировали и мозг его законсервировали не с бухты-барухты. Большевики искренне верили во всемогущество науки (это их и погубило – не запретили все книги...) и были убеждены, что в недалеком будущем она начнет возвращать усопших к земной жизни. Леонид Борисович Красин, талантливый авантюрист из ленинской когорты, был страстным пропагандистом идеи «второго пришествия» Ленина. Он на эту тему публичные лекции читал. Так что выставление напоказ трупа Ленина – отнюдь не зрелищное мероприятие, но большевистское религиозное действо: верующим предоставлялась возможность поклониться нетленным мощам святого, чье воскресение – дело времени».

Автор сокрушается, что «и сегодня, восстанавливая повсеместно храмы, возжигая лампы у икон, отбивая поклоны и осеняя себя Крестным Знамением, мы продолжаем думать сатанинскими помыслами». Он приводит примеры, каких не встретить в современной российской

печати при всем ее небывалом внимании к фактам и подробностям текущей жизни. «Исповедуясь как-то в одной из московских церквей, я получил от священника наказ бороться с жидо-масонами, которые-де и губят Россию. Стало быть, зло не во мне? Чего ж тогда и каяться? Во время последнего Великого Поста, в слове к исповедникам после общей исповеди, батюшка корил нас в числе прочего за праздность. Он говорил правильные слова, но вдруг упрекнул молящихся за то, что они... строят дома в Москве. «Для кого строите? – гневался он. – Для грузин и армян!» Не может быть, чтобы не штудировал он в семинарии послания апостола Павла, учившего: «Несть иудея, несть эллина. Несть свободного, несть раба».

Да, Лев Алексеевич, с коммунизмом Россия рассталась, но вернулись все, без преувеличения все злые сказки, которыми тешили себя, питали свою ненависть люди всех сословий и положений в начале века. Эти сказки были словно заморожены в 1917 году, как насекомые на погребенном во льдах теле, и пошли оживать, когда стало теплеть. Это не мое сравнение. И самое важное, на мой взгляд, место из этого письма.

«Слов нет, нынешняя наша власть из рук вон плоха. Но это власть уже человеческая, а не сатанинская. Ее можно исправить и даже поменять».

Ленин в Октябре

Январь-апрель 1997

«Здравствуй, Толик! – пишет мне молодой человек из Москвы, Олег Горелов. – Я балдею от твоей передачи, клевая радиопрограмма, но почему в ней нет музыки? Прикинь сам, каково целый час слушать разные разговоры без всякой оттяжки. В начале, посередине и в конце мог бы поставить какой-нибудь хит, например, Апину или Киркорова. И еще требую не оглашать враждебных Ельцину писем. Кто их пишет, прикинь. Неудачники, лохи, рвань всякая, нечего им давать слово».

Спасибо за добрый отзыв, Олежек! Я точно не знаю, кто такие госпожа Апина и господин Киркоров, музыканты или певцы. Ясно, что они люди сцены и как таковые работают для всех, кто в зале. Так и мы – и благодарны каждому, кто нас слушает, кто нам пишет. За внимание надо платить вниманием, я уже говорил это.

«Высылаю свой отчет о кинофильме «Ленин в Октябре». Это копии подлинных документов – сохранившиеся кассовые планы киносеансов в кинотеатре «Планета» в апреле 1971 года, а также составленная мною на их основе таблица», – пишет Йонас Чеснавичюс из Литвы.

Выглядит его таблица так.

Наименование фильма. Ленин в Октябре. Дата показа – 21 апреля. Начало сеанса – 16 ноль-ноль. Присутствовало зрителей – ноль. Заполнение зала в процентах – ноль. Киносеанс состоялся (не состоялся). Не состоялся. 23 апреля сеанс состоялся: присутствовало 8 зрителей, заполненность зала составила 3,82. На следующий день опять: присутствовало зрителей – ноль, процент заполненности – ноль. Сеанс не состоялся. 25 апреля пришло два зрителя, заполненность зала составила 0,96 процента, сеанс сос-

тоялся. Это было в 14 часов. На пятнадцать тридцать была объявлена картина «Шпионские страсти». Присутствовало зрителей – 209 человек, заполненность зала составила 100 процентов, сеанс состоялся.

Йонас Чеснавичюс пишет: «Как многолетний технический служащий кино, могу достоверно заявить, что было очень досадно, когда во время демонстрации «Ленина в Октябре» в зале сидел только один идейный и картину приходилось показывать. Такое было словесное указание администрации. Припоминаю также, что существовал писанный или неписанный закон (кто до конца разберется в дьявольских деяниях?), по которому следовало показывать пять процентов капиталистических картин, двадцать – социалистического лагеря и остальные семьдесят пять процентов – советских. При этом значительную долю выручки умудрялись получать от первых пяти процентов картин, от капиталистических, – их показывали, во-первых, в больших кинотеатрах, а во-вторых – так долго, как только можно было, до полного износа кинокопии».

Господин Чеснавичюс дает эту справку тем людям, которые думают, что при советской власти народ не был падок на дешевые западные зрелища, что больше всего ему нравились картины, прославлявшие вождей и «моральный кодекс строителя коммунизма».

Спасибо, господин Чеснавичюс. Судя по тому, что известно о советской жизни мне, вы ничего не преувеличиваете и не приуменьшаете. Такие отчеты, конечно, доходили и до Кремля. Кто-то скажет: да некому их было там читать. Было кому читать! Читали. Каждый новый хозяин даже собирался что-то менять. Но требовались такие перемены, которые обычно не совершаются по чьим-то наметкам и под чьим-то руководством, а налетают, как гром среди ясного неба.

«Господин Недостреляный, как же вы нам надоели! – письмо из Московской области, фамилия под ним нераз-

борчива. – В Россию пришла великая беда: развал экономики, культуры и всего порядочного, что было до «демократов». Чубайсовская приватизация открыла дорогу проходимцам и жуликам, а рабочие и учителя не получают зарплату, пенсионеры – пенсии. Вот такую политику вы восхваляете и нам навязываете, а Ельцин обрек нас на вымирание. Хочу закончить свое письмо словами Радищева: «Звери алчные, кровопивцы ненасытные, чего вы нам оставляете, что отнять не можете, – воздух?»

По-другому устроена память у господина Величко из Москвы: «В своей жизни, – пишет он, – мы все, ну, почти все воровали по возможности. Для приличия даже дали термин «несуны». Медсестра несла с работы вату и бинты, слесарь – инструменты и болты, директор – машину, дачу, министр – дворец, ценные бумаги, лица приближенные – разрешения и льготы. Когда пришла в наш дом свобода и рынок, то президент сказал: «Возьмите столько, сколько унесете». Он имел в виду суверенитет. А взяли, растащили не только суверенитет, но и все, что можно было и кто сколько смог. Нагайдали и начубайсили. Кто утащил меньше, тот называет грабителем того, кто смог утащить больше».

Таких самокритично-философских писем мало, я уже говорил, что обычно их пишут люди религиозные. Больше приходит таких писем, какое написал тот человек, что вспомнил Радищева. Всё больше таких писем... Люди не обращают внимания на перемены в Кремле, на новые обещания, которые слышат оттуда. А поскольку мы сообщаем, что там делается, что говорится, то некоторые считают, что мы таким хитрым способом восхваляем все, что там делается и говорится.

Стали попадаться письма от людей, которые не согласны ни с одним словом, что звучит по радио «Свобода» – ни с одним моим словом в том числе – и в то же время не

только не ругаются, не обзывают нас предателями или как-либо еще, а выражают свое уважение, желают нам вечно звучать, поздравляют с наступлением весны. «Очень люблю вашу «Свободу» слушать, особенно если звучит ваш голос», – пишет мне старая учительница математики из Киреевска Тульской области, просит не называть ее: «ведь в этом городе не одна тысяча моих бывших учеников».

Для удобства назову ее Марией Степановной – как еще назвать учительницу из Киреевска? Я бы не стал оглашать похвалы в свой адрес, но сейчас мне это нужно для дела: они – от человека, который, повторяю, не согласен ни с одним моим словом.

Читаю: «Народ в России как был рабом, так и остался до сего дня. Народ не ставился ни во что, но Россию, как государство, цари возвеличивали, подбирали под крыло более слабых. Россия крепла, как государство, этого не отнимешь, а народ России крестили, но не учили. Русь до семнадцатого года была темной, лапотной, безграмотной. Такой она вышла из превозносимого сейчас некоторыми капитализма. При социализме мы тоже были рабами, Сталин раскулачивал и ссылал нас в Гулаг, но... Большое «НО». Народ в стране советской весь обучался грамоте, народ получил широкий доступ к науке, к искусству».

...Как будто грамотный раб, Мария Степановна, – не раб. Как будто грамотный раб лучше неграмотного. Как будто грамотному рабу лучше, чем неграмотному. Как будто ради всеобщей грамотности позволителен Гулаг...

«Россия в союзе с другими республиками была Державой с большой буквы, на которую поглядывали с опаской другие страны. А во что превратили эту Державу горе-правители-перестройщики? Подумать только! Разрушили, разломали всю страну хлеще фашистов. Как Мамай прошел от края и до края, выжигая все на своем пути. Зачем?»

Старая учительница, словно списавшая это письмо из районной газеты коммунистического направления (их еще

ведь много в России), очень хорошо относится, напомним, к нам, к радио «Свобода». Только нас и слушает и молится за то, чтобы мы вещали вечно. Меня в связи с этим тянет на громкие слова, на целую речь о том, какое это большое дело, какой это поистине геологический сдвиг в российской жизни, даже если на всю Тульскую область пока один такой человек. Этот сдвиг кто-то назовет сдвигом к христианству, кто-то – к демократии, кто-то скажет, что к христианству – это и значит к демократии... Неважно. Важно, что это сдвиг к хорошему... Можно представить себе, какое приятное чувство испытала Мария Степановна, когда это произошло с нею впервые: когда однажды она обнаружила, что о человеке, чьи взгляды ей глубоко чужды, она не думает враждебно. Такое чувство запоминается, его хочется испытывать еще и еще. Можно оспаривать любые взгляды, можно их осуждать, иной раз и высмеять, но – взгляды, деятельность, политику, а не человека. Не переходить на личности. Наедине с собой не переходить! Я говорю это для тех слушателей, которые недовольно отмечают, что в таком «враждебном голосе», как голос радио «Свобода», не хватает враждебности к недругам свободы. Помимо прочего, враждебность нам просто запрещена.

Пишет Подлипский Иван Устинович, не указавший, откуда он: «Уважаемый Анатолий Иванович, мне надоело слушать коммуняк на волнах радио «Свобода». Дайте и я скажу. Коммунизм – это есть угроза всей жизни человечества на земле. Он прививает человеку ненависть к труду. Человек, который работает на себя, – он от данного труда получает удовольствие и выпускает продукцию доброкачественную. Человек, который работает на коммунизм, то есть, на дядю, – он себя насилует и продукцию выпускает недоброкачественную и в малом количестве. Коммунизм, коммуна, комок. Это все одно и то же. Возьмем комок из снега. Снег лежал из отдельных звездочек

на свободе, то есть, на своих свободных правах. Комок образовался под воздействием внешней силы, то есть насильственно. Процесс этого происхождения называется коммоцией. Коммоция – это греческое слово, означает сотрясение. В семнадцатом году в России произошло сотрясение мозга».

Иван Устинович Подлипский приводит стихок, который сочинил еще при советской власти. Две последние строки:

Нужно колхозы разогнать
и в коммунизм больше не верить.

Он высказывается о высших советских попах, которые были связаны с госбезопасностью и не покалялись, и наконец, – о НАТО: «Что касается расширения НАТО, то это я приветствую, потому что первыми при Ельцине в России начали расширяться коммунисты, они расширили собой Думу, а низы и так были широкими, так что НАТО обязательно надо не только расширять, но и удлинять».

Я уже знаю: если такой вот сознательный противник коммунизма, как автор этого письма, вспомнит о НАТО, он выскажется так, как Иван Устинович. Еще не было случая, чтобы человек так хорошо понимал коммунизм и был бы против НАТО. Кто действительно против коммунизма, тот за НАТО. И очень охотно, прямыми словами, объясняют, почему: потому что в России еще слишком много коммунизма, теперь у него и нацизм с фашизмом на подхвате, и нет еще полной уверенности, что на какое-то время они не победят.

Письмо из Литвы: «Здравствуйте, Анатолий Иванович! В отличие от многих ваших слушателей, я вас учить не собираюсь, наоборот, сам от вас кое-чему учусь. Я Ашот Айвазян, мне 31 год, родился в Ереване, служил в Литве, здесь познакомился с будущей женой, уже четыре года живу в Литве, есть двое детей. Литву считаю более демократической страной, чем Армения. Армения – клановое

и полицейское государство. В Литве нет национального давления. Меня все, кто меня знает, уважают (я сапожник), а если какой-нибудь пьяный обижает, я бью по морде. Но это неважно – я хотел бы поговорить с вами о НАТО. Вы сказали в своей передаче: кто против коммунизма, тот за расширение НАТО. Я против коммунизма, но я и против расширения НАТО. Я хотел бы от вас узнать, сколько это будет стоить для меня, сколько каждый месяц из моего кармана пойдет, чтобы перевооружить, переодеть, перекормить армию дармоедов. Я ненавижу военных вообще. Я живу в квартире с общей кухней, – продолжает Ашот, – Лет через десять куплю себе отдельную квартиру, государство денег не дает, а в коммерческом банке берут большой процент. Пока что у меня всего 700 долларов. В округе много молодых литовских семей, которые не хотят иметь больше одного ребенка из-за плохих условий жизни. Я считаю, что это неправильно, мне жаль, что такая хорошая нация сокращается. Еще скажу про НАТО. Не дай Бог, Россия нападет на Литву, – я не верю, что тогда американский солдат придет умирать здесь, он скажет: «Нам очень жаль», но не придет. Я не знаю, Кувейт в НАТО или нет, но Америка, по-моему, защищала там не арабов, а свои интересы. Анатолий Иванович, вы сейчас живете в стране, которая тоже хочет в НАТО. Объясните мне, я прав или ошибаюсь. Мне очень интересно, как вы думаете. Мой дед-коммунист говорил: если страна не хочет кормить свою армию, то ей придется кормить чужую, так что надо терпеть все, чтобы не было войны». Вот этих слов вы мне не говорите, когда будете отвечать, потому что я их уже слышал. Я в Бога верю, но не надеюсь на него».

Дорогой Ашот, большое Вам спасибо за письмо, я, пока читал его, полюбил вас... Что касается литовских расходов в связи с расширением НАТО, – вы можете не беспокоиться, судя по всему, лет десять. Кувейт в НАТО не состоял, когда на него кинулся Саддам Хуссейн. Прежде

чем выгнать его оттуда, в Америке полгода с утра до вечера шел всенародный разговор о том, как это сделать и нужно ли. О нефтяном интересе было сказано немало, но, во-первых, как раз американский нефтяной интерес там не самый большой, а во-вторых, главное было в том, чтобы окоротить человека, угрожающего такому интересу всего человечества, который неизмеримо важнее нефтяного.

Письмо человека, который проходил военную службу в Германии, срочную и сверхсрочную. «Если бы натовцы знали, как «метко» наши стреляют, то, пожалуй, вели бы себя с нами еще увереннее. На полигоне есть солдатик, который мишени выставляет. Вот он и есть главный вершитель генеральских и полковничьих судеб. Потому что наши танкисты всегда плохо стреляют. Как было дело? Раз в неделю положено стрелять ночью. А спать охота и молодому лейтенанту, и солдату. Патроны ящиками топили в гарнизонном водоеме – из года в год. Вот так готовились воевать с натовцами. Я думал об этом, когда слушал про войну в Чечне и видел первые штурмы Грозного. Я понял, что история ничему не учит Россию. Ворошиловы были и будут, только называться они будут Грачевыми или еще как-нибудь».

В предыдущей передаче я отвечал на письмо господина Дунаевского из Житомира, который обзывал меня последними словами (из них только два печатные: «змей» и «козел», первое мне понравилось больше). Он требовал, чтобы я сказал, что было бы в Америке, если бы, к примеру, Калифорния решила выйти из Соединенных Штатов. Я ответил господину Дунаевскому, что не понимаю, с какой стати Калифорния стала бы откалываться, – от добра добра не ищут. Господин Дунаевский пока молчит, – за него претензии предъявлены другими. Говорят, что ответил я не по существу: сделал вид, что не заметил,

что о Калифорнии человек писал мне только для большей наглядности, а высказаться хотел о Чечне. Все я заметил, господа, но мне подумалось, что в этом случае не обязательно отвечать «в лоб». Исправляю ошибку. Если бы Соединенные Штаты Америки на протяжении лет семидесяти были советскими социалистическими штатами, если бы, к тому же, всех калифорнийцев году в сорок третьем или четвертом погрузили в телячьи вагоны с пулеметами на крышах и отправили на Аляску, а вернуться (тем, кто уцелел) позволили только году в шестидесятом, то и в девяносто первом, и в девяносто четвертом Калифорния повела бы себя примерно так, как Чечня: в девяносто первом объявила бы о своей независимости, а в девяносто четвертом ответила бы огнем на огонь.

Господин Королев плавает старшим махаником на судах так называемого «дешевого флага» – Панамы, Кипра, Либерии. При переводе судна из-под флага страны, где обычные налоги, под флаг страны, где налоги низкие, кроме этой выгоды, есть и другая: судовладелец может набирать команду из граждан любой страны. Как и всякий товар на подлинно свободном рынке, рабочая сила на нем дешевле, чем на рынке, скованном государством. Почти все пишущие нам бывшие советские моряки дальнего плавания, о чем бы ни шла речь, обязательно вспоминают главных врагов этого племени. Королев тоже: «Не могу не сказать о наших так называемых первых помощниках капитанов. Это замаскированное название замполитов на флоте. А лучше сказать, первых бездельников, которых мы кормили в бесчисленном множестве на море и на суше. Они по-разному назывались (на суше чаще всего – секретарями парткомов), но суть их была одна. Это люди, не нашедшие своего места в жизни, не желавшие зарабатывать на хлеб, как все порядочные люди, занимались тем, что поддерживали советский режим на искусственном дыхании, сами не имея ничего святого за

душой, не веря в смесь, которую накачивали в этот труп. Они твердили нам, что проклятые капиталисты жестоко эксплуатируют моряков на судах так называемого «дешевого флага». Это были бредни. Как тогда, так и теперь, работа упорядоченная, питание значительно лучше, зарплата в 25-35 раз выше, чем на советских судах, в воскресенье все, кто не на вахте, отдыхают, чего никогда не было у нас. В порту можешь пойти куда хочешь, когда хочешь, а главное – с кем хочешь. Ведь у нас были особые правила на сей счет. Тот, кто хотел пойти на берег, должен был с вечера записаться у помполита (что значит, повторю, помощник капитана по политической части), тот, в свою очередь, должен был составить так называемые «списки увольнения» – распределить людей по группам, не меньше трех в каждой, да так, чтобы в группе не было повторений, то есть, два раза с одними и теми же людьми на берег сходить нельзя. Считалось, что мы могли сговориться и продать ЦРУ военную или государственную тайну или завербоваться в западно-германскую разведку».

Господин Королев считает, что мы были предвзяты во время чеченской войны: «В репортажах радио «Свобода» чеченец был Робин Гуд, а русский солдат - бессердечный варвар и анархист. Так не бывает, Анатолий Иванович. Я был против этой войны. Лучше сто лет вести переговоры, чем натравливать живых людей друг на друга. Но когда они уже натравлены, зверства совершают обе стороны».

Вы правы, господин Королев. Но вспомним, какие это разные были стороны. В российской армии было очень плохо с дисциплиной. Целые подразделения там не просыхали месяцами, от генерала до кашевара. В чеченской армии был мусульманский сухой закон и культ послушания. Где больше дисциплины, там меньше страха. Если одним словом сказать, что делали во время этой войны русские, – боялись. Охваченный страхом и оглушенный водкой человек с оружием – не совсем человек еще до

того, как начал стрелять. Он, к тому же, склонен мстить за свой страх – и мстит беззащитным. Дело не в том, что русские – это русские, а чеченцы – это чеченцы. Кто-то заметил: к чести русской армии, она никогда не умела выигрывать несправедливые войны. Специалисты – русские, кстати, – объясняют это вполне прозаически. Русская армия всегда была устарелой в организационно-техническом отношении. В справедливых войнах отсталость восполняется героизмом и находчивостью. Последний раз это правило подтвердилось на примере чеченской армии – в сущности, ведь тоже русской.

Шушляев Виктор Васильевич из Усть-Каменогорска. По его мнению, дело не в том, что русский человек не дорос до чего-то хорошего, а наоборот – в том, что русский человек ушел в своем развитии далеко вперед, дальше всех на свете. Он пишет о нравственном развитии, о русской доброте. Русские, мол, несчастнее всех потому, что они добрее всех: «На доброте русских всегда грели руки расчетливые проходимцы, эксплуатировали ее и коммунисты, теперь ею пользуются верткие «новые русские», прожигая наше добро на Канарах. А вы, Анатолий Иванович, им аплодируете и возмущаетесь, что не все с вами солидарны. Да не привыкли россияне жить в атмосфере обособленной расчетливости! У русского человека душа, как у гуся, которому каждая свинья товарищ. Не буду сильно оспаривать, если вам известны другие причины русских бед».

Мне точно известно, Виктор Васильевич, что в чем-чем, а в доброте не отказывает себе ни один народ – на Земле не было и нет другого. Наверное, и не будет. Было бы поистине странно отдавать кому-то такую почетную медаль. Сами носим!

«Пока у народа не будет мудрого вождя, то будет вождь глупый, – пишет господин Павлов из Брянской

области. – А при глупом вожде не будет хорошей жизни. И поскольку ясно видно мне, что мудрее меня нет человека в стране, то и стоит мне попытаться сообщить и доказать это обществу и предложить народу свою помощь в выводе его из жизненного кризиса».

Буду рад за вас, господин Павлов, если вам это удастся.

Другой слушатель – Николаенко из Подольска – спрашивает меня, как я отнесусь к его сообщению, что в конце концов не станет человечества. «Это вас никак не волнует? – пишет он. – Вам безразлично, будет или не будет существовать человечество?» Ох, господин Николаенко. Волнует, конечно, но все-таки не настолько, чтобы обнародовать ваш план его спасения. Мне кажется более убедительной давняя мысль, что спасти его нельзя, что человечество – явление историческое (а историческое – значит временное, длящееся от начала – возможно, случайного – до конца, к сожалению, неизбежного). И по душе мне народное отношение к этому: помирай, а жито сей. Да простят нас с господином Николаенко злободневно настроенные слушатели за минуту философии...

Вернусь к письму старой учительницы из Киреевска Тульской области. «В сорок четвертом году, – пишет Мария Степановна, – я уехала с братом, вернувшимся с фронта с покалеченной правой рукой, от голода на Украину, освобожденную от немцев. Устроилась в городе Краснограде, это между Харьковом и Полтавой. Стала работать в сельскохозяйственном техникуме. Дали нам однокомнатную квартиру. При техникуме было огромное подсобное хозяйство, была столовая с кухаркой-украинкой тетей Галей. Завтрак, обед и ужин – за символическую плату. Не жизнь, а малина. Один год я жила и радовалась, а на второй так затосковала по своему тогда голодному Киреевску, хоть ложись и помирай. Стала я ходить на вокзал встречать поезд Москва-Днепропетровск. Обойду

его от первого вагона до последнего, глубоко вдыхая воздух из дверей и окон. Мне казалось, что воздух в них наш, тульский, ведь поезд проходил через Тулу. Надышусь вдоволь, дня три после этого ничего, а потом опять тоска. Опять иду на вокзал. Прошел еще год, брат женился, и я поехала. Думала так: не будет работы – буду просить милостыню, негде будет жить – буду спать под лопухом, но я еду домой. К счастью, нашлась и работа, и квартира, и замуж вышла за хорошего человека, стали жить-поживать. Я себе сказала тогда и слово сдержала: «Больше никогда никуда не поеду. Я дома. Хорошо ли, плохо ли, но это моя Родина, мой дом, моя Россия. Так болит сердце за Россию, сил нет!...»

Иван Маркович Приходько из Чернигова прислал историю своей семьи.

«В двадцать первом году мой отец женился и стал создавать свое хозяйство. Он построил дом, сарай, овин, круподерню, ветряную мельницу. Со строителями-специалистами расплачивался мукой, другой платы тогда не признавали. Сам работал сутками, брал в обработку землю у односельчан, которые не хотели на ней трудиться, – у пролетариев по-коммунычки. В двадцать восьмом году Москва придумала колхозы, чтобы закабалить крестьян. К моему отцу пришли пролетарии с председателем сельсовета Хрущом во главе. Они объявили, что все его хозяйство отныне принадлежит колхозу. Отца посадили в «холодную» при сельсовете. Часть скота и птицы здесь же резали и варили, часть растаскивали по дворам, ломали постройки, каждый брал что хотел. На усадьбе стоял крик, матерщина. Я помню этих людей – пьяных, небритых, оборванных, подпоясанных лошадиными путами. «Все для народа!» – их лозунг. Через несколько дней отец сбежал из «холодной», вернулся домой. За ним пришли. Он успел выскочить из хаты и скрыться. В ярости они все порубали пашками: старинные иконы, цветы (их у

нас было много), даже шапку кожаную отцовскую секретарь сельсовета изрубил с присказками: «Все равно поймаем его не теперь, так в четверг, не сейчас, то в девятый час!» На печи с больной матерью был мой трехлетний братик Миша. Председатель сельсовета Хрущ поймал его за ножку, понес головой вниз, как петушка, и сбросил с высокого крыльца на землю. «Все лучшее – детям!» – их лозунг. Секретарь сельсовета стащил за волосы нашу мать с печи, выволок ее на крыльцо и ногой спихнул на землю. Забрали все, что можно было унести, – мебель, постели, даже портянки. Итак мы остались в пустейшей хате. Ни тряпочки, чтобы обтереть рыльце или руки! Потом в этот пустой дом к нам пришла еще одна семья раскулаченных – Ковера Ивана. Шесть душ. И мы спали на полу все вместе в соломе, чтобы теплее было. В конце ноября во дворе опять появились комуняки во главе с тем же Хрущом. Кто верхом, кто на подводе. Они кинулись в хату и стали нас вытаскивать из соломы и выбрасывать на десятиградусный мороз раздетых, с криком и смехом. А другие уже ломали крышу. Разобрали дом и отвезли его в село Звеничев, поставили его возле школы, где он и сейчас стоит. Стоит в таком догнивающем виде, как и весь коммунизм. А мы, мать и трое малых детей, накидали соломы в земляной погреб и стали в нем жить, и жили всю зиму, потому что Хрущ сказал: кто возьмет кулаков в дом, того тоже раскулачу. В конце февраля к погребу подошла соседка Бовдиха, посмотрела на нас сверху и сказала: «Пусть меня хоть повесят, а я вас заберу к себе на печь». Одежда наша была – мешки с прорезями для голов, а на спине было написано большими буквами: «Колхоз имени Ежова». Эти мешки для нас украли в колхозе добрые люди. Мы были похожи в этих мешках на зверят. В тридцать пятом году наш отец вернулся из бегов, а в тридцать восьмом его расстреляли. Дорогой Анатолий Иванович, не обращайтесь внимания на тех комуняк, которые вас ругают, – они очень не хотят слушать правду о

том, что они творили своими руками. Нужно говорить эту правду, пока будет хоть один комуняка на нашей земле. Грабеж, смерть, невыносимые налоги...»

Иван Маркович перечисляет повинности сталинского времени: налог на малосемейность, налог на каждую яблоню и куст смородины, принудительный госзаем, обязанность сдавать государству свиную шкуру и шерсть, 40 килограммов мяса, 210 литров молока, 200 штук яиц, три центнера картофеля, три телеги навоза... «Это то, что мы должны были давать им, комунякам, – пишет господин Приходько, – а что получали от них? Моя мать работала в колхозе, как мужчина, за месяц у нее получалось тридцать трудодней – это тридцать рабских отметок, а получала она за эти отметки девять килограммов пшеницы в год. Несет мама эти девять килограммов, горько-горько рыдая: «Вот и проживем, детки, год на этом заработке!»

Так было и с моей, Иван Маркович.

«Да еще и словечка никому не говори, что тебе плохо жить – шпики вокруг, донесут, посадят в тюрьму».

Для сбора податей в стране существовала налоговая служба. Равной ей не знал мир – только в сельской местности она насчитывала около миллиона человек, в основном, здоровых мужиков, обыкновенно самых хищных и беспощадных. Назывались они финасовыми агентами. «Два пьяных финагента, Коробец и Гузок, ходили по дворам и выжимали со своих рабов налоги» – пишет Приходько. Малосемейным налогом облагались, как известно, и незамужние женщины. После войны, когда многие села остались почти без мужского населения, это воспринималось особенно болезненно. Иван Маркович описывает случай, свидетелем которого был: «Коробец и Гузок зашли в дом к одной девушке Вале. Она жила одна, ей только что исполнилось восемнадцать лет. Начали они выжимать с нее налог как с незамужней. Хорошо зная, что у Вали ничего нет, они заметили на печке ручную

швейную машинку, схватили ее. Машинка открылась, на пол посыпались шпульки, масленка, отвертки. В это время в дом вошла цыганка. Не долго думая, она задрала до груди свои широченные цыганские юбки и стала кружиться с криком: «Так что, вот так выйти девочке на перекресток и кричать: сделайте мне ребенка?!» Здесь были такие слова, что ни в какую цензуру не лезут. Цыганка выскочила во двор и продолжала кружиться там с поднятыми юбками. Не слушайте, Анатолий Иванович, эту мразь комуныцкую, что все пишет вам и пишет, – опять призывает меня Иван Маркович. – Они свое уже отстреляли и отпели, пора бы им и заткнуться».

Спасибо за письмо, Иван Маркович, так все было и в моем селе. Геннадий Зюганов (первое лицо в нынешней российской компартии) считает, что Сталину не хватило нескольких лет, чтобы созданная им небывалая цивилизация окончательно утвердилась в Советском Союзе – с тем, чтобы уже было невозможно ее устранить. Он не может простить своим предшественникам, особенно Хрущеву и Горбачеву, что они, вольно или невольно, стали разрушать и в конце-концов разрушили дело Сталина.

«Черт немьтый, бес немьтый, дракон, крыса ты амбарная с полуметровым хвостом, паскуда ты копченая, мразь вонючая, выродок». Это из одного письма. Как вы думаете, кого ругает этот человек?

Поедет ли крыша?

Май-июнь 1997

Вадим Семенович С. из Петербурга, кандидат технических наук, сообщает мне, что раскусил, наконец, мою, как он пишет, «поистине гнусную, разлагающую слушателей сущность». Он презирает меня за то, что я продался врагам России и теперь не способен ни утолить, ни хотя бы понять его муку. Дело в том, что он на три четверти – еврей и только на четверть – русский. Ему, по его словам, очень тяжело нести бремя племенной ответственности за вредные деяния евреев «на протяжении обозримой истории».

Я понимаю ваше горе, Вадим Семенович. Знаю, кажется, и что делать. Перестаньте думать об этих злосчастных еврейских трех четвертях! Гордитесь великорусской четвертью. Радуйтесь, что не восьмая. Самому шумному еврею в Госдуме это помогло.

«Вот мое мнение о русской национальной идее по Ельцину, – пишет из Смоленска господин Попов. – Сидим по уши в яме с дерьмом, в руках гранаты, сами пьяные – и грозим чистым людям, которые по соседству. Выбираться из ямы, то есть, из коррупции, воровства, безалаберности, не хотим, привыкли. Однако кричим, что мы великие и могучие. Приличный мир для вида соглашается с нами – кому охота быть обляпанным дрянью. Кто наворовал побольше, строят себе терема в чистом мире и свалят туда, если дерьмо вдруг начнет сильно бродить. Не вижу я выхода, Анатолий Иванович. Какой выход, когда воровать и не платить налоги выгоднее, чем трудиться и платить! Уважения к собственности никакого, да еще это чванство: Россия – родина слонов. Ну, какая, спрашивается, национальная идея, если телевизор – японский, холо-

дильник – финский, автомобиль – немецкий, ширпотреб – китайский, турецкий, польский? Попов Сергей Анатольевич, город Смоленск».

Мне приходится здесь, в Праге, иногда встречаться с теми самыми людьми из России, которые готовы в любой момент, как вы пишете, Сергей Анатольевич, «свалить» в «чистый» мир. В последнее время они действительно зачастили на Запад: готовят убежища. Среди них много государственных чиновников, есть генералы. Вид очень озабоченный, матерят высших российских воров, боятся, что те бросят на растерзание толпе их, воров не высших. Спрашиваешь: «Ну, что вы дрожите, нет ведь ни одного признака, что за вас возьмутся?» – «Признаков нет, – отвечают, – а взяться могут». У страха глаза велики.

Михаил Ильич Селезнев из села Лойно Верхнекамского района Кировской области (все еще Кировской?) прислал свои крылатые выражения:

«Революция – это локомотив истории, к которому прицепляются вагоны для зеков». – «Мы жили под крышей социализма, но крыша поехала». – «Еще марксизм на губах не обсох, а он уже читает лекции о рынке». – «Беспкойный член покойной партии». – «Нужен налог на каждую соломинку, за которую хватается утопающий».

Спасибо за письмо, Михаил Ильич. Если в вашем селе такого направления мыслей придерживается еще хоть один человек, крыша у России больше не поедет.

«Сердце болит за дела в России, – пишет на «Свободу» господин Николаев из Германии. – Может, я что-то не так понимаю? Может, мне вообще понимать ничего не нужно? Может быть, все идет куда следует и как следует? Все равно, не согласен я внутри, что разумные процессы требуют столько жертв и времени. Время не всегда ведет к прогрессу. Советское время – тому пример. Чтобы дрянь перестала быть дрянью, требуется не время, а закон и во-

ля правителя. Вы, я знаю, не согласны с идеей доброго царя, но я не о добром – о мудром. Мир мудрецы подняли. Власть должна слышать голос народа и ужаснуться творимому ею. Она должна слышать этот голос из всех щелей, день и ночь. Предлагаю провести День народа в печати. Пусть все газеты в один день напечатают только письма людей. Пусть один день поживем без политики зарубежной и ведомостей биржевых – кому надо, те и без газет это знают».

Власть слышит вас, господин Николаев, будьте уверены. В России не было власти, которая не знала бы, что говорит народ и о ней, и о чем угодно. Не было! И цари, и генсеки бесперебойно получали самые точные справки, для осведомления верхов трудились тысячи людей в погонах и без.

«Пишет вам из города Новый Оскол Агафонов Владимир Николаевич. Опять, слышу, коммунисты радеют за обездоленный народ, опять обещают светлое будущее. Не будет прощения Ельцину, если они вернутся к власти. Принимал я как-то смену от мастера на стройке, разговорились, и он мне выплеснул наболевшее. «Я бы, – говорит, – всех этих Горбачевых, Ельциных, Чубайсов разорвал на куски!» – «За что же?» – спрашиваю. «Раньше, – отвечает, – я жил. Был прорабом, получал сто шестьдесят чистыми, девяносто процентов – квартальной премии, купил «Волгу», построил гараж, дачу, ездил с семьей (четыре человека) отдыхать на Черное море, дочь кончила институт, колбаса стоила два двадцать, мясо – рубль восемьдесят». Я ему говорю: «Ты и тебе подобные никогда бы не имели того, что ты нажил, если бы ты честно отоваривался по талонам, как остальные люди: полтора килограмма на месяц одного, полтора – другого. Ты шуровал направо и налево: туда, в колхоз – кирпич с твоей стройки, с черного хода, уплывал, сюда, в совхоз, – линолеум, краска, лак, рамы, двери, перекрытия. Вот тогда была для

вас малина. А сейчас все стройорганизации акционированные, то же, что частные, – пойдешь укради, если каждый гвоздь на учете. Есть ум – крутись-вертись, Бог тебе в помощь, зарабатывай бабки, покупай что тебе надо, езжай на Канары, на Багамы и на прочие острова нежить свое тело под теплыми лучами солнца».

У Владимира Николаевича Агафонова, написавшего это письмо, жизнь сложилась, естественно, не так, как у того мастера.

«Родился я в Богородске, теперь Ногинске, – сообщает он о себе. – В сорок первом-сорок четвертом Родину не защищал, понятия о Родине у меня свои были: отец, мать, родные, дом, свобода, а с двенадцати лет у меня ни того, ни другого, ни третьего не было. С тридцать восьмого года, с двенадцатилетнего возраста меня тридцать лет таскали по лагерям, хотя я никого не убил, не обокрал, в зонах не имел ничего общего ни с одной уголовной мастью: ни с ворами в законе, ни с беспредельными, ни с ломом подпоясанными. На мне тяжких грехов нет, хотя в пятьдесят втором году военный трибунал Хабаровского края приговорил меня к высшей мере наказания с заменой двадцатью пятью годами заключения. Срока отбывал до шестнадцати лет в деттрудколониях, после: 1. Сар-лаг. 2. Волго-лаг. 3. Коми-сев-желдор-лаг. 4. Усть-Вымь-лаг. 5. Воркута-лаг. 6. УСВЛ – Колыма. Крытые тюрьмы: два года в Смоленске, три года – город Балашов. В лагерях я не работал, почти все время был отказником, получал в ШИЗО триста граммов хлеба в сутки и на третий день шурпу. Был доходягой весом в пятьдесят килограммов при росте метр семьдесят пять. Поднимался, затем снова: особспецрежим, особо опасный... В сорок два года освобожден (в 1967 году, 18 мая). С тех пор ни разу не был даже в милиции. Адаптировался, женился, прижил детей. За свою жизнь хронически ничем не болел, здоровье отличное, несмотря на то, что в девяносто четвертом году попал в автокатастрофу. Сон, аппетит отличные, сердце

работает отлично. Не завидую никому и ничему, даже тому не завидую, что человек может сейчас спать спокойно, зная, что за ним ни с того, ни с сего не приедут ночью на фургоне с надписью «Хлеб». Бог вам в помощь, люди, живите, крутитесь-вертитесь, наживайтесь, чем больше будет богатых, тем меньше будет бедных».

Я читал письмо от Владимира Николаевича Агафова из Нового Оскола Белгородской области.

Письмо из Белоруссии, по тамошним обстоятельствам не могу назвать автора.

«Я часто бываю, – пишет он, – в наших белорусских деревнях и вижу, что белорусские крестьяне очень боятся НАТО. Они считают, что на Западе нищета, безработица, бесправие, эксплуатация, что люди там голодают, что им негде жить, потому что их выселяют из квартир за неуплату, что там жестокая система штрафов, а полиция избивает людей дубинками прямо в их квартирах. И вот сейчас НАТО расширяется на Восток с целью поработить Белоруссию и Россию, устроить жителям Белоруссии и России такую же тяжелую жизнь, как на Западе. Белорусские крестьяне считают, что сейчас жить в деревне можно, если хорошо себя вести и голосовать за кого порекомендует «старшина калгаса» (председатель колхоза). В этом случае и коня могут дать посадить огород, и сена корове накосить разрешат, и если где что своруешь, то бригадир сделает вид, что не заметил. Необходимо разъяснять белорусам, в какой нищете и кабале они живут, показывать, как живут люди на Западе, причем, делать это на примерах, убедительно и доходчиво».

Я был недавно в Белоруссии. Лукашенко сыграл с доверчивыми русскими великодержавниками шутку, о которой они боятся даже думать. Говорит-то он о сближении с Россией, а тем временем уже очень далеко увел свою страну от России – может быть, неовозвратно далеко, что само по себе, на мой взгляд, вполне естественное дело.

Сергей Расницин из Москвы тоже хочет принять участие в разговоре о российско-белорусском объединении, который, как следует из недавно подписанного устава, будет продолжаться: «Первым основанием для объединения называется то, что русские и белорусы – народы братья. Что значит «братья»? То, что русские и белорусы – славяне? Но ведь и украинцы – славяне, и поляки, и чехи, и сербы, и многие другие. Братство – не повод объединяться. Даже кровные братья стараются иметь отдельные квартиры. На общей площади можно скорее дойти до скандалов и даже драк. Может быть, это обычные «происки империалистов и мирового сионизма», которые хотят поссорить наши народы? Чтобы люди могли свободно общаться, достаточно безвизового режима на границе. Границы мешают тогда, когда специально делают так, чтобы они мешали. Мы знаем, что во вред людям могут использоваться и границы областей, районов, городов, заводов, даже цехов. Единственное, что невозможно без слияния двух стран, – избирать и быть избранным здесь и там. Обычному человеку это ни к чему. Едва ли россияне хотят выбирать правителей Белоруссии, а белорусы – правителей России. Другое дело тот, кто метит в Наполеоны. Может быть, Лукашенко действительно мало Белоруссии? А может быть, объединение для Минска и Москвы – как мяч в волейболе? Одна команда, бросая мяч другой, не опасается, что та его возьмет и унесет домой. Важно, чтобы мяч приземлился на территории соперника и принес очки в игре».

Согласен с каждым словом человека, написавшего это письмо. Светлая голова!

«Сразу скажу, что я против коммунистов, – пишет Олег Иванович Шамов из поселка Гари Свердловской области. – А вот скажу, что делается сегодня. Ельцин вешает лапшу на уши народу своими посланиями, а коррупция все растет, высшие эшелоны строят себе дворцы, вся

кие себе льготы напридумывали, и он никого из них не посадил. Отсюда логический вывод: значит, он растит уголовный мир умышленно. И все – на глазах русского Ивана, который молчит. Его хоть замори, будет молчать, поэтому нечего его жалеть, он, дурак, вымирает – так ему и надо. Прошу вас, Анатолий Иванович, прочитайте мое письмо по радио, и не один раз. Вы не думайте, что я не русский...»

Не думаю, Олег Иванович. Конечно, не думаю. Так написать мог только русский – так он говорит и пишет уже тысячу лет. А президент в свободной стране никого сажать все-таки не должен. В свободной стране он все время помнит, что, если будет нарушать законы, то могут посадить и его самого.

«Здравствуйте, глубокоуважаемая «Свобода»! Пишет вам постоянный ваш слушатель Евдоким Горемыко из Горловки. Я тридцать восьмого года рождения и за свою жизнь научился различать черное и белое. Слушая письма некоторых ратующих за коммунизм, диву даюсь их наглости. Прошу огласить мои слова к ним. Неужели вы думаете, что люди слепые и глухие? Неужели, думаете, они не знают, что за коммунизм голосуют те, кто привык ни за что не отвечать или на чужом горбу в рай въезжать? Вам не нравится молодежь – бесовестная, говорите. Так вы же, красноперки, ее и породили! Чтобы дерево давало хороший плод, надо за ним ухаживать, а не видимость создавать и понты колотить».

В этом месте письма Евдокима Горемыко из Горловки я взглянул на конверт. Действительно: писано из заключения.

«Шакалы кровавые, лагерей понастроили для рабсилы даровой, столько судеб поломали своей идеологией! А теперь, удавы краснопузые, пожинайте то, что сами посеяли. И не надо на демократию валить. Скажите спасибо, что хоть своей смертью подохнете. И немножко о поли-

тике в мире. Америка – вот кто наш самый близкий по духу и принципу союзник, знать бы нашим дуракам в Москве и на окраинах. Вот с кем надо дружить и укреплять связи!»

Автор обращается прямо к американцам:

«Не бросайте нас, ребята! Помогите нашей демократии встать на ноги. Коммунисты еще сильны». Приготовил Евдоким Горемыко речь и к обыкновенным своим соотечественникам – к тем из них, кто сам не знает, за кого он и за что, только ругается: «Нас вырастили и воспитали на лжи и фальши, так что, может быть, хватит? Неужели вы еще не разобрались, кто к чему стремится? Проснитесь! Очнитесь! Всем тяжело. Но поймите вы, что не так-то просто изгнать дьявола, который семьдесят лет креп на наших холопских плечах. Равняйтесь на Америку, у нее самый правильный курс!»

О себе автор этого письма сообщает в конце:

«Я сам с Кубани, ювелир, серебряных дел мастер. Но по иронии судьбы и воле Божьей (слава Ему!), отбываю срок наказания в местах лишения свободы. За что? – спросите. Отвечу сначала не за что, а из-за чего. Из-за того, что дебильные законы еще в силе и действуют. Сижу за то, что травился теми ядами, какие мне милей, а не теми, какие государство в магазинах мне навязывало. Сижу уже четвертый раз. За мак сижу, Анатолий Иванович. На этот раз дали шесть лет и шесть месяцев, осталось четыре и шесть. Я всегда с вами и за вас. Жму ваши мужественные руки и да хранит вас Бог».

Спасибо, Евдоким. Про наше мужество – это слишком громко, у вас его, по-моему, куда больше, раз, несмотря на ни на что, сохранили такую отменную здравость. Слушайте, неужели нельзя выбраться на свободу пораньше? Это ужасно – провести за колючей проволокой еще четыре с половиной года! Может быть, можно заслужить досрочное освобождение: хорошей работой, поведением?.. Не подумайте только, что призываю вас «стучать». Очень

хочется, чтобы вы раньше вышли. Я бы на вашем месте немного меньше ругался. Среди «красных» немало людей, которые верят каждому своему слову, – хороших людей, просто замечательных иногда, но так уж они устроены.

«Слушая вас, вижу, чего вы не знаете и не понимаете, – пишет Анатолий Михайлович Минаев из Брянска. – Люди наши всегда верили и верят своему гению – Владимиру Ильичу Ленину-Ульянову, гениальнейшему философу и прогрессивному революционеру-вождю. Провидением неба он поставлен в самый центр всей истории человечества. И поэтому Ленин вечен, неистребим и бесконечен, как сама Вселенная. Сталин же с его сторонниками и преемниками оказался полной его противоположностью, они удушили нэп. Так что, о каком коммунизме и коммунистах вы постоянно ведете речь? Где вы их видели? Ни одного дня не было нигде ни социализма, ни коммунизма, ни советской власти. Была диктатура злодеев против частной собственности, то есть, против человека, против человечности, против человечества».

Спасибо за интересное письмо, господин Минаев. Мысль, что покушение на частную собственность – это покушение на человека, высказана давно, замечательно, что она и ваша, но Ильич вас за это не похвалил бы. Он сказал бы, что вы Великое Учение выворачиваете наизнанку и тем льете воду сами знаете на чью мельницу.

В одной из предыдущих передач я прочитал письмо из Тюмени, от господина Колосова. Он не был на Западе, но думает, что жизнь там тяжелая и неприятная. «Это общество, – писал он, – где все продается и покупается», где «людям с детства прививается полное безразличие к окружающим», где люди, боясь потерять работу, «трудятся на износ», так что на остальное их не хватает. Я мог бы, как делал не раз, обратить его внимание на продолжительность жизни западных людей, на то, например, сколь-

ко они расходуют горячей воды и мыла – в том числе на мытье своих мостовых, сколько выращивается цветов на душу населения в западном мире, но не стал этого делать, потому что господин Колосов написал, что ему было бы интересно услышать своих соотечественников, живущих на Западе. Один из них откликнулся, некто Григорий из Голландии.

«Как и в России, чтобы нормально жить, нужно хорошо работать, – пишет он. – Работают здесь почти все. Есть такие, что работают бесплатно, называется: «волонтерский труд». Это люди, которые еще не нашли себе подходящего оплачиваемого места, но не хотят сидеть целыми днями у телевизора и смотреть «мыльные оперы». Они работают в организациях, помогающих бедным, беженцам, в Красном Кресте. Там много добровольцев. Когда я приехал на Запад, то был как слепой котенок. Мне стала помогать одна женщина из такой организации. Она все мне показывала, объясняла, где и что находится, куда я должен обращаться, ходила со мной. Я не знал, что она занимается этим бесплатно. Потом она нашла себе подходящее место и работает там уже за деньги. Зная советскую систему образования, я советую своим бывшим соотечественникам учить языки. Поверьте, приятно говорить с француженкой на французском языке».

Спасибо за письмо, Григорий. Думаю, что вам поверят. Я не знаю, кем надо быть, чтобы не поверить, как приятно беседовать с француженкой – тем более, по-французски.

Кожух Наталия Михайловна из Мариуполя: «Пишут вам коллективное письмо люди разного возраста с Украины. Я лично приехала на побывку к сыну из России. У сына, то есть, у его семьи, очень много друзей, дом очень дружен, проживают в нем люди всех национальностей или почти всех, которые проживали в Советском Союзе. Все живем очень дружно и очень жалеем, что распался Советский Союз, и вину (это мнение не только нашего

дома, а девяноста процентов живущих в Украине людей) – вину за такой геноцид над народом народ возлагает на этих бандитов-демократов...»

Дальше идут известные фамилии.

«От имени себя и от имени моих рабочих друзей-россиян осуждаю президента Ельцина и его команду. Мы, русские простые честные люди, вам об этом говорим. Не надо винить коммунистов, они виноваты только в одном: в том, что проспали свою власть, что так легко отдали ее этим бандитам, которые устроили в угоду Западу геноцид над русским народом, над народом Советского Союза. Мы, рабочие, жили в Советском Союзе свободно, и лучшей жизни для простых рабочих ни одна демократия, никакая другая власть не даст, мы могли и детей своих учить, и на курорты ездить, а теперь лечиться не имеем права, на курорты ездить не имеем права, ибо денег нам не хватает даже на еду, с голоду мрут сотни людей, дети падают в обмороки. Да за что такое наказание несет наш несчастный трудовой люд? По улицам, по теле-радио болтается бессмысленное аристократическое отребье. Надо подниматься, чтобы нам не мешали заморские ублюдки! Против Советского Союза выступают тюремщики, которые вредили советской власти в ее бытность, а теперь распустили крылышки, но ничего у них не получится, расправа народа придет над ними!»

Наталья Михайловна хотела, конечно, сказать не «тюремщики», а «заклученные», «диссиденты», которые вредили советской власти, в основном, тем, что читали и давали читать другим запрещенную литературу. При советской власти, как известно, литература делилась на разрешенную и запрещенную.

«Виноват Ельцин!! – повторяет госпожа Кожух. – Мы, простые люди, за него не голосовали. Значит, была подтасовка. Ему нельзя прощать. Он за все муки русского народа должен ответить перед народом. Неужели он не слышит и не понимает, насколько он виноват перед народом?»

Вы знаете, уже нет тех слов, которыми можно было бы высказать обиду народа. Все это делают несколько десятков человек, они сменяют друг друга у власти, один нагребит – приходит другой грабить и так далее. И все это очень надо Западу, он добивается этого с помощью радио «Свобода», которая подстрекает, подталкивает, и ваши холуи вам помогают, они тоже радуются, что распался Советский Союз, получают за это деньги. А сколько шпионов, которые готовы в любой момент зажечь кровавую свечу! Поэтому очень хотим, чтобы вы прочитали хоть кое-что из нашего письма, будем вам очень благодарны».

Это что-то небывалое, Наталья Михайловна. Я замечаю это и в других письмах. Вы нас ругаете, считаете нас своими врагами, согласных с нами называете холуями, уверены, что Америка их подкупает – и к нам же обращаетесь с такими просьбами, и говорите, что будете нам благодарны, и так говорите, что видно: действительно будете благодарны! Напишите, пожалуйста, как вас понимать. У меня есть кое-какие догадки, но я их пока оставляю при себе, а сейчас послушайте письмо от человека, который думает не совсем так, как вы. Может быть, вы обратите внимание на то, ПОЧЕМУ он думает не так, как вы. Он считает, что ему помогла Библия. Он из тех, кому она помогает... По-моему, правда, дело не в Книге, даже такой, а в натуре человека, в том, что он именно из людей, которым помогают: кому Библия, кому Коран, хотя большинство из этих людей не держали их в руках.

«Пишу вам из Чувашии, город Канаш, Иванов Василий Иванович, сын чувашского народа. Я всех правителей пережил, начиная со Сталина и кончая Горбачевым. Кратко скажу: ничего хорошего не было. В девяностом году я ради интереса купил книгу «Библия», с тех пор ее изучаю, многое понял. Но еще до этого предвидел, что будет очень плохо. Как началась перестройка, решил привести в поряд-

док свое хозяйство. В восемьдесят восьмом году на три месяца уволился с работы, купил очень много кровельного железа, сделал ремонт снаружи и внутри дома, потолки обшил, краски много купил, сетку проволочную купил, заборы обновил. Через два года все пропало, в магазинах ничего не найти было, а как появилось, все подорожало, было уже не по нашим карманам. Ох, как я радовался!»

Почему Василий Иванович еще в начале перестройки предвидел, что «будет очень плохо»? Что он видел вокруг себя такого, чего не замечали другие?

«Когда началась перестройка, Горбачев очень много выступал. В одном из его выступлений я прочел: «Перестройка – это есть духовное обновление всех слоев общества, отсюда все: и экономика, и хорошая жизнь, и нравственность». Я это сразу выписал в тетрадь себе. Далее он говорил: каждый человек должен начинать с самого себя, а не кивать на кого-то. Вот золотые слова. А народы СНГ их пропустили мимо ушей».

Вот это и предвидел Василий Иванович...

«Во всем обвиняют Горбачева и Ельцина. А то, что мы в невежестве семьдесят лет живем, не хотят понять. Посмотрим на себя, изучим себя. Все ли в порядке с нами? Я не ругаю никого, хотя и у меня пропали сбережения, ваучер, и все остальное у меня не лучшее, чем у большинства. Это мы должны так и так пережить. Никуда от этого не уйдешь. Я живу нормально. Что кушать, на сегодня есть, во что одеться, есть, крыша над головой есть, здоровье есть. Пока могу работать, не пропаду, а там что Бог даст. Самое главное – душа ни о чем не болит. Что будет дальше, зависит от самого народа, от всех слоев общества. Если они поймут то, что я понял, дело пойдет легче».

Конечно, поймут, Василий Иванович. Неизвестно, правда, когда. До двадцатого века для понимания таких вещей требовались столетия. В двадцатом веке – десятилетия. Что будет в двадцать первом, посмотрим.

Семья Гусевых из Москвы пишет о ленинском мавзолее: «Думается, что тело надо захоронить, как полагается на Руси. А как быть с мавзолеем? Тут возможны варианты. Наше предложение такое. Распилить его на миллион кусочков и продавать, как сувениры, по очень большой цене, преимущественно иностранцам. Чтобы хватило на покрытие долгов по пенсиям и зарплатам. Чтобы вообще люди начали нормально жить».

Я бы внес одно уточнение, господа Гусевы. Не «продавать по очень большой цене», а «просить очень большую цену». Продавать же за столько, сколько будут давать. Естественно, торговаться, ибо на базаре, по любимому моему присловью, два дурака: один продает, другой покупает. Французы говорят иначе: коммерция – это жизнь.

«Уважаемый Анатолий Иванович, вышлите мне, пожалуйста, вашу книгу с автографом, географическую карту Европы, буклеты радио «Свобода» с автографами ее сотрудников и адреса фирм, выпускающих дизельгенераторы «Шкода», автомобили «Шкода» и хорошую, на ваш взгляд, обувь (женскую и мужскую)». Этот же человек спрашивает меня, не мог бы ли я на волнах радио Свобода «на основании исторических документов, объективно осветить историю Крыма, Молдовы, Бессарабии, Кубани». К сожалению, не могу, ничего не могу из перечисленного... Но читать этот перечень мне было интересно.

Кащей - на флаг

Июнь-июль 1997

«Мне наплевать на будущее моей страны так же, как подавляющему большинству населения». Не хочу называть человека, у которого вырвались эти слова.

«Я понимаю отчаяние и злобу этих людей, – пишет господин Сарычев из Самары. – Я хотел бы им сказать: вспомните войну и послевоенное время. Разруха, голод, смерть. А как люди ощущали себя в тех условиях? Для них писались бодрые стихи, веселые песни, делались душевные, жизнерадостные кинокартины. Все было пронизано верой в светлое будущее, и только трезвые головы не верили в казенные обещания, за что и слетали, бывало, с плеч. Остальные шли и шли к этому будущему со звонкими песнями, пока не подкосились ноги, пока не развалилась вся будто бы величественная постройка. Что нас вело? Нас вела ложь. Нас вел страх. А ложь и страх не вечны. Так стоит ли проклинать нынешний день этой несчастной страны?»

Один из тех, чья голова должна была слететь, живет сейчас в Германии. Это Яков Дмитриевич Осипов.

«После войны, – пишет он, – я жил в деревне, учился в школе. В Москве у меня была знакомая, тоже школьница. Однажды я получил от нее письмо о ноябрьской демонстрации на Красной площади. Сталин вышел на трибуну всего на несколько минут, писала она. В рядах демонстрантов раздались крики восторга. Когда вождь исчез, толпа в истерике, со слезами стала просить, чтобы он показался еще раз. Я ответил девушке возмущенным мальчишеским письмом. Я спрашивал ее: как можно так унижаться перед тираном! Она дала мое письмо прочитать всему классу. Училась в престижной школе, в классе были

дети генералов и больших чиновников. Ответили мне всем классом. Обзывали меня по-всякому. К счастью, никто не донес, только обругали».

Я в свое время был глупее вас, Яков Дмитриевич, уважал Павлика Морозова.

«В четырнадцать лет, – продолжает автор, – в сорок девятом году, смеха ради я на уроке русского языка переделал слова знаменитой песни. Слова были такие: «Ветер наши знамена колышет... Пусть же Сталин любимый услышит эту песню в московском Кремле». Я сделал так: «Ветер наши лохмотья колышет... пусть же Сталин проклятый услышит наши стоны в Московском Кремле». Смеялись с соседом по парте. Я был деревенский подросток. Что я знал? То, что знал мой отец, неграмотный кузнец. Он все понимал в советской рабской жизни и ничего не скрывал от меня. Он мне рассказывал, что украинцев, всех поголовно, хотели выслать в гиблые края. Откуда ему было известно? Не знаю, но вот передо мною документ. Совершенно секретный приказ Берия и Жукова номер 0078 от 22 июня 1942 года: «Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживающих под властью немецких оккупантов». Этот приказ, как я понимаю, не был выполнен только за недостатком сил. Коммунисты в селе ненавидели моего отца, потому что он видел их насквозь. Он был единственным кузнецом в селе, всю жизнь работал, а ему дали самую низшую пенсию, двенадцать рублей, да и то только после семидесяти лет. Объяснили прямо: «Не надо было таким умным быть!»

Господин Осипов откликается на письмо одного нашего слушателя, обратившегося к бывшим советским людям, переехавшим на Запад, с просьбой рассказать о таковой жизни.

«Я знаю из рассказов пожилых немцев, как им пришлось выбираться из руин после войны. Это была жизнь, полная лишений, недоедания и каторжного труда – и унижения, национального унижения. Всем в стране заправля-

ли американцы. Никто не обещал немцам светлого будущего. Каждый делал его своими руками при высокой общественной организации. А первым делом отстранили от руководства на всех уровнях национал-социалистов. Сейчас в Германии едва ли не самая богатая, отлаженная, чистая в мире жизнь, совершенные, почти идеальные законы. Эти законы не на бумаге, они действуют. Но и сквозь них нет-нет да и покажется истинное лицо человека – алчное лицо хапути. Могут жестоко надуть, уничтожить тебя, если не знаешь законов, языка или не имеешь характера, особенно если пришел из другого мира».

Как бы в связи с этим другой наш слушатель вспомнил слова Георга Вильгельма Фридриха Гегеля: когда Господь Бог создавал человека, он позаботился не столько об оригинальности индивидуумов, сколько об их воспроизводстве.

«И полно недовольных, – продолжает Яков Дмитриевич Осипов. – Мои родственники-немцы осточертели своими жалобами на жизнь, нытьем, претензиями к власти, к ООН, к человечеству, ко всей Вселенной. Оказывается, можно ныть не только от бедности. Можно ныть, будучи вполне благополучным обывателем в богатейшей стране мира. Канцлер Коль сказал, что Германия – самая плаксивая страна в Европе. И это действительно так – мы убеждаемся на каждом шагу и в том, что самая богатая, и в том, что самая плаксивая».

Владислав Кукса из Киева рассказывает истории из своей жизни. «В восьмидесятом году я был студентом Киевского ликбеза, – так он пишет о Киевском университете, «ликбезами» в двадцатые-тридцатые годы назывались курсы для ликвидации безграмотности, там учили читать и отчасти писать. – На одном из семинаров по научному коммунизму я без всякой задней мысли задал вопрос: если так у нас в стране все правильно и хорошо, а в мире неправильно и плохо, если мы такие умные, а

остальные такие дураки, то почему в наших магазинах очереди, почему за маслом-мясом люди едут в столицы из самых отдаленных мест, почему молодежь предпочитает заграничные товары отечественным и так далее? Я тут же был обозван клеветником-антисоветчиком и изгнан из аудитории».

Во время каникул Владислав работал в пионерском лагере. «Начальницей лагеря, – пишет он, – была комсомолка тридцатых годов. Она отчитывала нас, молодых воспитателей: «Вы как-то не умеете отдыхать. Вы только западную музыку слушаете. Что вы в ней находите? Вот мы, бывало, соберемся, выпьем по стакану водки и поем: «Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати!» Доставалось от нее и детям. Выстроила их и говорит: «Вам наша партия дала все. Вы имеете возможность здесь играть, три раза питаться, а в это время миллионы детей умирают от голода на земле и на других планетах».

После университета Владислав Кукса был направлен в школу села Плоского Черниговской области учителем литературы. «Однажды, – пишет он, – я дал своим пятиклассникам задание написать сочинение на тему: «Моя самая большая мечта». Эти сочинения храню до сих пор. Двое написали, что мечтают о мотоциклах или хотя бы мопедах. Остальные двадцать пять – поехать в Киев, купить и съесть кто десять, кто двадцать, кто тридцать порций мороженого. Один мечтал о сорока. Это был, – подчеркивает он, – восемьдесят третий год».

Пишет он в связи с тем, что ему надоели письма «настоящих советских людей», которые я читаю в своих передачах. «Этим людям ничего не докажешь, да и вряд ли стоит пытаться, – считает он. – Пусть живут в уверенности, что до их Лукича с его «архигенальным»: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» всякие там Платоны, Канты, Декарты и Бэконы говорили: «Не учиться, не учиться и еще раз не учиться!» Интересно было бы, кстати, узнать ваше мнение, что нужно «стадам»: «дары свободы» или

«бич» и талон на полкило колбасы в месяц? Во времена, которые дороги этим несчастным, ходил анекдот, который я вспоминаю всякий раз, когда слышу, как они обвиняют вас в клевете на советскую жизнь. Председателю колхоза звонит секретарь райкома: «Петрович, к тебе выехала иностранная делегация, так ты их встреть за селом, покажи лес и речку, а в село не пускай, а то увидят хаты под соломой, пьяных мужиков возле пустого магазина и улицы в ямах». – «Иванович, да они уже приехали!» – «Ну, так ты хоть в коровник их не веди. Не дай Бог, крыша обвалится». – «Да они уже там были. Обвалилась». – «Что же ты, такой-сякой, наделал! Напишут теперь в своих буржуазных газетах, что села у нас бедные, колхозники пьянствуют, коровники разваливаются». – «Иванович, да вы не волнуйтесь. Нэхай клеветуют!» От тех же времен у меня хранится один документ, подлинность которого эти несчастные, по крайней мере, некоторые из них, будут отрицать. Тоже скажут, что я клевету на их родную власть. Это – предписание, доставленное в 1983 году мне, преподавателю средней школы в селе Плоском на Черниговщине, от председателя сельсовета: «Тов. Кукса В.В., во второй раз предупреждаем вас, что вы не сдали 2 (две) тонны зеленой массы. Немедленно сдайте!» Это, значит, я, учитель, в жизни не державший в руках косу, должен был накосить две тонны чего-то зеленого и сдать в колхоз, чтобы тем самым внести свою лепту, как тогда говорилось, в выполнение «гениальной» Продовольственной программы, а просто говоря, помочь коммунистам прокормить коров, которые почему-то у них ни разу не наедались с первого колхозного дня».

В 1989 году учитель Владислав Кукса, автор этого письма, сделался «челноком» – стал ездить в Югославию за промтоваром. Сейчас он там живет бродячим батраком. «Меня сразу поразило и поражает до сих пор, – пишет он, – изобилие сельхозпродуктов на здешних базарах и в магазинах. Большая удача, если крестьянину удаётся

сбыть весь свой урожай, молоко, сыр, мясо – такая высокая конкуренция. И все равно, средняя сельская семья, обрабатывающая пять-восемь гектаров земли, имеет два-три дома, две-три легковушки, трактор и счета в немецких и австрийских банках. Выручают в год кто сто тысяч немецких марок, кто пятьдесят, кто тридцать. Чтобы меньше – такого не слышал. Как и они почти ничего не слышали о колхозах? Когда я им рассказываю, что наши колхозники десятилетиями ездили в города не только за колбасой, но бывало и за хлебом, – не верят. Эх, Анатолий Иванович, этих, не верящих мне сербских мужиков с шестью-семью классами образования, да в наш бы парламент! Представляете себе, какие тут же появились бы законы? И о роспуске колхозов, и о свободной продаже земли, и о нормальных налогах. Думы мои, думы мои, лихо мени з вами!»

Спасибо за письмо, Владислав. Как раз это я мог бы сказать вам на ваш вроде бы не требовавший ответа вопрос: что нужно «стадам» – «дары свободы» или талон на полкилограмма колбасы в месяц? («Стада», «дары свободы» – эти слова господин Кукса взял из пушкинского стихотворения. «Зачем стадам дары свободы? Их должно резать или стричь».) Нужны стадам дары свободы. Это их заветное желание – навсегда отбить его, как показывает опыт, невозможно. Стадо, ставшее свободным, – уже не стадо, а личности с чувством собственного достоинства и потому способные принять законы и о роспуске колхозов, и о свободной продаже земли. «Стада» без свободы, как оказалось, не могут накормить ни себя, ни даже своих пастухов иной раз. Благосостояние повсюду в мире растет только вместе с ростом свободы, иначе не бывает.

«Я иногда слушаю ваши враждебные передачи, – сообщает мне господин Казаков из Петербурга, поклонник самого шумного из думцев. – Иногда вас посещают проблески разума, но, в основном, рассудок ваш затемнен пато-

логической ненавистью к русскому народу». Алексей Петрович Подойников из села Бараново Ливенского района Орловской области тоже пишет, что из наших передач «лезет в глаза заказной, остронаправленный антироссийский подтекст».

Уважаемый Алексей Петрович, я сейчас прочитаю, что пишет о России один человек: «Народ забит, запуган, все так же, как и раньше, смотрит в рот председателю, посаженному в будку чербера еще райкомом. Мне очень не хочется, чтобы мой подрастающий сын жил в той же заболоченной, удушенной античеловеческими идеями России, в какой я прожил, а точнее, пропрозябал свою жизнь». Вы, конечно, узнали эти слова, Алексей Петрович, потому что они из вашего же письма, расположены на той же странице, где вы пишете про наш «заказной остронаправленный антироссийский подтекст». Видите, что делается? (Я обращаюсь уже ко всем слушателям.) Это письмо – не исключение. Почти все, кто изобличает нас в ненависти (или презрении, или – мягко – не любви) к России, пишут о ней так, как господин Подойников.

Из деревни Лукоянихи Селивановского района Владимирской области пишет Баколдина Галина Федоровна, мать троих детей: «У меня нет возражений против каких-то конкретных ваших передач, но все-таки сквозь них просматривается «генеральная линия». Мы, русские, очень интуитивные люди. Мы нутром понимаем то, что до головы может и не дойти. Мне не нравится «Свобода» тем, что она старается незаметно, как говорили раньше, нечувствительно вызвать у меня презрительное отношение ко всему русскому. Да, мы, конечно, хорошо засели и все, что имеем, имеем по заслугам. Но мы же за все и платим по очень высокой цене. Русские вымирают. Каждую неделю в нашем «Селивановском вестнике» сообщают, сколько нас родилось и сколько умерло. Счет не в нашу пользу. Оставить бы нас в покое, не размазывать

бы нас по стенке... Почему Россия (кстати, царская – тоже) так действует миру на нервы? Неужели в самом деле идет невидимая брань? Что я, собственно, хочу сказать? Как Церковь является телом Христа, так и каждый народ существует в своей совокупности, это – тело со всеми членами. Большое, но больное тело России завязло в болоте. Мы все – клеточки этого единого организма. Вы, я, «коммуны», «демократы». Это не зависит от нас. В нашей воле только наш путь. Каждый решает, куда стремиться – к центру или от центра, уменьшать энтропию или увеличивать ее. Мне не хотелось бы вас обидеть, Анатолий Иванович, но вы работаете на увеличение энтропии, на разрушение духовного тела России».

Вы не одна такого мнения, Галина Федоровна, скажу еще раз. Вот письмо, под которым вместо подписи значится: «Из Москвы и Полтавы». Грубые слова опускаю. «Ты, такой-сякой, работаешь для внесения хаоса и разложения в сознание россиян в тяжелое для России время. Если ты не перестанешь лгать на соборную Россию в эфире, тебя ждет возмездие...» Ларчик открывается этим словом: «соборная». На сегодняшний день существуют два основных понимания нации. Одно – то самое, которое помогает жить госпоже Баколдиной. Красивое, возвышенное, вызывающее умиление, когда дела в стране идут хорошо, и душевный надрыв, когда дела идут плохо. Правда, в странах, где заметно преобладает это понимание, где оно не просто одно из настроений, а что-то вроде государственной религии, дела всегда идут плохо, люди живут скудно, скучно и мало. Почему? Когда говорят о нации, что она есть организм, тело, то подразумевают, что оно, как и положено телу, состоит из членов – менее важных и более важных. И, естественно, подразумевается такой член, как голова, глава тела, ее управляющий центр. Баколдина Галина Федоровна, выросшая, по ее словам, на московском асфальте, а теперь живущая в деревне Лукоянихе, не случайно употребляет все эти слова: «тело»,

«организм», «центр», «клеточки». Сталин говорил «винтики», это про рядовых своих подданных, а про писателей – «инженеры человеческих душ». Он не был исключением из правила. Тело, организм, соборность, клеточки, винтики – так говорят все, без исключения, вожди, фюреры, дуче, батшки, бакши. Это речи африканских князьков. Желающие могут себя поздравить. Это все вне демократии. Это все – до-демократия. Вождь, фюрер, дуче, батко, бакши – каждый из них твердо знает, что он только до тех пор вождь, фюрер, дуче, батко, бакши, пока население верит, что он и есть тот центр, тянуться к которому – значит, служить родине, а отворачиваться – значит, предавать ее. Это им: вождям, фюрерам, дуче, баткам, бакшам нужно, чтобы люди думали не просто обо всем одинаково, а так, как велит думать Духовный, а на деле всегда бюрократический, Центр Нации. Из этих стран «Свобода» получает такие письма, какое только что пришло из узбекского города Турктуля: «Не могу вам описать всю нашу жизнь. Боюсь, вскрыют письмо». Пишет молодой узбек. Второе понятие о нации тоже довольно старое, но только в этом веке оно окончательно утвердилось в самых благополучных странах, почему они и сделались самыми благополучными. Нация как государство, даже точнее – как страна. Получивший голландское гражданство человек считается голландцем. Национальный интерес – интерес не племени, а страны: не лишиться, например, выхода к морю или получить этот выход. Все зримо и весомо, все поддается измерению и вычислению, не надо быть поэтом или любителем поэзии, не нужно впадать в необычное состояние вроде умиления или гордости, чтобы понять, что к чему. Там нет отцов нации, а значит нет и врагов нации, а есть там разного веса чиновники, за которыми общество смотрит в оба, чтобы меньше воровали и бездельничали. И там никто не желает, чтобы власть через сочинителей «инженерила» его душу, всяк предпочитает обходиться сам.

«Я с большим вниманием слушаю ваши радиопередачи и очень уважаю вас, – пишет Павел Данилович Ненюков из Краснодара. – Мы надеялись, что новая власть подвинет страну вперед, а получили нуворишскую Россию, грабителей трудового народа. Они мне могут сказать, что работали мы при советской власти плохо, на склад и тому подобную чушь. Может, где и плохо. Но наши машины, наши тракторы, комбайны пользовались спросом, их не хватало».

Работал я на этих тракторах, Павел Данилович. Что представлял собою настоящий советский трактор, настоящий комбайн, с хрущевских времен могла писать советская же печать – и писала до посинения пальцев. Металла на советский трактор шло в три раза больше, чем на американский такой же мощности, топлива он пожирал вдвое больше, часто рассыпался на полдороге от завода к полю. Сидишь в нем, как на колу, трясет, отовсюду дует. У меня не было ватных штанов, так я всовывал ноги в рукава телогрейки – это в сентябрьские казахстанские заморозки. Быть советским трактористом со стажем означало иметь, помимо орденов, медалей и вороха почетных грамот, язву желудка или радикулит, нередко – то и другое. Спроса на эти тракторы не было никакого – власть навязывала их колхозам и совхозам, как всё и всем, это соль социализма: бери что дают.

«Но кто мешает теперешним богачам строить заводы лучше, краше, – словно отвечает мне господин Ненюков. – Кто мешает им выпускать высококачественную продукцию, с позолотой, не требующую много энергии и так далее? Мы были бы только рады этому. Кто им мешает? Но они думают только о себе, о своих дачах».

Думаю, что расточительство российских богачей – не только их вина, Павел Данилович. Они при всем желании не могут делать то, что вы от них требуете. Кто им мешает строить хорошие заводы и выпускать прекрасную продукцию, вы спрашиваете так, будто ответ сам собою разумеет-

ся: никто. А между тем, легче сказать, кто им не мешает. Прежде всего, мешает само государство в целом, мешает едва ли не каждый чиновник в отдельности. Их давят налогами, поборами, изматывают волокитой, оставляют беззащитными перед бандитами. До сих пор в России делалось все, чтобы подлинно частное производство не только не могло существовать и развиваться, но даже не могло появиться. Подлинно, повторяю, частное – зависящее только от потребителя, обязанное власти только налогом.

В связи с вашим письмом я опять добрался до той папки, в которую складываю письма с вопросами о Латинской Америке – почему в ней не рай, хотя социализма там никогда не было. Спрашивают обычно с вызовом, с подковыркой. Об этой манере один слушатель написал: «В спорах совков истины не рождаются, а морды разбиваются». Вопрос же этот впервые был задан не в России и не «красными». Его поставила перед собою западная наука в восьмидесятые годы. Я приведу только один из ответов. За стопроцентную правильность его никто, понятно, не ручается. Просто мне он кажется очень интересным. Говоря просто и коротко, Южная Америка отстала от Северной потому, что не смогла обуздать бессовестность и разгильдяйство в деловых отношениях людей. Южным американцам не удалось в такой степени, как северным, приучиться возвращать друг другу долги, исправно выполнять договора, не ловчить, не жульничать. По научному это звучит так: в народном хозяйстве Латинской Америки издавна чрезвычайно высоки транзакционные издержки. Предприниматель вынужден слишком много тратить на взятки и поборы, на преодоление всяческих рогаток, чересчур много теряет оттого, что его на каждом шагу «кидают». Средств на развитие производства почти не остается. И так – из века в век. В чем же дело? Дело в том, отвечают экономисты-историки, что Латинская Америка – дочь Испании, а Северная – дочь Англии. Надо вспомнить шестнадцатый век. Кроме власти, королям,

как известно, нужны были деньги, все больше денег. Деньги были у ремесленников, крестьян и особенно у купцов. Деньги одинаково требовались и английским королям, и испанским. Но действовали они не одинаково. Английские короли деньги, так сказать, покупали. Они давали подданным права, свободы, хозяйственные поблажки – и те более или менее охотно вносили подати. Шел постоянный торг. Я, король, дам вам такие-то права, которые сулят вам такие-то выгоды, а вы, подданные, поделитесь со мною барышом. Испанские короли до торга с подданными, с колониями не опускались. Они просто требовали денег, просто приказывали людям и местностям вносить в казну все больше и больше, просто взимали, изымали, а то и отнимали деньги. Для этого нужно было ставить много чиновников, заводить разветвленную бюрократию. А под опекой чиновника много не похозяйствуешь – и честно не похозяйствуешь. Англичане приставляли к предпринимателю закон и уговор, а испанцы – произвол (в лице чиновника) и сговор. Это портило людей. Так что разница между капитализмами разных стран – это в конце концов разница в поведении населения этих стран.

Какой путь выбрала послекоммунистическая Россия, мои слушатели знают лучше меня – это ведь их выбор.

«Один из самых больших грехов, которые совершили жители СССР, – этой война в Афганистане, – пишет нам киевлянин Константин Иванович Брижань. – Судя по всему, мы причинили афганцам такое же зло, какое гитлеровская Германия нам. Одни делали это, другие знали об этом (или могли узнать) и молчали, а многие даже радовались, что наша сверхдержава завоевывает мир. Наше тяжелое положение сейчас – это наказание свыше за наши дела в Афганистане. И первое, что нам нужно, – настоящее раскаяние и материальная помощь тем, кто пострадал от нас. Только тогда Бог простит нас и благословит нас. Как покаявшуюся Германию. Вспомните слова Сол-

женицына: «Западную Германию наполнило облако раскаяния, прежде чем там наступил экономический расцвет». Иначе у нас тоже будут миллионы убитых и покалеченных, кто бы ни был у власти и какой бы ни был тип экономики».

Николай Нестерович Ермаченков из Новгорода: «Сестра одного так называемого экономиста с высшим образованием, работающая в одном из колхозов Тульской области, приехала к своему брату в Новгород просить совета. Ей в колхозе предложили бесплатно 20 гектаров земли с правом часть ее продать. Она спросила брата: брать или не брать? Он ей в ответ дал коммунистическую формулировку: «Земля – общенародное достояние и частной собственностью быть не может!» Женщина уехала и отказалась взять землю. В 150 километрах от Москвы, на берегу Оки... Она могла продать пять гектаров под сады-огороды примерно по полторы тысячи долларов за сотку и получить, таким образом, 750 тысяч долларов. На эти деньги она могла бы построить своей семье дом в два этажа с подвалом, хозяйственный двор, купить нужную технику – создать на остальных пятнадцати гектарах небольшое фермерское хозяйство и жить припеваючи. Но для этого надо было, чтобы ее брат знал кое-что помимо марксистско-ленинской политэкономии, которая сделала его забитым параноиком».

Я бы добавил: и завистником, а может быть, и на первое место это поставил, господин Ермаченков.

Василий Иванович Якунин из Орла: «Не знаю, хвати ли у вас мужества прочесть в эфир хоть выдержки из моего письма. Пишу я его второй год, так как конверт стоит, как раньше мотоцикл с коляской. Образование мое два класса, некогда было учиться, рос беспризорником. Ни полей оставлять, ни ставить точек не собираюсь, мне главное – выразить, ЧТО у меня на душе. Отец мой

строил Беломорканал, четверо из семьи погибли на фронте, в партизанах были две сестры и брат. Я всю жизнь проработал, а получил голодную западную демократию. Все партии ненавижу с детства, но при коммунистах я жил отлично, даже имел машину, ел что хотел, теперь утоляю голод жевательной резинкой. Раньше я ел фрукты, когда хотел, и вволю, а теперь – только по праздникам, раньше молока пил вволю, а теперь – в неделю стакан. В брежневские времена вес мой был семьдесят три килограмма, носил пятьдесят второй размер, теперь вес мой пятьдесят семь килограммов, размер сорок шестой и тот велик. Я забыл, какой вкус имеет мясо, сметана».

Живет этот человек не только личным, свои невзгоды связывает со страной, с государством, свою судьбу – с их судьбами: «Раньше нас мир уважал, боялся (для него, как и для всех таких людей, это одно и то же), а теперь страны нет, остались одни обломки. Все попорно: честь, совесть, достоинство, любовь превратили в животную потребу. Мы просим милостыни у Запада, и Запад нам диктует свои законы». Во всем этом, по его мнению, виноват Ельцин: «Какой из него рыночник? Кто его учил рынку?» Но тут же оказывается, что всегда – в том числе и тогда, когда страну боялся весь мир, – правители были не лучше: «Сколько помню наших правителей: то убийца, то шизофреник, то параноик. У нас никогда не было здорового образованного правителя и, пожалуй, теперь долго не будет». В связи с чем он предлагает новый флаг для России: черный, «так как Россия стремительно вымирает, а вверху – Змей Горинич и Кашей Бессмертный, гимн такой:

Вставай, страна огромная,
вставай на смертный бой
с чубайской силой темною
и с ельцинской ордой.

Я бы, конечно, много написал, да противно слушать ваше глумление над нашей нищей страной и безмозговыми старыми дряхлыми коммунистами во главе с Ельциным».

Побойтесь Бога, Василий Иванович! Кто из нас двоих глумится над Россией? Кто предлагает Кашея на ее флаг?

Самый конец этого письма: «Вас я слушаю с момента вашего появления в эфире, и никакого путного вывода для себя в ваших передачах не обнаружил».

Это совсем не обязательно, Василий Иванович. Главное – что вы нас слушаете. Зато я из вашего письма кое-что почерпнул. Оно лишний раз показало, как надорвалась страна, которая слишком долго, не считаясь с затратами и потерями, делала все для того, чтобы ее боялся весь мир – чтобы стать хозяйкой в мире, если называть вещи своими именами. Не могло это кончиться добром. Когда народ ставит перед собою такие цели, он обязательно ставит над собою ту или иную диктатуру, он обязательно лишает себя свободы, потому что иначе невозможно собраться в один кулак, отказаться от самых необходимых благ. После поражения, а оно неизбежно – борьбу за мировое господство никто никогда не выигрывал и не выиграет – и просходит с людьми и странами то, что так или иначе отражается во всех письмах, которые получает радио «Свобода».

Тарас Олейник из Львова: «Мне 24 года, я геолог, и хотел бы для примера взять всем известные кораллы – те, которые строят рифы. Так вот, их развитие возможно, когда толща воды над ними не менее двух метров (иначе им не хватит света), температура ее – в пределах 20-30 градусов, соленость – 50-60 промилей. Условия свободного рынка – наилучшие для самовыражения человека, а значит и для удовлетворения его потребностей. Чтобы это увидеть, надо просто сравнить политические устройства разных стран и уровень их жизни. Где демократия, там изобилие. Вам, правда, пишут, что аргентинцам, например, не очень-то хорошо при капитализме. По сравнению с Соединенными Штатами Америки – да. Но дело, по моему, тут в людях – в том, что они мирятся с произволом

и коррупцией чиновников, позволяют себя обманывать нечистым политикам. Есть нужная температура воды, хватает света, а соли маловато, и кораллы растут плохо. Но я уверен, что будь в Аргентине другой, недемократический, режим, они там росли бы еще хуже».

Вы правы, Тарас, – правы с точки зрения ученых, которые специально исследовали причины того, почему Латинская Америка отстает от Северной. Я говорил об этом в одной из предыдущих передач. Вы написали свое письмо за два месяца до нее. Судя по всему, вы не знакомы с работами этих ученых, иначе, как человек науки, наверняка сослались бы на них. С удовольствием читал ваше письмо. В 24 года вы самостоятельно дошли до того, до чего человек других, недемократических, убеждений не доходит и в 64. Вот что значит свободные мозги. Советская власть не случайно так тщательно следила, чтобы на всё без исключения люди смотрели через призму марксизма-ленинизма. Без этой помехи перед глазами они легко видели бы все как есть. Но вообще, этот разговор о Латинской Америке потерял свою злободневность еще до того, как нынешние российские коммунисты его начали. Дела там в последние годы идут совсем неплохо, кое-где просто отлично. В Бразилии, например, душевой доход уже раз в пять выше, чем в России.

Владимир Иванов из города Клинцы Брянской области: «Вы вот защищаете новый строй, Ельцина, что свернул хребет старому обществу при помощи реформ, а на черта мне эти реформы? Мне жить надо, а не наблюдать эту метушню. Кто лишил меня работы? Кто отнял у меня то, что было на сберкнижке до девяносто первого года, кто разорил наши фабрики, заводы? Тысячи безработных, униженных. Кому предъявить счет? Некому. Ведь в России, когда начнешь искать виновного, так найдешь только себя. Сам виноват, что плохо живешь. Как же у других государств получается – в Чехии, Венгрии? Такие же бы-

ли, как и мы. Неужли у нас денег нет нанять хорошее правительство, пусть и иностранное? Ведь чем дальше, тем глубже в болото залезаем, погрязаем в воровстве, взяточничестве, во всяком негодействе!»

В Чехии, господин Иванов, большинству населения, конечно, лучше, чем российскому большинству в России, хотя хватает и трудностей, и слабостей, и просчетов. Но вот одна подробность. В Праге на некоторых улицах на окнах первых этажей выставлены цветы в лотках и горшках. Снаружи выставлены. Рукой достанет и ребенок. Не скажу за все улицы, но на той, по которой я каждый день хожу на работу и с работы, еще не видел ни разбитого горшка, ни обломанного цветка. Вы догадались, о чем я думаю, проходя по этой улице? Сколько – нет, не дней, не часов! – сколько минут эти горшки простояли бы в любом российском городе или городке, в любом белорусском, украинском... А правительство, конечно, можно нанять, за неимением подходящего своего. Во всяком случае, такое в русской истории бывало, больше, правда, по легендам, чем согласно бесспорным документам. Да оно и теперь нанятое – по мнению «красно-коричневых» российских газет. Они его называют оккупационным. Так дразнить свое начальство – это ведь то же самое, что сшибать цветочные горшки с чужих окон.

«Как по мне, происходящее сегодня укладывается в афоризм: при коммунистах нас волновали проблемы мира и социализма, при демократах – проблема выживания,» – пишет господин Йоселевич из Львова. Я бы чуть-чуть изменил ваше крылатое выражение, господин Йоселевич. Оттого, что при коммунистах нас волновали проблемы мира и социализма, в конце концов возникла проблема выживания.

Цветы на Пречистенке

Август-сентябрь 1997

Наталя Теличкина из Риги: «Я пишу это письмо не с целью обидеть русский народ, я сама его часть. За что нас не любят? Нас не любят за неумение себя вести, а одним словом – за хамство. Я в это слово включаю всё. Нет культуры общения ни в семье, ни вне ее, нет культуры еды и особенно питья, нет культуры тела, нет культуры материнства: дети или заброшены, или заласканы, так что освобождены от всякой ответственности. А этот мат через каждое слово, просто не владение родной речью (послушайте хотя бы российского премьера)! Нет гармонии в русском человеке. Я живу в Латвии с десяти лет, сейчас мне пятьдесят один. У моих детей, родившихся здесь, нет никакого гражданства, кроме бывшего советского. Нам здесь плохо, но нужно, я считаю, видеть, подмечать хорошее у латышей. Главное для меня то, что их дети воспитываются в спокойной обстановке, они растут самостоятельными и ответственными людьми. Я ни разу не видела, чтобы их прилюдно шлепали. Все относятся к ним ровно, доброжелательно, с огромным терпением, но без сюсюканья, занянчиванья, учат всему по дому. Я не встречала латышки, которая не умеет вязать, а многие умеют и шить, и плести, и даже ткать. Вкус чувствуется в том, как они одеваются, все, от мала до велика, знают народные песни и танцы. А сады вокруг домов! Это не просто посаженные деревья, кусты и цветы, розы – это песня, причем, у каждого своя. Мне обидно за наших. Уже в десять лет видно, идет ли латышская девочка или русская – по одежде, по походке, по обращению с сумочкой. Меня недавно спросили в латышской среде, почему мы, русские люди, такие. Я сказала что-то о потере национальных корней. «Так надо же их восстанавливать!» – ответили

мне. За приличные деньги здесь можно смотреть Москву, ОРТ. Но что мы видим? Боевики, страшилки, прыгающие певцы и певички, почти каждая «говорящая голова» пускает дым. А патриоты кричат о том, что в мире не любят Россию, как будто все обязаны ее любить. Повторяю первые слова своего письма: я пишу не с целью обидеть русский народ, я сама его часть. Наталья Теличкина из Риги».

«Вы откровенный, неутомимый враг России. Говорю это с полной уверенностью, хотя не знаю, какой паспорт вы заработали у своих хозяев», – пишет мне Павел Филатов оттуда же, из Риги. Ему пятьдесят лет, он возмущен тем, что я иногда читаю письма от «богом обиженных туземных аборигенов Прибалтики». Ему хочется, чтобы государственным языком там был русский. «Господин Стреляный, будьте же объективны, скажите им, что в Америке туземцы говорят по-английски и не перестают от этого быть туземцами». По его наблюдениям, латыши «втайне мечтают, чтобы на их языке говорил весь мир». Называет их неблагодарными: «Они плохо помнят построенные НАМИ заводы и фабрики, жилье и мосты».

Спасибо за внимание к «Свободе», господин Филатов. Трудно с вами согласиться, что сразу три народа могут не помнить добра и не понимать своей выгоды. Тем более, такие вполне современные народы, хотя вы им в этом и отказываете. Читая письмо Натальи Теличкиной, а потом ваше, я вспоминал, как отзывались о Прибалтике, о прибалтах в Советском Союзе. Не так, как вы, а как Наталья. Молодцы! Молодцы эстонцы, молодцы латыши, молодцы литовцы. Меньше советской бесхозяйственности, грубости и нечистоты, лучше продукты, красивее и добротнее промтовар. Все, что у них лучше, идет оттого, что они прибалты, а все, что такое же, как повсюду, – оттого, что и повсюду. Это само собою разумелось и для Сталина, и для Хрущева, и для Брежнева, и для беспартийного колхозника. Не представляю себе советского человека, кото-

рый сказал бы тогда: все хорошее у прибалтов оттого, что ими командует Москва, а плохое – оттого, что они прибалты, «туземные аборигены», как пишете вы сегодня. Мы знаем, сколько русских в Прибалтике чувствуют себя ущемленными, сколько из них и в самом деле ущемлены. Тем более печально, что некоторым из них и этого мало, они еще и сами себя унижают – тем, что с вызовом отрицают очевидные вещи. Бог ведь действительно «все видит и воздаст всем должное», – как вы пишете в конце своего письма, господин Филатов.

«С грамотой у меня неважно, - пишет Александр Григорьевич Смирский из Львова, – учиться не было возможности: голод, холод, тиф, тяжкий труд. Призван я был в конную артиллерию, поэтому я знаю, что повод должен быть всегда хорошо натянут. Без управления, сама по себе, лошадь может понести, разобьет и орудие, и себя, а дизельный мотор когда пойдет вразнос, это страшно. Повод был ослаблен еще Горбачевым, и вот что получилось. В последние годы я два раза был на Сахалине. Несколько капель моей крови есть и в Праге, но на Сахалине мне спасли жизнь, поэтому езжу туда, там у меня много друзей. Я посмотрел, в каких трущобах живут люди. Получают по безработице, и все уходит на водку. Пьют всю зиму. Закуска заготовлена с осени: кета, икра. Проблем нет. Подледный лов. Пара минут – и ведро корюшки. Но дело не в этом, а в том, что я там услышал от рабочих, не от элиты. Такого я не слышал никогда в жизни. «Похать на Украину, на Грузию больше не будем!» – такое мнение сибиряков я услышал. А во Львове можно слышать, что Украина пашет на Россию, что Россия грабит Украину, и говорят это те, кто на следующий день едет в Москву с протянутой рукой».

Пусть говорят, Александр Григорьевич, на каждый роток не накинешь платок, хорошо хоть то, что теперь меньше боятся говорить. Есть несколько мыслей, до кото-

рых сразу, без малейшего труда, додумывается человек, который вдруг примется рассуждать о том, чего не знает. Любой человек, во все времена и везде! Их совсем немного, этих мыслей. Едва ли не первая – как раз та, которую вы слышали на Сахалине и слышите во Львове. Нам плохо из-за того, что хорошо соседям. Почему именно до этих мыслей сразу, без малейшего труда, додумывается человек? Именно потому, что она не требует труда. Как с подлёдным ловом корюшки на Сахалине. Две минуты посидел – и полное ведро.

Письмо из Москвы, от Коновалова Сергея Владимировича: «Когда я служил на Севере, у нас произошло ЧП. Парень, прослуживший полтора года, убил ножом прослужившего два года. Убил за то, что этот «годов» над ним издевался. До этого и я много терпел. А после этого случая спокойно посидел, подумал и решил, что надо действовать так же. Через две недели я попал в наряд на камбуз. И там один «годов» начал надо мной издеваться. Я мыл кафельную стену. Он стал командовать: «Быстрей, быстрей, еще быстрее, ты что, не понял?» Ударил меня ногой. Я промолчал. Он схватил меня за грудки и ударил головой о стену. Идти жаловаться офицерам было не только бесполезно, но и опасно – могли загонять. Назначают тебя в наряд и заставляют работать без отдыха и без сна, ребята падали через пять-семь суток. Поэтому я достал нож и сказал ему, что если он еще раз меня тронет, убью. Один из присутствовавших при этом годков побежал за офицером, а двое пошли на меня, один – с большой поварешкой, другой – с бачком, но тут появился дежурный офицер. Нас разняли, меня отправили в санчасть как психа. Крутили меня по госпиталям месяцев семь, то и дело спрашивали, успокоился ли я, возьмусь ли снова за нож, если возникнет конфликт. Я отвечал одно и то же: да, возьмусь, пинать себя не позволю, лучше день прожить человеком, чем сто лет холуём, это моя полити-

ка. Я говорил ребятам, что надо дружно держаться, надо защищаться. Кроме тупой злобы, в их глазах я ничего не видел. Причем, злобы ко мне, а не к тем, кто их пинал. Еще хуже. Некоторые говорили: «Скорей бы стать годком, салаг гонять буду!» Если это нормальные люди, то я, конечно, псих. На гражданке мне приходилось слышать кое-что пострашнее: «Что, хорошо жить хочешь?» Я слышал это и от рабочих – здоровых мужиков, и от начальников, и от кандидатов наук. Такие мы ничтожные граждане – такие же ничтожные у нас и государства».

Спасибо за письмо, Сергей, об этом пишут и другие слушатели. Ваше выделяется последними словами. Ничтожные граждане – значит не свободные люди. Свободные так себя не ведут.

Пишет В. Королев из города Выксы Нижегородской области: «Я не желаю тебе здоровья, господин Стреляный. Регулярно слушаю твои прежде антисоветские, а теперь антирусские передачи. Много раз пытался написать тебе, ублюдку. Мне сорок пять лет. Я окончил одно из лучших учебных заведений России – Нижегородский университет, историк, красnodипломник. К режиму КПСС у меня было двойственное отношение. С одной стороны мне не нравилось, что мы не выбирали своих правителей – они сами себя выбирали за толстыми кремлевскими стенами. С другой стороны, мне нравилось, что мы великая страна и что ее граждан уважали в мире. Как историк я всегда считал и считаю, что внутренний враг опаснее внешних в российской истории. Мы создали крупнейшую и сильнейшую военную машину, способную без союзников вести войну со всем остальным миром. Но мы забыли создать эффективную армию для борьбы с внутренним врагом. Я вступил в ряды КППРФ 29 августа прошлого года, когда ею были проиграны президентские выборы, так что никто не может упрекнуть меня в корыстных мотивах. Я убежден, что мы возродим наше великое государство. Мы в

нашей партии скоро избавимся от стариков-догматиков, от сталинистов, придет, уже приходит новое поколение социалистов-демократов-патриотов. Вот что я хотел тебе сказать, господин Стреляный. Ты не думай, что я злой человек, я очень добрый к друзьям. А ты мне враг. Недавно услышал об убийстве в Праге Инны Светловой. Лучше бы убили тебя. Прощай, делай дальше свою паскудную работу. Владимир Королев. Коммунист нового поколения, патриот. Город Выкса Нижегородской области».

Что ж, господин Королев... «Вот мы и познакомились с новым поколением российских коммунистов», – скажу я тем слушателям, которые до сегодняшнего дня не имели понятия, какое оно и чего можно от него ожидать. Я думаю, что одно у вас получится наверняка: избавитесь вы и от Зюганова, и от Лукьянова с Рыжковым. Кажется, они не рассчитывали, что так скоро станут лишними в собственных рядах.

«Наше сознание заостенело от единомыслия и пьянства, – пишет Александр Петрович Галицкий из Риги. – Одни думают, как выжить, другие – как разбогатеть, третьи – как прорваться к власти». А господин Галицкий думает о том, как вернуть человечество к Марксу. «Его политэкономия, – пишет он, – актуальна и сегодня. Научный социализм можно отбросить, а в диалектический материализм внести существенную поправку. Но боюсь, что это уже никому не нужно».

Пожалуй, так, Александр Петрович.

«Как стервятник терзает падаль, так и вы все клаете давно сдохшего коня Буденного – тупо и бесстрашно. Шельмуете почившую в Бозе советскую власть, когда вам это уже ничем не грозит, – пишет мне из Белгорода господин Николаевский. – Вас самого-то не тошнит? А если вы решите открыто выступить против ельцинского курса реформ или расширения НАТО на восток, или расчлене-

ния России на мелкие вотчины и улусы, то после этого вам придется собирать пустые бутылки в подъездах Праги, Мюнхена или Нью-Йорка».

Уважаемый господин Николаевский, ну, не видел я на Западе человека (ни там родившегося, ни бывшего советского), кто собирал бы бутылки в подъездах потому, что выступил против своего правительства, тем более – ельцинского. И никто не видел, это невозможно. Не говоря уже о том, что в Мюнхене, Нью-Йорке и даже в Праге бутылки в подъездах не валяются. Открыто выступают против расширения НАТО и против ельцинского курса некоторые очень известные политические и общественные деятели на Западе, университетские профессора, обозреватели, есть среди них несколько очень известных выходцев из Советского Союза – ни один не пострадал за это, ни один не бедствует.

«Отлично знаете, – продолжает автор письма, – что Ельцин и его проамериканский марионеточный режим – всего лишь ширма для криминальной буржуазии». Воров в России очень много, господин Николаевский, и покровители у них могущественные, но вы, наверное, забыли, как резко этот режим выступил – и продолжает выступать – против расширения НАТО. Никак не скажешь: это он для виду – чтобы прикрыть свою подчиненность американцам.

Вы, конечно, не удивитесь, что мне кажется более правильным другой отзыв о нашей работе. Александр Дехтенок из Полтавы пишет: «В ваших передачах слышится голос простого угнетенного народа, а не всяких партий с их амбициями и рвением к власти. Спасибо за свободную информацию». Интересно употреблено тут слово «рвение» – в смысле «рваться», а не «стараться». Не в моем вкусе выражение «угнетенный народ», но как раз из этой среды (я давно заметил) мы получаем самые здоровые и прямые письма и в связи с расширением НАТО. Простые

люди меньше едят, почему Восточная Европа и Прибалтика просятся в НАТО, а больше – почему российское руководство делает вид, что очень этим встревожено. Воровство, взяточничество (по этому показателю впереди только Колумбия и еще пара стран), бесчинство бюрократии, давящей частника, свое сделали: того интереса к России, какой был в девяносто первом году, в мире уже нет, поводов, чтобы пробиться со своим голосом в мир, вызвать толки о себе, теперь немного – годится любой, а новые заботы НАТО представляют собою такой повод, который следовало бы выдумать, если бы он не подвернулся сам собою.

Господин Подгайный, живущий в селе Воскресенском Золотоношского района Черкасской области: «Анатолий Стреляный из кожи вон лезет на радиостанции «Свобода», чтобы убедить всех нас, что жили мы плохо, что были «совками». Но каким же «совком» надо быть, чтобы не согласиться с тем, что стали жить еще хуже! Кто же сделал нас недееспособными, малопродуктивными и голодными? Раньше Стреляный убеждал нас, что нам платили символическую зарплату. Теперь не платят совсем. Работы нет. Вот, оказывается, что такое свобода, демократия и демократы! Это похлеще сталинского Гулага и фашистских газовых камер. Все рухнуло. Надеялись на перемены, теперь стало ясно, что перемены закончились ограблением, работающий человек нужен власти, пока его можно грабить. Власть опять к богатым воротит рыло, как писал Маяковский. При таком обороте дела дождемся чего-то страшнее Семнадцатого года. Еще недавно с ужасом читали о сталинских репрессиях. Только теперь стало ясно, что даже Сталин не смог извести ту нечисть, которая снова кинулась грабить страну».

Вы правы, господин Подгайный, очень большим «совком» надо быть, чтобы не согласиться, что многие в бывшем Советском Союзе живут сейчас хуже, чем при советс-

кой власти. Именно «совком», ведь он тем, помимо прочего, и отличается, что может не поверить в самое точное число, если оно ему не нравится. Числа, цифры показывают: примерно 16 процентов россиян довольны своей жизнью, около 40 процентов считают свою жизнь сносной и 35 – невыносимой. В Украине таких больше. Вы принимаете во внимание только последний показатель, говорите от его имени, и не я буду тем, кто упрекнет вас в этой односторонности, потому что столько отчаявшихся – это слишком много, угрожающе много. Тем более, что теперешние обездоленные, как показывает почта радио «Свобода», рассуждают точно так, как и в Семнадцатом году, принимают те же объяснения своих невзгод, откликаются на те же призывы, так же свято уверены, что если раскулачить всех зажиточных, то отнятого добра хватит на всех бедных до скончания их дней.

Правда, как и в семнадцатом, есть исключения. Пишет Галина Водич, ваша соотечественница, господин Подгайный, и сейчас почти землячка:

«Я родилась в степном селе Новоспасовка, сейчас Осипенко. Это в 18 километрах от Бердянска. Когда Россия завоевала Крым, то ногайская орда откочевала на Кавказ. Освободились степные черноземы, и потянулись вереницы возов с Полтавщины на новые земли. Село мое возникло на берегу степной речки Берды. Ему 200 лет. Большое, чистое, было богатым. Я до беспамятства люблю свое родное село, овеванное полынными ветрами, – и этим счастлива. С десяти лет живу в Киеве. Мне немного за пятьдесят. У меня был чудесный муж, есть сын, невестка-красавица, похожий на меня внучек, еще жива, слава Богу, моя матушка. Я счастлива, жизнь прожила, как песню спела. Много работала, сутки были расписаны по минутам. Шью, вяжу, вышиваю, в доме музейный порядок и аптечная чистота. Много читаю, много ездила по Советскому Союзу, у меня 15 лет геологического стажа (я кончи-

ла институт и аспирантуру). Ситуация ужасная, вы все знаете, Анатолий Иванович. Как прожить на 50 гривен (это около 30 долларов) в месяц? Оплачивать квартиру, ухаживать за матерью... Но выход есть всегда. Я прислони-лась к земле. Судьба забросила меня на хутор Кулиши. Это 104 километра от Киева. Рядом село Бушево. Село на взгорбке, внизу течет Рось, за нею ромашковые луга, в километре полоса соснового леса, в нем одна-единствен-ная улочка Луговая. Это и есть мой хутор. Дали мне заб-рошенную усадьбу, двадцать соток земли. У меня было: четыре лопаты, четыре тяпки, двое граблей, двое вил и только две руки. Больше ничего. Я поставила дом (шесть на девять, по проекту знакомого архитектора, внизу четы-ре комнатки, над ними мансарда, здесь я вам пишу), поса-дила сад, завела огород, в котором все буйствует, как у Александра Довженко в «Зачарованной Десне». А какие тыквы! Каждый лист может служить зонтиком. Огром-ные душистые цветы, я называю их разбойниками: своими стеблями они протаранили соседние грядки гороха. Не думайте, что мне легко, Анатолий Иванович. Очень тяже-ло! Сын не помогает – он далеко, ему некогда, да и не хо-чет. Все сделала сама. Через три года и месяц повесила на окна тюль. Было во мне 90 килограммов, стало 70. Порхаю, как бабочка. Я теперь такая счастливая, как никогда. Про столицу и свою роскошную квартиру и не вспоминаю. Главное, что я хочу сказать: не надо отчаи-ваться! Ничего не продаю, много раздаю, у меня много друзей. А кто скулит, тот просто лодырь. Или я ошиба-юсь? Когда человеку на земле было легко? Никогда».

Александр Курицкий, живущий сейчас в Германии, пишет: «Разве можно передать радость, когда ребенок, глядя советскую кинокартину, спрашивает, что такое «Красный уголок»?» Согласен с вами, Александр. Если вспомнить, что означало слово «красный» в этом названии общественной комнаты отдыха, то хорошего, конечно,

мало. Но если не вспоминать, то само по себе название покажется вполне удачным, я бы его не менял. «Красным углом» называлось гостевое место в избе, там висела икона, теплилась лампадка, на полочке под нею лежала святая книга. И слова «субботник», «воскресник» – тоже, по моему, хорошие, мне кажется, они могут возродиться, – после того, как будут окончательно освобождены от советской обязаловки.

Алексей Николаевич Мосолов из Петербурга прислал свой труд на 12 страницах под названием: «Судьба коммунизма в России». В препроводилке пишет: «Всю свою жизнь работаю на заводе. Общение с ветеранами партии, войны, с представителями мелкой и средней номенклатуры позволило мне сформулировать свой взгляд на нашу историю». Прочитаю несколько кусочков из этого труда. «Многие коммунисты старшего поколения, особенно те, кто учился до войны, неплохо знают марксизм-ленинизм. Но и они не понимают, что политическая система, основанная на государственной собственности, неизбежно ведет к несменяемости руководства, к отказу от разделения властей и к репрессиям. Без Хозяина и без репрессий система не работает, чиновничество, номенклатура превращается в никчемный социальный слой».

Автор метко описывает пройденный этим слоем путь от времен Сталина до времен Ельцина.

«Сталин. Создал систему управления и контроля. Она построена по армейскому образцу. Каждый в строю, на своем месте, под контролем. Система (номенклатура) образована из особых людей. Вглядимся в лица. Не правда ли, выделить отмеченных печатью ума, одухотворенности трудно? Хамство к низестоящим, собачья преданность вышестоящим и эдакая простоватая хитрость, изворотливость. Личный состав сталинской номенклатуры пронизан смертельным страхом, поэтому номенклатурщик строит свою деятельность таким образом, чтобы

избежать какой-либо ответственности. Посмотрим, кого мы выбираем до сих пор. Это партийно-хозяйственный актив КПСС – люди, которые в своем подсознании все еще несут великий сталинский страх. Они знают, что только того нельзя расстрелять, кто ничего не делает. Попробуйте обвинить в чем-либо Черномырдина – не получится, возле него всегда есть мальчики для битья».

Время после Сталина описывается в этом письме так:

«Хрущев. Номенклатура явно тяготится этим чрезвычайно деятельным человеком.

Брежнев. Номенклатура явно довольна тем, что Брежнев ее не трогает.

Горбачев. Номенклатура наглеет. Директора требуют свободы от плана. Высшая номенклатура мечтает сбросить с себя ответственность за предприятия.

Ельцин. Номенклатура осуществила свою мечту о полной свободе и безнаказанности. Теперь она никому не подчинена, ни за что не отвечает, каждый может заниматься личными делами, ни на что не оглядываясь».

Господин Мосолов призывает задуматься, почему ей это удалось. Этот вопрос так или иначе присутствует в половине писем на радио «Свобода», а в половине этой половины обвиняют радиостанцию «Свобода». Только раз или два в полгода кто-нибудь даёт ответ, который сам собою разумеется для господина Мосолова. Алексей Николаевич считает, что виноваты сторонники медленных преобразований: «Эти люди до сих пор не хотят понять, что переход от одной формы собственности к другой есть по своей природе скачкообразный процесс, о чем много и убедительно писал Ленин. Не может быть полезным медленное перетекание одного в другое. За средства производства кто-то должен нести ответственность. В противном случае – развал».

Спасибо за ваш труд, Алексей Николаевич, сожалею, что не могу прочитать его полностью. Когда-нибудь все поймут то, что в 1992 году понимали несколько человек

в России. Постепенность сильно помогла чиновничеству превратить приватизацию в прихватизацию.

Письмо из станицы Ивановской Красноармейского района Краснодарского края от Шестухина Сергея:

«Здравствуйте! Сразу сообщаю о себе. Мне 32 года, живу нормально, имею двухэтажный дом, автомобиль, ну, и все такое. Но, хотя я и не пенсионер, за демократов не голосую. Раньше я ненавидел коммунистов, но когда увидел, как воруют демократы, то коммунистам так и не снилось... Хотя вообще-то это те коммунисты, которые в советское время больше всех наворовали, а потом сделали капитализм под себя, чтобы все это отмыть. Раньше, при социализме, слушал «Голос Америки», «Свободу» и верил вам. Сейчас я эти радиостанции ненавижу, хотя слушаю регулярно: надо знать своих врагов».

Письмо небольшое, но затронуто в нем, кажется, все, что человека волнует. Например, Ленинский мавзолей: «Не нашему поколению решать вопрос о мавзолее. Пусть пройдет лет 30, тогда видно будет. А если не на что его содержать, можно сделать платный вход». Об атомных делах: «Наше правительство не платит работникам атомных электростанций. Почему вы, радио «Свобода», не бьете тревогу? Ведь таким путем не только уничтожают нашу атомную энергетику, но могут устроить новый Чернобыль, может и вам попасть. Они вас ведь слушаются – эти Чубайсы и Немцовы, так что подавайте свой голос, а то поздно будет». Больше всего Сергея Шестухина задевает то, что Россия живет хуже Америки, Японии, Германии – этих, как он пишет, «крошечных стран, у которых нет ничего своего, так что они могут не бояться, что их кто-то завоюет». И не столько то его задевает, что Россия хуже живет, сколько то, что Запад из-за этого невысокого мнения о русской нации. «Хуже Запада мы живем не потому, что мы такая нация, – пишет он, – а потому, что у нас большая территория, малая плотность населения и суро-

вые климатические условия. Зато у России всё своё. Если мы перекроем краны Западу, то там все сдохнут с голоду. Русский народ самый выносливый в мире. Американцы уже давно пропали бы в наших условиях».

Я прочитал Ваше письмо, Сергей Шестухин, и как будто снова побывал на Кубани, в вашей станице Ивановской, постоял в очереди у пивного ларька. Интересно, тот ли он сейчас, что и был? Я заезжал в Ивановскую году в семьдесят восьмом. Пиво случалось далеко не каждый день, кислое и мутное – было за что ругать коммунистов. Агроном, помню, поставил на стол сыр и сливочное масло: был в отпуске в Москве, привез оттуда – побаловать семью. В те годы Советский Союз получал с Запада до сорока миллионов тонн зерна в год – больше, чем с Украины и Кубани вместе взятых. Сейчас Россия покупает не зерно, а мясо и другие продукты, готовые и полуготовые. Половина, а по некоторым подсчетам больше половины продовольствия, потребляемого городским населением страны, – заграничное. Но вы можете особо не беспокоиться, Сергей. Перекрывать этот кран Запад не собирается, разве что на российской стороне что-нибудь случится. Очень уж много там до последней степени изношенного оборудования на вредных производствах. В свою очередь, и Запад особо не беспокоится, что Россия, если к власти в ней придут люди вашего направления, перекроет свои газовые и нефтяные краны. Через эти краны Запад получает только десятую часть того, что советские газеты называли «голубым топливом» и «черным золотом». Топливные компании Северной Европы в таком случае с удовольствием увеличат добычу. Чуть-чуть повысят давление в своих трубах арабы. Всё это давно просчитано. Так что не советовал бы я вам, господин Шестухин, говорить с миром таким языком, вынашивать такие планы. Из-за них (все-таки из-за них – из-за планов мирового господства, а не из-за климата) россияне живут намного хуже, чем немцы и французы в своих крошечных, по вашим мер-

кам, странах. 85 процентов продукции советской промышленности пожирала она сама, на три четверти, если не больше, военная. При чем тут климат, сами подумайте! При Брежнев, помните, был анекдот о четырех факторах, которые мешали ему накормить страну. Первый фактор – зима, второй – весна, третий – лето, четвертый фактор – осень.

«Для решения вопроса о характере, истинных целях и задачах любой революции необходимо определить основные движущие силы ее и место вновь созданного общества в непрерывной естественной социальной эволюции человечества, оценить постреволюционные преобразования...»

Если бы авторы таких писем знали, как скучно их читать, я думаю... это все равно никого не остановило бы. Ну, какая революция знает свои истинные цели и задачи? Как может знать свои истинные цели и задачи вышедшая из берегов река, взбесившаяся лошадь и пошедший вразнос дизельный двигатель?

В одной из предыдущих передач я говорил о пражском обычае украшать цветами наружные подоконники окон в первых этажах домов. Дотянуться до них может и ребенок, но я еще не видел ни разбитого горшка, ни обломанного цветка. Есть, оказывается, такой дом и в Москве. Он на Пречистенке, в этом доме аптека, на ее-то наружных подоконниках и были выставлены цветы, и стоят уже месяца три, все в целости и сохранности. Сообщил человек, который все это время ходит мимо. Считаю это отраднейшим явлением новой российской жизни.

Какой народ прав?

Сентябрь-октябрь 1997

Из Белоруссии, из Барановичей, пишет рабочий-текстильщик, 35 лет: «В марте месяце текущего года я впервые в своей жизни был арестован и отсидел трое суток за то, что у меня в руках оказался незарегистрированный, как мне объяснил задержавший меня подполковник милиции, плакат. На плакате было написано: «Жыве Беларусь!» Взяли и ребят, которые держали в руках не плакаты, а тонкие палки, которые можно было использовать для поднятия незарегистрированных лозунгов и флагов, как объяснили им стражи лукашенковского порядка. Подписываюсь своим настоящим именем. Пусть знает «всенародно избранный», что не все его боятся».

Я все-таки не называю этого человека.

Из Жлобинского района Гомельской области сообщают о самом важном, по мнению авторов письма, но в то же время и самом темном, белорусском законе. Оказывается, изготовление самогона, равно как и самогонного аппарата, считается в этой стране преступлением только в том случае, если его продают за деньги, а если сивуха сама (или опять же аппарат) выступает в роли денег, если ею (им) покрывают долги, рассчитываются за сельхозработы и прочие услуги, то, согласно третьего пункта статьи 155-й, суда не будет. Спрашивают, не знаю ли я, какие на сей счет дальнейшие планы у Адольфа Рыгоровича (впервые вижу это имя-отчество в письме на «Свободу»): будут ли, например, принимать самогон в сберегательные банки? «Вот нагнал человек зимой литров 30-50, – говорится в письме, – отдал в банк и до весенних сельхозработ пусть стоит. Если работники банка не выпьют, глядишь, процентов накапает за 4-6 месяцев с литруху. В законе также

сказано совершенно ясно, что самогоном можно рассчитывать с кредиторами. С какими – не расписано. Значит ли это, что я могу взять в том же банке этак миллионов 10, а вернуть самогоном или самогонными аппаратами? Узнайте для нас у нашего Адольфа Рыгоровича», – повторяется незнакомое мне имя-отчество. Фамилия и должность не указаны.

Опять Белоруссия. Из Гомеля пишет бывший военный летчик, майор: «Лукашенко в своей предвыборной риторике провозгласил: «Народ всегда прав!» Ну, да, держи карман шире. Разве не народ потребовал распять Христа? А вспомнить ночь с 7 на 8 ноября (по новому стилю) 1917 года. Это ведь народ в одну ночь отрекся от Бога, Царя и Отечества. Это народ дал свергнуть себя в бесконечную гражданскую войну. Это народ создал себе кумира – и не одного. По-моему, прав тот народ, который хорошо живет (великие слова, господин майор!) и не угнетает другие народы. Правы те народы, у которых хорошие правители. Вот так. Поскольку живу в полицейском государстве, то называю себя только для вас, не потому, что боюсь, а просто не хотелось бы попасть в историю».

Спасибо за письмо, господин майор. Я рад каждому не пустому письму, но ваше – праздник.

«Прав тот народ, который хорошо живёт».

Хвала Интернету (по-русски «Всемирная паутина»). Как только радио «Свобода» оказалась в ее сетях, пошли к нам письма и по ним. Одно из первых и первое, которое я упомяну, прислал господин Кирпичев из Москвы, 43 лет, фантаст и публицист. Это статья, от которой, по его словам, отказались все крупные московские газеты. «Историческое предназначение России, – пишет он, – явить миру образец абсолютной морали. Судьба России – стать совестью Земли». Никаких возражений, господин Кирпичев, – во всяком случае, с моей стороны. Пусть стано-

вится Россия совестью Земли – и чем быстрее, тем лучше, я хотел бы до этого дожить. Некоторые украинцы считают, правда, что совестью Земли станет Украина. Тоже не возражаю, тоже хотел бы дожить... Жалко, что не может быть двух совестей. В последнее время идут намеки из Минска – склоняются, слышно, к тому, что совестью Земли станет-таки Беларусь, ее это миссия, ее крест – Беларусь, вобравшая в себя, для начала, всё славянство.

«Понимаю, что объективно оценивать роль КПСС в создании социалистического государства вам не позволяет служебное положение», – пишет мне Елена Свиридова, явно подразумевая, что «объективно» значит «высоко». Если так, то вы ошибаетесь, госпожа Свиридова. Мое положение позволяет оценивать эту роль исключительно высоко. Без такой партии, особенно без ее управленческой части, ничего бы не вышло, социалистического государства не было бы. Другое дело, хорошо это было бы или плохо.

«За годы советской власти, – продолжает госпожа Свиридова, – создано столько поистине прекрасного: лучший в мире балет, музыка, литература, известные во всем мире спортсмены, талантливые ученые, простые советские люди, способные на героические подвиги в ратном и мирном труде. Почему же вы ссылаетесь только на приевшийся голодомор, Гулаг, очереди? Сколько можно оперировать одними и теми же фактами? Да, мы жили небогато, но зато верили в завтрашний день, у нас было хорошее настроение, люди выходили вечерами на прогулку семьями. А теперь не живут, а выживают. Если вы сможете превозмочь себя и объективно осветить теперешнюю жизнь в сравнении с тем, что мы потеряли, я перемену свое мнение о вас».

Ничего нет проще, госпожа Свиридова. Заявляю во всеуслышание: знаю и признаю, что вам и многим вокруг вас сегодня хуже, чем при коммунизме. Как бы я мог

этого не знать и не признавать, если я завален такими письмами, как ваше? Я подчеркнул в вашем письме, госпожа Свиридова, слова: «Да, мы жили небогато...» А ведь это, по писаным и неписаным законам того времени, есть не что иное, как клевета на советский общественный, экономический и какой там еще строй! Людей, бывало, сажали за такую клевету. Разве не нам с вами говорилось уже в детском саду, что мы живем богаче всех на свете? Разве не мы с вами должны были знать наизусть ленинское положение, согласно которому победит тот строй, при котором люди будут лучше жить? Иначе говоря: потерпит поражение тот строй, о котором даже такие преданные ему люди, как вы, скажут: «Да, мы жили небогато...» И никаких «зато», госпожа Свиридова! Все эти ссылки на балет, на веру в будущее – хорошая мина при плохой игре. Строй, на который вы так надеялись, потерпел поражение в главном – в главном с точки зрения самого Ленина: в производительности труда. И вы сейчас на себе испытываете последствия этого поражения.

Господин Назаров из Петербурга прислал нам, как он пишет, «любопытную брошюру». Это учебное пособие под названием: «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне в жизни и судьбе России». Автор – отставной полковник Родионов, кандидат философских наук (эту опечатку господин Назаров подчеркнул). Война описывается в духе сталинской пропаганды, автор противопоставляет свой труд, как он пишет, «разного рода астафьевым и солженициным». Студентам предлагается следующий взгляд на историю появления послесоветской России: «Империалистам удалось решить сформулированные фашистами цели без войны, с помощью подкупа и идеологической обработки представителей агентов влияния империализма, которые помогли ему ликвидировать большевизм, разрушили Союз Советских социалистических республик». Это «учебное пособие» одобрил заведую-

ций кафедрой новейшей истории России Петербургского государственного университета профессор Соболев. Советом гуманитарного образования при Совете ректоров вузов Санкт-Петербурга оно рекомендовано «в помощь изучающим историю Отечества и для использования в учебном процессе». Совет отметил в своем решении, что оно «написано на достаточно высоком научном уровне и полезно для патриотического воспитания студенчества».

Спасибо вам, Илья Александрович, за то, что прислали нам этот труд. Разговоры о том, что российское государство приватизировано чиновниками, – не просто разговоры. На каждом шагу можно встретить человека, который ведет себя на вверенном ему участке госслужбы, как в своей частной лавочке. Дело не в том, что завкафедрой университета – известный сталинист. Он мог бы слыть не менее известным демократом. Совет гуманитарного образования при совете ректоров тоже мог бы состоять не из сталинистов, а из демократов. Это ничего не изменило бы в том обстоятельстве, что все они – частники на содержании у государства. Есть разные точки зрения. Одни считают, что образование должно быть только частным или преимущественно частным. Другие – за государственное или преимущественно государственное. Третьи – за гибкое сочетание того и другого. Но нет никого, кто одобрял бы то, что сейчас в России: вузы состоят на казенном довольствии, каким бы жалким оно ни было, а ведут себя, как частные.

Ключевое для меня место, господин Назаров, я нашел на 35-й странице присланной вами брошюры. Известно, что многие фронтовики, историки, писатели (Александр Исаевич Солженицын среди них) считают штурм Берлина, при котором погибло полмиллиона советских солдат, последним большим преступлением генералиссимуса Сталина. Эта точка зрения и отвергается на 35-й странице. Что немцы были готовы сдать Берлин без кровопролития, автор не отрицает, но кому они хотели его сдать – вот на

что он обращает внимание своего читателя. Англичанам и американцам. «Тогда бы, – пишет он, – уж наверняка все победы над Германией были приписаны нашим западным союзникам». Еще раз: хорошо, что вы прислали нам это учебное пособие, господин Назаров. Я, между прочим, совсем не уверен, что каждый петербургский студент, прочитав его, скажет: «Какой ужас! Теперь я знаю, что такое сталинщина». Будут и такие, кто скажет: «А что! Слава Родины дороже полумиллиона солдатских жизней». Патриотизм весьма наклонен к такой калькуляции, это давно за ним подмечено. Только разогрей его...

Живущий в Чехии Вадим Коньков пишет: «В следующем году исполнится 30 лет с того дня, когда я впервые услышал в забитом глушилками эфире позывные радиостанции «Свобода». 14-летний мальчишка услышал о раздавленной советскими танками «Пражской весне» и сделал некоторые выводы – на будущее. Одна из глушилок находилась недалеко от места, где я жил. Когда ее включали, все цепные псы в округе забивались в будки и жалобно скулили минут 15-20. Местные жители разбили вокруг антенного поля огорода и каждую осень, стоя в двухметровой картофельной ботве, взирали на выросшую до чудовищных размеров свеклу. У солдат охраны я узнал распорядок включения, несущие частоты и старался слушать ваши передачи в перерывах, когда, сузив полосу пропускания до полутора килогерц, можно было, с переменным успехом, узнать что-то новое. Именно передачи «Свободы» толкнули меня на многолетнее увлечение радиоприемной аппаратурой».

Вадим Коньков был потомственным советским офицером, его отец служил в штабе армии в Германии. «То, что пишу, знаю от него. Информационное обеспечение командования соединений было весьма скверным. Сообщения о крупных конфликтах в мире командармам и начальникам штабов армий поступали с опозданием на

сутки и больше. Поэтому был негласно найден следующий выход. Доверенные офицеры связи записывали на пленку передачи радио «Свобода», списывали их на бумагу и сдавали это все в особый отдел – кагэбешникам. Кагэбешники прятали пленку в сейф, на готовый текст ставили гриф «Совершенно секретно» и быстренько относили его командующему. Так советское военное командование в Европе следило, в частности, за войной в Афганистане».

Одна женщина пишет: «Хуже всего обстоят дела в российской армии. Брали бы пример с западных стран. Там солдаты служат 8-10 месяцев, на ночь и на выходные они могут расходиться по домам, где их подкармливают». Пример Запада более заразителен, чем думает она. Солдата отпускают к родным не потому, что он не наедается в казарме, не для того, чтобы дома его подкармливали. Если бы поэтому, если бы для этого, в такой армии никто бы не служил.

Из Германии пишет давно там живущий профессор Герман Андреев. Минувшим летом он побывал в Ялте. В глаза ему бросились некоторые перемены в русском языке, в который он там окунулся. «Особенно любопытным явлением показалась мне, – пишет он, – интервенция уменьшительных суффиксов в имена существительные. Врач спросил, не болит ли у меня ГОЛОВКА. Медсестра, делая мне УКОЛЬЧИК, попросила меня лечь на БОЧОК и вытянуть НОЖКУ. В троллейбусах кондукторы требуют покупать БИЛЕТИКИ. Обгоняя нас с другом на набережной, девушка крикнула: «МУЖЧИНКИ, дайте ДОРОЖКУ!» На базаре предлагают КАРТОШЕЧКУ, ПОМИДОРЧИКИ, ТВОРОЖОК, СМЕТАНКУ. На вещевом рынке продавщица, отвечая на мой вопрос, сказала: «ТРУСИКОВ нет, а есть ПЛАВОЧКИ и ШОРТИКИ». У меня создалось впечатление, что в современном

русском языке уменьшительные суффиксы становятся такой же обязательной морфемой у существительных, как, скажем, ус, юс в латинских именах: Фемистоклус, Пиус. Я не ученый-лингвист, но занимаюсь так называемым лингвострановедением. Пытаюсь понять: откуда эта склонность к уменьшительным суффиксам? Моя гипотеза: это отражение лакейского сознания, вырвавшегося на простор в стране, освобождающейся от рабства».

Это письмо я показал своим товарищам по работе. Петр Вайль считает, что таким способом русский язык выходит из трудного и щекотливого положения. В русском языке и в современном российском этикете не хватает средств для выражения вежливости. Есть языки, в которых этого хоть отбавляй, в русском же – нехватка. А в России, в других бывших советских республиках, сегодня в глаза бросается не только привычная грубость. Многим людям явно хочется быть обходительными, благожелательными друг к другу. Я тоже это замечаю, бывая там. Ждать грубости, отвечать на нее еще большей грубостью человеку опостылело. Есть и другое. Много стало «крутых». Нынешний грубиян очень опасен, может выхватить «пушку», свистнуть «братву», на него не производит особого впечатления милиция. Обыватель больше, чем при советской власти, боится нарваться на грубость, ему хочется как-то упредить хама, умаслить его. Тут и приходит на помощь уменьшительный суффикс.

Психолог из Бреста (он назвал себя, но я его называть не буду) написал на «Свободу» о психологических типах людей, которые стоят у власти в бывшем Советском Союзе. Он опирается на соционику (есть такая наука – молодая, хотя предшественницы у нее старые). Всех людей она четко делит на 16 психологических типов. Они условно обозначаются именами известных личностей: Гюго, Бальзак, Цезарь, Гамлет и так далее. Тип «Гамлет», например, по-научному называется «этико-интуитивный интра-

верт». «Обратите внимание, – пишет психолог, – кто принадлежал и принадлежит к этому типу. Иван Грозный, Муссолини, Троцкий, Геббельс, Фидель Кастро, Муамар Каддафи, Гитлер, Жириновский, Александр Лукашенко. Представители этого типа прирожденные ораторы (зачастую демагоги) и актеры. Для них характерна внутренняя потребность в установлении личной диктатуры, подавлении инакомыслия».

Прерву чтение, чтобы сказать: не случайно-таки австрийцы, когда увидели у себя одного из упомянутых, тут же окрестили его Владимиром-Адольфом. Не случайно-таки и Лукашенко, когда впервые увидел перед собою (как перед президентом) немца (немецкого журналиста), сразу заговорил об Адольфе – о том, как ему нравятся порядки, которые были в Германии при Адольфе. Человек не может по своему желанию выскочить из своего типа, как не может изменить цвет своих глаз. Наиболее полно тип проявляет себя, когда носитель его получает власть. Выделен «тип Жукова». Это «сенсорно-логический экстраверт». К нему принадлежали, помимо маршала Жукова, Степан Разин, Емельян Пугачев, Наполеон, Ленин (не случайно-таки в его партии, когда она делала только первые шаги, его уже называли Бонапартом). Из нынешних известных личностей в этом ряду автор видит мэра Москвы Лужкова, генерала Лебеда, Иосифа Кобзона. «В этой породе, – пишет он, – прирожденные организаторы масс, крупные стратеги и ловкие тактики, создатели подпольных партий, кланов, мафиозных групп, так называемые «паханы», чрезвычайно волевые и целеустремленные. Демократия для них – пустой звук».

Слушатели наверняка хотят услышать, что психолог написал о Ельцине. Если скажу, что ничего, не поверят. Ельцин, оказывается, из квадры («квадра» – четверка родственных типов) «бури и натиска». «Это квадра неутомимых борцов и практических деятелей, – говорится в письме. – Это демократическая квадра. Сам Ельцин относится

к типу «Джек Лондон». В этом ряду видим Роберта Кеннеди, Рональда Рейгана, Билла Клинтона, да и пол-Америки в этом ряду. Будь Ельцин моложе и не уйди в политику, он был бы отличным бизнесменом. Дело в том, что люди типа «Джек Лондон» – прирожденные предприниматели, оптимисты, романтики, даже авантюристы, любящие встряхивать общество, всегда лидеры».

Из того, что я прочитал у психолога из Бреста, получается, что россияне должны жалеть не о том, что у них был Ельцин, а о том, что он долго был очень болен. Упреждая еще один вопрос слушателей, прочитаю конец письма: «Если Америка в массе своей представлена Джеками Лондонами, то Россия – Жуковыми и родственными ему типами, поэтому перспектива ее демократического развития представляется мне весьма сомнительной. В России всегда будут тосковать по сильной руке».

Филимасов Владимир из Мелитополя: «Я часто вас слушаю и делаю свои выводы. Я всегда угадываю, что вы хотите сказать, сбивая с толку наш не разбирающийся в политике народ. У вас одна цель – вести подрыв неудобных вам государств, а прикрываетесь вы правами человека, демократией и гласностью, как одеялом. Вам что-нибудь доказывать бесполезно, вы, как змеи, выскользните. Я сейчас живу плохо, но родину и свой народ, честный, патриотический, не продам. А вы, так называемые правозащитники, – вы только ждете каждый себе Нобелевскую премию. У нас есть надежные друзья, с которыми мы можем поделиться ядерной технологией, а если это вас не успокоит, то мы с нашими надежными друзьями поделимся ядерными ракетами и поможем нацелить куда надо, и тогда у вас животы заболят. Мы бедные, мы никому не угрожаем, но нам терять нечего. Вы живете хорошо, так не вынуждайте нас делать то, что мы не хотим, иначе мы, сами погибая, возьмем с собой в могилу вас всех и весь мир. Не трогай Ленина, Иуда! Он умный чело-

век. Извините, я не грамотный. Филимасов Владимир. Мелитополь».

Уважаемый господин Филимасов! Украина пока в трудном положении, но и ей, по-моему, не закрыта дорога к лучшей жизни – к тому, чтобы было что терять. А пока что не надо терять надежды. Очень утешительно, что ваша страна не собирается содержать большую армию, отказалась от ядерного оружия и сделала это так спокойно, что вы даже не заметили. Нет у нее и таких друзей, которые хотели бы получить от нее ядерные ракеты. Это всё – большая, огромная экономия средств. Дело отныне за тем, чтобы разумно ими распорядиться. Так что не унывайте, не сердитесь, не теряйте, скажу еще раз, надежды, господин Филимасов.

Российский академик-физик Евгений Борисович Александров, племянник покойного физика-атомщика Анатолия Александрова, приводит в своем письме одну историю из жизни своего дяди. После свержения Хрущева осенью 1964 года новое руководство Советского Союза, как известно, сделало попытку восстановить официальный «культ личности» Сталина, отмененный в 1956 году. Этой попытке воспротивились отдельные писатели, артисты, научные работники. Кремль получил несколько коллективных писем, два-три из них попали за границу. Тех, чьи имена стояли под ними, стали называть «подписантами». Кого-то понизили в должности, кого-то исключили из партии, кого-то просто поугнали. Через пять лет Анатолий Александров под большим секретом рассказал своему племяннику, что он, оказывается, был «подписантом». «Три могущественных академика, – пишет его племянник, – Александров, Семенов и Харитон, под чьим техническим контролем была основная военная мощь страны (ядерное и химическое оружие и средства доставки) написали коллективное секретное письмо в ЦК с призывом не восстанавливать культ Сталина. Они создали

это письмо в единственном экземпляре, чтобы исключить утечку на Запад (полагали, что только так могут рассчитывать на успех предприятия и на снисходительную реакцию властей). Анатолий Петрович говорил, что их письмо не имело никаких видимых последствий, как будто его и не было. Но он был уверен, что именно оно изменило намерения вождей режима, откровенно гордился этим, но предупредил, что об этом надо молчать».

Племянник молчал 23 года. Дело в том, что академик Александров считал свой шаг крайне рискованным, ждал ареста. «Незадолго до снятия Хрущева, на его 70-летию, – пишет Евгений Александров, – Анатолий Петрович произнес незапланированный, то есть, не заказанный ему, а значит и не отредактированный в аппарате ЦК тост за здоровье Хрущева как за человека, который «освободил нас от страха». Анатолий Петрович считал весьма вероятным, что преемники Хрущева ему это с удовольствием припомнят. Ожидая ареста, он принял определенные меры в интересах семьи: переписал все денежные сбережения (от сталинских премий) на детей и жену и, допуская конфискацию имущества, переместил наиболее дорогие вещи в квартиры отселенных детей».

В 1992 году Евгений Александров, наконец, нарушил молчание: в присутствии одного из сотрудников Харитона он напомнил дяде их разговор 1969 года о письме троих. Дядя сказал, что ничего не помнит. «Месяцем позже я опять был в доме Анатолия Петровича, – пишет автор. – За вечерним столом была поднята тема мемуаров: дескать, давайте начнем прямо сейчас. Он утрюмо отнекивался, говоря, что напишет, когда придет время. Мы на него наседали, и тут он взорвался: «Нет уж, хватит! Опять Ёж (то есть, я, Евгений Александров) будет мне что-то приписывать в присутствии Бог знает кого, да еще с магнитофоном наготове». Начав что-то понимать, я спросил его: «Вы действительно не помните той истории с письмом?» И он ответил, глядя мне прямо в глаза, явно глумливо: «Вот,

как Бог свят, не помню!» И перекрестился. Ему шел 89-й год. Через два года он умер, так ничего больше и не рассказав. Гвозди бы делать из этих людей!» – замечает Евгений Александров.

Так же вел себя и академик Харитон – тоже категорически отрицал свое участие в протесте против брежневской попытки восстановить культ Сталина. «Похоже, они оба, – пишет Евгений Александров, – во время хрущевской оттепели подраспрямились и посмели иметь независимое политическое мнение. А потом следующие 25 лет ползучей реставрации сталинизма вернули их на старую защитную позицию профессионального изоляционизма. И новая оттепель их уже не могла соблазнить».

Новая оттепель, о которой говорит Евгений Александров, это, вспомним, даже не горбачевская перестройка, это 1992-й год. В прошлом осталась не только КПСС, но и Советский Союз, а они продолжали бояться. Кажется, совершенно бессмысленный страх. Первейшие академики страны должны были, кажется, понимать, что уж при Ельцине-то ни им, ни их близким ничего не грозит, – наоборот, если откроется, что и они выступали против сталинизма, это только поднимет их в глазах и новой власти, и общества. На что старики, будь они живы сейчас, сказали бы нам, умным: «Девяносто второй, говорите, год? А что было в августе девяносто первого, забыли? А в октябре девяносто третьего? А по итогам последних президентских выборов кто чуть не въехал в Кремль? Так что называйте наш страх каким угодно, только не бессмысленным». Я бы сразу вспомнил, что в Кремль чуть не въехал человек, который считает величайшим историческим несчастьем преждевременную, по его мнению, смерть Сталина: мол, еще бы несколько лет – и сталинизм стал бы необратимым, укоренился бы навечно.

Анатолий Васильевич Сергеев из Саратова: «Мне кажется, что я выскажу горе большинства граждан России,

потерявших веру в правительство, в свое будущее, в возрождение России. Я из тех людей, которые не могут найти хорошо оплачиваемую работу, живут впроголодь, не участвуют в политике, не ходят на выборы. Вы и ваше радио хорошо освещаете нашу жизнь, сегодняшнюю и вчерашнюю, но как нам быть, что делать, чтобы улучшить свое положение? Посоветуйте, у вас же целый аппарат грамотных людей. Читать письма фанатиков-коммунистов, да посмеиваться над русским Ваней-дурачком, конечно, проще... Работаете вы хорошо. Если бы вы плохо работали, вас не обзывали бы «троекуровским псом». Так посоветуйте же: что делать?»

Дорогой Анатолий Васильевич, я теряюсь, когда получаю такие письма, не могу к ним привыкнуть – не могу привыкнуть к тому, что от нас ждут всевозможных советов, особенно таких, какого ждете вы, помощи... чтобы где-то мы навели порядок, где-то восстановили справедливость. Честное слово, не знаю, что вам делать. Мог бы сказать: ходите на выборы, не наобум голосуйте, так ведь это вас только обидит. Вы считаете, что мы хорошо освещаем российскую жизнь – большое спасибо вам за добрые слова, но это всё, что мы в состоянии делать.

Человек, не назвавший ни себя, ни своего адреса, пишет: «Обратил я внимание на некоторую затрудненность, с которой вы, Анатолий Иванович, отвечаете на вопросы типа: «Как жить?» Прежде всего, посмотрим, кто вам их задает. Люди, которые упорно ходят на работу, хотя им за нее не платят. Матери, которые безропотно отпускают своих сыновей на войну с собственным народом. Учителя, которые так и не научили своих питомцев строить коммунизм, а теперь требуют денег за то, что точно знают, как научить их строить капитализм. Офицеры, вешающиеся, словно беременные гимназистки. Мой первый совет им такой: не плачь, не бойся, не проси. Второй: не проси. Третий: не плачь. Четвертый: не бойся. Тем, кому не

подходят эти четыре совета, даю пятый: плачь, бойся и проси – и подсказываю через вас, Анатолий Иванович, адреса: кому плакаться, кого бояться и у кого просить. Правительство, партии, спецслужбы, бандиты, буржуи как отечественные, так и заокеанские. Возможны и советы более конкретные. Жалуются, что есть нечего – расскажите ему, что картошку-скороспелку можно подкапывать уже через 40-60 дней после посадки. Пишет, что не ел мяса со времен коммунизма, – отвечайте, что двухмесячный кролик, выращенный по интенсивной технологии, весит два кило, а из индюшонка за лето вырастает пудовый монстр. Можно назвать и целый ряд съедобных дикорастущих для тех, кто совсем ничего не научился делать за свою жизнь. Только политике их учить не нужно, Анатолий Иванович. Должны переболеть сами. Вполне возможно, и нескольких поколений не хватит для устройства нормальной жизни, и это тоже нужно говорить им прямо, не вилять. Не будете вы, дорогие мои соотечественники, хорошо жить никогда, потому что сами этого не хотите».

Так заканчивается это письмо.

Письмо от госпожи Орловой: «Я задумалась, почему вам пишут, с какой целью. Ведь не все же, как Бобчинский, хотят, чтобы слушатели узнали: живет на свете такой человек. Некому нам, беднягам, рассказать о себе, о своих несчастьях. От Бога отучили, да и церковь теперь другая – в одном углу отпевают, в другом – крестят, навешали табличек: «По траве не ходить», туда нельзя, сюда нельзя. Свечу не успеешь поставить – тут же гасят и в коробку складывают, с большими деньгами пропускают без очереди. В трамвае я часто слышу: «О нас никто не думает». Гайдар, которого я уважаю, говорит, что теперь люди, слава Богу, понимают, что никакой чиновник не решит за них их проблемы. Ну, что это за достижение? Должно же быть место, где можно пожаловаться на судьбу. Вот люди и пишут вам. Радио «Свобода» для этих людей вмес-

то церкви. Когда они вас ругают, они удовлетворяют свою потребность в богохульстве. Поэтому не обижайтесь на этих людей, для них мир пуст, на них не смотрит из красного угла строгий взгляд Николы-угодника. Хорошее сравнение: открыли банку шпрот, высыпали в море – плывите».

Самое замечательное, госпожа Орлова, то, что часть этих рыбок, прошедших такие коптильни, каких свет не видывал, – плывут. Плывут, госпожа, Орлова! – и сбиваются в стайки, и не только для чего-то дурного, но и для доброго, для помощи друг другу.

Елена Ивановна Берлева из Воронежа: «Да сохранит и благословит вас Господь, любящий и всемогущий. Да пошлет вам господь ангела-хранителя от всех зол. Да дарует вам господь на каждую ночь сон мирный и безмятежный». Спасибо, Елена Ивановна, пусть и вам будет так же – вам это, кажется, нужнее, чем мне, по вашему настроению. «Что такое Россия вчера? – пишет эта женщина. – 70 лет безбожия. Что такое Россия сегодня? Все купили Библию, все ее читаем. Кто поверил Богу, доверил ему свою жизнь, выполняет все десять заповедей, тот живет спокойно, у такого счастливого человека есть надежда на вечную жизнь с Богом. А что такое Россия завтра? России завтрашней не будет, потому что наступит конец времен на всей Земле. Господь, слава ему, заканчивает свой эксперимент. Господь допустил грех на земле в течение шести тысяч лет. Седьмую тысячу лет будем славить Господа на небесах, пока Земля здесь будет покоиться, отдыхать от нас».

Простые люди

Ноябрь-декабрь 1997

«Зачем вы, господин Стреляный, поливаете грязью прошлые времена нашей жизни, ведь при советской власти было много положительного, и народ чувствовал себя более свободно, чем сейчас. Ведь недаром процентов 70 готовы вернуться в те времена».

Подпись: «Простые люди».

«Простые люди» преувеличивают: не 70 процентов, а меньше тридцати, но и это очень много. Они могли бы и сами вернуться, и остальных вернуть, но это, в основном, не самая деятельная часть населения.

Еще одно не подписанное письмо, тоже от «простых людей»: «Уважаемый господин Стреляный, к вам наша просьба – просьба всех простых людей. Разъясните нам, почему в России лица, развязавшие войну в Чечне, не понесли никакой ответственности. Их надо судить, а Чечне дать свободу, она этого добилась с оружием в руках. Эти лица всем известны и никто их не привлекает. Вот этот вопрос всех простых людей России просим не оставить без ответа».

Уважаемые господа «простые люди», написавшие это письмо! Если бы действительно все простые люди России думали, как вы, то не было бы самого разговора о виновниках войны в Чечне – по той причине, что не было бы этой войны.

Физик Виктор Савич Гурвич пишет о покойных советских физиках: Александрове, Кикоине, Леонтовиче, Сахарове. С одним из них ему пришлось общаться – с Михаилом Александровичем Леонтовичем, «научная эрудиция которого, – пишет он, – была не меньше, чем у

Александрова, Зельдовича и Сахарова. Его знаменитый учебник шпудировало не одно поколение физиков. И всем был хорош автор, но мог всей мощью своего прокуренного баса говорить неприятные слова о партии, ее деятелях, о малосимпатичных коллегах и был в «курчатнике», то есть, в александровском институте, как селедка в компоте (бабушка моя любила говорить). На праздновании 100-летия Ленина, в разгар славословия генсека, он шумно направился к выходу, размахивая руками и чертыхаясь, пред очами остолбеневшего в президиуме Гришина, первого секретаря Московского горкома. В связи с этим безобразным фактом, переполнившим чашу партийного терпения, директору института Александрову было приказано провести с Леонтовичем воспитательную работу. Здесь я передаю рассказ Леонтовича: «Звонит мне академик Александров, приглашает к себе домой обедать. Провел он меня в кабинет, его супруга, извинившись за небольшую задержку с обедом, поставила перед нами на закусочный столик замечательные свои пирожки и графинчик водки. Разлил директор водку, мы чокнулись, выпили, закусили горячими пирожками и тут же снова выпили. «Ну, что, Михаил Александрович, – спрашивает Анатолий Петрович, – нальем по третьей или я вас уже достаточно проработал?» Преклоняюсь перед Сахаровым и Леонтовичем. Кстати, видели бы вы квартиру Михаила Александровича. Посреди рабочего кабинета валялись скаты его «Запорожца». Ученый с мировым именем – на «Запорожце»! Но им, в определенном смысле, было легче. У Александрова на шее висел гигантский институт, и не один, и судьбы монстров типа Чернобыля, судьбы десятков тысяч людей (оказалось, сотен тысяч и даже миллионов). Добавьте сюда нравы страны и растленную мораль Академии наук СССР. На фоне этого тлена Анатолий Петрович Александров – нормальный мужик. Давайте его очеловечим».

Это письмо физик Гурвич Виктор Савич прислал в

порядке отклика на прозвучавшие в одной из предыдущих передач воспоминания племянника академика Александра – тоже физика, тоже академика – Евгения Борисовича.

Письмо из Самаркандской области: «Я одинокий человек, инженер по эксплуатации автомобильной техники, бывший офицер-автомобилист, хочу трудоустроиться, согласен на переезд. Порядочный и сам честен. Честное слово! Помогите мне в моей просьбе, очень прошу вас. Прочитайте мой адрес и мою просьбу».

Радио «Свобода» не занимается такими делами, но действует автор этого письма в правильном направлении. Примерно так делается на Западе, особенно в Соединенных Штатах Америки: человек рассылает предложение своих услуг сразу в несколько (бывает, в десятки) адресов, запасается терпением и ждет. Многим везет. Так можно устроиться почти на любую работу, даже, например, преподавать в университете, я знаю таких людей. Только пишут обычно не в редакции, а прямо туда, где человек может, по его мнению, пригодиться, или посреднику, который с этого живет. В бывшем Советском Союзе такой способ еще мало распространен, но со временем распространится, я думаю, широко, – он для всех удобен.

«Крайнее неравенство – в природе человека, – пишет господин Еникеев из города Дзержинский Московской области. – 20 процентов людей выпивают 80 процентов всего пива, за 20 процентов рабочего времени производится 80 процентов всей работы. Для преодоления этого неравенства в европейских странах введены подоходные налоги, составляющие от 40 (здесь ошибка – примерно от 25 процентов) до 95 (это верно – с большого дохода могут взять и столько). С производства и инвестиций налогов практически не берут, ведь только круглые идиоты могут резать курицу, которая несет золотые яйца. Как

ни странно, именно мы, бывшие коммунисты, из последних сил сопротивляемся сглаживанию ужасающего неравенства в России, что можно сделать введением европейской структуры подоходных налогов, препятствуем созданию среднего класса – основы стабильности любого общества. Потрясения ничего, кроме вшей и разрухи, нам принести не могут. Из-за недостатка йода в питьевой воде на всей территории России кретинизм нас просто замучил».

Сразу в нескольких письмах на этой неделе приводятся слова апостола Павла о сребролюбии. Видно, «нестяжательство» носится в воздухе, которым дышит часть россиян умственного труда. В средневековой Руси одна из религиозных партий так и называлась: нестяжатели. Слова Апостола берут из Первого послания Тимофею: «А желающие обогащаться впадают в искушение, во многие безрассудные и вредные похоти. Корень всех зол есть сребролюбие». Спрашивают, прав ли, с точки зрения радио «Свобода», Апостол. Да, безусловно, прав, ибо есть только один разряд людей, которые превосходят алчностью богачей. Это бедняки. Сказано не Апостолом, но тоже, по-моему, верно.

Из Новгорода написал нам Марк Костров, писатель, инженер-изобретатель, путешественник. Каждый год – и так уже лет тридцать – весну и лето проводит в лесах и болотах своего края, изобрел болотоступы – лыжи для передвижения по топям, множество всяких приспособлений для жизни на природе, на безлюдье, но и для городской жизни – например, вечную электролампочку, оксидный ремонт обуви. Пишет: «Это лето, с мая по октябрь, опять прожил в лесу, в шалаше. Посадил на полянке огород, питался рыбой, пил чай: сморода, шалфей, шиповник. А грибов нынче в моем лесу было с мая: вперед – вешенки, собирал их с байдарки, с июня – подосиновики, далее грузди и белые, а когда заработал огород

(салат, огурец, скороспелая картошка), совсем хорошо стало. Но главное – рыба во всяких ипостасях. Скажу так, Анатолий Иванович. Лучше, чем нынче, я не жил никогда. Выпускаю книжечки. Сам их пишу, сам печатаю, сам продаю. Первой продал десять штук, последней, двадцатой, – уже сто. Составляю рыболовно-грибные карты Новгородчины – и продаю, газету «На рыбалке». В последней книжечке Марка Кострова, автора этого письма, (крошечной, из восьми листиков, включая обложку) рассказывается о деревне Розовый Тут – как трудно, но неостановимо и, на взгляд автора, занятно, даже весело она выбирается из советской жизни, из колхозной, – в нормальную, которую очень не любит Коммунист Егор: он единственный в деревне вывешивает в советские праздники красный флаг и единственный же с доисторических времен работает в колхозе «Дружба» не только бесплатно и безотказно, но и с удовольствием, «и если кому-то надо привезти сена или дров, делает это тоже задаром на колхозном тракторе, так как считает, что когда-нибудь все в мире будут равны, и к этому надо стремиться. Недавно он, будучи в сознательном состоянии, – пишет Марк Костров, – хотел срыгть колхозным трактором все двадцать ульев Медовика. Мол, почему у него так их много, когда всегда было положено, чтобы не обогащаться, иметь не более двух. Медовик тоже был мужик бедовый, схватился за двустволку. К счастью, в их спор вмешался стоявший на атакующем пути ленинца валун, гусеница у ДТ-75 соскочила. Это скорее всего, был последний порыв Егора», – пишет автор.

«В конце июля и начале августа нынешнего года я проехал поездом по Новгородской, Псковской, Смоленской и Калужской областям, – пишет Н.Е. из Новгорода. – Из окна вагона нигде не видел скошенных лугов. Погостив в своей родной деревне, я пошел пешком на станцию Павлиново. Раньше была хорошая шоссе́йная дорога, и

все кругом было вспахано. Сейчас дороги нет, и все заросло травой до самого горизонта. Трава высокая, по грудь. 8 километров я шел по этой траве, потратил 5 часов, из сил выбился, еле успел на поезд. Потом я спрашивал людей, почему не убирают травы. Мне отвечали, что сено некому скормить – произошло резкое сокращение общественного стада. В районном центре даже закрыли молокозавод: нет сырья. Каждый литр молока приносит совхозу убыток в 500 рублей. Выход из положения вызывает личная корова. Она дает молока в два раза больше совхозной и каждым литром приносит хозяину более тысячи рублей чистой прибыли. Благо, пастбищ достаточно. В октябре 1941 года, когда наши смоленские деревни оказались в условиях немецкой оккупации и без руководства, то мужики, сговорившись, в три дня поделили колхозных лошадей и все колхозное имущество и вернулись к доколхозной жизни. Так бы надо и сейчас. Но почему у нас идет только разрушение, но нет созидания?»

Автор этого письма предлагает целый набор крупных преобразований в России. Государство, по его мнению, должно создавать фермерские хозяйства для продажи крестьянам в рассрочку. По его подсчетам, России требуется 4 миллиона таких хозяйств, они обойдутся в 5 триллионов долларов. «Если сами крестьяне будут создавать такие хозяйства, то у нас никогда не будет современных ферм», – пишет он. Только для этого и надо, по его мнению, продавать газ и нефть за границу.

Я понимаю вас, господин Н. Е., рассуждать о таких делах (об «устройстве крестьянского быта», как выражались при крепостном праве) очень интересно. Только все равно по-нашему не будет. Поэтому я и не расстраиваюсь, что вы, по русской привычке, чересчур много надежд возлагаете на государство. Читая ваше письмо, видишь: это не то государство, с которым имеете дело вы и ваши соотечественники, а то, с которым никогда не имел дела ни один народ: всесильное и беспорочное, как сам Господь

Бог. Хозяйство, созданное государством, я даже даром поостерегся бы взять. Полжизни уйдет на доделки и переделки. Причем, так было бы и в том случае, если бы эти 4 миллиона фермерских хозяйств были созданы таким государством, как, скажем, немецкое или швейцарское. Потому-то немцы, швейцарцы и другие свободные народы и не подпускают государство к таким делам. От правительств крестьяне и крестьянские политики добиваются другого: налоговых послаблений, поощрительных ссуд, ну, вложений в дороги, например. И то не все «за», и то говорят, что это ослабляет конкуренцию, отчего, в конечном счете, страдают все.

Из Бискайского залива прислал письмо моряк Иван Проминь, родом из Лозовой Харьковской области. Все его мысли – дома, на Украине. Вспоминает, как перед плаванием оформлял автомобиль – как маялся в двухдневной очереди, созданной «гаишниками» для наживы. «Случившийся в той очереди немец сказал: «Вы жили бедно, живете бедно и будете всегда жить бедно. У нас это оформляется за 10 минут. Вас в очереди больше сотни человек и всяк норовит дать взятку, чтобы не остаться на третий день, а бандитам в погонах того и надо». Иван Проминь описывает одесскую таможню: «С чего начинается Родина? Со шмона в твоём рундуке. Когда крадут грузы целыми пароходами, она этого не видит. А вот слепить рабочее рыло и рыться в белье моряка – на это они мастера. Вот поэтому и страна наша резко стала нищей. Я весь мир прошел и нигде такого унижения не испытывал, как у себя на Украине. В этом плавании мы прошли уже 80 тысяч миль, много чего видели, много чего знаем. Мы видим, как прекрасно живут люди в Канаде, в США, в Европе, на островах, и ни на минуту не забываем, как плохо живет наш народ – и возмущает нас он, наш народ. Неужели он не видит, что комунышки втоптывают страну в дерьмо? Нельзя же быть такими

вялыми, как колхозные волы! – обращается к соотечественникам моряк Иван Проминь из Бискайского залива. – Хватит вам лакать самогона!» Описывает свой разговор с бывшим осведомителем КГБ. «Говорит мне: сильных не судят, сильных боятся. Вина Сталина в том, что он не уничтожил всех украинцев с татарами, тогда не стоял бы так остро вопрос с Украиной и Крымом».

Спасибо за письмо, Иван, мне тоже приходилось с такими встречаться. Чуть не забыл прочитать самое приятное для нас место из вашего письма: «Команда нашего судна почти вся из Одессы. Мы вам очень благодарны за то, что «Свобода» несет правду по всем морям и океанам. «Свобода» – самая крутая и современная радиостанция».

«Уважаемая «Свобода». Пишет ваш постоянный слушатель из Минска. Моя жена работает учительницей. На днях директор школы (номер не называю по техническим причинам) сказал учителям, что ожидается приезд батьки Лукашенко: будет проверять спортплощадки. Он, как вы знаете, Лучший Друг спортсменов и детей. Так вот, директор просил учителей поддерживать порядок в классах, но упаси Бог сообщать новость ученикам, иначе все стены будут исписаны антипрезидентскими лозунгами, и они, учителя, за ночь не успеют их отмыть или замазать. Вот как любит «батьку» наша молодежь».

Тот, как известно, не остается в долгу. В городе Жодино за написание таких лозунгов уже четвертый месяц находятся за решеткой без суда шестнадцатилетний Вадим Лабкович и восемнадцатилетний Алексей Шидловский.

Из Житомира пишет Евгений Лесоповальский (так просит его объявить, настоящая фамилия у него другая): «С апреля по октябрь я находился в Подмоскovie, в лесу, где воздвигал особняки «новым русским». Один «новый русский» оказался цыганом, другой – евреем, еще два стоящих рядом дома принадлежали украинцам, один из

них – полковник Интерпола родом из Сумской области, другой – из Донецка, торгаш. Нас привезли прямо с поезда в лес. Апрель, снег с дождем. К вечеру из досок сбили сарай, нары, поставили печку-буржуйку, дрова тут же, в лесу: живи – не хочу. На следующий день появились бандиты. Я всю жизнь проработал на Севере, в «диких» бригадах, и всякое случалось, но такого унижения не испытывал. Всегда знал, что можешь себя защитить, а тут полное безвластие. Если окажешь сопротивление, сразу придется уехать, иначе или убьют, или покалечат. Вслед за бандитами появилась милиция. Бандиты грабили просто так, а милиция – за отсутствие прописки. Единственное утешение для меня было – что в Польше, где я тоже строил «новым полякам», было еще хуже. Но вот в чем вопрос. Что дальше? Дорвавшаяся до власти на Украине воровская шайка ничего не станет менять, им и так хорошо. Все эти разговоры про «незалежність» – для дураков, точно так большевики когда-то говорили о равенстве, только одни почему-то оказались равнее других, а в нашем случае – «незалежнее» других. Единственное, что я смогу сделать, – это проголосовать против Кучмы, и еще до выборов начну поить знакомых алкашей, чтобы они последовали моему примеру. Мы уже не знаем, куда бежать из этой Украины. Ведь нет работы, понимаете, Анатолий Иванович? Сидя в тепле и имея работу, можно теоретизировать о сложностях переходного периода, о диком капитализме. Я же знаю, что ничего хорошего меня уже не ждет – только дикая работа по 12-14 часов в сутки, именно дикая: один дом строили – так воду носили из реки, раствор и бетон болтали вручную, ни жилья, ни тепла, ни питания, и это еще счастье, ведь была работа».

Автор этого письма настаивает, что в бедах Украины, да и других бывших советских республик, не исключая и Россию, виноваты национализмы, племенные самолюбия и сомнения, разорвавшие Советский Союз. «Вы, Анатолий Иванович, как я понял из ваших передач, за

сохранение племен, а по мне – чем быстрее эти племена с их воинственными вождями исчезнут, да так, чтобы и следа не осталось, тем лучше. Меньше людской крови прольется, хотя, наверное, тогда что-нибудь другое придумают, лишь бы убивать друг друга. Вы склонны оправдывать всех, кто выступает против России. Во Львове анти-русская истерия? Ничего страшного, ведь там когда-то насаждали русскую речь. Басаев расстрелял больше сотни человек? Ну, и что, а сколько мирных жителей Чечни погибло под русскими бомбами! Что, преступность в Чечне? Это следствие войны, вина России. Все совсем наоборот, Анатолий Иванович: война – следствие Чечни. Успокоить их невозможно, уничтожить – нельзя, от них уже не знают куда деваться их соседи. Это – неизлечимая язва, с которой надо жить, пока не умрешь. Когда меня спрашивают о моей национальности, я обычно отвечаю: радиотелеграфист первого класса. Чтобы мало не казалось... Не хотел бы я принадлежать ни к одной из наций. Хочу быть тем, кто я есть, – поляком, живущим на Украине и любящим Россию. И не надо меня отсылать в Россию. Я хочу жить там, где родился и где жили мои предки. И хочу, чтобы здесь звучала русская и украинская речь, как было всегда. Меня удивляет вот что: по сути дела, вы, Анатолий Иванович, на стороне тех, кто во Львове брызжет пещерной злобой на все русское. Ответьте мне, пожалуйста: вы за равноправие русского и украинского языков на Украине? Да или нет?»

Да, господин Лесоповальский, да! Жаль только, что украинскому языку до равенства с русским на Украине еще далеко, иначе этой злобы было бы наверняка меньше. Равенство – такая штука, которая стоит больших денег, а их в украинской казне пока не густо. Вы, господин Лесоповальский, знаете, что такое унижение и беспомощность. Может быть, вы все-таки поймете человека, чье письмо я сейчас прочитаю. Я взял его из моей «чеченской» папки, когда нашел у вас сравнение Чечни с неизлечимой язвой.

Пишет чеченец Алиев Хамур Пантаевич, 1939 года рождения, аптекарь: «Наверное, мой народ Богом создан для мучений. Мой народ горд, он не будет просить милостыню, скорее умрет, чем протянет руку за подаванием, но он в отчаянии. Нам часто перекрывают границу. Ввозимые продукты так облагают всякими данями, что хоть не вези их. Я все помню. Помню, как нас выслали в Киргизию, как там встретили – не считали за людей, помню, как надо было постоянно отмечаться в комендатуре, как запрещали навещать родственников в соседнем селе. И, наконец, не забуду, как издевались над моим народом в последние годы. Разве я пришел в чужой дом и стал диктовать хозяевам, как жить? Я не ходил и по деревням России, не грабил и не убивал любого, кто попадется под руку. Ведь ко мне же пришли и говорили, как мне жить, и убивали моих детей и стариков. И я же бандит, я виноват, что сопротивляюсь».

Господин Сергеев из Петербурга упрекает нас за то, что мы редко говорим о русском нацизме, фашизме и современном большевизме. «Не запрещены их боевые группы, открыты клубы, где тренируются эти подонки, на Невском вольно продаются их листки. Мне в Германии не верили, когда я это рассказывал, но когда я предъявлял номера таких газет, как «Штурмовик», «За русское дело», «Наше Отечество», немцы раскрывали рты. У них за одну только попытку печатать что-то подобное сажают в тюрьму, а прокурор нашего города Еременко не находит оснований».

Из Брянской области прислали номер выходящей на казенные деньги газеты Комаричского района «Верный путь». Среда, 5 ноября нынешнего года. На первой странице помещено обращение Комаричского райкома компартии России. «Да здравствует Советская Россия! – говорится в нем. – Да здравствует советский народ!» Руководят районом коммунисты – бывший первый секретарь райко-

ма и нынешний первый секретарь. Человек, который прислал нам эту газету, предлагает её вниманию тех слушателей, которые ругают НАТО. Он надеется, что они поймут, почему огромное большинство венгров, принявших участие в референдуме по вопросу о вступлении в НАТО, сказали «да» и готовы тратить на обновление вооруженных сил. Государство, пишет он, которое выпускает газету «Верный путь» (и терпит газету «Штурмовик», добавляет господин Сергеев) не может рассчитывать на полное доверие своих соседей.

Спасибо, господа, вы лишний раз напомнили нам то, что хочется сразу забыть: коммунизм, нацизм, фашизм чувствуют себя в России свободнее, чем где-либо на планете. Коммунизм вполне свободно чувствуют себя еще кое-где: на Кубе, например, в Северной Корее, но в России ему позволяют идти рука об руку с нацизмом и фашизмом. Другой такой страны нет.

Галина Петровна Курганская из Майкопа, это главный город Адыгеи: «Население Адыгеи – 450 тысяч человек. Больше четверти – пенсионеры, четверть – дети и учащиеся, четверть – чиновники и бюджетники, 16 министерств, уйма всяких комитетов и советов. Половина остального населения чем-то торгует, половина ищет работу. В марте 1992 году в организации под названием «Южгазстрой» мне была начислена зарплата и отпускные за два года. До сих пор мне эти деньги не выплачены. Три раза суд выносил решение выплатить с индексацией, последний раз – 30 августа прошлого года. Ну, и что? Да ничего. Я 20 лет проработала экономистом по труду, знаю КЗОТ лучше любого юриста, а вот выбить свою зарплату даже через суд не могу. Что же говорить о народе, о простых людях? Какие там права человека! Дорогой наш адыгейский президент, бывший секретарь обкома, в 1990 году решил бы это дело в мою пользу за пять минут, а теперь делает все, чтобы люди захотели возврата коммунистов.

Мне противно от этого беззакония. Противно от такой жизни, когда всем, кроме рвачей, плохо. Но я не хочу, чтобы вернулись коммунисты. У нас они, правда, не уходили, только вывески поменяли».

Галина Петровна Курганская, автор этого письма, поступила так, как, судя по нашей почте, все чаще поступают люди, которые понимают, что при такой жизни спасать надо не только свое тело, но и душу. «Знаете, что я сделала? Никогда не слушала симфонический концерт – пошла. Оказалось, нравится. И люди, похожие на людей, сидят, слушают. Покой на душе. Пошла к баптистам-евангелистам. Тоже хорошо. Пропала ненависть к жуликам. По крайней мере, убить кого-то из них уже нет желания. И главное: я поняла, что каждому, кто сейчас хочет дышать, нужно научиться читать и понимать Писание. Вот и все, что я хотела вам написать, Анатолий Иванович».

Большое спасибо за письмо, Галина Петровна. В том состоянии, в каком вы пошли слушать симфонический оркестр, многие добропорядочные американцы жили целую четверть века – весь период Реконструкции, как называлось время после Гражданской войны. Такого чиновничьего беспредела, воровства, мошенничества, всякой бестолковщины, в которую погрузилась страна сразу после того, как покончила с рабством, никто не ожидал. Люди были потрясены. Генри Адамс, писатель из рода, давшего двух президентов США, писал: «Прочтите списки членов Конгресса и тех, кто служил в судебных и исполнительных органах в течение двадцати пяти лет с 1870-го по 1895 год, и вы почти не найдете имен людей с незамазанной репутацией». Что же в конце-концов спасло Америку? Ее спасли, пишет он, «американцы, занимавшиеся практической деятельностью»: они «посмеивались и делали свое дело». Среди них был и сам Генри Адамс – человек, которого считают провозвестником «американской мечты». О кошмаре Реконструкции он отзывался не мягче, чем наши слушатели – о послесоветской России, но у него

есть и другие слова – их мог произнести только настоящий янки. «Все это было чрезвычайно интересно», – пишет он. Ему было чрезвычайно интересно, как из унижительного хаоса постепенно возникал здоровый, работоспособный политический механизм. «Общество не могло его не создать», – пишет он. Не могло не создать потому, что не он один рассуждал следующим образом: «Если нравственные нормы разрушились, а механизм перестал действовать, необходимо изобрести те или иные новые нормы и новый механизм».

Автору письма, из которого сейчас прочитаю, два года до пенсии (если пенсионный возраст не поднимут до 65 лет, как во многих богатых странах): «Только и слышишь: мы работали честно, не покладая рук, мы заслужили достойную старость, а нас обрекли на досрочное вымирание. Но вот первый вопрос. Допустим, мы действительно работали не покладая рук. А что делали-то – какую продукцию? Всю жизнь мы делали, прежде всего, бомбы, которыми можно уничтожить все живое на Земле 33 раза (мало нам было одного раза), затем – танки, химическое оружие и прочее. Вопрос второй. Что представляло собой то небольшое, что мы производили для своей жизни, а не для смерти, для мира, а не для войны? В основном, эти вещи представляли собой брак и больше заслуживали свалки, чем обычного употребления. И мы все прекрасно это знали. Мы знали, что продукцию делаем плохую и никому не нужную, что к работе своей относимся так, как нельзя относиться к работе, делали все абы как, лишь бы выполнить план, и как еще возмущались, когда госприемка не пропускала наших изделий и «горел» план! Вспомните, господа пенсионеры, сколько всего ломали, давили под прессами, выбрасывали, списывали. И обижаемся теперь на правительство, что оно не может обеспечить нам достойную старость. А за что и как, из каких накоплений? Резать бомбы и танки и раздавать по кусочку? Вот так,

уважаемые старики, вот чем обеспечили мы свою старость, и обижаться нам, по совести, надо на самих себя».

Когда человек так беспощаден к себе и к своему поколению, как господин Арефьев, автор этого письма, то хочется как-то утешить его, но я, кажется, не могу сказать ничего такого, чего бы он не знал сам. Хуже всего вот что. Да, народ расходовал свои силы и средства на войну, которая не была нужна ни ему, ни тем народам, которыми его пугали (а он доверчиво боялся). Но он не жил бы лучше и в том случае, если бы на войну не тратилось ни копейки. Когда все ничейное, то разумной, полезной траты средств быть не может. Перебрасывали бы сибирские реки: сначала вниз, на юг, потом – вверх, на север, или куда-нибудь в сторону.

Некоторые слушатели после наших передач «К 80-летию Октябрьской революции» словно впервые (а кто-то и действительно впервые) задумались о том, какую жизнь предполагал устроить Ленин – и попытался устроить, как только оказался у власти. Валентин Николаевич Саблин из Серпухова пишет, что он нам не поверил – не мог допустить, что такой «матерый человечиче» выдумывал такие страшные и одновременно смешные, детские, непрактичные общественные порядки и приспособления. Господин Саблин решил нас проверить: прочитал – впервые в жизни – все, что Ленин написал в 1917-18 годах. И был потрясен тем, ради какого бреда была перевернута жизнь огромной страны, сколько людей по своей воле сложили головы за этот бред, не говоря уже о тех, кто – не по своей. Ну, и тем был потрясен этот слушатель, что все, что он только что прочитал, печаталось при советской власти, наличествовало во всех библиотеках, изучалось малыми и старыми. «Это же нарочно не придумаешь! – пишет он. – Это такое разоблачение Ленина его же словами, которого советская власть не должна была допустить ни в коем случае, а она допускала, и ничего – милли-

оны считали, что вечно живой Ильич не разоблачает самого себя своими прожектами, а прославляет в веках, покаявает не глупость свою непроходимую, а великую мудрость. Что же это такое, Анатолий Иванович, объясните мне немедленно!»

До конца этого никто, наверное, не объяснит, Валентин Николаевич. Сегодня самый верный ленинец, если сказать ему, что где-то собираются заменить торговлю карточным распределением и верят, что население начнет трудиться с невиданным удовольствием, изобретательно и рачительно (под присмотром особой милиции, в которой важнейшую роль будут играть женщины), – самый верный ленинец употребит ваши слова: «чушь несусветная». Но дело в том, что если отвергнуть свободное хозяйство, то, как ни верти, придешь к чему-то в этом роде. Ничего другого, ничего более умного, чем распределение по карточкам или спартанские общие котлы, придумать невозможно. Не Ленин был дурак (опять ваше слово), а увлечение, которому он отдал не только свою жизнь, – дурацкое.

В Вене стоит памятник человеку по имени Поппер. Он изобрел такое общественное устройство, нелепость которого люди, ставившие ему памятник, отлично понимали еще при его жизни. Но это устройство, если не всматриваться в него пристально, кажется исключительно привлекательным и дельным. Лег до тридцати пяти каждый член общества обязан трудиться там, где ему укажет государство, и трудиться только за харчи. А потом до конца дней вы можете заниматься чем хотите, хоть ничем: пищу, кров и одежду вам предоставляет государство, для того вы и отбывали трудовую повинность. Поппер видел это общество состоящим из двух разделенных отсеков: в одном – социалистическое хозяйство, где как раз и отбывают трудповинность, в другом – свободное, где существует, следовательно, частная собственность, а значит, богатые и бедные, только бедные не знают нужды в предметах

первой необходимости. В этом – назначение выдуманного Поппером общества: чтобы не было унижающей достоинство человека бедности. Он был выдающийся и разносторонний ученый, но и ему не приходили в голову те простейшие доводы против его изобретения, которые сами собою разумелись для привратника дома, где он квартировал. Правда, в отличие от Маркса и Ленина, Поппер настаивал, что его, попперовский, социализм должен строиться без малейшего принуждения.

Письмо из Москвы: «Пишет вам русский инженер, зовут меня Валерий Петрович Байбаков. Сидите вы, господин Стреляный, перед микрофоном и все жуете и жуете нам, глупым русским слушателям, различные страшилки из жизни нехороших большевиков. А вы никогда не задумывались, что было бы, если бы в прошлую мировую войну миллионы злых и нехороших коммунистов не погибли в боях за то, чтобы вы в теплой студии могли поливать их грязью?» Господин Байбаков считает самой вредной частью населения в России всех времен – нетехническую интеллигенцию. «Всегда эти люди, – пишет он, – баламутили народ и добаламутились. Извините, что пишу коряво. Так зол на вас, что принял пятьсот граммов».

Нет, не очень коряво, Валерий Петрович, я бы не подумал, что пятьсот.

Скифская мудрость

Январь 1998

Из Днепродзержинска пишет о своей жизни господин Гавриш. Начинает с 1930 года:

«Идя со школы степной дорогой, я встретил конную подводу. На ней лежали знакомые мне вещи: отцов кожух, материна девичья свитка да узлы с домашней утварью. К возу была привязана наша корова. Дома я увидел такую картину: перед образами на коленях стояла моя мать и помешано кричала, протягивая руки к Богу: «Детки мои, голубята, чем я накормлю вас завтра?!» Эту картину я пронес в душе сквозь всю жизнь. Только потому, что тот ураган оборвал народные корни, мы сидим сегодня голодные на метровых черноземах. Лишенные корней, мы не способны питаться соками собственной земли. Нас приучили к коммунальному корыту, в котором уже показалось дно. Однажды, морозным днем 1942 года, я остановился на фронтовой дороге, вышел из танка и засмотрелся на другую картину: на обочине лежал на снегу убитый солдат. На лице иней. Карманы все вывернуты. Горсть автоматных патронов и домашняя чайная ложечка – наверное, осталась незамеченной. «Мальчик мой родной, и тут, в аду, тебя обокрали!» – подумал я. Не все корни у меня были обрублены, что-то осталось. Вернувшись на родину, я врос в отчую землю. Я собственными жилами поднял дом на окраине города, посадил сад, поставил пасеку и вырастил виноградник. Возле хаты 25 соток земли. Это огромное богатство. Я не бастую, не объявляю голодовок – у меня нет времени на забавы. Я не мечтаю выращивать огурцы в космосе. Мне для этого Богом дадена земля. Я упорно работаю. Зато летним вечером на столик под яблоней моя седая Явдоха ставит: залитую смальцем домашнюю колбасу, малосольные огурчики,

да коньяк Сам-Жэне – из винограда с медом, на зверобое настоящий. Перед моим окном расстилается до самого горизонта украинская степь. Я родился под пшеничной копной в степи, я вырос на степных ветрах, меня купали степные дожди и сушило степное солнце. Иногда я иду в степь, устраиваюсь на вершине кургана, в котором хотел бы лежать после смерти, и долго-долго сижу».

Огромное вам спасибо за письмо, господин Гавриш, это чудесный подарок мне к Новому году. Почему вы не указали свое имя-отчество? В.В. Очень обидно.

«Ты, бл..., почему публикуешь лишь те письма, которые по твоей шерсти и шкуре, а которые не по твоей шерсти и шкуре, в мусорную урну бросаешь? Еще публикуешь те письма, которые сами сочиняете от имени придуманных авторов. Где же у тебя демократия?»

Автор этого письма, как видим, за демократию, и тут я с ним. Хуже (и, по-моему, ничего нет хуже!), когда о демократии говорят, что ее развели, что ее слишком много. Так советское чиновничество, да и часть простого народа (очень немалая часть!), откликнулись на послесталинскую «оттепель» в Советском Союзе, на хрущевские попытки чуть-чуть очеловечить власть. Тут и разница между жителем России и жителем США. От россиянина чаще слышишь, что демократии вокруг него перебор, от американца – что недобор.

Пишет жительница поселка «Ахтырский» Абинского района Краснодарского края: «Послушаешь радио, посмотришь телевидение – скотство и срамota. Есть же еще, наверное, умные, порядочные люди, а управляют нами дураки, пройдохи, воры. Когда смотришь (не одна я) на правительство, то думаешь: интересно, а сколько этот украл, а где купил дворец, в какой части Земли? На думу посмотришь: продажная, ленивая, никакая Россия ей не нужна, никакой русский народ – только деньги, всех ку-

пил Ельцин, нет любви, гордости... А как они быстро жиреют! Только стал кем-то – уже важный и жирный. Не любят у нас и Зюганова, поднадоел, да и слабак, оппозиция ради оппозиции, чтобы на дурно пожить. Жалко смотреть на этих стариков, которые еще копошатся со знаменами, их становится все меньше. Очень прошу не упоминать мое имя, поселок небольшой, узнают, суда не оберешься».

Просит ответить ей и прислать открытки Праги. На скифских просторах когда-то существовали племена, которые тоже избирали себе князей. Княжили те так, как собирается президентствовать в Татарстане Ментимир Шаймиев, – пожизненно. Но там была особая пожизненность. С претендентом на власть заключалось соглашение: срок твоего правления, допустим, пять лет, по истечении одного будешь умерщвлён. Когда я впервые прочитал об этом, то вопроса: «За что?», помню, у меня не возникло. Любой сельский школьник (а я был сельский школьник) знает, что председателя колхоза, проработавшего пять лет, можно расстреливать без следствия и суда: столько советских законов он вынужден был нарушить, чтобы дело хоть как-то шло. А вот почему находились желающие княжить на таких условиях, – этот вопрос, естественно, возник. Я решил обсудить его с матерью, у которой были ответы на все вопросы. «Человек о семье думал, не то, что наши пьяницы. Самого убьют, зато семья будет обеспечена», – сказала она. Это было понятно, но пришлось сообщить ей, что до семейной жизни те племена еще не доросли. «Тогда это вообще не люди, – сказала она». Гораздо позже, поездив по стране, я понял: в каждом племени есть человек, которому так хочется порулить, что ему не жалко отдать за это жизнь. И только сейчас, под влиянием слушателей радио «Свобода», я понял еще кое-что. Скифы заботились о том, что сегодня называется «политической стабильностью» и «гражданским спокойствием». Годится, наверное, и выражение «нравственный

микроклимат в коллективе». Всякий недовольный князем член племени (а недовольных, конечно, хватало, люди ведь и тогда были людьми, что бы ни говорила моя мать) знал, что справедливость восторжествует – князь свое получит, «вышка» ему обеспечена.

Алексей Клауз из города Зеленодольска в Татарстане: «Здравствуйте, Анатолий Иванович! Пишем мы вам как старому другу народа российского, и наберитесь терпения для ознакомления с нашим корявым почерком. Для учебы не было ни времени, ни средств. Чтобы выжить, приходилось любить труд, а не гулять на заливных сионистских лугах и поливать грязью учение В. И. Ленина... На горизонте маячит капитализм с волчьей пастью, да доллар, которым опутал нас торгаш, и воздух стал уже не наш. Раньше народ был зависим от партии, сейчас – от боженьки, а если правду вам сказать, то жизнь – ложь, а люди – вошь. Россия состоит из шутов, плутов и клоунов. Протирали штаны в обкомах и райкомах, а сейчас стоят в храмах вместо подсвечников. В свое время я на деньги с Лениным изездил весь Юг и Северный Кавказ, а вот на деньги с раскрыленным орлом в образе мокрой курицы, который клюет нашего брата и спереди, и сзади, не могу съездить на могилу отца – кавалергарда Его Величества, что лежит с киркой в могильном бруствере – продольном отвале канала Москва-Волга».

Спасибо за письмо, господин Клауз, мне оно очень понравилось. Понял ваши намеки в свой адрес, заметил, что храните верность Ленину-Сталину, несмотря на то, что ваш отец сгинул на Беломор-канале. Раскрыленного российского орла с мокрой курицей сравниваете не только вы – многие никак к нему не привыкнули, но только у вас дело выглядит так, что мокрая курица клюет трудящихся. В неловкости вашего сравнения, по-моему, отражается неловкость российской политики. Герб-то вернули не какой-нибудь, а имперский! Имперским гербом увенчали

страну, которая только-только перестала быть империей и чье благополучие, само существование, зависит от того, сможет ли она стать просто страной. Птицу поставили в двусмысленное положение. Орел, а не летит, мокрая курица, а клюет трудящихся спереди и сзади.

Письмо из Черкасской области: «Я отец пятерых детей, но живу один. Дети разбежались, жена-стерва смылась, вот я и верчу головой, как птица, соображаю: ну, и что же оно будет дальше? Работал я водителем-междугордником. Всю Европейскую часть исколесил вдоль и поперек. Приходилось бывать в Эстонии. В степи, вдоль трассы, – столы деревянные, а на них бидоны с молоком сборщика дожидаются, и вокруг ни души. Смотрю, в магазине женщина берет четверть пачки масла, в цветастой такой фольге, а я попросил десять пачек – они на меня, как на пришельца с того света, уставились. А я ведь и действительно из другого мира к ним приехал. Однажды привожу в Баку фильтры с Симферопольского машзавода, жил я тогда в Крыму. Нахожу завод: так и так, груз вам, говорю, доставил. Кто бы хны... Я опять: груз вам, говорю, привез. Ноль внимания. Да что они, думаю, в самом деле! Добрался до директора, открываю дверь – батюшки! Не кабинет – дворец. Хозяин в праздничном халате, на коленях у него полуголая не то секритутка, на столах коньяк, закуска – запах классного шалмана. Садись, дорогой, угощайся! Нет, говорю, спасибо, я, груз вам доставил из Крыма. Ах, из Крыма! Возрадовались, обнимают, танцуют. Машину мою разгрузили. В отвал. Подписали бумагу, присобачили штамп, дали на дорогу бутылку конька, и я уехал. Видел, как строился КамАЗ. Возле того завода двигателей, что потом сгорел, на моих глазах похоронили в котловане прекраснейшие фермы двутаврового металла, в том же котловане – метра три, наверное, в диаметре нераспечатанный каток югославского кабеля в голубой оплетке похоронили и глазом не моргнули, Анатолий Ива-

нович! Сеня Савицкий, начальник сбыта Симферопольской зеркальной фабрики, из окна гостиницы выкинул пустую бутылку, да прямо на голову не то какому-то Чань Ваньмыню, не то Джону. Вот Горбачев и затеял перестройку. Дальше уже не то что стыдно – противно жить было. Когда началась перестройка, я прикинул и говорю своей стерве: давай переезжать из города в село, иначе подохнем, детей вон сколько. Нет, ни в какую! Еле уломал». В конце концов, Александр Иванович остался в селе вдвоем с младшим сыном. Проводил его в армию. «Через короткое время кричит оттуда: папа, караул, вызволяй, иначе убьют, либо калекой сделают! Звоню старшему на Кавказ: так и так, приезжай. А он у меня летчик, российский майор, летал на МиГ-23. Приехал. Что тут? – спрашивает. Рассказал ему. Он нагнул голову, молчит. Потом говорит: нам, по-моему, подвешат ракеты, уже повыкатили их со складов. Один полк уже летает в Чечню. Тогда бросай, говорю, эту армию к такой-то матери! Да платить, говорит, стали хорошо, да и командир фалует меня к себе в заместители. Так тем более, говорю, бросай! В общем, съездили мы к младшему, выкупили его с раздробленной скулой за две тыщи долларов, которые я теперь должен старшему. Коммунисты, демократы, Гайдари, Чубайсы, Лукашенки, Кравчуки – все это чушь собачья. Весь фокус в том, что в одночасье шестая часть планеты разделилась на хитропроворных – теперь они богачи и на простофиль-тугодумов – таких, как я. И нам теперь хоть об стенку лбом. Так что же, опять Пугачева высматривать? Опять Зимний, почту, телеграф брать? Анатолий Иванович, что скажете вы?»

Скажу, Александр Иванович, что на сей раз может обойтись без Пугачева и без Ленина. Во-первых, Россия уже городская страна. Горожане меньше сельских склонны к бунту, больше – к осмысленным действиям. Во-вторых, как ни мало сегодня верхи оглядываются на вашего брата, а все-таки больше, чем когда бы то ни было.

А окончательно (насколько что-либо может быть окончательным под Луной) Россия войдет в берега, по-моему, не раньше, чем предстанет перед Господом последний из тех, кто хоронил в котловане нераспечатанную катушку югославского кабеля в голубой обмотке. Не раньше, Александр Иванович!

Из Петербурга пишет Михаил Алексеевич Тимачев: «Ваш антикоммунизм, извращение советской истории угнетает, давит на уши, отталкивает. Мне жаль российскую молодежь, которой дается плохой пример пренебрежительного отношения к революции и гражданской войне, к участникам тех событий, к своей Родине. Многие люди слушают радио «Свобода» с целью получить информацию, а получают «демократическую» «пропагандистскую» шелуху. Прошу простить меня, если вы обиделись на меня за резкие слова».

Какие могут быть обиды, Михаил Алексеевич! Вы ведь нас постоянно слушаете, поэтому вас можно только благодарить за внимание к нам. Вы употребили выражение, которое в России уже стали забывать, а до 1917 года совсем не знали: «извращение истории». Первые извратители появились, как известно, наутро после Октябрьского переворота. Они засели в крупнейших и солиднейших российских газетах. Ленин решил их закрыть. В декрете было сказано: «временно». Вскоре извратители появились рядом с ним. Первым оказался Троцкий – его правая рука. Потом извращение истории стало любимым занятием «врагов народа» – наряду со шпионажем и диверсиями. В Германии извратители истории появились в 1933 году, после победы Гитлера (после поражения Гитлера их не стало, это – в Западной Германии, а в Восточной продолжали попадаться на каждом шагу). В современном мире полно извратителей кубинской истории, северокорейской, иракской, ливийской. Никто почему-то не извращает историю Швеции, Франции, куда-то подевались извратители

чешской истории. После прихода к власти Александра Лукашенко появились извратители истории в Белоруссии. С ними борется его печать. Андрей Олегович Фирсов из Гродно прислал на радио «Свобода» несколько номеров президентской «Народной газеты», в них – огромная статья профессора Залесского, председателя Белорусского республиканского объединения «Историческое знание». Одним из главных извратителей он считает Хрущева. Пишет: «Шлюзы для послевоенной фальсификации истории репрессий открыл своими необъективными выступлениями на партийных форумах и мемуарами Н.С. Хрущев». О крестьянах, которых отправляли в Сибирь во время коллективизации, сказано так: «Выселяемые кулаки пользовались целым рядом льгот и привилегий: бесплатная транспортировка семей и некоторой части имущества по всему пути следования, размещение у местных жителей по деревням и пригородам...» О показательных судах над высшими руководителями в тридцатые годы: «Все подсудимые, становясь на позиции здравого смысла, говорили о себе только правду». Сегодня в Белоруссии плохо приходится тем, кто несдержанно отзывается о президенте. Видимо, в связи с этим его газета в статье профессора Залесского напоминает своим читателям, какую опасность для власти представляло это явление в советское время: «Внутренние враги социалистического строя применяли такой вид борьбы, как распространение антисоветских анекдотов и поощрение антисоветских разговоров. Нынешние фальсификаторы истории пытаются вообще игнорировать весь подобный «мелкий антисоветизм»... Что касается пошлых анекдотов в адрес И.В. Сталина, то они носили клеветнический характер, и не отвечали существовавшим в те времена реалиям».

Автор письма, из которого сейчас буду читать, в 70-е годы кончил Московский университет, сейчас он работает преподавателем и кустарничает, часто слушает радио

«Свобода», которое раздражает его своим «космополитизмом», «либерализмом» и «невежеством», что для него одно и то же. «Обязательно почитайте Вебера, – пишет он. – Создается впечатление, что вы считаете, что в основе современного капитализма и в самом деле лежит стремление людей к богатству». Советует читать также Тойнби, но больше всего – смотреть открытыми глазами на действительность и думать своей головой: «Хочу помочь вам кое-что уяснить для себя – для себя, а не для вещания. Поставьте крест на интеллигенции – она никогда ничего толкового не сделает. Интеллигенция – смерть всякой цивилизации: сброд малохольных, ни на что не годных и совершенно необразованных хлюпиков. Постоянно болтающие и грызущиеся друг с другом оболтусы. Я сам, лично, видел, как один урка зарезал себя только из-за того, что его заподозрили в предательстве. Ни один интеллигент этого не сделает». По его мнению, советский народ не был готов к свободе. «Когда находишься, как я, в гуще, то видишь, как опустилась за последние годы масса. Свобода была воспринята как свобода пьянствовать на рабочих местах, вымогать, воровать. Причем, все началось с интеллигенции. Ты, сволочь, сейчас должен операцию больному делать, а ты уже лыка не вяжешь! После августа 1991 года народ оказался между двумя полюсами: интеллигенцией и бандитами. Кто должен был победить? Ясно, кто. Так что Россию если кто и спасет, то бандиты. Они сильнее. И не потому они сильнее, что аморальней (наоборот, по большому счету, бандиты порядочнее интеллигенции), а потому, что умнее».

Думаю, что если бы русские бандиты были способны так обличать свою прослойку, как этот человек – свою, они спасли бы не только Россию. А Вебера этот человек упомянул не всуе. Вебера стоит читать, скажу тем, кто еще не читал, – и особенно сегодня, когда в бывшем Советском Союзе так кипят стяжательские страсти. Два года назад в России была переведена другая очень полезная

(и очень просто написанная) книга: «Как Запад стал богатым». Авторы – Розенберг и Бирцел младший – ссылаются как раз на ту мысль Вебера, из-за которой его рекомендует нам наш слушатель. Не стремление людей к богатству, не алчность сами по себе сделали Запад богатым. «Современные капиталисты, – писал Вебер, – отличаются страстью к стяжательству не больше, чем, например, восточные купцы». Богатым Запад сделали особые условия общей жизни, с помощью которых люди смогли упорядочить, дисциплинировать, облагородить свойственную многим жажду приобретательства. Сумели, например, заставить себя возвращать друг другу долги, держать данное слово, не полагаться на кулаки в деловых отношениях. Надо сказать, что в Советском Союзе, поближе к его концу, Вебера разрешалось изучать в порядке критики буржуазных наук. В годы, когда этот наш слушатель учился в МГУ, там даже была защищена кандидатская диссертация по Веберу – правда, не на экономическом, а на философском факультете. Это было событие в одном из интеллигентских кружков. Первая в Советском Союзе диссертация «по Веберу»! Написала ее аспирантка, приехавшая в Москву из Армавира, – исключительно трудолюбивая, честолобивая и бойкая девушка, выросшая без отца, на окраине, в хатке у бабушки-колхозницы. Ради Вебера выучила тогда уже вышедший из моды немецкий язык. Не хочется мне ставить крест на такой интеллигенции.

Ионас Шведас из Литвы: «Людей надо лечить правдой, а правды в России не знают очень многие. Когда в 1939 году в Литву пришла Красная Армия, ее принимали как армию дружественной страны. Никому не могло и в страшном сне присниться, что за этим последует. Вслед за армией к нам хлынули каратели и палачи со своими семьями и стукачами. Достаточно было быть порядочным человеком, чтобы быть уничтоженным. Не было никакой возможности уцелеть тому, у кого была хорошая квар-

тира или дом. Прежде чем убить человека, в подвалах НКВД вытворяли такое, что гестаповцы ужаснулись бы. Среди палачей были не только русские, но все они говорили по-русски, директивы получали из Москвы, лагеря, в которых мало кому из нас удалось выжить, находились на территории России. При подходе большевистской армии в 1944 году тысячи жителей убегали в Германию под американские и английские бомбежки, зная, что это – меньшее из зол. Потом началось, вернее, продолжилось: убийства и заключение за колючую проволоку невинных людей, принудительный труд, принудительная коллективизация, ограничение мест проживания, преследование верующих, растление населения вербовкой доносчиков, воровство и хулиганство, вранье сверху донизу. Я слушаю письма, которые вы получаете, и у меня создается впечатление, что большинство россиян все еще находится под большевистским гипнозом. Россия не раскаялась, Россия не изменила своих привычек. Пример – Чечня. Так что прибалтийские государства не будут последними, которые вступят в НАТО».

Александр Тюрин из Германии: «Долгие годы, можно сказать, с молодых ногтей, я почти молился на вашу станцию. Еще бы, она резала правду-матку про советский режим. Но вот КПСС уже на свалке истории, хотя и избежала подобающего судебного приговора. Советскую власть я как ненавидел, так и ненавижу - хотя бы за то, что расстреливала и сажала в тюрьмы моих прадедов и дедов, ломала судьбы моей родне. Но вот с российским государством, сколько бы на нем ни было родимых пятен прошлого, я нынче стал себя идентифицировать гораздо больше. В какой-то степени я начал отождествлять национальные интересы и свои собственные. Мне выгодно сильное государство, с крепкой властью, с единой территорией, с хорошей армией, с охраняемой границей, со сбалансированным бюджетом и торговлей. И поэтому мне ваша

станция разонравилась. Чечней-то дело не ограничивается. Вы поощряете любые автономистские тенденции, любое неподчинение центральной власти... Ваша станция не убедила меня, что расширение НАТО выгодно России, что ограничения в торговле идут на пользу россиянам. Ваша станция не убедила меня, что Запад желает России больших благ. Ваша станция не убедила меня, что Запад – это сплошной образец для подражания. Та же Германия – невероятно бюрократизированная страна. Александр Тюрин, писатель-фантаст из Петербурга, автор 9 книг, временно проживающий в Германии».

Уважаемый господин Тюрин, на расширение НАТО нет одной точки зрения ни в Европе, ни в Соединённых Штатах Америки. Спорят люди... Из России мы получаем столько же писем, в которых говорится, что расширение НАТО выгодно России, сколько и таких, как ваше. Но я хочу сказать о другом. Радиостанция «Свобода» не ставила и не ставит своей целью особый разговор о том, что выгодно или не выгодно России в связи с планами НАТО. Это ведь дело прежде всего самого Североатлантического Союза и стран, которые в него просятся. Они же, эти страны, думают, как вы могли убедиться, слушая и письмо Йонаса Шведаса, не о том, что выгодно России, США, Германии или еще кому-то, а о том, что выгодно им. Разве это не естественно? Что это вполне естественно, понимают и те люди на Западе, кто против расширения НАТО. Им не о чем было бы беспокоиться, не о чем было бы спорить со своими правительствами, если бы в Европе не было желающих вступить в НАТО. И должен сказать: ваше письмо – не тот документ, который может прибавить уверенности людям, которые против расширения НАТО. И Йонас Шведас между строк вашего письма прочитает то, что лишний раз скажет ему: ты, Йонас, не ошибаешься, смотри, петербургский писатель не скрывает, что для него уже не имеет значения, сколько родимых пятен прошлого лежит на современной России, а ведь в этих-то пятнах, в

том, сколько их, в том, какие они, – все дело. Мир для вас, господин Тюрин, все еще разделен на Россию и Запад – вот только одно пятно. Вам все еще приходит в голову вопрос, больших ли благ желает Запад России. Один этот вопрос скажет Йонасу всё. Больше половины основных продуктов питания в крупные российские города поступает с Запада. Россия завалена западной одеждой, обувью, мебелью, сантехникой, видео- и радио-изделиями. А вас все еще надо убеждать, что Запад относится к России нормально. Это вас, который ненавидит коммунизм. А что говорить о тех, кто обожает? Пишут нам: ну, да, завалил бы Запад нас всем этим, если бы ему не было выгодно! Другими словами: если ты действительно нам не враг, продавай нам то и се себе в убыток, тогда мы тебе поверим. Тем более что у тебя тоже, оказывается, не рай, ты тоже порядочный бюрократ. Ну, и двуличен. Выступаешь за свободу мировой торговли, а нас с нашим товаром – с листовым прокатом, например, к себе не пускаешь. Да, наш товар вдвое дешевле твоего. Ну, и что? Не плати и ты своим рабочим по году – твой тоже будет дешевым.

Москвичка Елена Николаевна Шахова: «Вы много говорите о прелестях западной демократии и всеми силами пытаетесь внушить, что так называемый тоталитарный режим – это черное зло, холодная война и пр. У вас остался только один существенный козырь для вашей пропагандистской работы – лагеря и ссылки, где страдали и часто погибали невинные люди. Зато советскому человеку не нужно было ломать голову, как выжить. Его голова была свободна для восприятия культуры, поэзии, кино и прочего. В той прошлой, отнятой у нас, жизни было много хорошего, несмотря на цензуру и прочее». Елена Николаевна жалуется нам на свое меню: «Завтрак – кофе с молоком, бутерброд с сыром. Обед – картошка (своя) с салатом (своим), редко какой-нибудь супчик. Ужин – чай с таким же бутербродом. Ни мяса, ни колбас не покупаю.

И все вспоминаю, как мы жили раньше, как ругали ЦК КПСС, газеты, проекты поворота рек, многое плохое и дурное, но при этом радовались жизни, влюблялись, ездили на море, по выходным отдыхали в замечательных уголках Подмоскovie, куда нас отвозили и откуда привозили на автобусах. Все сгинуло. Нам оставили одну свободу – зарабатывать на жизнь и платить, платить за все. Даже за само право жить». Недавно эта женщина, по ее словам, проделала над собою эксперимент: «Взяла томик когда-то любимой мной Анны Ахматовой. Ах, как раньше мне нравились строчки:

Перо задело о верх экипажа.

Я поглядела в глаза его... Милая Анна Андреевна, о чем вы? Так стало жаль себя – ушедшую, померкшую. А ведь когда-то все это так живо трогало, волновало».

Я тоже, Елена Николаевна, читая ваше письмо первый раз, про себя, вспомнил в этом месте строчки Ахматовой – про «Русь безязыкую», которая корчилась под «железными сапогами и под шинами Черных Марусь». «Черными Марусями» назывались в народе машины советской тайной полиции, в которых перевозили арестованных «врагов народа». Существенный, как вы написали, козырь в нашей пропагандистской работе. В одной из этих «Марусь» был увезён – почти на 20 лет – сын Ахматовой, а перед сыном – на расстрел – муж.

Из Каргополя – Михаил Уляшов. «Скучные пошли вам письма: все кто-то виноват, только не сам. Никто не делится опытом, как выжить при рыночной вакханалии. Я хочу поделиться. Первым делом бросил пить и курить. В лесу гребу все, что под руку попадет: лист брусничный, чагу, шиповник. Чай из веточек черной смородины самый вкусный. И экономия лекарств: помогает от ревматизма и гипертонии. Веники приходится вязать. На днях соседка приходила на беседу, просила тряпки ста-

рые, если не жалко: коврики и дорожки вяжет, заказов – на полгода вперед. Завгар бывший без работы остался. Баню свою переделал под кузницу и стучит. Кому скобу, кому якорь, а то и машину отремонтирует. Сосед через дорогу собачек держит «колли» – щенками торгует. Жена его носки вяжет из собачьей шерсти и продает помаленьку, и шапки шьют. С новым годом!»

Из Днепродзержинска пишет кто-то безымянный: «Большинству людей сейчас денег и на хлеб не хватает, а при Леониде Ильиче Брежневе хлебом свиней кормили»

Потому, наверное, теперь и людям не хватает, замечу сразу.

«Раньше весь город был в лозунгах «Слава КПСС», «Слава труду!» – теперь безработица. Теперь-то мы поняли, что множество наград у Леонида Ильича Брежнева – заслуженные. Конечно, был у Леонида Ильича дефект речи, но разве хорошо смеяться над человеком, если он после операции плохо говорит, а юморист Хазанов на это плевать хотел. Лучше покажи, Гена, Ельцина – как он дирижировал оркестром в Германии».

Житель села Красный Куток Борисовского района Белгородской области Виктор Иванович Ильяшенко прислал свою статью, напечатанную в районной газете. Статья называется: «Пока не поздно». При советской власти в этом селе не было колхоза-совхоза. Жители были заняты в местной промышленности и отхожим промыслом. Потом на Красный Куток, «грянула, как гром среди зимы, горбачевская «перестройка», пишет Виктор Иванович, «пронесли, как смерч, гайдари-чубайсовские преобразования». Промышленность постепенно захирела, и теперь в селе большая безработица. Виктор Иванович опасается, что его односельчане вернутся к «скудному средневековому натуральному хозяйству». Он хочет «помочь им объединить свои силы, умственные и производственные спо-

собности, пойти по пути создания общественного фонда поддержки развития села». Считает, что селу «необходимо разработать комплексную программу развития вплоть до двухтысячного года». Если же люди пойдут «по пути единоличного выживания», то село «неминуемо постигнет печальная участь «Титаника». Виктор Иванович выражал в своей статье уверенность, что у его земляков «достаточно житейской мудрости и здравого смысла не пойти по этому скользкому тупиковому пути!».

Первой неожиданностью для Виктора Ивановича было то, что районная газета его статью напечатала. Не вычеркнули ни про гром, ни про смерч. Второй неожиданностью было то, что в селе на статью не обратили внимания. А третьей – то, что «ни со стороны администрации села, ни со стороны районной администрации никакого реагирования не последовало». Он вспоминает свою первую заметку в этой газете, называвшейся тогда «Борисовской коммуной» (теперь это «Призыв»): «Я подверг критике работу сельского совета за то, что он не уделял должного внимания спортивной работе на селе. И что? Через два дня меня пригласили в сельсовет и под расписку вручили волейбольную сетку и два мяча – один волейбольный, другой футбольный. А сейчас тишина». У Виктора Ивановича, по его словам, осталась одна надежда – на радио «Свобода», которое он слушает с 1954 года, из-за чего, впрочем, «не сделался ни антисоветчиком, ни антикоммунистом, хотя причины для этого были». Свою надежду на нашу помощь в устройстве колхоза в селе Красный Куток он выражает в следующих словах: «Зная, что ваши передачи бывают слышны во много раз громче, чем взрывы любого количества динамита, любезно прошу вас хоть вкратце озвучить в эфире мою статью. А если уж дело дойдет до комментариев, то у меня еще одна убедительная просьба: не называйте меня господином. Ведь вы прекрасно знаете, какие здесь «господа».

Уважаемый Виктор Иванович, я случайно знаю ваше

село. Мужики серьезные. О том, что они все годы советской власти прожили без коллективного хозяйства, вы пишете, что это не вина их, а беда (как будто их судят за это пролетарским судом, а вы, спасибо вам, выступаете защитником), но я думаю, что вины там тоже хватает: мужики, скажу еще раз, серьезные. Это повидавшие свет мастера – «шабашники», это люди, которые всю жизнь провели в паровозном депо станции Основа (в селе их зовут «поездниками»). Таких и при Сталине непросто было бы скрутить, почему, я думаю, районное начальство и оставило вашу статью без реагирования. С исключительным интересом читал я и эту статью, и ваше письмо, Виктор Иванович, с исключительным! В мире, наверное, и впрямь что-то сильно сдвинулось, если коммунист, хранящий верность колхозно-совхозному строю, просит радио «Свобода» помочь ему провести коллективизацию в селе Красный Куток. В порядке же социологического, так сказать, комментария скажу следующее. В сознании, а особенно в подсознании многих россиян все еще жива уравниловка. Уравниловка совершила Октябрьскую революцию, уравниловка взбунтовалась в августе 1991 года, уравниловка уже опять, похоже, почти остановила движение страны к демократии. Рождает уравниловку в умах, как известно, бедность, но вместе с бедностью она не проходит – не сразу проходит. А когда бедность вдруг возвращается, как сегодня в Красном Кутке, тут же находятся, оживляются, впадают в деятельность люди, которых при советской власти называли активистами, а в народе – «ястребками». Они больше других верят в уравниловку, в коллективность, в колхоз-совхоз, они страстно желают добра мужикам, поэтому беспощадны и неумны. До радио «Свобода» вон дошел...

Злободневнее по-прежнему то, о чем пишет наш безымянный слушатель из Йошкар-Олы:

«Я живу в многоквартирном кооперативном доме. Дом

куплен на свои кровные – казалось бы, надо беречь. Так ведь нет: живущие в этом доме подростки бьют стекла, снимают замки с почтовых ящиков – мы уже замучились покупать, выжигают содержимое, стены от этого в копоти. Взламывают сарайчики во дворе, тащат оттуда картошку, соленья-варенья, поджигают садовые домики. В округе ни одного не раскуроченного телефона-автомата. И откуда у нас такой потенциал разрушения? Приезжаешь за границу – чистота, ухоженность, в телефонных будках лежат справочники, ни одной страницы не вырвано, не сожжено, сиденья в поездах не изрезаны, окна не выбиты. Возвращаешься – как на помойку, так все пакостно, так все мерзко, такое отчуждение. О каком свободном рынке может идти речь с таким народом? Послушайте, каким языком изъясняется русский бизнес: крыша, разборка, наезд, капуста. Я это пишу вам для того, чтобы вы в своих передачах коснулись этого вопроса».

Спасибо этому слушателю за письмо. По-моему, только об этом так или иначе и говорится в наших передачах.

Господин Орбиданс из Даугавпилса: «Слушаю письма, которые вы читаете, и поражаюсь. Столько противоположных отзывов обо всем! Каково должно быть состояние народа, из которого идут эти отзывы... Я латыш, живу в Латвии, с русскими знаком лишь частично. Знаю, что разноречивой всегда есть и должен быть, но такого не представлял себе».

30 заместителей

Февраль 1998

Господин Леонтьев из Нижнекамска прислал свое рассуждение о демократии. Обычно наши слушатели о демократии не рассуждают. Одни о ней молчат – вслед за людьми власти, другие ее ругают, как будто знают, что это такое, а некоторые и прямо говорят: знаем, мол, что это такое, на своей шкуре испытали. А господин Леонтьев рассуждает. «Основное в демократии, – пишет он, – свобода общества от произвола. Сила демократии – в людях, которые готовы повседневно противостоять произволу». Мне было очень приятно читать ваше письмо, Николай Михайлович. Вы не потеряли голову в такие времена, когда это можно считать подвигом. Многие к демократии отнеслись, как к новому вождю, царю или даже Богу, который обязан обеспечить их манной небесной, тогда как демократия образца 1992 года означала всего-навсего, что появились условия для перемен к лучшему. Этими условиями можно было воспользоваться по-разному. Мы знаем, как ими воспользовалось крупное чиновничество или, например, Чечня. Но большинство населения не воспользовалось почти никак.

Аркадий Петрович Гегер пишет: «Происходящее сегодня в России, при всей своей болезненности, ни в какое сравнение не идет с пережитым ее народами за большую часть века. Тем не менее, нынешнее поколение получило возможность на себе хоть частично испытать страдания людей в ленинско-сталинскую хамскую эпоху. А ведь нет сейчас реквизиций, нет ночных обысков и облав, государство не берет и не расстреливает заложников (этим занимаются только отдельные террористы), на Красной площади можно свободно ругать не Керзона, а президента

собственной страны, можно выехать из нее и вернуться, не опасаясь попасть на Соловки за связь с иностранцами».

Эти слова разгневают многих наших слушателей, которые пишут нам: что толку, что можно ругать президента, если от этого ничто не меняется. Господин Гегер на это отвечает: «Страна такова, каковы мы все есть. Из лозунга «Грабь награбленное!» выросло всеобщее, всеохватывающее воровство и «Синдром приобретенного дефицита инициативы». А поправить дело и зажечь без воплей: «Держи вора!» можно. Надо только всем почувствовать под собою свою страну и каждому упорно делать свое дело – не ждать, когда попадет в сети золотая рыбка или щука, работающая на лоботряса. Печи уже топить нечем, корыта рассохлись, скоро прохудятся и последние кастрюли, если только стучать по ним снаружи, вызывая духов, а не помешивать ложкой внутри».

Пишет Михаил Петрович Думенко из Львова: «Толчком к поиску в эфире радио «Свобода» послужило начало войны в Чечне. До этого я был постоянным слушателем «Маяка». Но в ноябре-декабре 1994 года даже дикторы этой станции стали заикаться от вранья. Видать, мой порог восприятия лжи и полуправды был опрокинут, и я, член КПСС с 20-летним стажем, офицер-политработник, подполковник в отставке, обратился к «вражескому голосу» за объективной информацией».

Михаил Петрович зашел так далеко, что некоторые наши передачи записывает на пленку. Они служат ему чем-то вроде боксерских груш: отрабатывает на них свои приемы защиты. Защищает он проигравшую сторону – так называет социализм. Его огорчает, что у проигравшей стороны мало доводов: «кот наплакал», по его словам, хочет внести свой вклад в эту почти опустевшую сокровищницу. Других поражение социализма во всемирном масштабе повергло в уныние, а он из тех, кому «поражение дает настоящий стимул к учебе, толкает к поиску но-

вого содержания социализма». Он собирает статьи коммунистического и антикоммунистического содержания. «За десять лет архив, – пишет, – накопился солидный». В итоге он уже не коммунист – называет себя левым социалистом.

О новом содержании социализма – как бы его найти – говорят сегодня многие. В России употребляют выражение: «новый социализм». Это все напоминает усилия человека, который ищет научные доказательства существования Бога, но заранее решил: что бы ни сказала ему наука, верить в него он не перестанет. Поразительно, что говорят не о новых ФОРМАХ социализма – в дополнение к уже известным, а о новом СОДЕРЖАНИИ. Социализм представляют себе чем-то вроде сосуда, в который может быть влито вчера кислое, завтра сладкое.

Содержанием социализма до сих пор было принудительное распределение благ в обществе. Формой – государственное вмешательство в хозяйственные отношения людей. Советский социализм – принуждение беспредельное, шведский, например, – ограниченное, но смысл один: взять у одних и отдать другим. На практике это означает: взять у одних и львиную долю взятого распылить.

Лучше всего народ живет там, где меньше всего отбирают у одних для других, – в США. Американцы лучше всех в мире понимают, что не распылется, а наоборот, идет в дело, в рост только то, что люди зарабатывают друг у друга, а не получают при посредничестве власти. Такова природа хозяйства. Восстают против этой природы завистники и мечтатели. Они вряд ли когда-нибудь переведутся. Так что слушатели, которые пишут нам, что социализм в умах неистребим, правы. Об этом можно сожалеть, этому можно радоваться, это можно принимать как должное. Дело вкуса. Но изобрести устройство, с помощью которого принудительное распределение будет приносить прибыль, а не убытки, никому не удастся, Михаил Петрович. Не позволяет природа хозяйства. Избежать убытков невозможно, их можно только оправдать.

Очень интересно следить за тем, как эта мысль доходит до некоторых людей в России. Доходит помимо их воли – иначе такая мысль и не может доходить.

Пишет Кулюкина Наталия Михайловна из Москвы:

«Патриарх Всея Руси Алексей Второй в очередной раз удивил меня. О кинокартине Скорсезе «Последнее искушение Христа» Алексей заявил, что картину он не смотрел, но считает, что она «оскорбляет религиозные чувства верующих». Всем известно, как обходились коммунисты с религиозными чувствами верующих и с самими верующими. Что-то не было слышно тогда будущего патриарха. Да и сейчас... Разве Алексей не знает, что церковь заполнилась торгашами, которых изгонял Христос? Цены на все услуги взвинчены. В храме Христа Спасителя намереваются, кажется, повесить доски с именами богатых жертвователей. Вот что оскорбляет чувства верующих. Ибо в Евангелии сказано: «Когда творишь милостыню, не труби перед собою, чтобы милостыня твоя была втайне». Я, православная христианка, ничего богохульного в фильме «Последнее искушение Христа» не увидела. Фильм чистый и высокий. Иисус Христос – сын Божий, но и человеческий. Он человек и в последний момент дрогнул, стал просить отца небесного: «Отче мой! Если возможно, да минует меня чаша сия». Он грезил о простой земной жизни, о жене, детях. Искушение жизнью, наверное, – самое сильное искушение. И Христос преодолел его ради нашего спасения. Этот умный и талантливый фильм с прекрасными актерами укрепляет веру в Христа, очищает от скверны, возвышает над суетой. Верую в Бога и Христа, православная христианка Наталья. Кулюкина Наталия Михайловна, биолог, Москва».

Верующие в России впервые в ее истории могут, как видим, открыто выражать свое мнение о церковной политике, проявлять недовольство пастырями, будь то сельский поп или сам патриарх. Возможности для этого пока

небольшие. Светская номенклатура сочувствует церковной номенклатуре. Но все-таки не угодный патриарху прихожанин уже не может оказаться вне общества, и все больше верующих не хотят слепо следовать за священнослужителями. Спокойной жизни сим последним это не сулит.

«Пишет вам Герасименко Иван Пархомович из деревни Нивы Жлобинского района Гомельской области. Я слушаю, как вы хорошо все освещаете, но с мнением народа не согласен. Люди в своих бедах винят то правительство, то погоду, а сами какие? На базаре теснота, привозят товары машинами на десятки и сотни миллионов, покупают квартиры для своих детей, которые еще ходят в детский сад, строят по несколько дач, а Божьи храмы даже в праздники пустуют».

Спасибо за письмо, Иван Пархомович. Когда в советское время обличали накопительство, предприимчивость, слушать это было неприятно, потому что людям нечего было накапливать и негде было проявлять предприимчивость. Но теперь, когда кое-какой простор появился, уже, кажется, уместно иногда напоминать человеку, что не в деньгах счастье. Ошибаются те, кто думают, что в свободном мире с детского сада людям только о том и говорят, как делать деньги и как это хорошо. Ничего подобного! Воспитатели, учителя, священники, серьезные политики исходят из того, что делать деньги научит человека жизнь, раз он свободен. Гимны поют не чистогану. Говорят о том, о чем написал Иван Пархомович Герасименко – о чувствах, которые приводят человека в храм.

Господин Концевой из города Советска Калининградской области уверен – и доказывает это в большом письме с графиками и числовыми выкладками – что пророчества Даниила, большая часть Откровения и Библии невидимыми нитями соединены с бывшим Советским Союзом:

«Иоанн Богослов в иносказательной форме детально описывает процесс духовного падения России. «Подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих, с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле». Под «вином блудодеяния» подразумевается марксизм-ленинизм. Что же касается «семи гор, на которых сидит жена», то Москва расположена на семи холмах: Кремлевском, Сретенском, Тверском, Таганском, Лефортовском, на Трехгорье и на Воробьевых горах».

Я прочитал из этого письма исключительно затем, чтобы люди, которые давно не были в Москве, вспомнили, на каких холмах она расположена.

Пишет Федор Матвеевич Купцов из Москвы: «Убежден, что легче критиковать недостатки нового демократического строя и его лидеров, чем объяснять причины того, что происходит в настоящее время».

Основной причиной он считает наследие коммунизма: «Я видел этот коммунизм не только снизу, но и сверху, и могу судить о нем лучше многих».

Наследием же господин Купцов считает бюрократию, костяк которой составляют служащие советского времени. Новый строй они восприняли, говорится в письме, «как строй, где все дозволено, где не обязательна личная ответственность за порученное дело и забота о процветании России... Уму непостижимо, почему, скажем, у министра финансов по штату предусмотрено 16 заместителей, у каждого из которых имеются секретари, референты, помощники. Почему в министерстве юстиции в настоящее время сотрудников в четыре раза больше, чем было до войны? Такое же примерно положение во всех министерствах».

Спасибо Федор Матвеевич, за письмо. Когда Александр Руцкой стал курским губернатором, он назначил себе больше 30 заместителей.

Виктор Степанович Чухлов из Ульяновской области: «Ради объективной информации всегда слушал «Свободу». И в «застой», и до «застоя». Раздражает глупость части народа – так называемой исторической общности (совков). Тут одна баба распинаясь: дескать, мы освободили чехов от немцев, а они в НАТО вступили. Ей не понять, что, оттеснив одних оккупантов, русские заняли их место. Москва навязала народам Восточной Европы свой образ жизни. Не знаю, доживем ли мы когда-нибудь до цивилизованного государства. На работе – кошмар. Многочисленные начальники стали хозяевами – не пикни. Все разворовывают. Раньше воровали и злоупотребляли втихаря, сейчас – в открытую. Молоденьких девчонок склоняют к сожительству, гаремы себе пооткрывали, пикнет – выгоняют и преследуют. Бывает и убивают. Бардак был, а стал еще больше. Конца не видно. На груди рубахи рвали, хвалились, а оказалось, бывшие банановые республики лучше нас живут. Ельцин тоже хорош. Делать – так делать, больше решительности, бей, пока не побеждает. И Ленина надо захоронить, это же издевательство – чучело с мужика сделать! Виктор Степанович Чухлов».

Спасибо за письмо, Виктор Степанович. Не стали ваши начальники хозяевами своих предприятий, в том-то и дело, что не стали – потому и воруют, и злоупотребляют. Это все видимость приватизации, видимость акционирования, видимость свободного предпринимательства.

Иванченко Валентина Ивановна из Лисичанска Луганской области: «Кто нас довел до такой жизни? Изменники родины, преступники перед народом...»

Она обзывает непечатными словами Ельцина, Шушкевича, других деятелей... Как обзывает Кравчука, пожалуй, можно огласить: «грамотный бандера».

«При социализме народ ликовал, – пишет она. – Почти ежегодное снижение цен, люди становились все зажиточнее и зажиточнее. Все проклинают этот режим во главе с

Кучмой. Надо поднять Ленина – он никого не наказывал, сам был в одном сюртуке с Надеждой Константиновной. А Сталин – тот действительно наказывал, но это было надо в то время, иначе нашлись бы такие Горбачевы. Всех их ждет возмездие. Народ стонет. За границей только красивая упаковка, а содержимое все – как синтетика. В каждой передаче вы хаете Лукашенко. У нас на Украине, да и во всем СНГ он герой народа, он с народом, не с мафией. Он такой, как и мы. Говорите правду, Анатолий Иванович, не лейте грязь, люди все вас ругают. Зачем берете грех на себя? Я слушаю «Свободу» систематически. Всего вам доброго».

Вам тоже желаю всего доброго, Валентина Ивановна.

Пишет Сергей Михайлович Иванов из Подмосковья:
«Многие люди так и уйдут из жизни, вспоминая счастливое время, когда устраивались парады и демонстрации, на которые основную массу сгоняли, вспоминая дешевую колбасу, которая при них и кончилась. Мне без копейки шестьдесят лет. Я проработал более сорока лет на самых разных местах и знаю точно, что сегодня по старому времени тоскуют люди, которые ходили на работу за восьмеркой в табеле. Конечно, были и те, кто по-настоящему трудился, создавая ценности, изобретали, но их было мало, и они не горлопанят сегодня. Конечно, есть и такие, кто и сегодня мог бы по своим способностям жить безбедно, но их поезд ушел. Таким можно по-настоящему посочувствовать, но такова «селяви», и они это понимают. Возврата к старому хотят те, кто эксплуатировал созданные другими ценности – и эксплуатировал плохо: сломал – спишут, испортил – доставят новое. Краснофлажники очень не любят, когда заходит речь о безобразиях, творившихся в советской стране, – о загубленной природе и, особенно, о загубленных людях. Из моего письма можно вывести, что я человек зажиточный, что я доволен всем происходящим в стране. Это не так и даже совсем наобо-

рот. Мы с женой получаем чуть более 700 тысяч старых рублей, причем, имеем позднего ребенка. Каково нам выживать на такие деньги, можно представить. Жена – рукодельница, я владею многими специальностями. Пробуем подрабатывать, а когда не получается, то приходится по одежке протягивать ножки. Меня волнует разгул преступности в стране, беззаконие, безобразия в армии, хотя в мое время, а я служил в псковской воздушно-десантной дивизии в пятидесятые годы, моих сослуживцев погибло немало, но тогда люди имели другую цену – вернее, не имели никакой цены, но это забыто».

Чем объясняет автор этого письма свое здравомыслие?

Обычно, правда, все объяснения здравомыслия содержатся в нем самом, в здравомыслии – в природной неглупости человека. Но Сергей Михайлович, по его словам, многим обязан семейному и, как ни странно, уличному воспитанию.

«Мои родители со своими детьми, а детей было пятеро, всегда говорили о «мудром учителе» и его безобразиях то, что думали, а думали они так, как стали писать только в наши дни. Восемь близких родственников отца и матери сгинули в сталинских лагерях. Отец чудом избежал... В 1942 году он вернулся с Керченской мясорубки инвалидом, рассказывал, как из-за бездарности вождя бесцельно гибнут люди на войне. Жили мы тогда в Тбилиси. Наша улица была небольшая, и на ней не было доносчиков. С одной стороны она упиралась в кладбище, с другой – в овраг, мы были до некоторой степени изолированы от мира. Жил на нашей улице один жестянщик. Он делал печки – по тем временам очень ценный товар. С работы он возвращался всегда в подпитии и, вступив на свою улицу, начинал страшно ругать давно поверженного царя. Когда его спрашивали, за что он его ругает, жестянщик отвечал: «За то, что не уничтожил бандитов Ленина и Сталина». Вспоминаю, как взрослые из русскоязычных семей просили детей выговаривать названия наших знаме-

нитых городов и радовались, когда дети произносили: Ленинград, Сталинград. Правда, дети знали, что за пределами нашей улицы язычки надо держать на замке. Отец умер через год и два дня после Сталина и был рад, что пережил бандита. Старший мой брат работал на Севере. Через несколько дней после смерти Сталина мы получили от него письмо. В нем была и открытка для бабушки. На открытке была только одна фраза: «Бабуля, поздравляю: тиран сдох!».

«Живу в Литве, в Вильнюсе, уже 12 лет, – пишет госпожа Карпинская. – Жизнь тяжелая, но я не ропщу. Страна распалась и слава Богу – насмотрелась я на советские фокусы, на беспредел и хамство чиновников. Расскажу о тех русских, которые живут здесь по 25 и больше лет. Среди них много бывших военных. Некоторые из них в 1991 году уехали, а большинство, как ни странно, остались. Живут они здесь лучше всех. У них высокие пенсии, хорошие квартиры, дачи, машины, в квартирах много добра, отдельные квартиры у взрослых детей. Но более недовольной всем и вся, более злобной публики, чем эти люди, у нас в Литве нет. Спрашиваю их: «Чего вы хотите?» Отвечают: «Чтобы было все по-старому. Мы русские патриоты». – «Ну, так, – говорю, – и езжайте домой, в Россию!» – «Еще чего, – отвечают, – ехать в нищую Россию». Вот так. Сама я русская, крымчанка, часто бываю в России, и от того, что я стала там слышать в последнее время, мне даже страшно. Ну, во-первых, украинцев называют «хохлами». Я прожила на Украине много лет, но ни разу не слышала слова «кацап». По мнению людей, с которыми общаюсь сейчас в России, «хохлы» все – предатели, прибалты все – фашисты, кавказцев надо всех поубивать, евреев выгнать вон – опять они во всем виноваты, опять продали Россию, Крым забрать – и так далее, и тому подобное. С некоторых пор я стала, повторяю, бояться России. Страна запущена, никто не думает ее поднимать,

народу на все наплевать, пьют по-черному, коммунисты и патриоты глотки надрывают только для себя. Но русские, живущие в Прибалтике, ничего этого видеть не хотят. Боготворят Лукашенко. Ельцина ненавидят люто. Ну, а Чубайс – это просто личный враг каждого. И почему-то, кого ни послушаешь, все правительство – евреи. Появилась ненависть к Америке – опять есть на кого сваливать свои беды. Противно все это. Какими были, такими и остались. Знаю, плохое письмо вам написала. Но я слишком взрослый человек и много повидала, чтобы закрывать глаза на то, что сейчас вокруг меня. Я боюсь России».

Что ж поделаешь, госпожа Карпинская, было бы удивительно, если бы таких людей уже не было. Слишком долго они жили не умом, а чувством – простым и очень сильным чувством: наше учение – единственно верное, наша страна – самая лучшая, наша власть всегда права... наконец, все будет хорошо, мы победим всех недругов и станем главными в мире. Человек привык смотреть не в себя, а вокруг себя: кого бы поучить, кого бы проучить, над кем бы, короче, поработать ради его, конечно, пользы. А с другой стороны, привык к тому, что и над ним все время работают, всем его обеспечивают, все ему что-то должны. Один пишет нам из Нижегородской области: «Прошу вас навести ВСЕ справки о соке с дерева ясень и прислать мне по адресу...» Ну, и наведите сами эти справки, если они вам нужны!хлопотнo? Так ведь без труда не выгатишь рыбку из пруда. К такому ответу он не привык, ведь в той жизни, которую он прожил, так отвечать трудящимся было запрещено.

Вера Николаевна Антонова из чешской деревни Зарошицы: «Уже восемь лет мы с мужем живем в Чехии. Дочь и зять (чех) купили нам небольшой двухэтажный дом в деревне, в тридцати километрах от Брно, где они живут. Говорят, что это деревня, а я думаю: какая же это деревня? Тысяча семей. У всех дома, как игрушки, утопа-

ют в цветах. Деревня газифицирована, три огромных обхода – по-нашему, магазина, там нет только птичьего молока. Два ресторана, двухэтажная школа, современная почта, откуда через три минуты можно связаться с любой страной мира, прекрасная поликлиника, детский плавательный бассейн, двухэтажный народный дом, а какой чудесный костел! Все дома телефонизированы – за счет кабеля, конечно, не воздушки. Староста деревни сразу выделил нам немного земли, где мы с удовольствием копаемся: выращиваем картофель, лук, чеснок, помидоры, огурцы, всю зелень. Крутом красота – поле, лес, горы. Летом здесь рай. Соседи добрые, меня величают «пани Вера» и даже дети при встрече говорят: «Добри дэн!» Здесь я «пани», а на родине, в России, когда звонила сюда дочери и просила телефонистку соединить не в три-четыре часа ночи, а, как я заказывала, в восемь-девять, мне кричали в трубку: «Женщина! Прекратите нам мешать работать, иначе ничего не получите». Бывало, и матом посылали. Все это, слава Богу, позади».

Владислава Ивановна Булычева из деревни Горки Можайского района Московской области: «Я решила вспомнить для истории, что слышала за свои почти 70 лет из частушек и анекдотов. Грубые слова буду смягчать. В своей семье я узнала четверостишие, которое отец прочитал в станционном сортире на стене:

Вставай, Ленин, вставай, дедка –

За...бла нас пятилетка.

Ленин встал, развел руками:

Что мне делать с дураками?

До войны я слышала такую частушку о колхозной жизни:

Эх, пшеницу – за границу,

а картошку – на вино,

а колхозникам – мякину,

да бесплатное кино.

Попробуйте более кратко и точно сформулировать
линию партии в деревне в 30-х годах! Дочка деревенского
кузнеца пропела однажды в нашем детском кругу:

В колхоз пошла – юбка новая,
из колхоза иду – попа голая.

В 50-е годы я спросила свою приятельницу из Ивановс-
кой области, тоже сельскую учительницу, о политических
частушках у них. Она тут же выдала мне:

По деревне ходит, лает
не собака – бригадир.
Выходите на работу –
куска хлеба не дадим!

В годы правления Хрущева слышала от хозяина, у
которого квартировала:

Наши спутник запустили
вышел на орбиту.
Жалко – Лайку загубили.
Надо бы Никиту.

В 70-е годы слышала в Московской области от пьянень-
кого старика:

Брови толстые, густые,
речи длинные, пустые.
Водки много, мяса нет.
На хрена нам этот дед?

Зарядное устройство

Март 1998

Пишет Али Матис: «Я ремесленник, кормлюсь от рук своих, представляю собою смесь русских, татарских и немецких кровей, живу в языческой стране – Латвии». Но все его мысли – в России, где, по его словам, идет борьба «космического масштаба – борьба света и тьмы», где «хорошо выбритый джентльмен, политый дезодорантом, без всякой волокиты пускает вам пулю в лоб в вашем подъезде из бесшумного пистолета и спокойно удаляется на своем «мерседесе». Автор порицает русскую православную церковь, которая забыла, по его мнению, чем она должна быть для людей. «Иначе мы не были бы свидетелями церковной беспощинной торговли водкой и табаком и освящений автомобильных стоянок, – пишет он. – С христианами в России вообще творится что-то умопомрачительное. Сначала разгромили православие, поставили в каждом селении идола и приносили ему ни с чем не сопоставимое количество кровавых жертв, потом улюлюкали, когда идола тащили на помойку, затем проголосовали за Зюганова в Думу и теперь вместе с фашистами ходят к причастию». Он считает главным преступлением «кремлевских маразматиков» то, что они опорочили великое слово «наше» – истинно русское слово, которое должно-таки, в конце концов, поставить Россию впереди всех в мире» и, может быть, уже поставило бы, если бы радио «Свобода» не сбивало своих слушателей с пути истинного. «Назначение человека – не гайки бесконечно закручивать и не кнопки компьютеров нажимать, а славить Бога», радио же «Свобода», мол, этого не понимает, оно только то и делает, что хвалит американский образ жизни. «Америка – великая страна, достойная всяческого уважения, но почему же – подражания, копирования? Если мне неопро-

вержимо докажут, что конечная цель человека – спекуляция на бирже, то все в порядке. Ни к кому приставать больше не буду, а свои личные проблемы решу на первой же осине». Раньше Али Матис был православным, потом отошел не только от православия, но вообще от христианства и влился в ряды последователей «Учения Живой Этики». «Об отходе моем от церкви что скажу... Приведу такой пример. Призывался я в армию из Прибалтики. Старшина в роте был несколько косноязычен и не мог выговорить фамилию одного эстонца, что и вправду было непросто. На вечерней поверке после трех-четырех попыток он вдруг входил в необычайное возбуждение духа и заканчивал всегда одинаково (пардон): «У-у, блядь нерусская!» Эстонец сильно обижался и, может быть, именно он спустя годы предложил закон, попирающий права русскоязычного населения. А старшина был в остальном хороший, добрый человек».

К сожалению, господин Матис, мы не можем похвалиться, что нам удалось так уж далеко продвинуть Россию по американскому пути. В Америке, чтобы получить бумагу для занятия каким-либо бизнесом, требуется полчаса-час, а в России нужно собрать до полусотни чиновничьих подписей и за каждую что-нибудь дать, а потом ежемесячно платить бандитам, которые не позволят налоговой службе разорить вас. Понятно, почему вы представляете себе нас чудаками или чудовищами, которые доказывают своим слушателям, что в спекуляции – высший смысл жизни: вам так удобнее выразить свой протест, хотя есть люди, которые и в самом деле на известные хозяйственные порядки и обычаи смотрят так, словно это некий вероучительный устав, плод некоего учения, идеологии. Много чести, господа! Слишком большое значение придается самым обыкновенным и невинным вещам. Свободная частная собственность, свободная торговля, свободная конкуренция – это всего-навсего удобства общего быта. Их никто не выдумывал, за них некого ругать.

Люди набрали на них стихийно, отобрали их методом проб и ошибок – взяли и закрепили в своем обиходе то, что оказалось наиболее практичным. Эти удобства не образцовы, но их изъяны – обыкновенные изъяны обыкновенной жизни, как наше недомогание или дурное настроение.

Иван Иосифович Мельник пишет о президенте одного из государств СНГ: «Кто он такой? У нас и стар, и млад знают, что он незаконнорождённый, у нас таких называют байструками. С виду он не славянин. Мать у него напша, но преобладает в нем отцовское – цыганское. Когда он был школьником, он был предметом для насмешек со стороны сверстников. Это его ожесточило, отразилось в характере. Отсюда корни его жестокости, того, что его идеалом является Гитлер».

Не знаю, Иван Иосифович, какими словами предварить то, что хочу вам сказать... Пожалуй, скажу без предварения. Гитлер тоже не считал цыган за людей, в его списке нелюдей они занимали первую строку, любой цыган подлежал ликвидации на месте, евреи шли второй строкой. Киргизские патриоты заявили, что господин Акаев не может быть президентом Киргизии, потому что он не киргиз, а казах, скрывающий это от человечества. Их привлекли к суду – за клевету и оскорбление... Незаконнорожденными были Александр Герцен – знаменитый русский писатель, автор «Былого и дум», и поэт Афанасий Фет. Байрон, великий английский поэт – тоже байструк, по-английски «бастард». Это первые имена, пришедшие мне на ум. А тот же Гитлер был произведен на свет вполне законно, и дворянский сын Ленин, и у Сталина с этим было все в порядке (ну, отец выпивал маленько, так ведь был сапожник), из почтенной, состоятельной семьи вышел Фидель Кастро, из семьи пастора – немецкая террористка Гудрун Энслин... Есть у меня надежда, Иван Иосифович, что бесчеловечность своего президента вы объясняете все-

таки не его цыганством, а детскими обидами – ваши слова можно понять и так. Буду рад, даже прошу: подтвердите это.

В одной из предыдущих передач я приводил письмо русской жительницы Латвии, которую удивляют и возмущают ее соплеменники в этой стране, особенно отставники: живут едва ли не лучше всех, а представляют собою самую недовольную часть населения, жалеют о Советском Союзе, надеются, что он восстановится, ругают Ельцина, а Чубайса каждый считает личным врагом. Перед этим похожее письмо прислал нам из Литвы Лебедев Василий Алексеевич. Такие письма мы получаем отнюдь не каждый день, и я попросил его рассказать о себе. Он откликнулся. Родом Василий Алексеевич из Тверской области, в Литве живет давно, но гражданства не имеет – жена, сын и дочь имеют, а он упустил момент, когда мог получить его без сдачи экзамена по литовскому языку. «К великому моему стыду и сожалению, – пишет он, – это оказалось мне не под силу. В дальнейшем это послужило поводом к моему увольнению с работы, хотя по закону не имели права...» В общем, пострадал он серьезно, но тех, кто сражается за восстановление Советского Союза, осуждает. Василий Алексеевич подметил закономерность: «Кто из них был большим держимордой при советах, у того и сейчас больше возможностей жить безбедно и тот, как вы знаете, больше недоволен, что Советского Союза нет».

Это явление из тех, Василий Алексеевич, которые давно объяснены. Человек хочет увеличить свое значение, свой вес, свое достоинство. Вот он и подсоединяет себя к такому большому значению, как страна, народ, государство. Или наоборот: значение страны прибавляет к своему личному значению – и ему становится хорошо от такого сложения, он чувствует, что его постоянно подпитывает некое зарядное устройство. И вдруг он оказался отклю-

ченным от этого устройства. Человек ощутил, что его значение резко упало. Скукожился, как проткнутый шар. Кто больше значит сам по себе, тому обычно легче в таких случаях, не столь уж редких в истории, тому хватает собственного заряда, как вам, например, – надо сказать без всякой лести. Люди, о которых нам написал из Запорожья господин Клименко, хотят восстановить не так Советский Союз, как свое значение. Большая личная заинтересованность – вот и горячатся сверх всякой меры. Если знать это про людей, тогда легче переносить их, не обижать их, легче помнить, что обиженному тобой человеку ничего не докажешь: он перестает тебя слышать, как только ты его обидел. Этим запорожцам, что через весь город несли портреты Сталина к памятнику Ленина, – им бы чуть-чуть больше почета от власти, от окружающих – и всем было бы спокойнее. Почему почти у всех народов положено особо почитать стариков? Наступает момент, когда в силу возраста человек вдруг (это всегда – вдруг) теряет свое привычное значение, и простое человеколюбие требует, чтобы эта потеря была как-то восполнена. Все ему подчеркнуто кланяются, внимают его словам, и ему кажется, что он не только не потерял своего значения, а даже увеличил его. Знаки внимания – это своеобразное снадобье. Чем больше он принимает его, тем ему легче справляться с жизнью, тем он удобнее для окружающих.

Пишет Ирина Фаддеевна Михайлова из села Никандрово Любытинского района Новгородской области: «Сегодня ночью слушала вас и заснула, к сожалению. Здесь у меня очень много работы и летом, и зимой, а особенно осенью, надо спасать то, что вырастила, собрать ягоды, грибы, подготовить огород к следующему году – перекопать, наносить навоз. У нас здесь необыкновенно красиво, была замечательная большая церковь, построенная еще графиней Апраксиной, в тридцатые годы ее изуродовали, как только могли, и все-таки в последние годы мы по

два-три раза приглашаем из района батюшку, он служит молебен, исповедует, крестит, святит наши речки – их у нас три маленьких и колодец с родниковой водой. Нас, жителей, в округе, 12 человек на 9 деревень. Кругом лес, сплошные завалы, до станции 40 километров. Автобус к нам не ходит, но по пятницам появляется автолавка и почтовая машина. Автолавка привозит даже бананы, а еще недавно ждали только хлеба, соли, спичек и, конечно, водки. Покупают мешками сахарный песок, муку, апельсины, кофе, все остальное, первое время по привычке экономили, теперь покупают все. И все ноют, все и всех ругают и клянут. Трудно понять нашего человека. Я все пытаюсь им напомнить, как жилось в советские времена, но бесполезно, все забыли. Говорю: не грешите, благодарите Господа, есть, конечно, много странного, что происходит в наших верхах, но что вы хотите от рабства, в котором выросло несколько поколений».

Марченко Александр Алексеевич из Ростова-на-Дону, 1957 года рождения, рабочий, пишет о среде, в которой живет. Желаниями и мнениями этой среды определяется, как он считает, все, что происходит в России. «Когда в Ростове собирали подписи против чеченской войны, население об этом знало: сбор объявлялся по областному телевидению, называлось место, куда можно было прийти и поставить свою подпись. Место было для многих довольно удобное, всем известное. Мимо того места народ переезжает с одного базара на другой, ездит в Батайск и из Батайска, мимо того места – выход на трассу. Торгующее население знает, когда на каком предприятии выдают деньги. Именно в этот день везут туда что-нибудь продавать. Так что все наш народец знал и соображал, но он сознательно жил, не замечая этой войны». У автора этого письма мозги с детства так устроены, что ему не нравится все колхозное, будь то в селе или в городе. «Я ни у кого в усадьбе не видел столько бурьяна, сколько на колхозных

полях. По-моему, этого хотят коммунисты и их союзники в думе и правительстве: окончательно засорить все земельное пространство России, а потом убедить население, что это и есть природа. Частнику нет смысла засорять ни поле, ни прилавок. Помню, как в советские годы продавали халву. Лежал на прилавке большой кусок, от него отковыривали большим ножом порции (хорошо, хоть не ломом), получалось много крошек, и каждый покупатель говорил: «Мне крошки не нужны», а продавец отвечал: «А куда я эти крошки дену?» Как будто не он сам их наделал. Конечно, если создать очередь или ввести карточки, то возьмут и крошки. Недавно вижу: стоит на улице человек, продает халву с лотка. На лотке – гора кусочков по килограмму, полкилограмма и так далее. И крошек не видно. Как он резал большой кусок, чем он резал, я не знаю, но результат налицо, и он мне нравится. А в государственных магазинах и сейчас полно крошек». Александр Алексеевич уже давно особо присматривается к людям, среди которых чувствует себя «белой вороной» – за людьми, которые продолжают оставаться советскими. Для какой-то части из них это уже стало специальностью: что бы вокруг ни происходило, оставаться советскими. «Часто слышу от наших граждан, что Запад живет за счет русской нефти и прочих природных ресурсов. Это, конечно, вранье, но вранье не простое, а с целью. Они убеждают себя, что деньги, как клад, можно только украсть или найти, то есть, взять у природы. Не хотят знать главного – что богатство рождается из инициативы и знаний. Эти граждане всей душой за одно-единственное – за то, чтобы прибыль доставалась не человеку, который производит товар, а кому-то другому – хоть вору, хоть бездельнику. Так я объясняю существование колхозов, где народ живет только за счет воровства и не хочет жить иначе. В конце октября в одном совхозе (теперь он считается акционерным обществом) было собрание по вопросу, как жить дальше, в какую сторону двигаться – в настоящую част-

ную или оставить все как есть. Даже учителя побросали занятия в школе и прибежали на собрание – такой интерес у народа появился в связи с этим вопросом. А цель – ничего не менять. И какие доводы приводили! Опыт других нам не подходит. Опыт даже не других стран, а села, до которого всего сорок километров и куда специально ездили посмотреть. Вернулись и сказали, что все дело не в частном ведении хозяйства, а в том, что там земля другая – лучше. Уважают тех, кто наглостью или воровством наживет деньги и сразу же их пропьет. Это пошло от советского времени, когда – получил зарплату и пропил, получил и пропил. Наверное, потому они так любят фильмы про королей и принцес – любят положением, когда не нужно создавать капитал, когда он есть готовый и остается только распоряжаться им и проживать его». Александр Алексеевич связывает колхозные привычки своих соотечественников с незапамятными временами, когда человек жил в стаде, промышлявшем грабежом. «Стадо, – пишет он, – было однородное, могучее и дружно пропивало награбленное». Наверное, все-таки проедало, Александр Алексеевич, о первобытном пьянстве наука определенно не говорит. «Ничего толком не знают, все выдумывают, но выдумывают в свою пользу, воду льют на свою мельницу, подкрепляют выдумками свои взгляды. Недавно один человек на улице мне объяснял, почему немцы после войны так быстро восстановили свое хозяйство, – потому что они, говорит, национализировали промышленность и все остальное. Для него самая лучшая газета – «Советская Россия», а самый плохой народ – американский. Я говорю: «А разве не по плану американца Маршалла была восстановлена Западная Европа?» Он сразу отвечает: «Нет, немцы отвергли этот план, а приняли план такого-то...» Назвал первую попавшуюся фамилию, я ее не запомнил. Все он выдумал – все факты и доводы, но выдумал в пользу своего желания, чтобы все было национализировано, все было ничейным».

Рад был получить от вас письмо, Александр Алесеевич Марченко. То, что вы написали об инициативе и знаниях – об этих двух основных источниках богатства на Земле, полностью совпадает с выводами историков мирового хозяйства. Людей, которые больше всего любят пословицу: от трудов праведных не наживешь палат каменных, на Западе не так много, как в России, но они были и есть, и как раз от них пошли по свету те представления об источниках западного богатства, о которых пишут такие газеты, как «Правда», «Советская Россия». Я читаю об этих источниках примерно в каждом третьем письме на радио «Свобода». Прежде всего, это, конечно, колониализм, эксплуатация колоний, а теперь – бывших колоний. Запад, мол, несколько веков грабительски использовал их полезные ископаемые и другие природные ресурсы и таким способом накопил жир, заложил основы своего процветания. Во-вторых, богатые нещадно эксплуатировали рабочих и крестьян своих стран. В третьих, кажется, грабительские войны. Это так долго повторялось, что, в конце концов, за дело взялись серьезные исследователи. Были перелопачены горы статистических материалов, написаны статьи и книги, одна из них была переведена в России, я ее один раз уже упоминал: «Как Запад стал богатым».

Были страны, в которых трудящихся никто не эксплуатировал, поскольку эксплуататорские классы были уничтожены, а жизнь из десятилетие в десятилетие оставалась бедной и убогой. Есть и сейчас такие – Северная Корея, например. Известны державы, которые владели многочисленными и обильными колониями, но это не сделало их богатыми. Португалия, например. Россия сюда тоже относится – как царская, так и большевистская: колониями располагала немереными и отнюдь не скудными. Были, короче, самым тщательным образом проверены все объяснения того, как и почему Запад стал богатым. Невыдуманными оказались только два – те как раз, что назвали в своем письме вы, Александр Алесеевич Марченко, ра-

бочий из Ростова-на-Дону. Инициатива и знания. Предприимчивость и научно-техническая сноровка, страсть к внедрению всяких новшеств – и благоприятный для этого климат в обществе. Имеется в виду то, что общество не просто терпит неуёмного предпринимателя-изобретателя (на Западе это очень часто одно лицо), а поощряет его, принимает как должное, что человек хочет как следует заработать на своем изобретательстве, на своей неуёмности, общество не тиранит его своей завистью, не окорачивает непомерными налогами, считает, что озолотиться на изобретении застёжки-молнии – это нормально, что чем больше будет таких счастливых, тем лучше для всех. По-научному это все называется так: общественное поощрение инноваций. Не секрет, что одни народы больше склонны к инновациям, другие – меньше, но опыт показывает, что главное – поощрять внедрение изобретений, позволять людям богатеть от этого.

Из Петербурга пишет господин Зайцев: «Сам я человек среднего достатка, и этот достаток получил от советской власти. Да, я воровал, но воровал, можно сказать, честно: у тех, кто сам грабил от имени советской власти. Это были разные партийные деятели – лица рабоче-крестьянского происхождения. Эти красные ублюдки жили с конфискованного ими у хороших людей, а я попросту изымал их имущество, нанося тем самым ущерб советской власти, за что и отсидел свои шесть лет и несколько не раскаиваюсь в своих действиях. Вот мне интересно узнать ваше мнение, прав ли я».

Не может быть, господин Зайцев, что вы не предвидели мой ответ, когда писали свое письмо. Вы наверняка знаете, почему мы не принимаем эту старую, как мир, философию: потому что она оправдывает самосуд, а самосуд хуже самого плохого суда, не случайно люди, как только поднялись с четверенек, стали думать, чем бы заменить самосуд. Шесть лет за колючей проволокой долж-

ны были бы вас, кажется, отвернуть от этой философии, я жалею, что не отвернули, но ни в коем случае не желаю вам опять попасть в эту школу жизни, особенно сегодня, когда она так переполнена и когда там свирепствует туберкулез. Между прочим: воровали вы награбленное, спору нет, но ведь не для ограбленных старались, а для себя, – и неплохо старались, раз до сих пор хватает, чтобы быть человеком среднего достатка.

Из города Лиски Воронежской области пишет Смирнов Юрий Васильевич: «Сейчас в наших храмах ни один священник не осмелится сказать в своей проповеди, что даже во времена татаро-монгольского ига Россия не знала такого гонения на христианство, на православие, как во времена коммунистического правления, что первым гонителем был Антихрист Ленин. Очевидно, не исключают, что вчерашние гонители могут снова прийти к власти. Этот доктор философии, он же лидер коммунистов – Зюганов сказал с экрана телевизора, что Христос был первым коммунистом. Почему же тогда вы партбилет номер один выписали Ленину? Надо было – Христу».

Пишет Валентина Холстрём из Хельсинки: «Мне 46 лет, я работала младшим научным сотрудником, была служащей в системе московского городского управления, работала также секретарем в период создания моим мужем-финном в России дочернего предприятия одного из международных концернов. Об этом можно было бы написать целую диссертацию: «Из опыта организации в России предприятия с российским персоналом на западных принципах работы». Недавно к нам приехала моя мама. Посмотрев, как живут тут люди, она плачет и говорит: «Как разумно у них все устроено. Мы бы тоже так могли сейчас жить, но нам не давали развиваться. Все время били по рукам». А я мысленно добавляю: и по голове. У наших людей заторможено чувство ответствен-

ности, они инфантильны, такими их сделала несвобода. Несвободное общество калечит, прежде всего, мужскую природу. Проявления инфантилизма, незрелости, подростковой безответственности на уровне семьи можно видеть, когда пропиваются или проигрываются деньги, нужные для содержания детей, а на государственном уровне – когда сложнейший внутривосточный конфликт, имеющий глубокие исторические корни, забрасывают бомбами. Естественное в посткоммунистическом обществе засилье безответственных мужчин в госуправлении может оказаться губительным. Им свойственно подростковое ухарство, шапкозакидательство, поэтому они не любят экспертов, специалистов, ими руководит не стремление усовершенствовать жизнь, а драка за место, гонка за лидером, нездоровый азарт и желание удовлетворять личные, постоянно растущие материальные потребности».

Господин Ковтун из Львова: «Я постоянный ваш слушатель. Если содержание письма – буржуазного уклона, вы расцветаете, ежели социалистического, нервничаете и, как утопающий, цепляетесь за соломинку, лишь бы охвать советскую власть. Но вы не учитываете того, что наш народ сейчас обмануть нельзя, наш народ грамотный. Пару дней назад стоял в очереди за молоком. Разговор пошел, как обычно, о пенсиях. Я говорю: «Скоро совсем отменят пенсии, так как спонсоры, бизнесмены, коммерсанты и т. п. платить вам не будут». Молчок. Потом одна женщина пожилого возраста говорит: «Ничего, как-нибудь выживем, мы ведь пережили советский режим». Я снова: «Да, тяжелый был режим. Квартиры получали бесплатно, образование было бесплатным, путевки в дома отдыха, санатории, профилактории, на моря и океаны – за 25 процентов стоимости, свадьбы по 50 человек... Очень тяжелый был режим». Здесь, на западе Украины, люди быстро ориентируются в жизненных вопросах, они поняли вкус социализма, но, увы, поздно. Развал есть развал, теперь

надо терпеть. А вы стараетесь грязью облить советскую власть. Не позорьтесь! Опомнитесь! Знаю, ответа не получу, такие письма вам не в моду».

Из Боровичей Новгородской области пишет Зорин Михаил Яковлевич: «Я рядовой работник в российской глупинке. До 1990 года у нас не хватало тут колбасы по 2 рубля 20 копеек. Но в изобилии эта колбаса продавалась в магазинах райпо (районное потребительское общество) по 5 рублей. На однодневную зарплату я мог купить два килограмма. А так как это казалось нам дороговато, то мы ездили в Москву и в Ленинград и набирали дешевой колбасы килограммов по 20, привозили домой, убирали в морозилки и ели целый месяц. Поездка оправдана была. А не считая колбасы, у нас все было в изобилии». Пишет Михаил Яковлевич и о мебели: «новейшей мебели выпускали при советской власти сколько угодно», «богатой мебелью обзавелась большая часть народа, и вся она была отечественного производства», о телевизорах - «телевизоры и прочее такое тоже было в изобилии». Главный виновник в его глазах – Михаил Горбачев: «Все ездил по стране и в братские страны, все подсатанивал народ: «Вы их снизу жмите, а мы их сверху будем!» Запудрил головы людям. Старое развалили, а новое все – импортное». На втором месте среди виноватых – Борис Ельцин, а о тех, кто был до Горбачева и Ельцина, написано так: «Мы, народ, не ругаем и не хвалим тех, кто руководил нами до 1985 года. В российском народе строгий закон, традиция: об умерших или хорошо, или ничего».

Если судить даже только по письмам на радио «Свобода», нет такого закона в российском народе, Михаил Яковлевич, нет такой традиции. Многие проклинают Сталина, многие – Ленина, презрительно отзываются о Хрущеве и Брежнев, с гадливостью – о Черненко, враждебно – об Андропове. Ваш рассказ о том, как, при изобилии всего, кроме колбасы, ваше семейство съедало по 20 килограм-

мов этой самой колбасы в месяц, заставил меня полезть в справочник. Средняя американская семья из четырех человек, тоже при изобилии всего, то есть, овощей, фруктов, мяса, рыбы, молочных изделий, такую массу колбасы (разных ее видов, числом до сотни) съедает за квартал. Господин Зорин настойчиво просит меня сказать, что я думаю о его письме. Я предпочел бы не делать этого, но таких писем, как ваше, Михаил Яковлевич, много. Врач Петрова, москвичка, почерком, каким обычно выписывают рецепты и какому люди этого занятия обучаются, похожему, раньше, чем самому занятию, пишет: «Все Чубайсы по заказу хозяев радио «Свобода» разоряют страну. Этого не смог сделать даже Гитлер. Вы много внимания уделяете 20-30-м годам, Сталину. Все это уже ясно. Что вы талдычите одно и то же, для кого?? Во всяком случае, Сталин укреплял границы, за воровство наказывал, пусть и очень строго. При его смерти все рыдали в голос». Она, кстати, не всегда так думала: «Как я ненавидела коммунистов, вернее, большевиков! Мне казалось: прогоним их с участием Ельцина, ликвидируем обкомы, горкомы, поправим жизнь и будем жить при социализме. Никто про рынок и не знал, да никому и не говорили». Жизнь, которую вы так оцениваете, Михаил Яковлевич (и врач Петрова, и многие другие), не могла не рухнуть. Не мог длиться строй, который породил такие понятия и привычки. Вот о чем я думаю в связи с вашим письмом.

«Вам пишет коренной житель Латвии, то есть, гражданин Латвии, русский, а не «русскоязычный», как нас называют наши «защитники». Прошу передать мой и многих моих знакомых добрый совет современным владыкам России. Это, на наш взгляд, важно помнить и простым гражданам России, а также тем русским, кто живет в Прибалтике, на Украине. Счастливым человек может стать только у себя дома, а не в качестве вечного гостя, навязывающего свои порядки и традиции другим. Что

стало бы с Россией, если бы с Востока в нее хлынули китайцы? Сплошной Китай-город... Для того чтобы обновлять, укреплять Россию, не нужно в «ближнем зарубежье» искать крайнего, поднимая при этом шовинистический дух. Этому пример – недавняя демонстрация пенсионеров в Риге и все, что за этим последовало. Владыки России, не стесняйтесь пригласить домой из Латвии 650 тысяч своих соплеменников, примите их, как братьев, и они станут вашими верными избирателями, строителями богатой страны, как те англичане, которые из Индии уехали в Англию, как те французы, что из Алжира уехали во Францию. С уважением Анатолий Селиванов, 42 года. Рига».

Из Брянской области пишет Иван Михайлов: «Хорошо вы все объясняете, каждое письмо наклоняете в свою сторону, да так, что не поймешь, за кого вы, за «белых» или за «красных», и вы даже не посередине, а где-то в плавающем аморфном состоянии. Давно известно, что за всяким начальником нужен догляд. Это такая бестия, что поровит уволочь сверх положенного еще в несколько раз больше, да чтоб никто не знал. В своей жизни, а мне уже 50, я навидался всяких негодяев, всяких начальников, и скажу вам по секрету, что, начиная от старших мастеров и выше, проработавших на предприятиях более трех лет, нужно просто расстреливать на месте, ибо это враг производству, а по существу вор. И не нужно разбираться, что он украл, просто ликвидировать и все. Вся страна погрязла в негодяйстве, все добро народное растащили. Куда, кто – никто не ищет. А об совхозах и говорить нечего: все по дворам растащили. Эх, Анатолий Иванович, знали бы вы настоящее положение в стране, по-другому бы загаворили».

Крепко выражаетесь, Иван. Если человек, прожив 50 лет, не встретил ни одного хорошего начальника, то ему не мешает оборотиться и на себя. Но мысль о том, что за

начальством нужен догляд, по-моему, очень правильная. Это большое дело в свободном обществе: оно потому и свободное, что надзирает за властью имущими неусыпно и въедливо. Об этом говорят еще так: не общество служит государству, а государство служит обществу. Российское общество не торопится выбираться из-под пяты государства, это вот и есть главное, что происходит в России, вот в этом суть настоящего положения в России.

Юрий Олегович Николаев из Волгодонска Ростовской области просит нас «помочь России обрести, наконец, свой гимн». Он считает, что слова гимна должны прийти «снизу, от народа, а не от придворных поэтов-песенников». Предлагает свои.

Россия! Звенит это слово святое,
волной поднимаясь в просторе времен.
И мы, сыновья твои грешные, стоя,
усилим волну в этот миг в унисон.

«Желательно как-то вплести в это место звон колоколов», – пишет автор, а неверующие, считает он, могут петь не «сыновья твои грешные», а «твои граждане мирные». Есть у него и такие слова: «Разум народов путями господними в царство гражданских законов ведет».

Спасибо за письмо, Юрий Олегович. Если в этом направлении пойдет народная мысль, за Россию можно не беспокоиться.

Умри ты сегодня

Апрель 1998

Из Москвы пишет Наталия Небылицкая: «Села в машину, ехать надо было на другой конец Москвы, включила «Свободу», слушаю. Вы читаете письмо жителя Боровичей Новгородской области. Он пишет про то, что до 1992 года в Боровичах было изобилие продуктов, даже колбасы, правда, не по 2 рубля 20 копеек, а по 5 рублей. Меня это зацепило. В 1990 году мы с мужем жили в Боровичах несколько месяцев. Так вот, в городе, как, впрочем, и в деревне не было ничего. Абсолютно. Ни колбасы в райкоопе, ни крупинки, ни мучинки. В ресторан райкомовской гостиницы никто из жителей войти не мог, только по особым пропускам. Муж оказался в районной больничке, я была при нем. Ни врачи, ни сестры, ни санитарки, которые вытягивали его с того света, денег у меня не брали. Я видела, что они недоедают. Сын привозил из Москвы сахар, конфеты, колбасу, сливочное масло. Я им втискивала это всё буквально силком. Так что врет ваш слушатель, как сивый мерин, да что удивляться-то? Коммунистам ведь не бывает стыдно. Ложь – их образ мысли и мировоззрение. С уважением Наталия Небылицкая».

Спасибо за письмо, госпожа Небылицкая. Не все из этих людей врут сознательно, в порядке классовой борьбы, так сказать. Многие сами верят в свои сказки. А кто не верит, тот для них – враг, защитник «антинародного режима», тот выгораживает Ельцина. Положение, надо сказать, неприятное. (Я – о своем положении). Эти люди просто не допускают мысли, что вы можете дурно отзываться о советском прошлом и не воспевать нынешний строй. Попробуйте при них хвалить Ленина и Сталина – и они не то что простят вам самые хорошие слова о Горба-

чеве и Ельцине, а не услышат их. Точно так будет, если вы при них будете всех ругать: и Ленина со Сталиным, и Горбачева с Ельциным. То, что вы ругаете первых двух, услышат и вам не поздоровится, а того, что вы ругаете и Горбачева с Ельциным, – не заметят. Главное для них – не обидеть и не дать в обиду «светлое прошлое». Несчастливые люди – что тут скажешь? Хотя можно понять и тех, у кого они вызывают раздражение, досаду, а то и злую радость.

Из Запорожья пишет Самуил Нахимович Свердлов: «Я бывший СОЭ – социально-опасный элемент. 29 октября 1937 года арестовали, завели в пятое отделение милиции. Когда арестовывали, сказали просто: «За мной!» Видно, спешили. Рано утром всех погрузили в «черный ворон» и доставили на площадь Урицкого, сдали в уголовный розыск. Следователь предложил мне список из пяти краж на выбор и сказал, что обычный суд даст мне за любую из них год-два, а если я предстану перед «тройкой» как «СОЭ» – «социально-опасный элемент», то получу пять лет. Я отказался: как смотреть в глаза близким? Следователь порвал мой паспорт, заявив, что я без постоянного места жительства и работы. В камере рассказали: по четным числам председатель «тройки» Рапопорт, он дает по два-четыре года, по нечетным – Беленький, дает по три-пять лет. Работал конвейер: «Фамилия, имя? Следующий!» За час пропускали 50 человек. Потом в машину и во вторую пересыльную тюрьму. Там дали расписаться в том, что я СОЭ и осужден на пять лет. Уже в Тынде я обратил внимание: ленинградский этап СОЭ – всем дано по пять лет, а Курский, Московский этапы – это не СОЭ, а СВЭ – социально-вредный элемент, им дано по 8-10 лет. Проехал, проплыл, прошагал Бам, Кольму. В 1938 году совершил побег, добавили три года общих работ в строгих конвойных условиях. Попал в такую колонну, что каждый день уносили под сопку восемь-десять трупов.

Получил письмо от жены: родился сын. Ответил: не жди, сохрани сына. Много раз был на грани жизни и смерти, а сколько раз битый, не сосчитать. Освободили в 1945 году, но только через два года удалось попасть в список отправляемых с Чукотки. Многих отбывших срока не вывозили по 5-8 лет. Была осень. Погрузили в трюм старого неледогольного типа теплохода «Декабрист». 800 человек. Мы понимали это так, что нас обрекли на закление. Без ледогольного сопровождения прошли за 20 суток Северный морской путь. Прибыли в Архангельск. До этого я не верил ни в Бога, ни в Черта, а тут задумался: что-то есть. Сына уже не было в живых, увидел его только на фотографии. Я уехал в Запорожье на завод «Запорожсталь». Повезло с работой, несмотря на биографию (беспартийный, еврей, судимый) – не хватало специалистов-теплотехников. Работал начальником участка, цеха. Женился. Были и «шишки», окрики со стороны партийных руководителей, я огрызался, как мог. В 1990 году реабилитирован. Так прошла жизнь. Самуил Нахимович Свердлов».

Орлов Вячеслав Константинович из Москвы напоминает, что приложением к самой коммунистической газете «Советская Россия» выходит листок «Русь православная», что «пароксизмы дружбы» сегодняшних официальных российских коммунистов и руководителей Русской православной церкви приобретают «характер какого-то глумливого юродства». Он приводит слова одного из нынешних национал-коммунистических вождей, что «СССР стал главной силой в мире, противостоящей безбожному капитализму», что Сталин, уничтожая миллионы людей, делал большое дело и что в первую очередь ему должны быть благодарны замученные христиане. Орлов выписывает следующие слова: «Погибшие за веру христиане, претерпевшие мучения до конца и простившие своих гонителей, получили мученические венцы и райское блаженство – может ли быть награда более высокая?» По сравнению с

этим церковный колокол с надписью: «От солнцевской братвы» кажется господину Орлову «образцом благочестия». Господин Орлов предлагает слушателям подумать и ответить, кем надо быть, чтобы заявлять, что Сталин оказал великую услугу христианам, послав их на мучения и смерть за их веру. Он хочет, чтобы слушатель представил себе «палача, который стоит над бескрайней могилой погубленных им людей, от их имени прощает сам себя, а их поздравляет с высокой наградой – мученическим венцом».

Я могу представить себе это, господин Орлов, таких рождало воображение Достоевского. С человеком, чьи писания так вас поразили, я встречался, однажды даже разговаривал с ним перед микрофоном радио «Свобода». Доктор наук (не точных), профессор, ходит с охранником, юродствует потому, что не может простить миру своей бесталанности. Эту особенность движения, которое называет себя народно-патриотическим, подмечают многие слушатели: ни одного даровитого человека в руководстве... Бесталанные и злые. Можно, наверное, сказать: бесталанные, потому что злые, а злые, потому что бесталанные. Сейчас только такие не отказываются от насилия в общественной жизни. Господин Орлов считает, что вопрос о политическом насилии остается жгучим и что главная опасность исходит от партий, которые в своих программах объявляют допустимым революционный путь развития России. С ними – и только с ними – нужно, по его мнению, говорить на единственном языке, который они понимают, – на языке силы.

Пишет Валентина Ивановна, школьный библиотекарь из Каменки (село с таким названием есть в каждой области России): «Слушала я как-то по «Свободе» передачу, в которой выступали знаменитые московские учителя, и думала: что это Анатолия Ивановича на элиту, на этих счастливичков потянуло? Почему бы ему с моим мужем

не поговорить? Это был бы голос народного учителя – умного, образованного, интеллигентного, способного и на самый тонкий анализ кризиса образования, и на очень умные предложения и широкие обобщения, и в то же время нищего, как церковная мышь, и обманутого, как и весь наш народ, но веселого, остроумного, доброго-предоброго и работающего, как лошадь в борозде. Достаточно сказать, что он за всю свою жизнь не принес в школу ни одного бюллетеня, за пять лет работы здесь не имел ни дня отпуска (летом – ремонт, платить за него нечем, а бесплатно без директора никто не работает). Первые три года вообще был кошмар. Зимой каждую ночь он ходил в котельную, боясь, как бы пьяные кочегары не взорвали котел. Не раз и сам брался за лопату и становился к топке, когда забулдыгу нечем было заменить. Теплая котельная – зимой единственное место в деревне, где можно посидеть, и деревенские пьянчуги слетаются на огонек, как мотыльки. Здесь и драки, даже убийство было. Мы с ужасом гадаем, на сколько еще лет нас хватит: когда развалится последняя школьная мебель, износятся двери, побьются стекла. О наглядных пособиях и учебниках вообще не говорю. В школе нет не только кино, но и географических карт, атласов, химреактивов, методических пособий. А коллектив молодой, женщины все красивые, директор – любимый детворой, и мы поем по праздникам».

Валентина Ивановна уже года два думает над тем, как покинуть Каменку, как вывезти свою семью – мужа и сына куда-нибудь за границу, рассылает повсюду письма – ищет работу, в первую очередь для себя. «Мне нужны, – пишет, – гарантии от фирмы, берущей меня на работу. Поисками таких фирм и занята все последнее время бедная моя голова. Я упрямая и если уж что решила, не отступлюсь. Ведь есть же где-то списки таких фирм и вакансий, но как из забытой Богом Каменки выйти на них? Мне нужны как хороший совет, так и адреса газет, печатающих такие списки».

Совет один, Валентина Ивановна: кто бы ни просил с вас плату вперед – пусть десятку, пусть даже рубль – не откликайтесь. Серьезный посредник в таких делах деньги берет только после того, как вы с его помощью нашли работу, которая вас устраивает. В России таких пока нет, но, конечно, будут, раз есть на них спрос. Еще раз прочитаю начало вашего письма: «Слушала я как-то по «Свободе» передачу, в которой выступали знаменитые московские учителя, и думала: что это Анатолия Ивановича на элиту, на этих счастливчиков потянуло? Почему бы ему с моим мужем не поговорить?» Потому и потянуло меня на них, Валентина Ивановна, что они – элита, то есть, отборные мастера, отборные люди – такие же, как и ваш муж. Каждый из них тоже как лошадь в борозде. У каждого своя котельная... Дело не в том, что он в Каменке, а они в Москве. Дело в том, что и он, и они горят на работе, а таким людям везде несладко, таких, где бы они ни находились, невольно хочется ободрить, защитить, посетовать на судьбу, которая к ним не очень ласкова.

Пишет Клаус Шунк из Германии: «27 марта вы прочитали письмо из Германии от господина с русской фамилией. Высокопарными выражениями вроде: «Русский народ, тебя обманывают!» он агитировал против торговли землей в России. Судя по его мышлению, он очень недавно приехал в Германию и, охотно потребляя немецкие плоды, еще не задумался, откуда они берутся, на чем основано здешнее изобилие. Он, мне кажется, делает упор на то, что он из Германии, чтобы придать своим словам определенный вес. Позвольте и мне обратиться к русскому народу. Дорогие люди! Радуйтесь, когда кто-то из иностранцев купит у вас землю и устроит на ней торговое, промышленное или сельскохозяйственное предприятие. Естественно, он ищет своей личной выгоды, но подумайте о последствиях для вас. Появляются новые рабочие места, работники исправно получают хорошую зарплату, государство –

налоги. Мы в Германии знаем и видим на каждом шагу, что путь к благосостоянию лежит через свободное предпринимательство. Я разговаривал с одним своим знакомым, родившимся и выросшим в Германии. Недавно он побывал в России. Там он встретился со множеством пограничных, таможенных и прочих препятствий. В разговоре со мной недоумевал: «Российские политики все зовут нас: приезжайте, покупайте у нас, что вам нужно, трудитесь, живите у нас, а на деле тебя с первого шага лишают всякой охоты делать это». С наилучшими пожеланиями Клаус Шунк».

Автор этого письма ничего не сообщил о себе. Из того, что письмо написано по-русски и без ошибок, я заключаю, что он российский немец. Спасибо, Клаус, за письмо. Мне близко то, что вы подходите к делу с двух сторон. Конечно, страна без земельного рынка – инвалид, но если просто разрешить торговлю землей, многие не худшие куски действительно могут оказаться в грязных руках. Как показывает опыт вашей страны (я только что провел три дня в Восточной Германии), торговлю землей надо не просто разрешить, а наладить. Что это значит? Это значит сразу зажать в рамки (по теперешним российским обстоятельствам – окоротить) чиновников и бандитов, чтобы и покупатель и продавец как можно меньше от них зависели. В первую очередь, от чиновника. Не перестаешь удивляться... Окоротить, зажать в рамки чиновника – значит всего-навсего ограничить его право подписи. Кажется, ничего нет проще. Составляя закон, иметь в виду: чем меньше подписей должны будут собирать для совершения сделки покупатель и продавец, тем лучше. Чиновник, лишенный права подписи, безвреден, как дитя. Никто ему и рубля не сунет – не за что. Но какой закон ни возьми, он словно специально писан к выгоде чиновника. Давно понято, в чем тут дело. Пиша закон, в таких странах, как Россия, привычно думают высокую думу о государстве: как бы оно не оказалось в стороне, как бы не пустить жизнь на

самотек. Присмотревшись к таким мыслителям, один большой западный ученый однажды сказал: когда эти люди наделяют или требуют наделить государство непомерной властью, всяк из них подразумевает, что оно обязательно будет делать то и только то, чего хочет он...

Из Таллина, столицы Эстонии, пишет Петров Николай Иванович: «Почему вы на своем радио ведете одну сплошную демагогию – клеймите Советский Союз? В Советском Союзе мы жили хорошо. Хлеб валялся буханками около мусорных ящиков. А сейчас возле них каждую минуту появляются свежие лица. В СССР вовремя давали зарплату, а в России не дают зарплату годами. Ежедневные убийства. Солдаты дезертируют. Голодные, вшивые, холодные. В период войны не были такими. Вы с пути нас не собьете! Россия живет по американскому капитализму. Их капитализм – это высшая стадия фашизма гнилого. Живут россияне под фашистской атрибутикой Власова, гитлеровского палача. Я хотел бы слышать на вашем ма-рионеточном американском радио правду. Трепотня ваша лживая нам не нужна. Еще раз: говорите правду! А у вас ее нет. Одно и то же каждый день перемальваете. Заканчиваю. Прошу обнародовать. Петров Николай Иванович. Город Таллин».

Уважаемый Николай Иванович, очень хочется понять вас правильно. Вы на самом деле думаете, что и в США миллионы рабочих и служащих годами не могут получить свою зарплату? Нет? Тогда что значат ваши слова, что Россия живет по американскому капитализму? Вы на самом деле думаете, что Америкой правит вождь, который указывает людям, что им делать, а чего не делать, во что верить, а во что не верить, что там ничего не значат Конгресс и Верховный Суд, что тюрьмы там наполнены политическими заключенными, что предпринимателям спускаются из Вашингтона планы производства? Нет, не думаете? Тогда что значат ваши слова: «высшая стадия

гнилого фашизма»? Вы на самом деле думаете, что герб современной России нарисован Власовым или кем-то из его художников? То же и флаг... Нет, не думаете? Вы хорошо знаете, что и этот герб, и этот флаг существовали еще тогда, когда Власова на свете не было. Тогда что значат ваши слова: «Россия живет под фашистской атрибутикой генерала Власова, гитлеровского палача»? До свидания, Николай Иванович Петров из Таллина, буду ждать вашего ответа.

«Пишет вам Иван Иванович из Северного Казахстана. Проблемы одинаковые что в России, что в Казахстане. По специальности я горняк, в 1991 году я закончил, без отрыва от производства, институт, через год попал под сокращение, с энтузиазмом бросился в малый бизнес. Вскоре в налоговой инспекции мне сочувственно сообщили, что по их подсчетам я должен заплатить налогов в общей сложности 117 процентов от прибыли».

Да, Иван Иванович, вы правы: так и в России, так и на Украине. Если по-честному платить налоги, предприниматель должен отдавать всю прибыль плюс 17-20 процентов. Отдай, стало быть, все, что заработал, а остальное добудь, где хочешь. Читаю дальше ваше письмо:

«Таким образом, чтобы выжить, прибыль надо занижать (в отчетах) – вести двойной бухучет и откупаться от тех, кто в любой момент может предъявить тебе кучу твоих нарушений, достаточных, чтобы бросить тебя за колючую проволоку с конфискацией имущества. Но все-таки это сначала было выгоднее, чем честно платить налоги».

Как хотелось бы, Иван Иванович, чтобы это место из вашего письма взяли на заметку те из наших слушателей, кто ругает чиновников-взяточников и требует их казнить, а вместе с ними и вас, предпринимателей, которые уклоняются от налогов. Вы в глазах этих слушателей два сапога – пара. Я еще не видел письма, автор которого написал

бы так: взяточника-чиновника надо, конечно, повесить, но в ту же минуту перестать драть три шкуры с Ивана Ивановича – хотя бы для того, чтобы не вводить в соблазн следующего чиновника. Нет, программа людей этой породы неизменна со времен потопа: и взяточника вешать, и три шкуры с вас драть. Как вам хозяйствовать себе в убыток, не объясняют. При Ное не объясняли и сейчас не объясняют. Опять читаю ваше письмо:

«Чтобы перечислить свои же деньги партнеру и не быть перед ним сволочью, требовалось подарить часть этой суммы управляющему банком – «подогреть» его. Причем, градус «подогрева» зачастую превышал градус прибыли. В это время как раз производилась «приватизация» государственной собственности. Цены были просто смешные. На полмиллиона долларов можно было купить все мало-мальски интересные объекты двух-трех крупных областей. Но для простого человека были установлены такие преграды, что невозможно было приватизировать даже дощатый сортир. Побарахтавшись, таким образом, без малого четыре года, я бросил это дело. Невмоготу стало постоянное ощущение, что я карась на крючке. Не смог привыкнуть».

Другие, Иван Иванович, смогли – привыкли, притерпелись, и только поэтому жизнь не остановилась ни у вас в Казахстане, ни в России, ни на Украине.

«Появилась возможность проработать в столице нашей бывшей Родины, ларешником на одном из ее продуктовых рынков. Первый выходной был через пять месяцев. Так что лужковских достопримечательностей я не видел, зато насмотрелся на бомжей вокруг себя. Каждое утро одного, а то и двух находили умершими, в основном, со следами сильных побоев. У меня, естественно, не было прописки, и каждая встреча со стражем порядка обходилась мне в тридцать долларов США. Я уж не говорю о еженедельной дани им же. Если у вас нет с собой тридцатки, вас отправят в приемник-распределитель или в

ближайшее отделение, в клетку. К 850-летию Москвы встречи с «органами» настолько участились, что лучше было бы всю месячную зарплату сразу же относить в отделение. Пришлось уехать».

Да, Иван Иванович, без труда можно встретить москвича, который выступает за то, чтобы таких милиционеров наказывать целыми отделениями, но попробуйте найти того, кто скажет, что прописку-таки надо отменить не для виду, а на самом деле и для дела!..

Иван Иванович делает примечание: «Конечно, можно было увеличить приток дензнаков в свой карман путем обмана покупателей, в основном, бедных старух, но что-то не давало мне этим заниматься».

Большинство на вашем месте этим занимались и занимаются – всегда и везде, Иван Иванович, называется: перекладывать на потребителя транзакционные издержки. Перекладывают на него столько, сколько сдюжит. Вот он и сгибается под тяжестью этих издержек, вот страна и движется, еле передвигая ноги. А не перекладывать нельзя, иначе жизнь остановится – какая-никакая, а все-таки жизнь...

«По дороге домой, – пишет Иван Иванович, – наблюдал пустые вокзалы и станции: десяток старушек с вареной картошкой и солеными огурцами, примерно столько же милиционеров, гоняющихся за ними и, ближе к Уралу, почти полное отсутствие пассажиров. Запустение, угасание по всей России, стоит только отъехать немного от Москвы на восток. Полное отсутствие улыбающихся человеческих лиц (кроме милицейских). По приезде домой получил уведомление от своего налогового инспектора. Оказывается, я объявлен в розыск. Пока меня не было, ввели новый налог. Ты обязан его платить, независимо от того, работает твое «малое предприятие» или не работает. За время моего отсутствия набежало что-то около 700 долларов. Так что с домашним имуществом, а возможно и со свободой придется расстаться. Это последнее

было бы к лучшему. Все равно работы нет. До пенсии далеко – и все дальше в связи с повышением пенсионного возраста. Получается, что единственное средство борьбы с этим режимом у народа – вымирание».

Некоторые наши слушатели болеют от таких писем, как ваше, Иван Иванович, и только больше верят, что сегодня, как и вчера, все упирается в тех, кто наверху. Но кому, как не вам, с вашим опытом последних лет, обратить внимание хотя бы на такое обстоятельство. В Казахстане не было Гайдара с Чубайсом, не было их и на Украине, в Грузии, в Белоруссии их и быть не могло, а всё в этих и в большинстве остальных бывших союзных республиках пошло примерно одинаково, в России даже несколько лучше. Не значит ли это, что были и остаются какие-то другие причины, что в основе этих режимов, довольно разных, впрочем, лежит что-то другое – не только, не просто взгляды и склонности высших начальников? Мне, например, в глаза бросается одинаковое состояние народных умов, одинаковые привычки населения, всех его частей – верхов, низов, середины, и главная из них – привычка к несвободе, а значит и разобщенность, привычка к разобщенности. Поэтому вас по одному и грабят разбойники как в милицеском, так и в гражданском. И, конечно, рабская, лагерная бессовестность, о которой писал Солженицын: умри ты сегодня, а я завтра.

Пишет Куцан Александр Петрович, моряк дальнего плавания: «Я плавал до «застоя», в угар «застоя» и после «застоя». Мы работали на хорошем международном уровне, и многие лощманы, например, в Суэцком канале охотно брались проводить суда нашего флага ввиду их высокой надежности и дисциплины команд. Кроме массы ежегодно ужесточающихся международных требований, кроме законов каждой страны пребывания, мы должны были выполнять и сугубо советские правила и нормы. Технические были на четверть строже, а моральные доходили

до абсурда. На это уходило до половины рабочего дня. Получали мы от пяти до десяти процентов зарплаты моряков других стран, но в наших черноморских краях нас воспринимали как людей, которым не хватает только птичьего молока».

Ваше письмо, Александр Петрович, я не случайно поставил после предыдущего. Все эти налоговые, прописочные и прочие порядки, от которых вынужден откупаться сегодня человек, желающий как-то вести свое дело, – это ведь все та же машина, что грабила некогда и вас. Название машины – Уравниловка. Проедают, отнимают у вас и проедают то, что могло быть вложено в производство. В конечном счете, проигрывают вместе со всеми, общество не может быстро развиваться, если в нем столько дармоедов, но каждому отдельному милиционеру, как и думцу, до этого дела, конечно, нет.

Очень молодой человек, Сергей Никонов из Калуги, спрашивает (не в видах ли заданного ему школьного сочинения?), каким, по-моему, должен быть положительный герой нашего времени. На ум мне сразу пришел один славный литературный герой. Я с удовольствием слезил сегодня в книжку и с еще большим удовольствием читаю из нее для вас, Сергей: «Мир и покой да осенят навеки главу твою, милый дядя Тоби! Ты не завидовал ничьим радостям, не задевал ничьих мнений. Ты не очернил ничьей репутации, ни у кого не отнял куска хлеба... Тихонечко обежал ты рысцой маленький круг твоих удовольствий, никого не толкнув по дороге. Для каждого человека в горе находилась у тебя слеза. Для каждого нуждающегося находился шиллинг...» Написано это было почти 250 лет назад, на английском языке.

На распутье

Май 1998

Видимо, в связи с пасхой, ну, и с общим состоянием умов в бывшем Советском Союзе, много писем о божественном, о религиозных и церковных делах.

Господин Суворов из Мариуполя напоминает нам о близком конце света, жалуется на церковников: они, по его словам, скрывают от человечества правду, состоящую в том, что «Божий пророк, подобный Христу», уже 72 года живет на Земле, в людской гуще, в городе Мариуполе. Ни имени, ни адреса, ни телефона этого своего земляка господин Суворов не сообщает.

«Христианская религия чужда нам, славянам, так же как и мусульманство, иудаизм и прочие, – пишет господин Масюк из Белгорода-Днестровского Одесской области. – У наших предков была своя древняя вера, которую уничтожили, насаждая христианство, когда в 988 году Владимир с византийскими попами силой загоняли народ в Почайну и когда седые старики плакали, глядя, как плывет по Днепру низвергнутый древний Перун. У наших предков был верховный бог Род (отсюда – слова: народ, родина, роды, родник), были его сыновья, дочери и внуки: Сварог, Дажьбог, Перун, Дана, Слава. Я однажды подумал: почему с детства мы знаем Зевса, Аполлона, Афину, Афродиту, мифы о них, а своих славянских богов и мифов не знаем. В результате появилась книга, из-за которой у меня были неприятности от православного духовенства. И все же я верю: когда-нибудь наша вера вернется к нам!»

Какие только мысли не приходят людям в голову! Наверное, и в Греции сегодня кто-то говорит: верю, что мы опять будем верить и в Зевса, и в Афину. Ведь и там

христианство пошло от начальства. Таких трудов, теорий, выкладок всегда было много, а сейчас они идут косяком. Особенно стараются любители-историки. Они обязательно с кем-то воюют, на кого-то жалуются, о жившем тысячу лет назад князе отзываются так же горячо неприязненно, как, например, о Ельцине, смело говорят от имени целых народов. Профессионал никогда не напишет: «Христианская религия чужда нам, славянам». Он знает, что его могут тут же спросить, откуда ему это известно, как он сие установил. Таких вопросов любитель не предвидит, а когда слышит, обижается.

Некто Агапч прислал десяток частушек собственного сочинения. На одну из них его вдохновила Библия:

Эх, яблоко на тонкой веточке!
Вместе с милым мы сорвали –
Пошли деточки.

На другую – современная политическая жизнь:

Эх, яблочко, бока янтарные!
Покупаем депутатов
В дни базарные.

По-моему, Агапч, этот товар и в остальные дни неплохо расходуется.

Василий Леонович Леонов из Смоленска: «Признаюсь вам, Анатолий Иванович, что я слушаю ваши передачи по радио «Свобода». Правда, ни одну мне не удастся прослушать сразу от начала до конца – не выдерживают нервы. Но поскольку эти передачи повторяются в течение недели, то урывками дослушиваю. Вы много говорите о демократии, но что это такое, умалчиваете. Демократия – власть народа. В какой капиталистической стране мира существует народовластие? Везде власть капитала. Если и была демократия, то только в Советском союзе. Власть избиралась от народа и именно народом. Выборы были честными и справедливыми. Настоящее строительство

социализма началось только в шестидесятых годах, и к 1985 году, то есть, за 20 лет в Советском Союзе было создано и построено всего почти столько, сколько в США за 200 лет. То, что рядовой советский человек имел в начале восьмидесятых годов, рядовому американцу могло только присниться: ежегодное повышение зарплаты при стабильных ценах, бесплатное образование, бесплатное лечение, бесплатное получение квартир, бесплатные детские сады, символическая плата за общественный транспорт, бесплатные туалеты, полная свобода передвижения по всей стране: где хочешь, там и живи, где хочешь, там и работай или учись. Осенью всех желающих возили пассажирскими поездами в лес за грибами. Мы уже процентов на 30 жили в коммунизме. Вы, Анатолий Иванович, всю дорогу обливаете грязью социализм и никак не осмелитесь сказать народам России, что же произошло в России. Над проблемой уничтожения Советского Союза и мировой социалистической системы десятилетиями работали лучшие умы Америки, Англии, Франции, Германии и других капиталистических стран под руководством ЦРУ. В итоге для уничтожения компартии был придуман и организован так называемый ГКЧП в составе Янаева, Крючкова, Язова, Павлова, Стародубцева, которые успешно справились с поставленной перед ними задачей. Уничтожение советов было поручено Хасбулатову, и в помощь ему был направлен Руцкой. Итак, обманным путем и соловыми методами была уничтожена компартия, самая демократическая в мире конституция, Советский Союз и главное – самый справедливый строй. К великому сожалению, коммунистов мы не потеряли – они сохранились и благоденствуют, а потеряли мы самое дорогое – социализм. Если бы вы, Анатолий Иванович, знали, до чего же противно слушать ваши передачи, в которых ни единого слова правды, сплошная клевета и извращение действительности! С большой антипатией к вам Василий Леонов».

Если бы вы, Василий Леонович, знали, с каким вниманием и удовольствием я прочитал ваше письмо, с какой симпатией к вам, с каким сочувствием (если вас не обидит это слово) следил за вашей мыслью! Советскую демократию вы называете настоящим народовластием, выборы, пишете, были честными и справедливыми. Как же вышло, что избранными оказались Горбачев и Ельцин, Янаев и Крючков, Язов и Стародубцев и тысячи остальных коммунистов-начальников – всех тех, кто принялся выполнять и успешно выполнил, по вашим словам, задачи, которые ставил перед ними не советский народ, а мировой капитал во главе с ЦРУ? Был, пишете вы, Советский Союз – богатая, сильная, благородная страна, создавшая за 20 лет столько, сколько Соединенные Штаты Америки – за 200 лет. И были Соединенные Штаты Америки – страна, которая целых два столетия возилась с делом, на которое у Советского Союза ушло два десятка лет, страна, население которой и мечтать не могло иметь то, что имел советский народ, – вплоть до грибных поездов. Как же вышло, что находившаяся в таком плачевном положении страна со своим ЦРУ смогла обнаружить в самом благоустроенном на Земле советском народе столько недовольных, умудрилась нанять столько предателей, столько внутренних врагов, что они смогли покончить и с социализмом, и с самим Советским Союзом?

Помним только то, что хотим помнить, верим только в то, во что хотим верить.

Анна Пименовна Шевченко, украинка из Днепропетровска, пишет: «Не могли бы ли вы объяснить нам, совкам, несчастным людям, недоумкам, как вы нас называете, ЧТО дали нам реформы. Расскажите, нам, ЧТО улучшилось в нашей жизни». Она считает, что реформы не дали ничего хорошего, а особенно много плохого дала такая из реформ, как то, что Украина стала независимым государством. «Скажите, – пишет госпожа Шевченко, –

что делало бы правительство США, если бы один штат отделился. Только, пожалуйста, ответьте по существу, а не в свойственной вам манере: мол, зачем им это надо – отделяться?»

К сожалению, Анна Пименовна, вы так и не написали, что же вы хотите сказать своим вопросом. Мне ничего не остаётся, как догадаться. Вы хотите сказать, видимо, что украинская независимость незаконна. Вы, наверное, считаете, что правительство Советского Союза имело полное право силой воспрепятствовать распаду страны – уходу Украины и всех остальных советских республик и объявлено было этим правом воспользоваться. Вы предполагаете, что я с вами и со множеством пишущих то же, что и вы, не согласен. Ошибаетесь! Я согласен с вами! Я согласен, что по букве и духу (особенно по духу!) советских законов для сохранения Советского Союза должна была быть использована сила – вплоть до вооруженной. Именно это, скорее всего и сделало бы советское правительство, если бы МОГЛО, если бы в конце 1991 года оно существовало именно как правительство. Помним то, что желаем помнить, забываем то, что желаем забыть. Из Советского Союза хотели уйти все, но больше других, не считая Прибалтики, – Россия и Украина. Они-то – их правительства, их народы, их компартии, их комсомолы и пионерии – и позаботились о том, чтобы союзное правительство просто перестало существовать сначала на деле, а вскоре и юридически. Моя сестра-колхозница (рассказываю об этом не первый раз) говорила тогда мне: «Уйдем из России, и через три года будем жить, как во Франции». Я отвечал: «Уходить уходите, иначе от украинства на Украине скоро ничего не останется, но жить, как во Франции, не будете и через тридцать лет». Сегодня она уверена, что ничего так не желала, как того, чтобы Украина осталась в Советском Союзе. Судя по тому, какое резкое письмо вы мне написали, Анна Пименовна, с вами произошло то же самое.

Сообщу слушателям то, что им и так, наверное, уже ясно. Анна Пименовна Шевченко сейчас против частной собственности, за коммунизм, но, как многие бывшие советские люди, верит в Бога. В церковь, правда, не ходит. Пишет: «У меня не вызывают доверия церковные пастыри, спекулирующие сигаретами и спиртными напитками. На ваш коронный вопрос, Анатолий Иванович, как верующие люди поддерживают коммунистов-безбожников, отвечаю так: они не разделяют идей коммунистов о безбожии, все остальное они принимают». Это, конечно, их дело, Анна Пименовна, только до сих пор все попытки устроить «всё остальное» начинались везде с того, что свергали Бога. Вы скажете, что можно было не свергать, но мне хотелось бы услышать ваше мнение о том, почему всё-таки свергали.

Алексей Степанович Шевчук из Золочева: «Вы получаете много писем, в которых люди тоскуют о советском прошлом. Я знал давно, что мы жили не с труда, а с продажи большого количества сырья. А благополучие, основанное на сырье, как говорят экономисты, недолговечно. Помню, что в некоторые годы брежневского «застоя» добывалось 640 миллионов тонн нефти, а продавалось на Запад около 300. Мне приходилось работать возле железной дороги Стрый-Чоп. Каждые 5-6 минут проходил состав за границу, и в каждом было три-четыре вагона с лесоматериалами. И так годами и десятилетиями. Вот откуда брался военный бюджет и относительный достаток большинства населения. Каждый год закупали в мире на золото 30-35 миллионов тонн зерна (доходило и до сорока, Алексей Степанович), а хлеб, который из него выпекали, продавали по 18-20 копеек, и народ кормил им свиней, кур и прочую мелкую живность. (Не только мелкую, Алексей Степанович, – в моем селе и коров кормили да, «лавочным» печеным хлебом. Молоко получалось густое и сладкое). А цена спичек? Скажите, кто в мире мог бы

сделать коробок спичек за одну копейку. И так – что ни возьми, так – почти с каждым рабочим часом почти каждого человека. Оплачивали этот час как вздумается начальству, а не как вздумается потребителю, потому что на большинство продукции, которую мы выпускали, потребителя днем с огнем было не сыскать. Всё это экономическое хулиганство и надо было поддерживать за счет сырья, которым так щедро одарил нас Господь. Все эти советские люди как в России, так и на Украине, не понимают одной истины: чтобы хорошо жить, нужно хорошо трудиться».

Тем труднее многим из них это понять, Алексей Степанович, что работали они честно и думали, что честно и хорошо – одно и то же. Но честно и хорошо они рыли канал, который вел не туда, куда нужно, и сооружали завод, который потом выпускал все, что угодно, только не то, что можно было с выгодой продать. Частник в рытьё такого канала и возведение такого завода не вложит ни копейки. Вот в этом его преимущество, вот в этом он незаменим и вот поэтому его упраздняют те, кто ставит своей целью устроить рай на Земле. Они берут на себя работу Бога. Поэтому первое, что они делают и не могут не делать, Анна Пименовна Шевченко, – отменяют Бога. Вот почему верить, как вы, и в Бога, и в коммунизм противостоит. Значит, рано или поздно вы опять будете верить во что-то одно.

П.А.Ш. из Днепропетровской области: «Наша колхозная братия, пьянь и ворюги, никак не желают прощаться с колхозом (называется «Авангард»), который практически сгинул. 80 процентов земли с осени остались неубранными и невспаханными. Глянешь сейчас, весной, на пожухлое кукурузное поле, и душа кровью обливается. Нашлись, было, денежные люди из Днепропетровска, захотели взять в аренду земельные пай у желающих, предложили выгодные условия. Но когда на сходе был задан вопрос

из толпы: «А как с воровством будете бороться?» и арендатор прямо сказал: «Ловить и сажать», большая часть присутствовавших загудела и разошлась по домам. И арендатор, и юрисконсульт, я видел лично, побледнели от удивления. На следующий день колхозники задались вопросом: «А где они грошей столько нахапали, что нас собрались купить?» О том, что без этих денег могут сгинуть, вслед за колхозом, и входящие в него три села, никто и не заикнулся. Пьянь и ворьё созвали свою сходку. Председателя и бригадира, ратовавших за то, чтобы отдаться арендатору, тут же переизбрали и чудом не избили. Их места заняли люди, чьё единственное достоинство – большие кулаки и луженые глотки. И началась комедия. Раньше на работе пили много, но дрались мало. Теперь же почти все ходят с синяками. Зато родной колхоз уберегли. Все, конечно, в этом колхозе стоит, как почти повсеместно в округе. Вступать в спор, говорить что-то здоровое опасно, я попробовал на сходке – пообещали спалить хату. А погода здесь ветреная: степь. У меня был сосед. Учувыв свободу, получив независимость от колхозного начальства, он решил, что самое время пожить по-человечески, как он говорил, почувствовать себя счастливым, то есть, запить беспробудно. Он искренне считал, что когда человек пьян, он счастлив, – только тогда и счастлив, когда пьян. После месяца непротрезвления заболел воспалением лёгких и умер прямо за столом с недопитой бутылкой. Во дворе у него и сейчас валяются сотни пустых бутылок и флаконов. Даже курицу ленился завести. Что такого породило, как не колхоз?»

Из Иванова пишет Фролов Сергей Николаевич, 43 лет: «В 1983 году пришли люди в серых костюмах, ордерок предъявили, двоих соседей притихших посадили у стены – понятия. Три кагэбешника работали, обэхээсник протокол писал. Много пришлось вывозить из моей квартиры: дневники, рукописи, магнитофонные записи, пишу-

щую машинку (эту самую, на которой сейчас вам пишу, она у меня с незапамятных времён, капиталистическая – «Рейнметалл»). Среди прочих изъятых вещей была «Кама Сутра», из неё-то и попытались слепить уголовное дело. Обратились к экспертам, а те говорят: древний трактат, всемирно известный памятник культуры, на порнографию не тянет. После трех судебных заседаний бросили это занятие. Чуть не забыл упомянуть обязательный для каждого антисоветчика этап: совали меня и в психушку на месяц, «судебно-психиатрическая экспертиза» – так, кажется, мероприятие называется. А в этом году в пух и прах разругался я с другом. Он всю жизнь делал на фабрике обувь, которую по ночам жгли на свалке, получал 200 в месяц и был счастлив. Теперь клянет демократов и голосует за коммунистов. «Чего же ты телевизор капиталистический купил? – спрашиваю я. – Пятый год он у тебя, и никаких проблем. Взял бы коммунистический «Садко», и чухался бы по мастерским каждые два месяца, как в любимые твои застойные годы». Насупислся. «А куртка, – говорю, – на тебе неужто на фабрике Ленинского комсомола сшита? Тоже капиталистическая? Что ж ты при коммунистах-то ничего этого не имел? Ах, не было! Тогда получается, что ты свинья неблагодарная. При демократах на человека стал похож, а голосуешь за Зюганова». – «Раньше, – говорит, – работаешь – квартиру дают». – «Дадут! – передразнил я. – Ты что, инвалид? Заработать не можешь?» – «Да я всю жизнь работаю!» – тычет мне заскорузлые ладони. «Согласен, – говорю. – Натруженные. Только говнодавы, которые ты этими руками делал, и раньше-то никому не нужны были, а теперь и подавно. А ты все на работу ходишь, да зарплату неизвестно за что ждёшь».

«Здравствуйте, господин Стреляный! Я давний слушатель вашей радиостанции. В советское время в КГБ даже завели дело на меня за распространение информации от

«вражеских голосов». Но к деятельности вашей станции отношусь критически: все-таки она на службе в ЦРУ. Но это к слову, пишу по другому делу. У меня к вам большая, чисто человеческая просьба. Последние два года в нашей местности совершенно невозможно вырастить помидоры – их поражает болезнь фитофтора. Денег у меня на покупку овощей не хватает, единственная надежда на огород. Очень вас прошу выслать мне семена устойчивого сорта помидор американской селекции, но только раннего срока созревания, для открытого грунта. Если будете высылать, то шлите заказным письмом, а то эти славяне на почте выгащают. Заклинский Роман Иванович. Город Галич Ивано-Франковской области.

Не положено нам, Роман Иванович, заниматься такими делами. Вас, по-моему, не должно это удивить, вы ведь уверены, что радио «Свобода» является частью ЦРУ, а это учреждение существует все-таки не для того, чтобы рассылать по миру семена культурных растений американской селекции. В моем селе многие, правда, до сих пор уверены, что колорадский жук, с которым боролись в начале «холодной войны», был сброшен с американских воздушных шаров.

Антон Пузан из Гомеля: «Слушаешь письма, которое вы читаете в своей передаче, и думаешь: Бог ты мой, до чего же разные люди на земле живут, особенно, видимо, на нашей бывшей «Однойшестойчастисуши»! Я хочу высказаться о таком явлении, как стрельба караульных в армии по своим товарищам. Мое мнение – все дело в автомате Калашникова. Эта игрушка создана для войны и только, а в мирное время сгодится и винтовка Мосина со штыком. А штык еще можно и приварить. Для охраны любого объекта будет вполне достаточно, а расстрелять из нее группу не очень сподручно. А от автомата, как и от рогатки, руки чешутся. Хочется целиться, стрелять, попадать. Этот зуд мы переживали в детстве. В мое время

винтовки свободно стояли в пирамиде у выхода из казармы, но винтовки, а не автоматы. Антон Пузан, бывший штурман, майор авиации в отставке».

Еще один летчик пишет – из Коста-Рики, Сергеев Николай Константинович, 1946 года рождения: «В марте 1989 года очень даже скоростно уволили из Вооруженных сил. Случилось это после того, как я выступил на 18-й партийной конференции Группы советских войск в Германии с небольшими (я подчеркиваю) критическими замечаниями. На конференции присутствовал министр Язов. Я только еще возвращался с конференции в полк, а на меня уже писали характеристику на увольнение, хотя эскадрилья, которой я командовал, всегда завоевывала звание «Отличная», сам я неоднократно избирался секретарем первичной партийной организации». С тех пор подполковник Сергеев пытается добиться правды: «Куда я только не писал, к кому я только не обращался! Ответил мне только Борис Карлович Пуго, тогдашний председатель партийной комиссии. Он прямо так и написал: «Николай Константинович, не суетитесь понапрасну. Думайте о своем здоровье». Вскоре после этого он застрелился». Не забудем, что сейчас автор этого письма в Коста-Рике. Как он туда попал? «После бесславного завершения военной карьеры я пытался работать. Устроился в какую-то шарашку возить шефа – оказались наркоманы. Устроился в какое-то «совместное предприятие» – оказались алкаши. Перепродавал индийскую зубную пасту, французскую губную помаду, итальянские усовершенствованные презервативы. Бизнесменил ровно год. Насобирали-таки на билет и... поехал бывший комэск, подполковник, член КПСС с 1970 года, военный летчик, как раньше говорили, Сталинский сокол, куда глаза глядят. Был в Панаме, жил немного в Никарагуа, а задержался у друзей в крошечной стране Коста-Рике. Продавал вареную кукурузу, разносил газеты, работал ночным сторожем. И все это время учил,

учил, учил испанский. Как говорят, дорогу осилит идущий. (Истинно так, господин подполковник, истинно так!) Сейчас читаю лекции по аэродинамике, самолетовождению, метеорологии и механике в одной из авиационных школ и летаю инструктором на малюсеньких самолетах «Сессна» (на таком когда-то Матиас Руст приземлился на Красной площади в Первопрестольной)».

И все это время Николай Константинович Сергеев продолжает добиваться, чтобы было пересмотрено решение об увольнении его из советской армии, считает это делом своей офицерской чести. Приложил копию очередного заявления в Верховный суд России, просит у меня совета, последние слова в письме такие: «Я никогда не смирюсь, пока не будет восстановлена справедливость. Ответ прошу писать по адресу: Листа де Кореос, Сан Петро – и так далее». Тут не то что совета никакого не придумаешь – дар речи потерять не мудрено. И государства того нет, и армии той нет, и как раз потому их нет, что так, как с ним, комэском Сергеевым, поступали с каждым, кто шагал не в ногу, а он все возмущается, все хлопочет, словно и государство то на месте, и та армия с ее воздушными силами под ружьем, и – главное – так возмущается, так хлопочет, словно и для того государства, и для той армии не были пустым звуком законность, права человека, гражданства, солдата, словно его случай – из ряда вон выходящий. Так обижаются на своих, на родных, так Сталину всё писали и писали из его концлагерей твердокаменные большевики: мы с вами, товарищ Сталин, мы ваши, что же вы держите нас за колючей проволокой?!

Господин Рубан: «Я предлагаю ввести коэффициент национального варварства или, наоборот, гуманизма. Вычислить его просто. Встать на углу улицы, где автомашины делают правый поворот и обязаны пропускать пешеходов. Сколько машин из ста проехавших пропустят пешеходов, это и будет коэффициент. Полагаю, что у нас 90

из 100 не пропустят. Значит, коэффициент варварства – 90. Что путного построишь с таким коэффициентом? Возьмите наугад сто домов в любом городе и посчитайте чистые подъезды. Полагаю, получите тот же результат. Те, кто беды страны валят то на сионистов, то на американцев, то еще на кого-то, должны согласиться, что в этих домах живут и за рулями автомобилей сидят не марсиане, не агенты ЦРУ, и что правители наши тоже не с Марса, не десант из ЦРУ, а наши родные, советские люди. Страна с энтузиазмом, с песнями покрыла себя сетью концлагерей и сгноила в них не один миллион своих ни в чем не повинных граждан, но до сих пор (уже двадцать первый век на носу) не создала сети нормальных туалетов. До тех, кто вам пишет, не доходит, что они пишут не о причинах, а о следствиях. Это то же самое, что причиной болезни человека называть высокую температуру. А причина в том, что у него просто слабое здоровье. Ну, уродился он таким! Вершиной, лебединой песней были двадцать лет брежневизма за тысячу лет. Ничего более человеческого мы не построим. Лукавый вы все-таки человек, Анатолий Иванович!»

Что ж, скажу вам без лукавства, господин Рубан. Что-то подобное приходит иногда в голову, наверное, каждому, кто думает о России, а тем более, кто сам её часть. Вы напрасно считаете свое пораженчество открытием – ему тоже тысяча лет. Того, кто это помнит, оно меньше ранит или щекочет (открытия такого рода, бывает, и щекочут, не только ранят).

Пишет Резникова Татьяна: «В 1993 году я вышла замуж за гражданина Германии, который несколько раз приезжал с гуманитарной помощью в Одессу, где я родилась и выросла. Теперь я живу с мужем и 10-летней дочерью в Баварии, в селе. Мой муж работает фельдшером, дочка ходит в пятый класс местной школы. В прошлом году я решила пройти практику в Регенсбургской больни-

це, чтобы подтвердить свой диплом медсестры и устроиться на работу по этой специальности. По истечении девяти месяцев мне было сказано, что я еще не готова к работе медсестрой. Я получила только удостоверение санитарки, после чего безуспешно скитаюсь в поисках работы. В течение всей практики мне не позволяли производить внутримышечные инъекции (довод: «У нас практиканты этого не делают»), не доверяли производить медицинские манипуляции, а просто использовали меня в качестве санитарки. Было ощутимо пренебрежительное отношение к иностранцам вообще. Посоветуйте, что мне делать. Назад в Одессу я возвращаться не могу (дочь не говорит и не пишет по-русски и тем более по-украински), а здесь живешь в неизвестности о будущем. С уважением ваша радиослушательница Резникова Татьяна».

Если остановка только за дочерью, госпожа Резникова, то беспокоитесь вы, по-моему, напрасно: в ее возрасте играючи овладевают любым языком. Не примите, однако, мои слова за совет. Никаких советов радио «Свобода» своим слушателям не дает, особенно по их частным, домашним и личным делам. В таких случаях, как ваш, на Западе обычно обращаются к законникам. Некоторые русские писатели полтора-два десятилетия назад объявили это особым пороком европейской жизни. Они говорили: русский человек хочет вершить всякое дело по совести, поэтому он хороший, а европейцу достаточно, чтобы всякое дело было решено по закону, поэтому он не такой хороший. А нынешние немецкие законы, по-моему, не так уж плохи. Если говорить прямо, так они – из лучших в мире. Не случайно Германия приняла за послевоенное время не тысячи, не десятки тысяч и не сотни тысяч, а миллионы иностранцев всех колеров.

Мария Николаевна Шевцова из Омска: «За Ельцина вам пишут, что сейчас его ругают, а выбрали-то его сами. Но поймите, дорогой господин Стреляный: все они, кто

в депутатах да президентах, перед выборами клянутся, что будут делать, как надо, выставляют себя один умнее другого, а как сядут поудобнее в кресло – и привет избирателям. Так что народ тут ни при чем. Ему обещали – он верил, а что еще делать? Вы часто говорите нам, что нас угнетали при советской власти. Нет, господин Стреляный, мы жили хорошо и не одной дешевой колбасой. Кормили полсвета, снабжали газом всех братьев. Да, большевики много сделали ошибок в истории, особенно то, что разрушали храмы, это большущий грех. Ну, а возьмем настоящее время. На полках лежит Библия и журнал с голой бабой. Это добре? Стоит включить телевизор – там одно блядство и все заграничное, своих актеров уже забывать стали, а наши актеры – это же красавцы, не то что голливудские крашенные морды, и фильмы наши жизненные, а ихние – только про разврат и насилие. А «гулагами» людей не нужно пугать. Ленин отобрал у десяти процентов и раздал девяноста, а сейчас дали жить десяти процентам, а у кого отняли – у стариков, вот он где, грех, и не Сталин и Ленин виноваты, а кучка ненасытных псов, вот по кому Гулаг плачет. А люди простые все хотят прожить жизнь свою в мире и согласии, да политики не дают и такие, как вы, «доброжелатели». Мы гордимся, что живем в данный момент у себя на родине, не бежим, как крысы, с тонущего корабля, и будет и на нашей улице праздник. Что на жизнь наши люди жалуются, то это закономерно. Идет дождь – человеку сыро, палит солнце – жарко, трещит мороз – холодно, так что вы и ваши писаки Америки не открыли. При каждом режиме всегда будут довольные и недовольные, а вы будто не знаете этого: какой-нибудь писака напишет вам, как плохо в России, а вы и хвост распушили, читая горе-писаки письмо».

Вот и ваше, Мария Николаевна, прочитал. Новая жизнь вам по-прежнему не нравится, но и те, кто упоённо ее ругают, тоже с некоторых пор не нравятся. Этим меня заинтересовало ваше письмо. Стоите на распутье.

Пишет Ефремов Владимир Николаевич: «Откуда вы столько мерзостей, столько грязи берете, которую льёте на прошлое СССР? Вонь и смердь от вашей передачи. Будьте вы прокляты! Из-за таких, как вы, и беды на Земле. Почему вы, гад, не говорите о цветущих городах в пустыне Средней Азии, о гигантских заводах, построенных в СССР?»

Вы уверены, Владимир Николаевич, что вы сами слушали бы такие передачи? Совершенно уверены? Слушали бы не отрываясь?

Один слушатель-москвич просит нас передать его поздравление «товарищам, соратникам, браткам и т.п.» с Днем Победы. «Поздравляю вас с тем, – пишет он, – что мы отмечаем окончание только второй мировой войны, хотя приложили немало усилий, чтобы допрыгаться до третьей».

Удельный вес

Июнь 1998

«Многие люди революционны, – пишет нам Евгений Чураков из Ижевска. – Им кажется, что жизнь устроена неправильно. Вот и я, кажется, из таких. Являюсь язычником, составил для себя языческий календарь: год начинаю от зимнего солнцестояния, на 11 суток раньше, чем все, живу только по солнечным часам, года отсчитываю от сотворения мира, а не от Рождества Христова, по своему называю месяцы. Но хоть я уже пять лет живу по своему календарю, даже жену не призываю жить по моему календарю, потому что считаю: это дело каждого, как ему жить».

Тогда вы никакой не революционер, господин Чураков, с чем вас и поздравляю от души. Письмо помечено Двадцать Седьмым Тельцом 7506 года.

Письмо из Москвы, от Павла Олеговича, математика, фамилию просил не называть: «Мало вы вещаете о «России сегодня» и ничего не говорите про «Россию завтра». Как бы выжидаете, чем дела в России обернутся... Но ведь на это уйдет уйма времени (по моим расчетам, все выяснится не раньше 2011 года), а тогда вас некому будет слушать, господа хорошие со «Свободы». Когда-то вам казалось, что Россия пойдет по тому же пути, что и другие «развитые» страны, стоит только измениться режиму власти, и здорово ошиблись. Режим в России изменить невозможно. Это не удалось ни Ивану Грозному, ни Петру Великому, ни большевикам. Русский народ, как колобок: и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от всякой прочей лисы уйдет. Все дело в способах существования русских людей. Способов с незапамятных времен всего два: труд и воровство (при большевиках и поныне – грабеж).

В соответствии с этим, народонаселение в России представляет собою два класса (причем, прекрасно ладящие между собою). Это трудяги (мужики – на блатном жаргоне) и воры. И правят в России всегда именно воры – трудягам не до того. Признаваться в таком разделении у нас не принято, но не зря же в Ленинске-Кузнецком и в Нижнем Новгороде народ выбрал себе в управители выпускников «академий закрытого типа» (то есть, лиц, отсидевших в местах лишения свободы). Это же совершенно понятно, как сказал бы нижегородец Немцов».

Я прочитал это письмо потому, что оно – редкость. Очень много нужно смелости, чтобы сказать, что в России правители и народ всегда прекрасно ладят.

«У меня за спиной восемь лет брежневских лагерей, и персонажей всяких я повидал немало, но таких, как сегодня, кажется, не видел, – пишет Виктор Владимирович Монбланов. – Театр Карабаса! Такое впечатление, что проснулся партийно-феодальный Дракон и забавляется, тасует замусоленную колоду, то смахнет в кураже все карты оптом, то с нежным воркованием обнимает юное чиновное дарование, чтобы через какое-то время оттолкнуть и его. А как нужен нам, славянам, с нашим обостренным чувством справедливости, просто Честный Президент, психотерапевт нации, который раз в неделю говорил бы с народом просто и открыто о сложных вещах, снимал бы немного наше напряжение. Начиналось с гордой брони августа 1991-го, а заканчивается придворным византийским болотом, в котором чавкают упыри. Здравый смысл говорит, что если ты личность, если ты президент с необъятными полномочиями, так принимай исполнительную власть на себя, собирай команду и действуй, работай – нет, дергает из-за кулис какими-то куклами. Не работа, не руководство, а действительно: кукловодство».

Я не замечал, чтобы у неславян было притуплено чувство справедливости, Виктор Владимирович. Что у славян

оно обострено, само собою разумеется. У кого же ему и быть обостренным, как не у них! Но у кого же притуплено? Нет-нет, да и задумаешься. Может быть, у англичан? У шведов? У швейцарцев? Или у поляков, чтобы далеко на Запад не ходить?

К 12 июня, ко Дню России, приурочил свое письмо Александр Макарович Лесник: «Я радуюсь, когда ставят на место недалеких людей, которые как бы заботятся об общем благе и справедливости, а на самом деле излагают свой известный идеал: теплое стойло, пойло вовремя и прогулка стадом на выгоне, окруженном колючей проволокой. Смотрите. Как только реформаторы в Москве собираются или начинают делать что-то существенное для необратимости перемен, так это стадо через свою думу становится поперек: заматываются важные хозяйственные законы, отсекаются иностранные инвестиции, ставятся препятствия разоружению и вновь и вновь пытаются известить президента. Он человек, и ошибки ему не чужды, но не маньяк и не диктатор, он искренне любит Россию и желает ей добра. Он терпеливо сносит злейшие наскоки со стороны безответственной прессы. Он делает это все ради демократии в России. Да, на нем Чечня, но он не швец, жнец и на трубе игрец. Многие забыли обстоятельства 1993-94 годов, я тоже здесь не буду о них говорить, скажу главное. С 1990 года по сегодняшний день – если не Ельцин, то кто же? Ни Гайдар, ни Явлинский, ни, ни... А может быть, какой-нибудь генерал с бригадой головорезов? Я уверен, Ельцин слышит не вой продажной прессы, а то, что звучит в сердцах миллионов тех его соотечественников, которых не радуют бродящие по России призраки коммунизма и фашизма».

Спасибо за письмо, Александр Макарович, таких мы получаем одно-два в месяц, если не меньше. По данным социолога Татьяны Кутковец, 47 процентов жителей России хотят, чтобы она была страной с такими порядками,

какие на Западе, страной современной западной демократии. Причем, эти 47 процентов состоят из людей, которые больше и лучше остальных учились и учатся, больше и лучше остальных работают и которым не близко до пенсии. Ельцину не удалось стать вождем именно этой части населения. Это показывают исследования, да видно это и невооруженным глазом. Но не стал он – и не стал сознательно – вождем и 53-процентов: тех, кто за социализм или сам не знает, за что. Все, что Ельцин может сделать для человечества до двухтысячного года, – найти того, кто способен стать вождем 47 процентов, и всей своей мощью помочь ему.

«Семья моего деда состояла из двенадцати душ, – пишет Семенов Иван Семенович. – Мой отец вступил в партию, политика которой заставила его раскулачить своего отца. За это мой дед выгнал своего сына из дома. Мой отец построил себе жиденький домик из самана и продолжал вести борьбу с кулачеством, как указывала политика партии, но все равно не мог ей угодить. В 1933 году, во время голода, его посадили в тюрьму как «врага народа». В то время строилась тяжелая индустрия, в частности, завод «Азовсталь». Мой отец и ему подобные «враги народа», точнее, их босые ноги, использовались вместо вибраторов для размешивания бетона. Мать, оставшись с четырьмя детьми без какой-либо помощи, крутилась, как белка в колесе, но не дала детям умереть, еще и возила отцу передачи. К 1940 году в нашей семье прибавилось еще двое детей. Перед войной отца отпустили домой. В 1941 году на фронт его не взяли. Во время оккупации те люди, которых он раскулачивал, выдали его немцам как коммуниста, хотя он был давно исключен из партии. В феврале 1942 года немцы его расстреляли. После войны, в 1947 году, на нас снова обрушилась голодовка. Мы ходили по полям, собирали мерзлую картошку, ловили сусликов, кошек и даже крыс. Помощи от государства не было ника-

кой. Все мы пошли работать в возрасте 14-15 лет. Мы были босые, голодные и холодные, нас заедала вша и болезни. О каких правах человека можно было тогда говорить и кому? Процветало взяточничество, разгул уголовной преступности, наглое давление на человека со стороны власти. Я лично от нее ничего хорошего не видел. Я прожил свою жизнь в тяжелых трудах и заботах, никуда не ездил отдохнуть, не мог ни хорошо одеться, ни поесть – в общем, растратил свои силы на коммунистических придурков, которые теперь стали демократами. Не надо их казнить, а найти бы где-нибудь голое место и отправить их туда всех до четвертого колена – пусть они там строят для себя светлое будущее».

Вера Николаевна Шевцова из Воронежа: «Как ни включишь «Свободу», все позорят, хаот советскую власть. Идет в стране умерщвление народа, народ на положении рабов, но рабов хоть кормили, а мы не получаем ничего месяцами, не на что купить хлеб, лекарство, падают в обморок в школах, на работе, кончают жизнь самоубийством. При советской власти зарплату всегда получали вовремя, от этого не откажется никто, ни один человек. Почему «Свобода» молчит об этом? Разве можно молчать о том, что Ельцин остановил все фабрики, заводы, обложил всех непосильными налогами, разрушил страну, всю вину свалил на Чернобырдина, скоро очередь дойдет и до Кириенко, а с самого, как с гуся вода». Дальше идут грубые ругательства, я их опускаю, тем более что Вера Николаевна не против. «Конечно, все мое письмо передать по «Свободе» невозможно, – пишет она, – но передайте то из него, что вам подсказывает сердце и совесть. Не нужно принижать роль Ленина и революцию. Вспомните историю, как жил народ при царе. Народ был забитый, неученый, неумытый, не одетый, не имел ни прав, ни свобод, жили, учились только дворяне, помещики и другие богачи. Гений Ленина поднял на борьбу народ, освободил

всех от эксплуататоров. Сколько миру проходит ежедневно через Мавзолей Ленина, чтобы посмотреть на чудо творения века, на чудо мудрости гения человечества! Это уникальный памятник всего человечества, он создает на Красной площади непревзойденную красоту».

Вот, Вера Николаевна, все, что я выбрал из вашего письма. В каждой передаче я читаю такие письма, и все равно люди ваших взглядов спрашивают и спрашивают, почему радио «Свобода» молчит о том-то и о том-то.

Из Чернигова пишет Валентин Михайлович Булах:

«Постоянно слушаю вас с 1972 года. Именно в те дни, когда начал слушать «Свободу», вызвали меня на первый допрос в КГБ (31 мая 1972 года) по поводу моего письма, которое нашли при обыске у Ивана Михайловича Дзюбы. А я тогда ранними утрами, когда глушили меньше, слушал по «Свободе» и конспектировал знаменитую работу Дзюбы: «Интернационализм или русификация». Только слушал и записывал – и потому со спокойной совестью ответил следователю: нет, не читал, хоть проверяйте меня на детекторе лжи».

Господин Булах считает, что сейчас нет для нас более важного дела, как «изучить, разоблачить и развенчать все блатное и приблатненное, что есть на Земле, как дело сатанинское. В бывшем Советском Союзе сомкнулось советское блатное начало, Гулагом воспитанное, с западным, которое с жиру. Опасный союз! У нас и капитализм получается приблатненный: хамы строят себе дворцы, госчиновники расхватывают госпредприятия. Торговля как искусство, как форма общения людей, как источник положительных эмоций давно-предавно забыта, а теперь уже и убита начисто. Какой же это рынок? Я вот батрачу в магазине хозтоваров. Товары к нам доставляются в принудительном порядке, безо всякого расчета, цены – выше базарных, покупателей, естественно, мало, а нет спроса, нет нам и зарплаты».

Это уже большое дело, скажу вам, Валентин Михайлович, не в порядке защиты «приблатненного» украинского капитализма. По сравнению с десятилетиями, когда спроса не было, а зарплата была, – это величайший шаг вперед, это начало всех начал. Другое дело, что жизнь наша коротка.

«Привозят, к примеру, в хозмаг цемент, – продолжает господин Булах, – а мешки рваные, товар из них безбожно сыплется. Мы говорим покупателю: забирай, что есть и скажи спасибо, что привезли. Для моего предприятия мелочью считается то, что я свою барщину отбываю в жутких лохмотьях – спецовку не меняют годами, а самому купить не на что – денег дают только на харчи. Конечно, решение таких вопросов имеется. Настоящие профсоюзы, борьба труда с капиталом за равноправные партнерские отношения, за искоренение коммуно-феодалных традиций. Но близко локоть, да не укусишь. Настоящие профсоюзы уже есть в нашем городе, но для создания ячейки нужно минимум три человека, а у нас, в фирме, где сотня или две штатных единиц, даже двух человек, себя уважающих и в рабстве быть не желающих, ищу вот уже несколько месяцев – и, видимо, не найду. Колхозное воспитание: начальник всегда прав. Рассказали бы вы нам, как на Западе. Как со спецовками на Западе?»

Сами знаете, что лучше, Валентин Михайлович, но вот из Восточной Германии мне часто пишет один русский рабочий, женатый на русской немке. До 1991 года они жили в России. В Германии он работает на старом, еще «гэдээровском» заводе. Жалуется нам, что условия там не лучше, чем в Советском Союзе, на Урале: из-за отсутствия вентиляции зимой холодно и дымно, а летом жарко и дымно, нет закутка, где можно было бы перекусить в чистоте и тишине, начальство грубое, платят мало, рабочие бессловесные, «стучат» друг на друга, производство маловыгодное, владелец выжимает из него последние соки, чтобы потом бросить. Если поискать, что-то подоб-

ное можно найти всюду, даже, наверное, в Швейцарии, в каком-нибудь из ее «медвежьих углов». Смысл писем этого человека такой: как можно верить «Свободе», если на немецком заводе под Лейпцигом мне не лучше, чем было на советском заводе под Златоустом! Ответить ему: «Ну, так и не верьте, никто вас не заставляет верить», – было бы не только грубостью, но и неблагодарностью: человек нас слушает, думает, что мы можем улучшить условия труда не только в России, где он начинал нас слушать много лет назад, но и в Германии.

Из села Быстрый Исток Алтайского края прислал письмо Детловский Христофор Семенович или Сергеевич (указана только первая буква отчества, много раз говорил слушателям: называйте себя полностью, но, видимо, надо чаще повторять).

30 лет автор этого письма жил с семьей в Алма-Ате, в 1987 году переехал к могилам своих предков, откуда и пишет нам. Переехал один – семья отказалась.

«Погрузил в КамАЗ свои пожитки и кое-какую технику, что собрал на свалках. Разгрузился в поле, на берегу реки Обь, в четырех километрах от районного центра. Как раз Первого мая. В кармане было 400 рублей. 370 отдал за доставку. Начал жить. Матрац, подушка, одеяло, «Жигули» – первая модель, 1973 года выпуска. Самодельный трактор с двигателем Т-40 и однокорпусным плугом, прицеп одноосный, токарный станок времен Петра Первого, электросварка, автоген, самодельная циркулярная пила, кое-какой инструмент. По реке плывет ничейный лес, пихта. Нашел лодку, ловлю, вытаскиваю трактором бревна, трактор крутит циркулярку, пилю. Так строю избушку: три с половиной на два с половиной. Зимовал, как на необитаемом острове. С весны загородил огорода 20 соток, рядом поле, бери хоть 20 га – пашу, сею люцерну из ведра, овес, кошу сено, нашел пресс-подборщик, прессую тюки, складываю. И пошло-поехало. Делаю лодку,

беру в долг одну овцу, потом теленка. Невдалеке, при нефтебазе, 4-5 семей живут, держат коров, свиней, животные от ранней весны до белых мух бродят, где попало, и от всех моих посевов ничего не остается. Бросил полеводство, стал заниматься только животноводством и сеном. Вот у меня уже две коровы, 15 овец, в одиночку поставил 10 стогов сена по 20-30 центнеров... Людей грызет зависть – надо меня сжечь. Сожгли избушку, мастерскую, сгорело все – станки, инструмент. Кое-что удалось восстановить, из утиля собрал МТЗ, к нему косилку брусковую, грабли навесные, вилы впереди. Прошлым летом поставил 20 стогов. От власти не только никакой поддержки, а стали вызывать для отчетов чуть ли не каждый день, на работу времени не остаётся. Пришлось и формально отказаться от земли. Сын с семьей в городе, у него уже трое малых, а и он, и сноха три года без работы, а я страдаю без рабочих рук. Попробуй докажи ему, а особенно ей, что жить надо на земле, что здесь столько работы – интересной, творческой, хорошо оплачиваемой по нашим меркам, аж дух захватывает».

Что же представляют собою люди, которые таким способом выразили к автору этого письма свое классовое отношение – сожгли все, что могло гореть?

«Ругают всех подряд – от соседа, что ворует, до Ельцина, что пенсию маленькую начислил и не выдает зарплату. Спрашиваю: ребята, а где же деньги взять, если столько людей в России не работают, а торгуют или воруют? Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать. Возражают: дак ведь жили при Брежнев, неплохо жили – до обеда в домино поиграли, после обеда кто вернулся на рабочее место, а кто домой ушел: пусть прораб наряд с потолка пишет. Дак, говорю, бесконечно так продолжаться не могло, мы же последнее доедали, допивали, донашивали. Был тут сахарный завод. В прошлом году кончился мазут, завод встал. Сначала тащили сахар кто как мог и сколько мог, потом принялись за все подряд. Грабили не как-

нибудь, а по-зверски, по-варварски, чтобы было невозможно восстановить. Говорят, так по всей России. Было два совхоза – растащили и их. Я смотрю и думаю: не будь на то Господня воля, не стали бы люди второй раз губить то, что сами создали. Теперь все безработные, хлеба купить не на что. И ничего, не унывают, гонят самогон, на закуску огурец, картошка с огорода. Напьются и жалуются: негде работать. Ну, беритесь, говорю, скот разводить. Что толку, отвечают, – мясо дешевое, молоко дешевое. Дак держите не по одной корове, а по две, по четыре, по шесть. И тут, Анатолий Иванович, пауза. Две, четыре, шесть коров – это забота, это работа, это труд. Им хотелось бы по одной корове держать – и чтобы дохода с нее хватало на «министерскую» жизнь: спать до обеда, потом на рыбалку сходить, прихватив с собою сивухи и харчей сытных да вкусных...» Поражает Христофора Детловского, что эти люди живут вне времени, и настоящего, и особенно прошлого, не имеют, например, представления о сталинщине, а когда он им рассказывает, не хотят верить, что все так и было, как он рассказывает: «Работали от зари до зари ни за что, за «палочку», то есть, за черточку в ведомости, по которой ничего не получали. В поле от колхоза имели чашку затирухи (кипяток с мелкими мучными клецками) в день, а иногда и ее не было. Баба принесет мужику из дому 3-5 картошин... Чтобы скандалу не было, каждый спускал ее в общий котел в своем мешочке. А когда и картошки не было, бабы на быках забирались в болото, рвали чакан. Корову можно было держать только одну, однако, мяса 40 килограмм государству отдай, 300 литров молока отдай, шерсть отдай. Сено для своей коровы могли косить только в непролази, но и тогда половину отберут, если не все. Рассказываю – не верят, Анатолий Иванович! Да ты с этим больше сталкиваешься, чем я. Спросишь иного: кто такой Солженицын, знаешь? Не знает никто. Знают только Жириновского: он дешевую водку обещал. Придется мне здесь и сложить свою беспо-

койную головушку, так и не повидав порядочный мир, натуральную свободу, так и останется все человеческое только в мечтах. До свидания, желаю тебе терпения – вон как много его, оказывается, надо, чтобы люди убедились, что стена – белая, вон с какой злобой некоторые доказывают тебе, что она черная!»

Спасибо, Христорфор. И снова скажу: удельный вес таких людей, как ты, определяет судьбу нации. Высокий удельный вес людей с такой жизненной силой и с таким Богом в душе, как у тебя, – высокая судьба нации. Я говорю: с таким Богом, потому что у поджигателей твоей избушки тоже есть своя душа – душа завистника, а в ней свой Бог – именем Бахус. Невысокий удельный вес таких, как ты, – невысокая и судьба нации. Я бывал в ваших краях, знаю те села по Оби, по Чарышу. На сотню домов – два-три, возле которых хочется постоять: с крепкими крышами, ровными стенами, чистыми окнами, с цветущим палисадником. Это он и есть – удельный вес.

«Здравствуйте, Анатолий Иванович! Привет вам из теплой Австралии. Я Леонид Веремчук, 50 лет от роду, живу в городе Аделаиде, штат Южная Австралия. В 1987 году вызвали меня в эстонский КГБ в Таллине, где я проживал с семьей (а раньше жил в Ровно на Украине), отобрали паспорта: мой, жены и старшей дочери, только что получившей его, заставили уплатить по 500 рублей за лишение советского гражданства, дали две недели на сборы, вручили выездные визы с указанием пункта следования: Израиль – это мне, украинцу, как говорится, «вид дида-прадида». И все это за то, что я поднял голос в защиту прав верующих. Я был руководителем правозащитной группы «Эбенецер» – «Камень помощи». А дальше – как у всех, кто выезжал по израильской зелененькой визе: станция Чоп - Вена - Рим – и дальше, куда Бог определил. Но это я сообщаю для знакомства, а пишу, чтобы поблагодарить вас. Когда в субботу, в восемь часов утра (у нас,

а у вас это пятница, 2 часа ночи) мы включаем наш старенький пятидолларовый «Панасоник», то попадаем в бесплатный «Театр трагикомедии». Этим театром служит передача «Ваши письма». Слышимость у нас отличная».

Спасибо, Леонид Веремчук. Да, на дворе был 1987 год, два года уже шла «перестройка», а КГБ делал свое дело, как ни в чем не бывало. И мог бы продолжать по сей день. Сегодня это понимаешь лучше, чем пять лет назад. Да частично и продолжает. Для получения заграничного паспорта российскому гражданину требуется согласие этого учреждения. «Просвещение» занимает до полутора месяцев. За взятку могут «просветить» быстрее.

Инженер Александр Захаров пишет из Москвы: «Пару лет назад мне удалось достать хороший дистиллятор из нержавеющей стали. Купил его потому, что качество магазинной водки все-таки плохое. Стал искать, отчего это. В результате многих опытов пришел к выводу, что почти все зависит от исходного сырья. Самый плохой продукт получается из гороха, картофеля и свеклы, хороший – из сухого виноградного вина. Ну, вот, нашел доброкачественное сырье, можно, казалось бы, и успокоиться. Но один знакомый врач, когда я стал угощать его виноградной водкой, сказал, что для организма любая водка вредна, поскольку спирт постепенно выжигает внутренние органы и приводит к тяжелым заболеваниям сосудов. Я это и раньше подозревал. А теперь задумался. Ведь прав врач!»

В конце инженер Александр Захаров просит: «Анатолий Иванович, прочитайте мое письмо по радио, мне это будет приятно».

Вам-то приятно, господин Захаров, а меня корбило ваше выражение: «плохая водка». Лучше бы вы Сталина хвалили, чем писать такие вещи. Один мой сослуживец говорит: плохой водки не бывает, водка бывает хорошая и очень хорошая. Я с ним согласен.

БСЧ и его свободное время

Июль 1998

«Уважаемые товарищи! – пишет нам Владимир Николаевич Овсянников из Тулы. – Простите, говорить «господа» не могу привыкнуть, мне слово «товарищ» – по перу, по духу, по стремлению к истине – куда ближе и дороже отчуждающего «господа». Многие требуют покаяния от Коммунистической партии Советского Союза. Я даю свое покаяние, но его никто не принимает. Может быть, вы примете?»

Это нам как-то не с руки, Владимир Николаевич.

«Жаль, что приходится жить в стране, где на тебя как на человека не обращают внимания, – пишет из Ленинградской области Владимир Васильевич Мельников. – Оптимизм 1991 года пропал, верить не в кого, только в Господа, слава Ему, что дает здоровье. Живу одним днем. Работаю на частном предприятии в Петербурге. Ну, что сказать о нас, рабочих? Мы рабы в самом прямом смысле. Вечная задержка зарплаты. Администрация с нами не считается. Не нравится – уходи, тебя не держат. Профсоюзов как не было, так и нет». В этом месте я хотел сказать: нет профсоюза – так создайте, но Владимир Васильевич продолжает: «Даже мы, мужской коллектив, не можем сплотиться и все вместе потребовать свою зарплату. Все рвутся поскорей на свои дачные участки, да и там порядка нет, все близлежащие леса замусорены. Слышишь вечное завистливое нытье: Запад нас грабит, разваливает нашу экономику. Спрашиваешь: чьи джинсы ты носишь, чьи кроссовки, чей телевизор смотришь? Отвечает: «Адидас», «Панасоник». А если бы, говорю, не Запад, то ходил бы ты на МОКРОПОРКЕ и смотрел бы телевизор «Радуга» после годовой очереди на него. Уважаемый Анатолий

Иванович! Может, кто услышит или прочитает мое письмо из работодателей стран Запада, кому нужны квалифицированные кадры. Мне нужен только вызов, а выезд в страну за мой счет. Хотя мне 52 года, у меня высокая работоспособность, богатый опыт по многим профессиям: шлифовщик-лекальщик, ремонтник, слесарь-наладчик по изготовлению уличной световой рекламной продукции. Здесь мой честный творческий труд остается невостребованным, а сколько мог бы я принести полезного для процветания страны, которая примет меня. Мельников Владимир Васильевич, Ленинградская область».

Буду рад за вас, Владимир Васильевич, если вам удастся найти работодателя, тем более что это очень трудно. Много таких писем, как ваше. Просят разные адреса, в том числе адреса иностранных посольств и консульств в своих странах. К сожалению, я не в состоянии наводить такие справки, это целая работа, ни на что другое времени не оставалось бы. От души желаю вам удачи – еще раз говорю это потому, что в руках у меня письмо, которое вы можете понять так, что я отговариваю вас менять вашу жизнь. Прислала его Эра Беленькая из Германии:

«Всю жизнь я прожила на Украине, в славном городе Одессе, но жизнь выдавила и меня. Уже два года я в Германии, здесь и слушаю ваши передачи, спасибо вам за них. Главное – не врете, правда дороже всего. Подбор материала у вас прекрасный. Живу эти два года, как во сне, в очень приятном городе Киле. Условия жизни нормальные, немцы приняли нас неплохо, но ничего особенного в их жизни я не нахожу. У меня от этого изобилия и продуктов, и всего прочего кружится голова в полном смысле слова, я стараюсь бежать из магазинов. Зачем столько всего? Или мы привыкли к вечной нужде, поэтому и задаем этот вопрос? Но мне было гораздо интереснее жить там, дома, несмотря ни на что. Анатолий Иванович! Обратитесь к людям (вы знаете, как): пусть не совершают нашей ошибки. Мне очень хочется, чтобы вы хотя бы ра-

зок напомнили людям: ничего дороже Родины нет. За два года не было ни дня, чтобы я не жалела, что уехала. Ведь не хлебом единым жив человек, я только теперь это понимаю. Эра Беленькая. Киль, Германия».

Автор следующего письма просит его не называть: «Я родился и вырос в Азербайджане, в Ленкорани. В 1971 году окончил Новосибирское высшее военно-политическое училище. 21 год прослужил в Советской Армии, был и на командных должностях, был начальником Дома офицеров, никогда не подхалимничал, поэтому не поднялся выше майора. В 1987 году положил партбилет, меня сразу же уволили за дискредитацию офицерского звания. Пенсии, конечно, не дали. Я приехал на родину, в Ленкорань, но вскоре пришлось бежать. Дело в том, что по матери я русский, а по отцу армянин и ношу его фамилию, хотя, к моему стыду, не говорю по-армянски, а только по-русски и по-азербайджански. К матери меня не прописали, поэтому я не получил паспорта. Тут началась охота на армян, пришлось бежать, куда глаза глядят. Мать умерла, а куда убежали мои родственники-армяне, не знаю. Не я один попал в исторический водоворот. Надо жить, вернее, выживать. Что сейчас делается в России и на Украине, вы хорошо знаете, но то, что происходит внизу, – это кошмар и безысходность, это трагедия народов. Не хватает у меня извилин понять, как могли пустить в Европейский союз Россию, особенно Украину: всюду полицейский и бюрократический произвол, коррупция, взяточничество, нищета. Посоветуйте, пожалуйста, как вырваться из этого ада. Я решил жить только в Западной Европе. Но как туда попасть, пока не знаю. У меня нет никакого паспорта, только свидетельство о рождении, да и то копия. Думаю купить заграничный паспорт на чужую фамилию. Прошу ответить на мои вопросы».

Вопросов в этом письме больше десятка, в том числе – в каких странах Европы принимают политических бе-

женцев. Много таких писем, ответу на все сразу и только самыми общими словами. Беженцами считаются люди, которые покидают места, где ведутся какие-либо боевые действия: война с внешним противником, кровавые гражданские столкновения, стихийное бедствие. Политическим беженцем считается человек, который преследовался властями своей страны за политическую деятельность. Политическое убежище может быть предоставлено и лицу, которому просто не нравится режим в его стране. Могут принять и человека, которого не устраивают заработки на родине. Но такой страны, которая впускает всех желающих только на том основании, что она демократическая, нет. Каждая исходит из своих интересов и возможностей. Бескорыстно и без проволочек обычно принимают только бегущих из-под огня или, например, от наводнения. Многие слушатели негодуют: Запад, мол, требовал от советского правительства, чтобы оно не мешало всем желающим покинуть СССР, а теперь не впускает к себе всех подряд, к каждому приглядывается, принохливается, сортирует живых людей – вот, мол, оно, западное лицемерие. Лицемерия на Западе, как и на Востоке, хватает, но тут другое. Свобода выезда из страны для граждан этой страны и свобода въезда для иностранцев – вещи совершенно разные. Когда государство насильно удерживает гражданина, то он оказывается его собственностью, рабом. Это – вопиющее нарушение прав человека. У государства есть, а если нет, то, с демократической точки зрения, должны быть известные обязанности перед гражданином, в том числе – не мешать ему пересекать границу. Но никаких обязанностей перед гражданами, допустим, Франции у российского государства, а перед гражданами России – у французского нет и быть не может. Одно дело – держать человека взаперти, другое – не открывать дверь прохожему.

Пишет бывший советский человек (БСЧ, как он себя

называет), который уже 10 лет является гражданином Германии, работает там инженером, бывает в России по делам. В Советском Союзе он тяготился советской действительностью, в Германии тяготится западной. Его все больше раздражает наша уверенность, что свободное хозяйство и демократия – это хорошая вещь вообще и для России в частности. «Чистота в городах Германии, – пишет он нам, – приветливость и сдержанность населения – результат не капитализма, не демократии, а христианской морали. Капитализм и демократия если и влияют на мораль, то не положительно». Автор имеет в виду то, что свободное хозяйство предлагает людям товары на все вкусы, в этом его суть, но вкусы массы низменные. К ним (что, по мнению автора, особенно плохо) приспосабливаются не только производители материальных благ, но и писатели, художники, не говоря о журналистах. Подробно описывает, какие непристойности каждый день показывают по немецкому и российскому телевидению. По его мнению, радио «Свобода» не от большого ума выступает за повсеместные свободные выборы: «Вы требуете свободных выборов, но представьте себе страну, где большинство населения находится в каменном веке. Кто приходит к власти? Ревнители общечеловеческих ценностей? Нет, к власти приходят проходимцы. Коммунизм, растоптав христианскую мораль, уничтожил предпосылки для такого развития демократии, о каком мечтали на своих кухнях диссиденты. Но и в Европе Бог умер сам по себе, и теперь она скользит в ту же самую теплую и грязную яму, в которой уже давненько ворочается ее родная сестра Россия. Так что не спешите с радужными прогнозами в отношении России и всего цивилизованного мирового сообщества. Ничего хорошего с ними не произойдет ни в наше с вами время, ни в будущем».

Вот какие важные разговоры ведут некоторые наши слушатели. «...Потом пришел капитализм со своей демократией и все испортил». Так они понимают историю

западного мира. Так они понимают и российскую историю последнего десятилетия. Не думаю, господин БСЧ, что это по-христиански – сравнить Россию с существом, которое давненько ворочается в теплой грязной яме, тем более что вы уже 10 лет смотрите на нее со стороны. Думается мне также, что от человека, который выносит обвинительный приговор всему свободному миру, можно ожидать большей осведомленности. Слова и о смерти Бога, и о неминуемом закате Европы, и о вредности демократии с ее свободой слова, и о разрушительности хозяйства, нацеленного на прибыль, – все эти слова произнесены полтора-два века назад и с тех пор несчетно раз повторены во множестве книг. Никому не возбраняется повторять их еще полтора века, но блажен тот, кто все-таки точно знает, что провозвестник заката Европы – не он. Тогда он быстрее спросит себя: как же так – вон когда еще её закатали, а она все не закатывается? Вон какие почтенные люди (Фридрих Ницше – в Германии, Константин Леонтьев с Константином Победоносцевым – в России) давным-давно растолковали миру всю скукоту и гибельность демократического пути, а мир идет по нему все дальше и дальше – и все здоровее дети, все долговечнее старики, все больше открытий и, как говорилось при коммунизме, свершений.

Давно открыта и подоплека того умонастроения, которое у этого Бывшего Советского Человека. Один, когда видит непристойность на экране, говорит себе: вот непристойность на экране – и выключает телевизор или продолжает смотреть. Другой, когда видит на экране непристойность, говорит: вот конец света и... уж не знаю, что делает сразу после этого, выключает телевизор или продолжает смотреть, но потом начинает требовать запретов. По-другому свое участие в мироустройстве он не представляет. «Да будет воля моя, а не твоя, Господи!» – только так. А «моя воля», в отличие от Господней, – исключительно запретительная. Признаюсь тут, кстати, слушателям в од-

ной вещи. Если бы не ваши письма с возмущенными, но подчас очень подробными описаниями низкопробной телевизионной, газетной и книжной продукции, я бы знал об этой стороне жизни намного меньше. Неизмеримо меньше! Откуда у вас столько времени – все это смотреть и читать? Я уж не говорю о желании.

Владимир Семенович Филимасов: «То, что вы на Ленина и на Сталина городите, – на 70 процентов брехня, но на болванов она действует, которых учили, лечили бесплатно, деньги выдавали вовремя, квартиры давали бесплатно, у людей голова не болела за электроэнергию, газ, отопление, ученики в школе получали готовые книги и тетради, у папы и мамы голова не болела за это. Я сам сидел с политическими, и бывало, по три и пять месяцев на работу не гоняли из-за сильных морозов, пурги. Это было в Якутии, на Магадане. Там обо всем говорили – и только правду. Вот там я понял, что такое политика. Вы не забывайте, что в партию, в горкомы-обкомы на высокие посты лезли приспособленцы, те же Горбачевы, Ельцины, Шеварднадзе и им подобные, таким образом подрывая наш советский строй, чтоб народ был недовольный. А кто был честный коммунист, тот и остался честным коммунистом. Я не коммунист, влачу жалкую жизнь, но Родину и народ не продам ни за какие лимоны. Я был патриотом нашей родины, которую называли Советский Союз, готов был за нее воевать, лишь бы было чем, и теперь, глядя на этих предателей Родины, Чубайсов и прочих, которые валюту ложат в западные банки, я готов взорвать весь мир и главное – Америку и тех, кто вступает в блок НАТО. А ты, Стреляный, змея коварная – укусишь и ядупустишь. У вас на Западе все покупается и продается».

Пишет Николай Федорович Шкуропат: «Мне пришлось сидеть с 1947-го по 1960-й. На нарах слышал анекдот.

Вокруг Зимнего дворца шум, стрельба. Графиня просит служанку узнать, что там творится. Служанка сообщает, что большевики делают революцию. Графиня спрашивает: «Что же они хотят?» Служанка отвечает: «Чтобы в России не было богатых». Графиня говорит: «Странно, мой дед, декабрист, всю жизнь боролся, чтобы в России не было бедных». В лагере приходилось встречать и бывших соратников Ленина. Где же еще их можно было встретить? От них я еще там узнал, что же это была за блядь. Я не провидец, но лет за десять до развала Советского Союза, а то и больше, говорил, что доживем до того, что раздастся разбойничий свист: «Хватай, кто что может!» – и растащат всю страну. Так и вышло. А теперь вы, зюгановцы, ищите виноватых. Да вы же и виноваты. Сначала вы обгадились по уши перед всем миром, когда закончили строительство своего социализма, то есть, окончательно поставили всех в очередь за пшеном, потом обгадились, когда первыми кинулись тащить всё подряд: устроили прихватизацию. А теперь куда хотите вести народы?»

Спасибо за письмо, Николай Федорович, большое спасибо! Анекдот про графиню только за колючей проволокой, видимо, и мог если не родиться, то сохраниться. Там больше было здравого смысла. На воле до сих пор миллионы хороших людей ничего так не хотят, как того, чтобы не было богатых. Не видят вокруг себя праведного богатства и думают, что иным оно не может быть.

Еще одно письмо о том же. Пишет господин Насалик: «Очень много писем, которые вы комментируете, приходят на радио «Свобода» от людей, которые против богатства и против богатых людей. Лично я не разделяю этой точки зрения, хотя в душе еще остается маленький кусочек зависти. С появлением крутых богатых (какими путями они добыли деньги – это их проблемы) возле них неплохо живется многим людям. И если сейчас сломать эту систему, всем станет только хуже. Да и сами богатые,

мне кажется, этого не позволят, потому что история их научила, что будет, когда к власти придет Иван. Жалко, конечно, что богатые не вкладывают свои деньги в производство, а транжирят их на особняки и развлечения в дорогих ресторанах. Вы скажете, что так тратить деньги в корне неправильно. Но, по моему, он предусмотрен природой – такой процесс развития богатых. Вы напрасно не хотите трогать эту тему, а следовало бы как-то зацепить ее».

Сыгнули соли на рану, господин Насалик. Я, конечно, не уклоняюсь от этой темы, просто она редко присутствует в письмах слушателей. Обличают пока больше власть, чем богатых. Видимо, еще надеются на власть, считают, что она может наладить более равное распределение благ в обществе. А вообще о богатстве рассуждают мало, и я не жалею об этом. Ведь всё, что знает о природе богатства и о природе бедности наука, очень трудно сообщать голодным. Доказано, что не дележкой общего богатства можно улучшить положение бедных классов, а увеличением его. Опыт всех народов подсказывает думать не столько о том, как поделить, а как сохранить и приумножить накопленное. Приведу одно высказывание. «Наиболее верное средство улучшения положения бедных классов – сделать так, чтобы богатство росло быстрее населения», – писал некогда очень большой специалист по сей части. Но стоит заикнуться об этом, как тут же скажут, что ты оправдываешь грабителей трудового народа.

Пишет господин Никулин: «Сейчас мне 71. До 1956 года хлеб я не покупал, а доставал. В 1937-38 годах я, десятилетний пацан, доставал его в магазине № 14 города Балашова Саратовской области. Каждый вечер была такая плотная толпа, что было трудно поднять руку. Мы, мальчишки, продвигались к прилавку по головам. Нас было невозможно стащить, толкнуть вниз. Белый хлеб я ел месяца два-три в тридцать седьмом году (тогда был

большой урожай) и потом уже после 1956-го. В 1966 году меня перевели в Киев. В магазинах было все, о чем можно было тогда мечтать, но к 1985-ому ничего не осталось, кроме колбасы по два двадцать, да и то с очередью. В малых городах и поселках не было и ее. И вот теперь я обращаюсь к своим сверстникам. Неужели вы все это забыли, неужели все, что было, вам нравится, неужели вы, ругая президентов, хотите возврата к тому, что было: стоять в очереди и говорить шепотом. Конечно, сейчас трудно. Но почему многие из вас решение видят не в инициативе каждого жителя страны, а в провозглашении лозунгов: «Ельцин – предатель!», «Долой Кучму!» Ведь те, кто кричит это, никакой программы не имеют. Раздадим всем понемногу, как в 1917-ом? Что дальше?»

Гончаров Александр Владимирович из Воронежа: «Напишу пару слов о том, как со своей колокольни вижу окружающую меня российскую действительность. Ни коммунистов, ни демократов в российских верхах практически нет. По большей части, это умные и грамотные люди, принадлежащие к правящему классу. Почти все они понимают политическую деятельность с позиций своего класса – «номенклатуры». В России закончен первый этап демократической революции – построена демократия для номенклатуры. Наступает второй этап – выколлотить демократию для населения. Желательно – без стрельбы. Лидер второго этапа – видимо, человек типа Явлинского. Его электорат устойчиво растет, он состоит из людей, воспринимающих политику и экономику не на подсознательном уровне, а вполне осмысленно. Мы учимся на ошибках (никто и никогда ни на чем другом не учился), скорость информации, ценность интеллекта в мире растет, так что страна развивается и выживет. Надо понимать – и она, кажется, все больше понимает, что, как сказал один широко известный автор, «если ты хочешь делать дешевую колбасу, тебе придется делать ее из человечины».

Из Тернополя пишет Виталий Рыбаков, 24-лет, рабочий: «Здравствуйте, Анатолий Стреляный! Слушаю я ваши передачи часто и глубоко ночью. А так как меня мучит бессонница, то есть о чем поразмышлять, глядя на Луну. Врагов России надо разделить на три вида. Первый – геополитические, второй – стратегические, третий – внутренние. Рассмотрим первый вид. Безусловно, это Соединенные Штаты Америки. Так уж сложилось в послевоенное время. А врагом номер один в стратегическом плане является Англия. Случайно ли распад Советского Союза совпал с выводом военного контингента из Афганистана? Нет, это работа Англии. Любые попытки России выйти к Индийскому океану всегда наталкивались и наталкиваются на отчаянное сопротивление Англии вплоть до дестабилизации обстановки в самой России. Не хотят англичане допустить Жириновского мочить сапоги в южных морях. Но есть и третий вид врагов – это непримиримые коммунисты в самой России».

Загадочна все-таки русская душа!.. Вот зачем 24-летнему русскому жителю украинского города Тернополя понадобилась Индия? «Сыну юриста», как оказалось, она ни к чему, ему нужны деньги, во-первых, деньги, во-вторых, и благоволение власти, в-третьих. А Виталию Рыбакову зачем-то нужна. Напишите мне подробно, зачем она вам нужна, господин Рыбаков. Напишите и о себе, если вас не затруднит, – из какой вы семьи, какие были у вас учителя, есть ли у вас друзья, кто они. Хочется как следует разобраться, зачем вам Индия, как вышло, что к 24 годам вы решили, что она вам нужна (я, конечно, понимаю, что не вам лично, а России – в соответствии с вашим представлением о её благе). Ваше письмо еще и потому любопытный документ, что вы считаете врагами России непримиримых коммунистов. Обычно люди, которым нужна Индия, как раз и являются непримиримыми коммунистами или их попутчиками.

Лопнуть от величия

Август-сентябрь 1998

«Сэр Стреляный! Представьте себе: замшелое старое болото, туманная серая дымка с запахом серо-водорода, бульканье черно-коричневой жижи, там и сям торчащие кочки, а под одной из них сидите вы со своей командой, и прежде чем вы начнете вещать глухим тоном о России, особенно вчерашней и не особенно нынешней и завтрашней, возникает музыкальное вступление, похожее на гудение лешего-гудилы, а уже после него – и ваш болотный, гнусный, глухой глас провокатора, щедро оплачиваемый долларами американских спецслужб!?!» (Восклицательный знак, вопросительный и еще один восклицательный.) «Ну, как тут не скажешь, что вы действительно стреляный воробей? Но есть надежда, что ваша фамилия скоро зазвучит уже как Пристреленный – окончательно и навсегда! А. Иванов, Ростов-на-Дону».

Одно из двух, господин Иванов: или «болотный голос», или «стреляный воробей». Воробья с болотным голосом я себе представить не могу.

Следующее письмо предваряется словами: «Не для публикации по радио». Читаю с середины: «Меня учили основам аналитической разведки, и я умею сопоставлять и анализировать событийные ряды. Я из небогатой семьи. За 200-300 долларов в месяц я готов сотрудничать с вами. Я готов делать звонки на радио «Свобода» в условленное время и грамотно излагать от своего имени точку зрения, которую мне дадут заранее, а также могу нести заведомую «анпиловщину» и «зюгановщину», если она послужит отличной клоунадой. Они гонят пропаганду, и мы будем гнать пропаганду. Не бойтесь меня. Я не собираюсь никого «сдавать» – у моей семьи с большевиками старые счеты.

Прилагаю список своих научных трудов».

Должен ответить этому слушателю отказом. Если бы радио «Свобода» прибегало к таким уловкам, за которые он хочет получать 200-300 долларов в месяц, её давным-давно перестали бы слушать. Шила в мешке не утаишь. Люди чувствуют такие вещи. Почему нас слушают даже большие наши недоброжелатели? Ругаются, подозревают нас во всем, что только может прийти в голову воинственному идеологическому человеку (меня, например, – в том, что я сочиняю письма), но слушают и слушают, день за днем, год за годом. Потому что знают: фирма порожняка не гоняет (я взял это выражение из «малявы», которую однажды накатала мне «братва» с Панкраца. Панкрац – район Праги, там тюрьма, где до суда проводят время многие, как правило, молодые жители Украины и России, которым не повезло в Чехии).

Пишет российский академик, физик Евгений Фейнберг: «В своей передаче 23 мая 1998 года вы ответили на вопрос слушателя, почему на «Свободе» есть передача «С христианской точки зрения», но нет передачи «С атеистической точки зрения». Ваш ответ состоял из одной краткой фразы: «Потому что это теперь никого не интересует». Посылаю вам (по согласованию с академиком Гинзбургом) некоторые наши материалы, свидетельствующие, как мне кажется, явную несправедливость вашего ответа». К письму приложены напечатанные в Москве статьи двух академиков, в которых они доказывают, что можно не верить в Бога и быть не только дельным, но и хорошим человеком, что мода на религию пройдет и «многовековой процесс освобождения общества от религии продолжится и, в конце концов, восторжествует».

О том же пишет из Петербурга Николай Иванович Давидович: «Я очень интересуюсь атеизмом. Уверен, что я не один. Поразительно, что и в конце двадцатого столетия религиозный дурман собирает свою кошмарную жат-

ву. Не так давно властители России остервенело оболванивали народ тошнотворным марксизмом-ленинизмом. Теперь с таким же рвением дурачат народ религией. Повседневно со всех экранов и газетных страниц несется религиозная чушь. Она оскорбляет здравомыслящего человека. Но этот человек начисто лишен возможности противостоять религиозным бредням. В то время как народ бедствует, «царь» Борис Второй, градоначальник Лужков и иже с ними швыряют колоссальные деньги на религиозное охмурение народа. Попы, закусив удила, освящают все, что попадет под руку. Я считаю, что на радио «Свобода» для баланса совершенно необходимо учредить передачу «С атеистической точки зрения».

Из Екатеринбурга – Андрей Дмитриевич Васильев: «Если атеизм никого не интересует, почему тогда даже в США более половины родителей решительно за то, чтобы эволюционная теория Дарвина преподавалась в школах наравне с пресловутым законом божьим? Атеист имеет такое же право писать об отсутствии Бога в мироздании, как верующий – о так называемой изначальной духовности человека».

Уважаемые господа Фейнберг, Давидович и Васильев! Я сказал и повторю сейчас простую вещь: слушателей радио «Свобода» (не жителей Америки, Андрей Дмитриевич, а российских слушателей «Свободы»!) не интересует атеистическая точка зрения на что бы то ни было. Христианская точка зрения на многие важные вещи интересует, атеистическая – нет, не интересует. Мы знаем это точно. Завтра положение может измениться, но сегодня оно таково. Сегодня предлагать нашим слушателям атеистическую точку зрения означало бы навязывать ее, заниматься атеистической пропагандой. Все три письма только подтверждают то, что я сейчас сказал. Они написаны отнюдь не теми, кого занимает атеистическая точка зрения. Они знают ее назубок, они ведь – носители этой точки зрения, они предлагают ее нам, а не проявляют к ней интерес.

Уверяю вас, господа: если в российской гуще шевельнется интерес к атеистической точке зрения, она тотчас зазвучит на волнах «Свободы», хотя таких выражений (беру их из вашего письма, Николай Иванович Давидович), как «охмурение народа», «религиозный дурман», «религиозная чушь», «религиозные бредни», «малопочтенное православие» будем, конечно, избегать. Очень хорошо сказал Андрей Дмитриевич Васильев: «Атеист имеет такое же право писать об отсутствии Бога в мироздании, как верующий – о так называемой изначальной духовности человека». Согласен с вами, Андрей Дмитриевич, но атеист ни о чем другом обычно и не пишет. Не пишется ему ни о чем другом... Что говорится в христианских проповедях? Жить надо так-то и так-то – по Христу. А что говорится в атеистических проповедях? Не надо верить в Христа – и только, в общем. Не редкость встретить атеиста, который говорит (причем, сам себе говорит!): верить в Христа не надо или: не верится мне в Христа, а жить по Христу надо, буду стараться. Вот тут он и содержится, ответ на вопрос, почему передача «С христианской точки зрения» у нас есть, а «С атеистической...» нет. В передаче «С христианской точки зрения» не обсуждается присутствие или отсутствие Бога в мироздании. Вы должны признать: в этой передаче не звучит ничего или почти ничего такого, с чем не могли бы согласиться вы, атеисты. О христианской точке зрения на такие вещи, как любовь, ревность, зависть, телесные наказания, расизм, равенство полов, свобода слова, свобода выбора, богатство и бедность, слава, месть и наказание говорить можно, говорить естественно, потому что в христианстве главное – как жить, нравственное учение. Но говорить об атеистической точке зрения на эти вещи можно только с натяжкой, потому что это не совсем по части атеизма, в нем главное – не верить в сотворенность мира. И последнее, но немаловажное. В одном письме из Москвы (написал его господин Копылов – в стихах, имени своего не назвал) есть такие слова:

Жизнь за царя не положу.
Готов я к разрушенью храма.
И Ленина обороню от срама,
пока я по земле хожу.

Если представить, что на человека, готового к разрушению храма, может влиять та или иная точка зрения, то христианская, мне кажется, подействует все же лучше, чем атеистическая, – хотя бы потому, что по натуре он глубоко (глубочайше!) религиозен. Нерелигиозные люди не набрасываются на храмы – спокойно проходят мимо, с любопытством на них поглядывая. Это такой важный вопрос, что я еще раз скажу в порядке итога. Конечно, атеизм тоже предлагает человеку известные правила жизни, называются они гуманизмом, безрелигиозной нравственностью, но с особой охотой, с особой страстью он говорит о мироздании и желает, чтобы в первую очередь именно это интересовало в нем людей. На что мы отвечаем: разговор об устройстве мироздания важен, но радио «Свобода» существует для других разговоров. Еще раз: спасибо вам за письма, господа Фейнберг, Давидович и Васильев. Буду рад, если вы правильно нас поймете. В христианстве главное – жить по Христу, в атеизме главное – не верить в Христа. Из этого мы исходим.

«Меня зовут Девяткина Нина Анатольевна, мне 42 года, по специальности я хирургическая медсестра, уроженка Москвы. С детства я страдаю болезнью позвоночника, но, тем не менее, отдала государству 20 лет работы, а как стала нетрудоспособная, меня выкинули, не дав инвалидности. Близких и родственников у меня нет, никакой помощи я ниоткуда не получаю. Я обратилась в Троице-Сергиеву лавру. Мне посоветовали уйти в монастырь, где я имела бы крышу над головой, посильную работу, кусок хлеба и могла спасать свою душу, каясь за свою прошлую безбожную жизнь, посвятив ее остаток Богу. Кажется, лучшего и желать не надо. Так я оказалась в женском

монастыре преподобного Амвросия Оптинского в Шамордино. Пришлось продать квартиру в обмен, как мне было обещано, на комнату в монастыре. Всю сумму (8 тысяч долларов) я передала игуменье Николе, лично в руки, никаких документов взамен не получила. Все было на доверии. Меня прописали в монастыре, но комнаты не выделили. Меня стали назначать на тяжелые физические работы, лишать сна и отдыха, установили за мной слежку. Я слегла. Должна сказать, что в монастыре запрещают лечиться, говорят, что это не угодно Богу, что таблетки – дело бесовское. Прямо средневековое какое-то. После того, как я упрекнула игуменью в немилосердии, она выгнала меня из монастыря. Денег мне не вернули и не выделили жилье. Когда я стала просить, чтобы мне вернули деньги, то услышала, что я отдала их Богу. Жалобы вышестоящим чинам не принесли результата. Спасибо добрым людям – приютили меня в деревне».

Бывшая монахиня описывает монастырский быт:

«Насельницы дерутся, наносят друг другу приличные травмы – бьют ногами в живот, ломают ребра. Да и сама матушка руки распускает, старясь оцарапать лицо. Грязь, вши, чесотка, туберкулез, у начальства – вооруженная личная охрана, собака-людоед, слежка, доносы, пресмыкательство, всеобщая озлобленность, психические расстройства. Одна инокиня учила меня духовной жизни. Говорила: сначала надо дойти до наивысшей точки озлобления, а потом идти к добродетелям. Не случайно, мол, все инокини такие раздражительные, все монахи злые. Если вас борет блудная страсть, учат здесь, то отдайтесь ей и познайте всю сладость греха до самых содомских, а потом боритесь. Когда один батюшка из Оптиной посоветовал это одной насельнице, которая пожаловалась ему на блудную страсть, причем, объяснил все в подробностях, она была в шоке. Мне долго пришлось приводить ее в чувство. Сразу после этого она покинула монастырь, потеряв веру в Бога. Образы Христа и Его Матери подменяют образами

духовника и игумении. Однажды у меня состоялся разговор с батюшкой, быстро восшедшим по карьерной лестнице. «Правда, правда! – сказал он. – Какую тебе правду надо? Нет ее, вся на небо ушла». Это, наверное, самые черные дни в истории православной церкви. Были гонения, но ряженных еще не было в роли священников и монахов. И ведь это не какая-то секта, не «белое братство», не баптисты, не хлысты, а самые что ни на есть православные, продолжатели традиций оптинских старцев, чем очень гордятся, как и тем, что находятся в прямом подчинении у патриарха и что являются духовными чадами батюшек из Троице-Сергиевой лавры. Сдается мне, что они не слуги Божии, а дети сатаны. Девяткина Нина Анатольевна. Козельский район, Калужская область».

Всем христианам, Нина Анатольевна, не обязательно православным, да и не только христианам, наверняка было нелегко слушать то, что вы написали на радио «Свобода», но больше всего, как мне кажется, многих огорчит место, где вы одной краской покрываете «белое братство» и баптистов. Может быть, это произошло помимо вашей воли. Примите наше сочувствие, пусть помогает вам ваша вера. Рады и за вас, и за тех добрых людей, которые приютили вас.

«Здравствуй, Анатолий Иванович! – пишет Скудин Юрий Федорович. – Сейчас поужинал, чем Бог послал, и решил написать тебе письмо. Ну, что тебе сказать о России? Сейчас лето, красиво кругом, у нас в Моршанске – особенно, в лесу, на речке, на прудах. Природа, я замечаю, оживать начинает, ведь ее, драгоценную, комуники отравили вконец. У тех, что в Кремле, гудит, слышно, голова, а у народа – да нисколько! Как пили, так и пьют, как воровали, так и воруют, кто побольше, кто совсем чуть-чуть, на жизнь. Одни спиваются, другие обжираются, тех отстреливают – нормально. Жизнь сейчас правильная, кто ее понимает. Надо отдать должное Ельцину Борису

Николаевичу: безвластие сделал, хочешь – торгуй, хочешь – воруй, хочешь – работай, хочешь – ничего не делай, умирай. Но народ-то зомбированный, телевизор сутками смотрит, вот и не знает, что делать. Совки, одним словом, ну их к лешему. Закон как был, так и есть, от него никуда не деться, лишка не двигай, и жить будешь, жадность фраера губит. Я вот как-то с другом сварил картошку в мундире. Поели мы ее, с салом, до отвала, попили чайку, ну, балдежь, да и только. Вот я ему и говорю: «Коль, много ли человеку надо? Сало с картошкой и чайку». Он отвечает: «Точно, Федька, и закатись все, завались!» Для себя я все уже решил. Пришел в этот мир голый, и уйти должен голый, это будет правильно. В двадцать МВД приобщило меня к труду, до пятидесяти поработал, как мог, теперь решил: хватит этой принудилочки. Появится энтузиазм трудовой – поработаю в свое удовольствие, а так хватит себя мучить. Ну, а что сказать тебе про твою «Свободу»? Нормальная радиостанция, хорошо работает, в отношении России лишка порой двигает. Ну, а что сказать про Америку? Мужик ты эрудированный, сам должен чувствовать: в Штатах-то люди достигли уже пика развития, прогрессировать дальше им не в силу психологического развития. Анатолий Иванович, ты меня за мою писанину не суди строго, в советской школе плохо учился, весь букварь с братом искурили в Валу (это у нас место такое). Начал я писать тебе вечером, кончаю утром, время поджигает, по своим делам повседневным пойду сейчас. А кто тебе из России жалобы пишет и скорбит: не дают им того, не дают этого, – это они от скуки. Голодному писать на «Свободу» некогда, он жрать ищет, ему и радио некогда слушать, ему и писать нечем и не на чем, и конверта у него нет. Не верь вранью, это все провокаторы. Пока. Скудин Юрий Федорович. Моршанск Тамбовской области».

Спасибо за письмо, Юрий. Почему только друг Колька тебя Федькой зовет? Маленько американцам, чувствуется,

завидуешь, выдаешь желаемое за действительное, говоря, что развиваться им дальше некуда. Сколько раз уже проносилось это «некуда» и о них, и обо всем человечестве, что невозможно сосчитать. Читаешь иной раз что-нибудь такое двухсотлетней давности, и мысли возникают, можешь себе представить какие... Над твоим письмом я вспомнил роман одного не последнего американского писателя, чернокожего. Описывается жизнь негров в двадцатых годах. Мужик-пьяница бросил жену с малолетними детьми, на жизнь она зарабатывает стиркой. Такая была нищета, сказано в романе, что часто ничего, кроме картошки с салом, на столе у них не было.

Письмо из Московской области, автора не называю: «Я богатый, по западным меркам, русский фермер. Быть богатым я могу благодаря тому, что фермерствую в условиях сохраняющейся социалистической экономики. Наше государство узаконило чрезвычайно низкий уровень потребления граждан, зато берет на себя расходы на их жилье и коммунальные услуги, на транспорт, медицину, образование, культуру. Вот тут и есть источник моего богатства. Вырастив для себя хорошие продукты и заработав на них некоторую сумму денег, я могу почти все их оставлять себе. Вообразите американского, немецкого или голландского фермера, который не должен платить ни за землю, ни за транспорт, ни за свою городскую квартиру, более того – который может почти не платить налоги. Тут нужно сказать о смехотворных усилиях правительства изыскивать средства на зарплату и пенсии людям, чье богатство достигает, в мировых ценах, десятков, а иногда и сотен тысяч долларов. Моя соседка – бывшая балерина. Она получает 80 долларов пенсии и бесплатно пользуется (что можно взять с человека, получающего 80 долларов!) квартирой и дачей, которые, по оценке приезжающих к ней гостей с Запада, стоят сотни тысяч долларов. Выход, на мой взгляд, в том, чтобы срочно и резко повысить

личные доходы граждан – зарплаты, пенсии и прочие выплаты. Кредиты Россия должна просить и расходовать только на это. При низком потреблении, при отсутствии массового платежеспособного потребителя, кредитовать производство – значит только увеличивать товарные запасы, которые и так уже огромны, знаю не понаслышке. Все это страшно наболело у меня. Мне нестерпимо жалко работающих людей, которые не могут купить килограмм выращенной мною картошки или головку чеснока. Жалко и деловых людей Запада, которые вкладывают в Россию свои средства в надежде получить прибыль, и уезжают разоренные, так как там, где уничтожен потребитель, получить прибыль невозможно.

Автор этого письма, богатый, по его словам, фермер из Подмосковья, просит обнародовать его конкретные предложения руководству России. Главные из них: «Установить и узаконить минимальную заработную плату в 1000 долларов в месяц. При этом сохранить существующие цены на товары и услуги и отменить все социальные расходы государства, заменив их прямыми пособиями безработным и иждивенцам». И так далее. Установить, закрепить («зафиксировать»), ограничить, запретить... «Вот переложил часть своей боли и заботы на вас, и стало легче», – пишет он в заключение. Мировой опыт давно показал (он описан в учебниках), что одни из предложений, которые в этом письме, невыполнимы, другие нельзя выполнить без ущерба для страны. Как только закрепляют цены, товары исчезают с прилавков, и нет такой власти, будь она хоть сталинская, которая могла бы их туда вернуть. Как только закрепляют оплату, поднимается выше естественной нормы безработица... То же – и тогда, когда хозяевам мешают увольнять ставших лишними работников, когда создают рабочие места не для прибыли, а чтобы люди что-то делали и что-то получали – чтобы не буйли. В конечном счете, обществу от таких мер делается только хуже: хозяйственная жизнь приглушается, накоп-

ление национального богатства замедляется. В свободном мире на что-то в этом роде идут ради общественного спокойствия, но меньше теряют там, где так это и понимается и где власть о том только и мечтает, чтобы отпустить вожжи при первом же удобном случае.

Человек, умеющий делать деньги, может иметь самое смутное представление, как они, собственно, делаются и что они такое. Удачливейшие предприниматели выступают с такими проектами хозяйственных преобразований, что у знающих людей вянут уши. В советское время в Кремле иногда собирали председателей лучших колхозов, людей умнейших и опытнейших, цвет советской нации. Просили их: говорите без оглядки, выкладывайте заветное, с благодарностью выслушаем ваши самые смелые соображения: что делать, как накормить страну, как догнать и перегнать наших недругов? Прибавить запчастей и снизить цены на них, отвечали председатели. И не было случая, чтобы кто-нибудь не попросил раз и навсегда прикрепить жителей села к земле. Чтобы где родился, там и пригодился...

«Кажется, вы умный человек с приятным голосом, но почему служите не людям, а богатым грабителям-паразитам? – пишет мне господин Рус. – Вы просто не трогайте Ленина-Сталина – это народные любимцы, вожди, герои. Не знаю, понимаете ли вы: золотое государство у нас было – СССР, по сравнению с Америкой, Англией, Францией. Ни одной проститутки, ни одного наркомана, ни одного безработного, ни одного голодного. Люди были веселые, все искали развлечений. А ныне у меня со двора старый тазик, щетку, проволоку украли «демократы». Все прячь, бойся... И вся эта «цивилизация» пришла с Запада».

Об этом письме не скажу пока ничего – сразу перейду к другому – от господина Дода. Он, по его словам, до сих пор не встречал обоснованного объяснения судьбы Советского Союза, поэтому вынужден обходиться своими сила-

ми. Прочитаю, что он пишет о последних временах сверхдержавы: «70-80 годы. В Советском Союзе происходит одновременно рост и упадок. Развивается военная промышленность и разрушаются все остальные отрасли. Неуклонно падает трудовая и государственная дисциплина, воровство и коррупция становятся движущей силой общества, снижается качество продукции, некоторые виды продукции население и предприятия не хотят покупать – заводы работают на склады. Нефтедолларов уже не хватает. Массы бурно надеются на демократию, а деловые люди осознают, что корабль тонет, и что надо прихватить сколько удастся. Наконец, происходит обвал. Именно потому, что он назрел, в стране нет сил, идей, лидеров, которые способны его остановить».

С этим письмом я согласен, а первое мне больше нравится. Так бывает. Не согласен, а нравится. «Люди были веселые, все искали развлечений...» А теперь «демократы» украли тазик со двора. А ты им, выходит, помогал.

Письмо из Петербурга (себя автор не назвал): «Нельзя не замечать, что вы делаете вид, что не ведаете, что надо России. Предлагаю вам вопрос. Возможен ли подлинный социализм? Что надо для этого?»

Постоянные слушатели радио «Свобода» хорошо знают наш ответ на этот вопрос. Подлинный социализм возможен. Это показал Советский Союз и подчиненные ему страны, продолжают показывать Северная Корея, Куба. О подлинности его свидетельствует, на мой взгляд, кроме прочего, то, что всюду он узнаваем, нигде ни с чем его не спутаешь. Социализм – он и в Африке был социализм, и в Восточной Германии, а уж какой разный человеческий материал использовался для его строительства. Ну, а что надо для подлинного социализма, сказано 150 лет назад: упразднить частную собственность. Все остальное приложится, как показал опыт, – и насильственное единомыслие, и бесхозяйственность, и уничтожение воробьев, как

в Китае, и запрещение генетики с кибернетикой, и рубка виноградников, как в СССР.

Письмо из Германии: «Капитализм, Анатолий Иванович, – это немножко не то, что вы о нем думаете. Капитализм – это изнурительная работа на грани физических и психических возможностей в рамках казарменной само-и дисциплины и закона для всех – от уборщицы до собственно капиталиста. Все, что не соответствует, означает, в конце концов, банкротство и крах. И ни Боже мой какой-либо романтики – только расчет и скотский труд. Решайте сами, насколько все это соответствует положению дел в России».

Мы тут посоветовались и решили, что положению дел в России это, пожалуй, не соответствует. Но соответствует ли это положению дел в той стране, где живет этот слушатель, – в Германии? Решайте вы, обращаюсь я к слушателям. Средняя продолжительность жизни женщин в Германии – 80 лет, мужчин – 73. Детская смертность – 6 на тысячу. Это второе место в мире. На первом – Япония. На Западе есть, конечно, обездоленные и недовольные. Есть обездоленные и, тем не менее, довольные. И есть вполне преуспевающие, но недовольные. Но человека, который утверждает, что тут жизнь всех, от уборщицы до капиталиста – это «скотский труд на грани физических и психических возможностей», надо поискать. Этот, правда, нашелся сам – и оказался переселенцем из Советского Союза. Мог бы – из Румынии, из Болгарии. Из Восточной Германии мог бы... Дело, видимо, в том, что перед переселением на Запад он настроился расположиться на берегу какой-нибудь молочной реки с кисельным берегом и был сильно разочарован, когда увидел довольно полное и быстрого, но, в общем, обыкновенного, порядком замурзанного трудягу по имени Рейн.

Пишет Наталья де Фрис из Голландии: «Я родилась и

выросла в Ленинграде, в очень большой нищете. Отца не видела никогда, до сих пор не знаю, кто он. А мама всегда говорила: «Скажи спасибо, что я тебя не отдала в детский дом». Утешением для меня была учеба, книги. В 1974 году я вышла замуж за голландца, с тех пор живу в Гааге, часто слушаю радио «Свобода», переживаю за вас, Анатолий Иванович, когда вам приходится отвечать на письма, написанные незнанием и предубеждением. Вы недавно говорили о западной прессе – как недовольны ею некоторые русские, оказавшиеся на Западе. Вот я здесь 23 года наблюдаю. Большинство голландцев, которых я знаю, не читают порножурналы по глубокому внутреннему убеждению. Хочу спросить сторонников цензуры разного рода. Что делает человеку больше чести: то, что он из-за брезгливости лишает себя всем доступного непотребства, или то, что он просто вынужден это делать по решению государства?»

Госпожа де Фрис, большое спасибо вам за письмо. Интересно, как вы думали 23 года назад, когда были советским человеком: так же, как сейчас, или вас изменила жизнь в свободном мире? Один человек заботится о своей душе, о своей чистоте – мысли другого заняты окружающими: как бы они не запачкались, как бы их оградить от греха. Обе эти породы есть всюду, но в свободном мире больше представлена первая. Мне кажется, что вы и 23 года назад были такой, как сейчас, иначе вряд ли вышли бы замуж за иностранца.

Госпожа Михайлова из Алма-Аты обращается к американцам: «В богатой стране, от избытка роскоши, к тому же, есть право на свободу слова, вы решили развлекаться: таскать Монику на беседы, на допросы, в суды, и тем более, мужчины, которые сами не святые – не устоите ведь, если перед вами появится какая-то Моника и будет вертеться, строить глаза, чтобы для цели! Все вы, мужчины, мазаны одним миром. Считаю, незачем вам терзать свое-

го президента. Лучше спросите у Моники, о чем она думала, когда льстила к нему, зная, что у него есть жена и дочь, и как дошла до жизни такой, что стала выставлять свое белье, чтобы доказать свое половое увлечение, позоря этим себя на весь свет. А мужчинам, которые ведут это дело, я пожелаала бы пожить в нашей стране, к примеру, при Сталине, да и сейчас – при некоторых президентах в СНГ».

Письмо от Мураза Халилова из Азербайджана: «Так как журналисты пишут, что Билл Клинтон имеет левые связи с женщинами, то передайте ему, пожалуйста, мою просьбу: пусть не мучает бедную женщину – свою жену. Я мог бы дать ему несколько советов, как делать такие дела без скандалов, естественно, демократическим путем. Когда я увидел по телевизору госпожу Хилари Клинтон и их дочку, то подумал: черт возьми, что еще человеку надо? Честно говоря, мне стало ее жалко. И когда смотришь телесериалы про ихнюю жизнь, становится жалко бедных американок. Жалеют ли они иногда наших женщин?»

Пишет господин Власов: «Мне 23 года. Закончил вуз (достаточно престижный, но считаю, что скорее занимался самообразованием). Воспитан в интеллигентной семье, в большом провинциальном центре. Я всегда, с детства, высшей ценностью считал личность. Я не буду служить в армии просто потому, что считаю свой образ жизни своей неприкосновенной собственностью. В крайнем случае, я (абсолютно серьезно) отрублю себе палец. Я не буду никогда поднимать кого бы то ни было на какую-либо борьбу. Я есть здесь и сейчас. Меня не волнует наша страна, я не знаю и знать не хочу, что такое патриотизм. Я буду предпринимать все усилия для того, чтобы из России вырваться туда, где в мой дом не будут вламываться в пять утра с автоматами. Пусть это случается с

теми, кто это общество составляет и поддерживает. Я не курю, терпеть не могу ненормальную лексику, не употребляю спиртного, не буду дымить на кухне в саркастически-обреченном ожидании, брызгая никотиновой слюной. На мой взгляд, в России сейчас две проблемы. Первая – проблема нескольких процентов нормальных людей. Как выбраться из ее пределов? Вторая. Как обезвредить первобытное, в сущности, общество, лишив его доступа к средствам массового уничтожения? Патологическая манера доверять верховную власть человеку с вязким полупробужденным интеллектом, человеку, не способному построить элементарное словосочетание, – эта манера, по видимому, сохранится у этого полумыслящего полународа надолго». Господин Власов считает, что мы плохо учимся в своей работе «информационные потребности интеллектуально развитой части молодежи», но заканчивает так: «В конце концов, когда я ночью прихожу с работы, я настраиваюсь на вашу волну, а обо всем остальном вам, видимо, легче судить в вашей же системе координат».

Спасибо, господин Власов, мы рады, что можем что-то предложить и такому требовательному слушателю, как вы. Даже Пушкин однажды гневно пожалел, что родился в России, а не где-нибудь, где чище и светлее. В каждой стране был свой Пушкин, и каждый говорил что-то подобное. Каждый. Вы можете встретить своего сверстника-американца, который подпишет под вашим письмом на «Свободу», только вместо «Россия» будет говорить «США», немца можете встретить такого (он будет проклинать, естественно, Германию), а сколько шведов!.. Рвется каждый из них, правда, не в Россию с постылой родины, а в другие страны, но рвется со страшной силой. Хотя бывает, что и в Россию, и прикипают к ней – заболевают Россией. Знаю австрийку, которая живет в Голландии, потому что не любит Австрию, знаю и голландца, который живет в Австрии, потому что ненавидит Голландию. Близко знаком с немцем, 20-летним анархистом,

который отказался не только от военной, но и от альтернативной службы, и в суде говорил то же, что и вы, слово в слово: «Считаю свой образ жизни своей неприкосновенной собственностью». Высокий, прямой, с длинной шеей, с голубенькими глазами... Мать только вздыхает, отец молчит, старший брат, инженер-строитель, посмеивается. Это злободневный и очень интересный разговор – о любви и нелюбви такого рода: к родине или к другой стране, к государству, к той или иной части соплеменников – например, к интеллигенции, к рабочему классу, крестьянству, к чиновничеству. Мне не попадался, правда, человек, который любит чиновничество. Один слушатель из Днепропетровска пишет на «Свободу» письмо за письмом об интеллигенции – как он ее презирает. Письмо за письмом... Во многих письмах упрекают меня: вы не любите Россию, вы не любите Украину, вы не любите Белоруссию. Или: вы любите Прибалтику, вы любите Чечню. Я забыл сказать, что тот слушатель из Днепропетровска – с высшим образованием, экономист, философ. Только что по электронной почте пришло письмо, автор которого пишет: «Не бойтесь, Анатолий Иванович, что вас заподозрят в любви к Украине». Такой осуждающий намек: не любите, мол, Украину. В истории русской общественной мысли видное место занимает фигура русского человека, который очень любит Россию и не только сам себя за это награждает особым орденом, но считает, что и общество должно его наградить. Из таких в сороковых годах прошлого века составила́сь целая партия, существует до сих пор. Теперь усилилась другая, тоже, впрочем, всегдашняя, крайность. Русский человек не любит Россию – и не только сам себе объявляет за это благодарность, но сообщает о себе на радио «Свобода», хочет, чтобы и мы его как-то отметили. Наследие «холодной войны»...

Письмо из города Немана Калининградской области:
«Меня зовут Маша. Мне 16 лет. Я учусь последний год в

школе. Моя мечта с детства – путешествовать. Любопытство сжигает меня изнутри, а душа рвется куда-то далеко. Мне подойдет профессия: журналист-путешественник, иностранный корреспондент, агент туристической фирмы и так далее. Но на эти специальности нужно заканчивать университет, а он платный. Моя мама десять лет болеет астмой и зарабатывает 170 рублей в месяц. Масло растительное стоит уже 15 рублей, хлеб – 2 рубля 80 копеек. Плата за обучение очень велика, еще обязательно надо давать взятки. Это тысячи долларов. Я вас прошу, ответьте мне, пожалуйста, что мне делать. Ведь вы общаетесь со всем миром. Может быть, что-то можно сделать. Я прошу вас ответить мне как можно быстрее, потому что мне нужно выбирать предметы для выпускных экзаменов. Я хорошо успеваю по информатике, географии, литературе, истории. Я боюсь умереть от голода. Есть скоро станет нечего. Моя судьба только в ваших руках, хотя надежда на спасение мала и, скорее всего я обречена всю жизнь мести мусор. Россия на карте мира – это черное пятно, трясина, уничтожающая все живое. Если вы мне не поможете, то я умру, умру в 16 лет. А я не хочу умирать от голода, холода. Почему внук Ельцина может учиться в университете, а я нет? Ведь я тоже хочу. Если я не вытаскую мать и сестру, их никто не вытащит. Сестре восемь лет, отец нас бросил, а наш дом разваливается. Это наш крик о помощи. Если вы его не услышите, никто не услышит. Здесь люди злы. Ответьте мне письменно, так как вам наши военные делают помехи, и ответ я могу просто не слышать. Если будете говорить обо мне в эфире, оставьте в тайне мое имя, фамилию, адрес. Люди у нас злые. Если мое письмо останется без ответа, то я просто ничтожна».

Это было письмо 16-летней школьницы из города Немана Калининградской области. Милая Маша, радио «Свобода» не в состоянии помочь ни вам, ни миллионам таких, как вы, в бывшем Советском Союзе. Что-то вам

советовать не поворачивается язык... Не хочется называть людей, которые бедствовали не меньше, чем вы, но благодаря трудолюбию, упорству, бодрости стали такими, что о них вам рассказывают на уроках. (Вряд ли, правда, добавляют, что каждому из них, кроме прочего, еще и повезло.) Скажу только, что я в ваши годы был примерно в вашем положении. Примерно – потому что в чем-то оно было лучше, а в чем-то и хуже. Лучше – потому что отец нас не бросил, а пропал на войне. Лучше – поскольку я жил в селе, на земле. С началом войны мать вернулась из большого города в родное село. «Я на землю тикала. Знала: возле земли не пропаду», – говорила мне потом. Хуже – поскольку я не мог, например, заняться мелкой уличной торговлей, это считалось частнопредпринимательской деятельностью, то есть, преступлением, за него сажали в тюрьму, даже не взрослых. Зато вокруг меня не было столько хорошо устроенных людей, сколько вокруг вас. Когда нищий подросток каждый день (хотя бы на экране) видит ярко благополучных людей, у него возникают такие чувства, которые могут искалечить его непоправимо. Меня это несчастье обошло. Помогло и то, что мать постоянно говорила: «Смотри не на тех, кому лучше, чем тебе, а на тех, кому хуже». Правда, красивая витрина исправно выполняет и другую работу. Она говорит человеку: «Хочешь это все иметь? Дерзай! Трудись, вертись, соображай, не падай духом!»

Письмо из села Илезский Погост Вологодской области от Николая Дмитриевича Рустановича: «По образованию я философ, окончил философский факультет МГУ, работал в институте философии, институте социологических исследований, еще где-то – и не удерживался нигде: и скучно было, и не по душе. Девятый год живу в вологодской глубинке. До ближайшей железнодорожной станции – 135 километров на двух автобусах. Народ здесь коренной, русский, устоявшийся в фамилиях и родовом отноше-

нии к жизни, к власти. Угасающий колхоз. Пьянство. Заработанное выдают мукой, телятами, поросятами, маслом или сигаретами, но с этим все хуже. На этом фоне: и две коровы в личном хозяйстве не редкость, и «видики» появились у многих, и автомобили уже не в диковину и не в зависть. Приделались люди за эти годы, не ходят в эковских телогрейках. К обвалу рубля отнеслись без паники. У кого есть деньги, закупают продукты впрок – сахар, муку, соль. У кого нет – и так проживем, на картошке хотя бы. В деревне жить – голодному не быть. Какая будет власть, как она будет властвовать, интересует немногих. Да, к демократам относятся плохо, но и к коммунистам не лучше, а если и получше, то ненамного. От пропаганды зависит, от установок местной власти. А на мой взгляд, лишь бы не коммунисты. Пройдет время и осознается: счастье – это жить без коммунистов. Упустили, не прищучили комунык после Августа-91, вот и пожинаем плоды мягкосердечия, в том числе и президентского. Вчера о свободе кричать торопились, а нынче смутились. Мечтаю о величии России. Мечтаю, чтобы величие ее росло и росло, чтобы выросло – дальше некуда. Чтоб лопнула она от величия – нормальной стала».

Русское пространство

Октябрь 1998

По электронной почте поступило письмо неизвестно откуда и от кого, автор указал только свое имя: Йонас. «Когда-то историческая наука в России, – пишет он, – отличалась исключительной глубиной и оригинальностью. Теперешние историки этого уровня еще не достигли, и произойдет это, видимо, еще не скоро. Все же одна глубокая мысль недавно прозвучала. В одной из последних передач радио «Свобода», выходящих под вашей редакцией, вы, Анатолий Иванович, сказали об особой сложности отношений между русским временем и русским пространством. Из-за монгольского нашествия Россия потеряла много времени и приобрела много пространства. С тех пор она только то и делает, что пытается наверстать время и не заплатить за это пространством, сказали вы. Таким образом, вы назвали главную причину очень многих неудач российской социальной и экономической политики, стратегическую причину. Как я понимаю, особая приверженность к пространству (пространственное отождествление) настолько глубоко сидит в русском сознании, что изменить тут что-либо невозможно. Когда ученица седьмого класса пишет поэму о дорогих ее сердцу камнях Курильской гряды, обливая тетрадку слезами, то это ярчайшим образом свидетельствует, что роковое пространственное отождествление уже произошло. Вообще, пространственное отождествление свойственно всем людям, только в разной степени. Когда оно преобладает, жизнь делается застойной. Но когда преобладает временное отождествление, когда люди думают не о том, как приобрести или удержать пространство, а только – как прищипить время, в которое они живут, тогда жизнь становится

слишком изменчивой, а значит поверхностной, лишенной устойчивости. История Европы знает все возможные варианты соотношения пространственного и временного отождествления, так что можно, видимо, с уверенностью сказать: пока пространственное самоотождествление России будет таким сильным, как сейчас, она не сможет устроить для себя достаточно интенсивную жизнь, то есть, жизнь, которая существенно и безостановочно меняет личность и общество, обеспечивает то, что называется структурной перестройкой в самом широком смысле. С добрыми пожеланиями Йонас».

Спасибо за добрый и содержательный отзыв на нашу передачу, Йонас. Исчерпанность экстенсивного пути развития была осознана в Советском Союзе еще при Брежнев, требование перейти к интенсивному развитию было вписано в постановление очередного съезда КПСС. Несколько лет подряд, вплоть до следующего съезда, об этом много говорилось. Звучало жутковато и обнадеживающе, революционно: все, дальше привычным путем идти некуда, больше нет хороших пустых земель, нет избытка рабочей силы, нет легкодоступных месторождений, жить за счет даров природы и мышечной силы, не считать затраты уже нельзя, выход один: брать не «колицтвом», а «кацтвом». Именно тогда появилось это выражение, объясняющее человеку с улицы, что такое экстенсивное развитие и что такое – интенсивное. Экстенсивное – за счет шири, пространства, за счет того, что в готовом виде лежит на пространстве – бери голыми руками и потребляй. Интенсивное – за счет глубины, глубины человеческой мысли, науки и техники, рачительности. Экстенсивное – нерачительное, интенсивное – рачительное. Нацеленность сознания на пространство толкает к использованию экстенсивных источников и способов развития, нацеленность сознания на время означает, что используются интенсивные источники и средства. Примечательно, Йонас, что как раз тогда, когда одна рука вписывала в партсъездовские доку-

менты требование интенсивного развития, мановением друтой руки был послан «ограниченный контингент советских войск» в Афганистан. Пространственное самоотождествление России праздновало очередную разрушительную победу над временным... Если бы человек, в сознании которого, как говорится в его письме, русская география простирается от Нила до Евфрата, от Ганга до Дуная, вник, сколько вреда России уже причинила и причиняет такая любовь к ней, он бы и сам вспомнил о муках ада, а не только меня призывал вспомнить.

«Добрый день или вечер, Уважаемый Анатолий Иванович! Пишет вам радиослушатель из шахтерского края Бабенко Анатолий Митрофанович. Мне 44 года, родился и по сей день живу в Дзержинске, это центральный Донбасс. А предки мои из Луганщины, из села Лимаревка. Дед был трактористом, тогда тракторы только начали появляться (те, со «шпорами»). Была коллективизация, тридцать третий год, голод. Шел сев. Трактористы варили себе кутью – подвешивали сумочку с зерном в радиатор и варили. С дедовым напарником случилось по тем временам непоправимое. Сумочка разварилась – лопнула, зерно забило радиатор, и трактор встал. Это было «ЧП». Приехала «тройка» из района и всех четверых: деда, его напарника, бригадира тракторной бригады и его помощника забрали и увезли, так и по сей день о них ни слуху, ни духу. Мой отец всю жизнь проработал на коксохимзаводе, во вредных цехах, на пенсии ему мало пришлось пожить. Мать работала на шахте, на погрузке угля, на выборке породы. Я работаю слесарем-водопроводчиком. Живу с матерью, она пенсии получает 58 гривен (и ту вовремя не платят), да у меня 150 зарплаты. Вот так и существуем. Анатолий Иванович, тезка, у меня к вам вот такая необычная просьба. Давно, хуже не придумаешь, мечтаю покурить трубку (натуральную), трубочного табачку, но в этой яме их у нас нет, а это мечта, можно сказать, всей жизни.

Анатолий Иванович, не могли бы ли вы, если можно, конечно, выслать мне трубку, ну, и хоть пачку табачку? На этом буду заканчивать письмо, кладу эскизы на трубку. До свидания, всего самого доброго».

В письмо вложено три... я бы не назвал их эскизами – настоящие рисунки, цветные, каждый на отдельном листе, на одном изображена сильно выгнутая трубка, на другом – слабо выгнутая, на третьем – прямая.

В одной из предыдущих передач я прочитал письмо от господина Власова (своего имени он не назвал) из Волгограда. Он писал, что ему 23 года, что он закончил вуз, что ему безразлична его страна, что он не знает и знать не хочет, что такое патриотизм, что его ближайшая цель – вырваться на Запад и что этого же хотят все нормальные люди в России, каковых, по его словам, несколько процентов. Я сказал, что человека (обычно молодого) с таким отношением к родине можно встретить везде, что такие люди были во все времена и что когда я читаю их письма на «Свободе», то ловлю себя на мысли, что они как бы ждут от нас награды за свое русоненавистничество – русофобию.

Господин Власов слушал эту передачу и прислал мне ответ. «Вы сравниваете, – пишет он, – казалось бы, сходные эмоции у представителей тех народов, которые между собой формально уравниваются лишь тем фактом, что все они представлены в ООН. В России в определенный момент общество типа европейского оторвалось от большей части популяции и развивалось достаточно самостоятельно и обособленно, тогда как народное большинство являло собою, в сущности, первобытное племя. В нем, например, в полном объеме сохранилось отношение ко многим бытовым актам как к ритуалам. Спиртное употребляется практически во всем мире, но только у людей общинного уровня развития, а в России сконцентрирована наиболее заметная их часть (господин Власов забыл об

Индии и Китае), совместное возлияние носит характер обряда, эквивалентного «трубке мира». Люди, не получающие зарплату месяцами, не умирают с голоду. Почему? В сознании русских общинников такие структуры, как массовое промышленное производство, не есть что-то, способное служить экономической базой. Городское население профессионально занято сельхозпроизводством на дачных участках. Вот здесь и корни безденежной экономики. Лишь затем появляется бартер, взаимозачеты и так далее. В принципе процентов из десяти населения России можно было бы построить нормальную компактную нацию европейского уровня. Но в силу утопичности такого проекта, я не вижу для них иного выхода, как разрыв с этой страной. Единственное, в чем мне хотелось бы убедить вас, Анатолий Иванович, так это в том, что не стоит путать нюансы национального характера с особенностями обществ разного развития. Если я живу во Франции, Германии или Канаде и вижу, что нарушается какое-то мое законное право, я обращаюсь в суд, а в России я этого сделать не могу. Вот и все, точка». Господин Власов подтверждает свое твердое намерение перебраться на Запад, чтобы, как он пишет, «в самой благоприятной перспективе наконец-то заняться наукой, той самой, которую, возможно, и начинаю формировать на стыке антропологии, лингвистики и кое-чего еще». Правда, на первых порах он «мог бы быть и поваром, и даже парикмахером».

О том, что в России огромный разрыв между верхами и низами, между образованными и необразованными, что они друг для друга – как разные нации (одно время и языки у них были разные, у низов – русский, у верхов – французский), говорят лет двести. Будем рады, господин Власов, если наука, которую вы начинаете, скажет об этом явлении что-то особенное, такое, чего ученый мир еще не знает. Наверняка не все сравнения российских установлений и обычаев с западными правомерны, согласен с вами, будем считать, что вы меня убедили. Есть даже

поговорка, довольно старая: «Что русскому здорово, то немцу смерть». И, однако же, русские постоянно этим занимаются, причем, чаще всего – в порядке самокритики. Вот я и откликаюсь (может быть, иногда невпопад) на такой их интерес к более удачливым народам. И скажу вам напоследок, господин Власов. Вы прислали на радио «Свобода» уже два письма о том, как вам безразлична ваша страна. Получить от вас и третье письмо об этом не хотелось бы.

Следующее письмо пришло по электронной почте, автор неизвестен: «Я не экономист, не политик, но, живя в России, где каждый день может перевернуть все с ног на голову, невольно всем этим заинтересуешься. Во всяком случае, чтение прессы подтолкнуло меня забрать деньги из банка и хоть как-то спастись от той инфляции, которая нахлынула после 17 августа. Сначала в это даже не верилось, казалось, будет просто подорожание. Деньги я обратил в доллары и положил под подушку буквально за неделю до рокового понедельника. Мы с женой накупили сразу же тушенки, сахара, чая и прочего необходимого продукта. Через неделю наступил ужас. Мы-то думали, обратной дороги нет, но её промостили буквально росчерком пера. В огромном магазине, витрины которого ломились от яств, по всем полкам теперь расставлены отечественные макароны и ничего, кроме них. Это страшная картина, Анатолий Иванович. Как будто возвратилась совдепия. Я работал в фирме, занимающейся автоматизацией на промышленных предприятиях. Заказы рухнули в один день, фирма практически распалась, и нет надежды на восстановление».

Автор этого письма задает мне много вопросов: о приватизации, о богатстве Березовского – как тот сколотил его, о девальвации рубля, о банковских взаимозачетах, есть ли у меня соображения по выходу из кризиса и по реформе в целом, «есть ли рецепты, как сделать, чтобы

заводы работали, не было неплатежей, все получали зарплату, чтобы хватало и на пенсии, и на социальное обеспечение?» Ни у меня, скажу этому слушателю, ни у радио «Свобода» рецептов нет и быть не может. Но вообще, в природе, они есть. Трудность в том, что существуют два «рецептурных отдела». Они между собою соперничают, иногда до крови. Какой из них побеждает, всегда и везде зависит от общества, от состояния умов, особенно в верхах. Один «отдел» говорит: делать надо то-то (например, жить стране по средствам) и добавляет: так делают там-то, и получается хорошо. Другой «рецептурный отдел» говорит: делать надо то-то (портить, например, монету – печатать пустые деньги), потому что мы уверены, что получится хорошо, а уверены потому, что больше, чем кто-либо, уважаем трудящихся. На вопрос: где так уже делают или делали и что получается или получалось, не отвечают, да этого вопроса в России и не задают. Первый отдел поднимает на щит свободного частника, второй – чиновника (употребляют слово «государство»).

Письмо из Киева: «Если бы ты знал, Анатолий Иванович, как противна мне, по сравнению с десятью заповедями Господними, возня вокруг богатства, власти, славы! Каким никчемным выглядит человек, который ради этого пытается обвести вокруг пальца ближнего. Чисто американское изобретение – уровневый маркетинг. Но живут они лучше всех не потому, что у них такой маркетинг, а потому, что они тверже других усвоили десять заповедей. Это чувствуется во всем – например, в событиях вокруг последнего любовного приключения первого человека в их государстве. Я не удивлюсь, если нарушение двух из десяти ему будет, в конце концов, вменено в вину».

Уровневый маркетинг – это такой подход к производству, благодаря которому автомобиль, например, есть и у богатого, и у бедного, у богатого – богатый, у бедного – бедный, но оба ездят, оба за рулем.

Анна Олеговна Ванина из поселка Плюсса Псковской области пишет: «Помню, как все зарубежные радиостанции назывались «вражьими голосами», помню, как у нас дома их тайно слушали. Я была тогда школьницей, воспитанной в духе преданности советской стране, и после каждой передачи «Свободы» или «Голоса Америки» долго не могла прийти в себя от дикого противоречия между тем, что вещали они, и что я слышала по советскому радио. Вам пишут, в основном, люди недовольные или обиженные. Я тоже могла бы написать о черной стороне нашей жизни: о государственном рэкете, о коррупции и воровстве в органах власти, о пьянстве и преступлениях в милиции, которая была когда-то такой для меня дорогой, а теперь стала источником повышенной опасности для населения (сама я более десяти лет прослужила в органах внутренних дел – от рядового до капитана), о том, как лихо закрывают рот честным офицерам – даже увольнение не спасает их от преследований. Но этим сейчас никого не удивишь. Написать я решила совсем по другому поводу. Меня, да и всех моих родных и знакомых возмущает и смешит, что такая могучая держава, как Америка, погрязла в мелких разбирательствах морального облика президента. Господа! Не делаете ли вы из мухи слона? Или у вас других проблем нет? Если это так, то примите мои поздравления. Те, кто воюет против господина Клинтона, не знали трудной жизни. Заелись они. Если так уж им плохо живется с таким президентом в такой стране, то кто же им мешает поехать пожить в Россию? Хочется сказать всем недовольным: господа, займитесь делом, не унижайте себя, не выставляйте свою страну на осмеяние! До свидания, с искренним уважением Ванина Анна Олеговна. Псковская область, поселок Плюсса».

Жалко, Анна Олеговна, что вы не удержались в милиции... Что касается американцев, то один отставной член российского правительства, видный демократ, недавно высказался о них еще резче. Отвечая на вопрос радио

«Свобода», он употребил слово «безумие». Не все наши слушатели с ним согласились. Вот что написал ему на наш адрес господин Лосев из Днепропетровска: «Этот ваш отзыв об американцах в связи с делом Клинтона-Левински свидетельствует, что вы ни черта не понимаете ни в политике, ни в экономике. Америка переживает сшибку. Я даже убежден, что это – точка бифуркации, момент истины. Не надо читать Вебера, чтобы знать: без протестантской этики дух капитализма не возник бы».

Прерву здесь господина Лосева. Протестантской этикой называют правила жизни, которых на заре капитализма строжайше придерживались христиане-протестанты (в современной России это, в основном, баптисты): бережливость, щепетильность в торговле и в денежных делах, отвращение к излишествам, ко всевозможным похотям. Честность – мать богатства, вечный пост – отец его. Так можно определить протестантскую этику, дух которой, по мнению этого слушателя, всего живее в Соединенных Штатах Америки – в стране, которую создали протестанты, бежавшие в Новый Свет от искушений Старого. На них похожи русские старообрядцы. Они, как известно, составляли цвет русского купечества. «Так вот, – пишет господин Лосев, – случай Клинтона-Левински – далеко не рядовой. Америка – это удивительная смесь протестантизма и прагматизма – не утилитаризма, не корысти, как, видимо, полагаете вы, а прагматизма по Джеймсу (неплохо было бы вам его почитать – единственный стоящий американский философ)». Автор обращается к одному недавнему члену российского правительства, демократу, который на волнах радио «Свобода» осудил американцев за их сугубое внимание к личной жизни президента Клинтона. Если прагматизм по Джеймсу объяснить одним словом, то подойдет здравомыслие, если двумя – здравомыслие и осмотрительность. «Сшибка состоит в том, – пишет господин Лосев, – что, с одной стороны, есть политика, обеспечивающая людям процветание, с

другой – налицо очевидная аморальность человека, проводящего эту политику. Ваше, господин бывший вице-премьер, отношение к этому в высшей степени потешно, но и печально – собственно, как и всегда в России: явный западник, но типичный барин, который у себя в поместье перепортил всех девок и в самом понятии «похоть» ничего страшного не видит. Неужели, в самом деле, ничего не произошло в американском Белом доме? Неужели это рядовое, по-вашему, событие: высшее должностное лицо, которое так себя ведет на рабочем месте?» Господин Лосев пишет об одной из болезней двадцатого века, выявленных философами едва ли не до того, как этот век начался: о голом интеллекте, о рассудке без чувств, об омертвлении чувств у людей, которые слишком напряженно или увлеченно живут разумом, одним разумом. «Надо хоть немного чувствовать свое положение, – обращается он к своему противнику. – Вы – обделавшийся реформатор, сидите по уши сами знаете в чем и обвиняете великий народ в безумии! Как родилось у вас в голове слово «безумие»? Вы перенесли свои барско-холопские установки на другую нацию, предполагая, что уж умнее вас нет никого. Они, мол, с жиру бесятся. Не безумие проявляют американцы, а прозревают, как после холодного душа, начинают понимать, что сексуальная революция завела их в тупик и что надо как-то выходить из него. Шум вокруг Клинтона-Левински – это самоочистительная работа общества. Конечно, мне жалко американского президента, но то, что сейчас происходит в США, – великое благо. Значит, Америка еще протянет».

Я читал из письма господина Лосева, жителя Днепропетровска. Слушатели спрашивают, что я сам думаю об этом деле, требуют не прятаться за «письма трудящихся», как сказано одним из них. Должен, прежде всего, согласиться с господином Лосевым, что разговоры о том, что американцы с жиру бесятся, – это разговоры внутренние еще не до конца свободных людей. Но тут есть, по-моему,

и другое. Такие понятия, как «личное дело», «частная жизнь» для этих людей уже не пустые. Сознание еще патриархальное, но оно уже считает себя демократическим. Это важный сдвиг – сдвиг на Запад. Не случайно и пишут именно на Запад, на радио «Свобода». На наших глазах сделан большой шаг вперед от советского коллективизма, советской соборности, которая, было время, и врачебную тайну отменяла – приказом самого министра (наркома) здравоохранения. Шаг большой, но сделан, правда, невпопад. Чем заниматься в служебном помещении, все-таки не личное дело должностного лица.

Петров Виктор Степанович: «Хочу и я поделиться воспоминаниями о прежних порядках. Работать я начал в 1973 году, был самым молодым в коллективе. Работа была очень ответственной, связанной с высоким напряжением. В семь тридцать утра я появлялся на рабочем месте и получал первый приказ: бежать в магазин за так называемым «биомидином». Главными заводилами были начальник и мастер, оба – коммунисты со стажем. К десяти утра все, кроме меня, были «мертвые». Большое начальство пьянствовало в облюбованных ими местах, мы пьянствовали на рабочих. Жена первого секретаря приходила в магазин, снимала пальто, одевала шубу и шла, не заплатив. Мы брали новые драгоценные провода и сдавали их в металлолом, меняли ремонтный материал на водку, и так – изо дня в день, годами. Я спрашиваю у всех, кто сохранил остатки разума и совести, – могло ли это продолжаться вечно? Результаты той жизни мы видим до сих пор, тем более что при власти все те же люди, поменяли только флаг, а часто и того не сделали. Вам пишут, Анатолий Иванович, что СССР был передовой страной. Спрашиваю этих «писателей»: почему же мы не могли выпустить такие автомобили, как Мерседес, Форд, Вольво? Даже горбатый «Запорожец» содрали до последней гайки со старого заграничного образца. Смотрю на страны, кото-

рые избавились от социализма, но продвинулись дальше нас. Что общее я вижу? Первое. Здоровый патриотизм. Второе. Отстранение от власти красно-мордых крикунов с лужеными глотками – таких, которые все эти годы зовут нас назад. Третье. Частная собственность, которой максимально содействует государство. Четвертое. Государственная борьба с завистью населения, с глупостью и хамством чиновников. С уважением слушатель радио «Свобода» со стажем, ныне безработный Петров Виктор Степанович».

Иван Лапоть из Качканара пишет: «Хоть и хотелось мне спать, но любопытство пересиливало сон, и я слушал вас, с перерывами, немного более месяца. Я понял, что вы – самый оголтелый промонархический голос из всех зарубежных радиоголосов. Вы, как я понял, вольны нести только монархическую чушь. Вы усердствуете, напоминая нам про кучи черепов, которые оставляли после себя «красные», словно «белые» были невинными ягнятами и не оставляли после себя таких же, если не больших, куч. Моей бабке единственный ее видящий глаз выхлестнул нагайкой белогвардейский офицер-каратель. Он допытывался у нее, где скрывается ее «красный» дед. Вы читали, наверное, что белогвардейцы на своих территориях создавали карательные отряды и шомполами или плетями «вкладывали ума» в некоторые мужицкие задницы. Или в вашей «свободной и объективной» печати такие факты не публикуются? Этот бабкин глаз для меня лично, как для Достоевского слеза ребенка, ценнее всех белогвардейских черепов и всего генеалогического древа Кольки Кровавого, останки которого захоронены недавно с такими почестями в Санкт-Петербурге. Можете противопоставить моему «субъективному» мнению свое «объективное», но, скорее всего мое письмо пойдет в корзину, потому как не вписывается мое «субъективное» лыко в вашу «объективную» строку».

Вполне вписывается, господин Лапоть, вполне. Среди «белых», как известно, было много монархистов – людей, которые хотели восстановить монархию, царизм. В России, как и везде, нет недостатка в людях, которые хотят что-то восстановить. Недруги Петра Великого хотели восстановить порядки его родителя. Недовольные освобождением крестьян хотели восстановить крепостное право, среди них были и крестьяне, особенно дворовые. Противники Сталина хотели восстановить, как они говорили, «ленинские нормы партийной жизни», а когда Хрущев объявил, что эти нормы им восстановлены, его противники, в свою очередь, захотели вернуть сталинизм. И так далее. Среди противников следующего президента России наверняка будут желающие восстановить ельцинизм. Естественно: кто сознательно против «белых», как вы, господин Лапоть, тот не может быть за царизм, за восстановление царизма. Но дальше вы рассуждали чересчур просто: раз радиостанция «Свобода», как вам показалось, обещает «белых», значит, она – за царя, за монархию. Радиостанция «Свобода» существует с лишним сорок лет, и вы, наверное, первый, кто объявил ее монархической. Все наши недоброжелатели ставили и ставят нам в вину доброе отношение к демократии – к «буржуазной демократии», как говорилось в советское время. Если вы еще немного нас послушаете, то убедитесь, что правы они, а не вы. Вместе с ними мы считаем, что демократия – очень плохая штука, но, в отличие от них, мы сознаем, что все остальные «штуки» еще хуже. Пожалуй, прочту и концовку вашего письма, господин Лапоть: «Я вас отлично понимаю, господин Стреляный. Лучше за сытный стол и мягкую постель в комфортабельной квартире или особнячке поливать грязью российское коммунистическое прошлое, воспевая царя, чем собирать объедки и обноски на богатых помойках «свободного мира». Но я вам не сочувствую, так как для человека разумного истина должна быть дороже булки с маслом. Бывайте здоровы, многуважае-

мый пан Стреляный, желаю вам «творческих» удач на вашем паскудном поприще».

Следующее письмо: «Дорогой Анатолий Иванович, мужик ты, видно, неплохой, хотя порой несешь такое заумнохитрое. Но вот твое радио недавно сравнило нас с Аргентиной. У меня аж в глазах потемнело от обиды. Да разве могли бы аргентинские конники с посвистом, с пашками наголо кинуть лозунг «Даешь мировую революцию!» Вот ведь где страсть! Запад? Да ведь не только холодильником «Бошем», забитым датской ветчиной, жизнь меряется. Века сгинут – ветчину никто не вспомнит. А как мы куролесили – вспомянут. Вот, допустим, Фолкленды. Англичанин как вдарил – и отнял. Я школьником тогда был, помню хорошо. А мы бы разве свои Фолкленды кому-нибудь отдали? Короче: может аргентинец мир завоевать? Да ни в жизнь! Немец и тот не сумел, хотя по части прецизионного инструмента нам сто очков вперед даст. А мы бы смогли. Да не хотим. Уже не хотим. Уже без надобности. Нам теперь внутри себя разобраться, кой-кому рыло начистить, инструмент хороший сделать, а пиво наше и так уже лучше (когда не воруют). Легковерные мы, конечно, с лентой, выпить не дураки, в затылке чешем, подрастерялись. Но духом-то мы еще могутни. Это только кажется, что мы перуанцы-мексиканцы какие-то. Ей-бо, кажется! Прости, Анатолий Иванович, бумага кончилась. Селиванов Юрий Авдеич, бывший слесарь шестого разряда, ныне вольный человек, 41 год».

Раньше, Юрий Авдеич, говорили не «англичанин вдарил», а «англичанка вдарила» – вдарила, и проливы остались за нею. Что-что, а удаль молодецкая и «перуанцам-мексиканцам» свойственна. Одного Фиделя взять, Че Гевару прибавить... В истории того континента – удалы на каждой странице, толпами разгуливают. Все, кстати, большие любители красного словца. А «посвист и пашки наголо» – это взято тобою у советских мастеров красного

словца. По легковёрности, тобою упомянутой... Не часто раздавался посвист, не часто обнажались пашки. Сшибались, в общем, неохотно, быстро разбегались, военные потери с обеих сторон – меньше полумиллиона убитыми. А миллионы пропали от болезней, от гриппа да тифа, да от мести победителей, и «белые» в этом отношении «красным» в подметки не годились, что бы ни говорил господин Лапоть из Качканара. То, какие чувства в нем кипят, ЧТО он делает со мною оружием слова, – лишнее подтверждение... А ведь восемь десятилетий прошло, не восемь месяцев.

Из Екатеринбурга нам пишет Елена Викторовна Кузнецова: «Ах, «Свобода», «Свобода», лукавая и кокетливая дама средних лет, желающая и все еще надеющаяся понравиться! Вы говорите, что Америка никого не грабит, что простые люди на Западе достойно живут и гордятся собой. Но позвольте задать вам вопрос: за счет чего или кого? Процент людей, населяющих «цивилизованный мир», – примерно 28, и они тратят на себя примерно 74 процента энергоресурсов, вырабатываемых на планете. В массе своей они об этом и не подозревают. Но неужели и вы, господин Стреляный, первый раз об этом слышите? Или не понимаете, что эти цифры означают? Не верю! Наше компрадорское правительство превратило Россию в донора этой системы. Если бы у истоков реформ стоял такой человек, как Лукашенко, а не Гайдар, то мир сейчас находился бы в глубочайшем кризисе (таковы были прогнозы) и внимательно изучал рекомендации Римского клуба. Но промыслу, господин Стреляный, было угодно дать нам тех правителей, которых мы заслуживаем. Мнится мне, что мое письмо прокомментировано не будет. Кузнецова Елена Викторовна. Екатеринбург».

Уважаемая Елена Викторовна, согласитесь, что Леонид Ильич Брежнев был по духу ближе к Лукашенко, чем к Гайдари, но и он не решился перекрыть кран. Наобо-

рот, при нем-то кран был отвернут до отказа. Советский Союз был не в состоянии обеспечить себя хлебом. Дело быстро шло к настоящему голоду. Выбор был такой: или выморить население, зато оставить Запад без советской нефти, или сделаться донором для «мира эксплуатации и угнетения» и сохранить в целостности и сохранности «новую историческую общность людей – советский народ». Брежневу сказали: Запад без нашей нефти как-нибудь обойдется, а мы без его хлеба и промтовара кончим наши дни на Лобном месте. Я сам держал в руках секретную бумагу такого содержания.

Вы спрашиваете меня, госпожа Кузнецова, понимаю ли я, что означают цифры, согласно которым расход энергии в богатых странах выше, чем в бедных. Эти цифры означают, что в бедных странах меньше городов, заводов, меньше автомобилей, стиральных и кухонных машин, холодильников, бассейнов, видеотехники, компьютеров и прочих механизмов, приборов и приспособлений. Что сказал 30 лет назад Римский клуб (так называется одно из международных ученых обществ – маленькое, но весьма почтенное)? Надо, сказал, беречь невозполнимые источники энергии, надо создавать менее прожорливые машины и приборы, чтобы топлива хватало всем – и развитым странам, и развивающимся, чьи потребности в топливе будут год от года возрастать. Иначе, пригрозил Римский клуб, западный мир может однажды остаться без грючки. Тут же нашлись люди, которые истолковали дело так, что богатые страны живут за счет бедных. Мол, сам Римский клуб это признал. Во-первых, из большинства бедных стран выкачивать нечего. Насыщенные нефтью страны – отнюдь не самые бедные. Во-вторых, нефть никто ни у кого не берет за так. Причем, нефть бедных на мировом рынке стоит столько же, сколько и нефть богатых. В бедных странах, включая Россию, потребляют большую часть хлеба, выпекаемого в мире. Могут ли богатые сказать, что бедные их объедают? «Мы работаем, а

вы наш труд ядите», – по вашей логике, Елена Викторовна, можно так сказать... В России выпивают известное количество горячительных напитков, в том числе покупных. Можно ли сказать, что Россия «обпивает» те земли, где пьют меньше? По вашей логике, можно. Оттого, что некоторые российские слушатели радио «Свобода» считают европейцев, американцев, японцев захребетниками, последним ни холодно, ни жарко. Хуже тем, кто так считает. Такими разговорами, такими письмами они сами себя расхолаживают, расслабляют, разоружают перед жизнью. Человек, опустивший руки, одну из них скорее поднимет за «батюку», который будет выдавать ему один кусок туалетного мыла, зато два – хозяйственного. Тому, кто впал от зависти в уныние, кто потерял веру в себя и в свою страну, трудно, конечно, поверить, что в Африке мало потребляют не потому, что много потребляют в Европе, Америке или Японии, а просто потому, что африканцы бедные. Почему бедные – разговор особый: не очень высокий уровень образования, не превосходная организованность, люди притерпелись к орде своих вождей и чиновников – к опеке, к поборам и произволу, притерпелись ко всему, что сковывает волю и почин.

«Пишет вам моряк-«подфлажник» Корчинский Сергей Анатольевич. Работаем мы на судне под Бермудским флагом, между Англией и Голландией, капитан – ирландец, восемь украинцев, один русский. Зарплата регулярная, по береговым меркам, нормальная, питание приличное, грех жаловаться. Я давно слушаю радио «Свобода» и, что немаловажно, все время пытался быть вашим оппонентом, но это у меня не получилось. Признаюсь вам в этом, хотя и понимаю, что некоторые трудящиеся из стран СНГ обвинят меня, как и вас, в пособничестве Западу. Стремление обвинять заложено в них генетически, в этом я за сорок лет своей жизни убедился вполне. К счастью, это не относится к нашему экипажу. Средний наш возраст

– тридцать четыре года, люди жили и «там», и «здесь», то есть, и при советской власти, и после нее. Такому возрасту принять переход от одной формации к другой легче, чем ребятам постарше. Мне тут пришла в голову одна мысль. Зачем людям Запада так беспорядочно тратить свои деньги на страны СНГ? Может быть, лучше организовать «План Маршалла» на современный манер? Пятилетку по-капиталистически... После войны Европа, благодаря этому плану американской помощи, быстро совершила колоссальный подъем своего хозяйства. На мой «выпуклый» глаз, мы отстаем от Европы в чем-то на 30 лет, в чем-то на 50. А бедные соседи, как известно, ничего, кроме проблем, не несут. Не знаю, Анатолий Иванович... Может, мое мнение примитивно, у меня не хватает образования, чтобы не выдумывать велосипед, но вдруг, все-таки, найдется светлая голова, которая увидит в моей идее рациональное зерно? С уважением Корчинский Сергей Анатольевич. Голландия».

Светлые головы, прежде всего, российские, давно, Сергей Анатольевич, прикидывают разные выходы для России, в том числе и похожие на план Маршалла. Считается, например, что ей могло бы помочь прямое валютное управление, которым интересуются некоторые слушатели – просят рассказать, что это такое. Запад вынимает из дела какую-то сумму денег (несколько десятков миллиардов долларов) и замораживает её на особом счету. Под ручательство этих денег Россия печатает свои. Международный комитет следит, чтобы не было выпущено ни одного не обеспеченного рубля. Это и называется прямым валютным управлением. Смысл его в том, чтобы дать стране деньги, без которых она задыхается, и в то же время не позволить правительству портить монету, чем оно занимается в настоящее время. Но в таком случае резко сужается простор для чиновничьего воровства и произвола, для кумовства, взяток, всяческой «халявы». Думское большинство называет это потерей государствен-

ного суверенитета. Есть и другие планы. Короче, Сергей Анатольевич: как сделать, чтобы деньги потекли не из России, а в Россию, как сделать, чтобы миллионы жителей России обрели собственность и захотели или были вынуждены честно извлекать из нее прибыль и вкладывать ее в дело, без чего она будет бедствовать вечно, – светлые головы давно знают. Беда в том, что их знания не нужны обществу. От светлых голов отстаёт любое общество. Но одно отстаёт меньше, другое – больше, а третье – настолько, что... посмотрите, кто правит в Белоруссии, за кого готово голосовать большинство в России. «Народ, к сожалению пассивен, – пишет Иван Васильевич Коваленко из Хмельницкого, – и идет на поводу у тех, кто похлеще врет и обещает. Благодаря этому имеем то, что имеем. В этом наша трагедия».

Письмо без подписи: «Вопросы лично Стреляному на засыпку. Почему население России, «измученное долгими годами лукавой советской коммунистической диктатуры», предпочитает не предтечу «среднего класса» Явлинского, а до сих пор больше доверяет Зюганову и его КПРФ, Жириновскому, мудрой номенклатурной основательности Черномырдина? Почему в ходу генерал-неандерталец и пройдоха-хозяйственник, который прижимает «тоже людей» – кавказцев и требует Севастополь? Почему так ведет себя население России?»

Темное потому что. Так отвечают на такие вопросы, не скажу что многие, но и не некоторые наши слушатели. А сам я вспоминаю покойного главного редактора газеты «Московские новости» Лена Карпинского. «А почему в шаге только один аршин, а не два?» – любил он отвечать вопросом на подобные вопросы.

«Ведет нас Берия...»

Ноябрь 1998

Читаю письмо от одной домовладелицы из Краснодарского края: «В мое отсутствие мой сосед вывез из-под глухой стены моего дома несколько тонн грунта, понизив уровень земли за отмосткой примерно на полметра. Потом заложил оголенную землю слоем кирпичей в одну толщину, как при облицовке. При этом общий уклон земли в его дворе теперь идет по наклонной к моему дому, с тем чтобы при дожде и снеге все стекало к моей стене. На мои жалобы исполком реагирует так: приходят и уходят, дав совет не ссориться с соседями».

Из Праги, да еще не будучи строителем, мне трудно что-либо сказать по существу дела, но что-то в этом совете, по-моему, есть. С соседями лучше не ссориться.

Владимир Хохряков из Москвы: «Родился я и вырос в Москве, жили на Старой площади, рядом с ЦК, и с детства никакого трепета перед властями я не испытывал. Мы носились по переулкам вокруг ЦК и по самой площади. В семидесятые годы все огородили, проходы закрыли. Мы стреляли из окон в милиционеров горохом, а они просили нас познакомить их с нашими сестрами. Сразу после школы я поступил в химико-технологический институт – химия была в моде. После института и армии взяли в академический НИИ инженером. Начал работать, сдал кандидатский минимум, а «мэнэса» не дают, говорят, еще рано. Три года проходит – рано, пять – рано. Зарплата – 130, жена денег требует, не желает ждать, когда я большим ученым стану – ей сейчас сына растить надо. Рядом люди позже меня начали, а уже защитили свои диссертации – как же так? Ну, говорят, ты себя с ними не ровняй, ты безотцовщина, у тебя мать – простая переводчица, а у

этого отец в ЦК, у той дед – академик. Без блата семь лет «диссер» делают, такой порядок. А тут отпуск, – продолжает автор, – байдарочный поход, в то время научная молодежь увлекалась водным туризмом, а я, к тому же, фанатично люблю рыбалку. Сажу я в байдарке на озере, рыбу ловлю. Вечер теплый, тихий, клюет с заброса, прямо рай. Ко мне яхта подходит, такая сборная, якоря бросила, тоже рыбачат. На яхте приемник работает и мужской нормальный голос, не счастливый, как у наших радиожурналистов того времени, а нормальный, рассказывает о положении в советской науке. Кумовство, семейственность, толковых ученых со своим мнением выдавливают, из молодых все соки выжимают и себе докторские кропают – в общем, то, что я сам знал, но о чем не особенно задумывался. Не сразу, конечно, но из науки после этой передачи радио «Свобода» решил я уходить – чего на дядю здоровье гробить. А тут одна однокашница в наладочную организацию устроилась и меня зовет: командировки по всей стране, зарплата – 160 плюс 40 процентов за невыполнение плана на 2 процента (откуда сорок за два, я понять не мог, но когда деньги платят, думать не хочется – думать начинаешь, когда их не платят). Командируют тебя на месяц, а ты план за неделю сделал, командировку нужным числом отметил, и гуляй три недели. Секретарше привези из Москвы пару пачек сливочного масла или апельсинов килограмм – она тебе какое хочешь число поставит. 12 лет жил я такой жизнью и, если бы не перестройка, до пенсии доработал бы. Когда хорошо, то время летит незаметно. За эти годы я увидел весь размах нашей бесхозяйственности... Но зато, если не высовываться, можно делать что хочешь: работай или не работай, на ком хочешь женись и столько раз, сколько сможешь, лови рыбу, стреляй дичь, руби деревья. И вот началась перестройка, кооперативы разрешили, мы на работе быстро смекнули и стали деньги зарабатывать – не план делали, а работали на всю катушку, ну, и получали в 5-6 раз боль-

ше. Так поверилось, что светлое будущее наступило, что я обзавелся второй женой, двумя детьми, собакой и зажил, как король. Но продолжалось это недолго: какие там наладочные работы, когда рабочим зарплату платить стало вдруг нечем? Вот тут я нахлебался горячего. В 1992 году пошел в кочегарку машинистом парового котла четвертого разряда, затем – малое предприятие, заместителем директора, снова – кочегарка (пятый разряд), затем – начальник участка на строительстве пивзавода – денег не хватило, стройку заморозили и опять – кочегарка, начальник смены. Кочегарка оказалась самым надежным местом. Словом, Анатолий Иванович, за эти годы я прошел суровую школу. Главное, что я понял: надежнее всего в жизни рассчитывать на себя и на Бога и ни в коем случае на власть и начальство. Из состояния известного домашнего животного, которое кормят, стригут, доят и, когда надо, пускают под нож, переходим в свободное. И состояние тоски и беспомощности постепенно выветривается, а становится весело и интересно. Какое-то странное чувство возникает: и жить охота, и помирать не страшно. В стойло обратно не хочется. Мне кажется, одна из причин, по которой мы медленно движемся, – тоска по той бесшабашной жизни, что мы вели много лет – я думаю, с 1953 года. Хочется быстрее. Ваша передача этот процесс отчасти ускоряет».

Очень большое письмо, заканчивается так: «Анатолий Иванович, я писем не писал с 1974 года, а тут сел и написал на одном дыхании. Взял тетрадку у сына, положил перед собой пачку сигарет... Рука как деревянная, спину ломит... Вот такая получилась моя «Россия вчера, сегодня, завтра». Спасибо за письмо, Владимир. У меня давно заготовлено соображение по поводу таких писем, остается только вставлять его в подходящих случаях, словно готовую записку. Соображение следующее: судьба России зависит от того, каков удельный вес людей вашего пошиба в ее населении. Если достаточный, значит, все будет в порядке.

Социолог Татьяна Кутковец считает, вернее сказать, высчитала, что – достаточный, только никак вы, говорит она, не можете выдвинуть из своих рядов, выродить, вылепить себе (или набрести на готового) вождя-тяжеловеса, который положил бы на лопатки всех, кто сегодня на «президентском» ковре. Кто-нибудь вроде Андрея Сахарова средних лет нужен этому слою, говорит Татьяна Ивановна.

Пишет Геннадий Георгиевич Багуто, инженер-технолог по металлу: «Горбачев, чудака, решил, что нам не хватает демократии, тогда как на самом деле не достает нам дубины. Знаю, Анатолий Иванович, что вызову у вас неприязнь и едкие замечания, на которые вы мастер, однако давайте глянем в историю и мы увидим, что только тогда Русь поднималась, когда к власти приходил человек с палкой – будь то Иван Грозный, Петр Великий или даже Иосиф. Они и только они делали нашу державу великой, в остальное же время она влачила жалкое существование, и с ней никто не хотел считаться. Потолкайтесь в городском транспорте, и вы услышите настоящий голос народа, который говорит об этом и тоскует о «сильной руке». Таков уж менталитет наш – восточных славян. Работать нас надо заставить, иначе мы будем носить лохмотья, но с печи не двинемся... Вашу передачу буду продолжать слушать, что бы вы там ни выдумывали про нас, буду радоваться, когда наши мысли совпадают с вашими, и отчаянно спорить (конечно, молча), когда вы городите чепуху».

Так чего вы все-таки хотите, Геннадий Георгиевич (и ваши собеседники в городском транспорте): хорошей жизни или державного величия? Для чего желаете вы быть свергнутыми с печи и привлеченными к труду под присмотром Великого Человека с дубиной? Что вы хотите изготавливать? Сначала вы говорите, что свергнуться с печи вам охота, чтобы сделать страну по-сталински великой, потом – чтобы малость приодеться. Но ведь выбирать-то

до сих пор приходилось одно из двух. Что выбирали, известно. В конце концов оказалось, что человек в лохмотьях больше не способен поддерживать державное величие, надо его приодеть. Вот Горбачев и стал чесать в затылке. Как приодеть советского человека, если хороший «прикид» из-под палки сделать невозможно? В городском транспорте можно услышать немало интересного, но самое интересное там – сказка. В чем особенность сказки? В ней ничто не стыкуется и в то же время все стыкуется. Опыт говорит: Иван Грозный не сделает тебя сытым и хорошо «прикинутым», а мечта, а сказка отвечает: ну, как же не сделает, если он мне нравится, если я хочу, чтобы он как раз для этого согнал меня с печи!

О своей судьбе рассказывает Игорь Николаевич Пинчуков. Подростком он был вывезен из Советского Союза в Германию, в конце войны ненадолго прибился к одной американской воинской части, был то, что называется «сыном полка», в 1946 году, по воле советского правительства, а не по своей (это он подчеркивает в письме) оказался на родине, в Киеве, там ему не понравилось, решил пробиться на Запад... Первый срок, таким образом, молодой человек получил, после четырехмесячного следствия, за попытку перейти границу. Дали ему три года, по отбытии которых в Степлаге без суда прибавили еще десять, вскоре – еще десять. В свое письмо Игорь Николаевич вложил копию документа под названием «Приговор именем Союза советских социалистических республик». Читаю: «18 июня 1952 года Лагерный суд исправительно-трудового лагеря Степного в составе: председательствующего Дюдяева и народных заседателей Яблокова и Горюнова при секретаре Гоковой без участия обвинения и защиты в закрытом судебном заседании в расположении третьего лаг-отделения рассмотрел дело по обвинению Пинчукова Игоря Николаевича, 1928 года рождения... Материалами судебного следствия суд установил, что под-

судимый Пинчуков систематически среди заключенных проводил антисоветскую агитацию, направленную на восхваление политического строя Соединенных Штатов Америки, их культуры, искусство (так в документе) и техники, клеветал на советскую действительность, возводил клевету на советское правительство... изготовил и пытался направить в министерство государственной безопасности СССР документ резкого антисоветского и провокационного содержания...» И так далее. «Суд приговорил Пинчукова Игоря Николаевича к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на пять лет... Вещественное доказательство – документ антисоветского содержания оставить при деле до вступления приговора в законную силу, а затем уничтожить».

В сегодняшней почте радио «Свобода» есть письмо, подписанное двумя буквами: «С.П.»: «Если в передачах радио «Свобода» никогда не звучит положительное слово в адрес прошлого Советского Союза, то о какой объективности можно вести речь? Ее нет, а есть предвзятое и недоброжелательное отношение не только ко всему советскому, но и ко всем советским, совкам. Для вас люди, подобные Буковскому, – герои, а с нашей точки зрения, такие люди являются шпионами, преступниками, да еще и предателями».

Сейчас чаще пишут: не «ко всему советскому и ко всем советским», а «ко всему русскому и ко всем русским». Господин Пинчуков и другие слушатели похожей судьбы обратят внимание на то, как автором этого письма решается вопрос о шпионах. Есть точка зрения, что вы шпион, значит, вы и есть шпион. Автор другого письма пишет о Зюганове. Зюганов, как известно, считает большой неудачей человечества то, что Сталину не хватило нескольких лет, чтобы сталинизм в Советском Союзе стал необратимым. Об этом говорится в одной из зюгановских книг. Слушатель обращает внимание на то, что свою

мысль Зюганов подает как научную. Зюганов доктор наук и действительно пишет языком обществоведа. Он считает, что под водительством Сталина Советский Союз почти превратился в особую, самую передовую, цивилизацию. Сталин умер в 1953 году, а приговор Игорю Николаевичу Пинчуку был вынесен в 1952-м, когда Хрущев еще не приступил к уничтожению этой цивилизации.

Ленинско-сталинской цивилизации посвящено и письмо господина Дубровского из Тульской области. Он насчитывает в ней 28 явлений и особенностей, затем пишет: «На этом хотел бы остановить свой перечень, но случайно попадаете в руки газета «Мир новостей» от 17 октября 1998 года и на странице пятой читаю, что под руководством Дзержинского в 1919 году были созданы концентрационные лагеря и установлена коллективная ответственность граждан за преступления, совершенные отдельными лицами. Так, за порчу железнодорожных путей, вокзалов, сооружений привлекались к коллективной ответственности граждане, проживающие в пятнадцатикилометровой полосе вдоль железных дорог».

Перехожу к письму, которое не хочется читать, но нужно, потому что так, как этот слушатель, думают многие в России. Не всё письмо, а следующее место из него (автора не называю, да он, кажется, и сам себя не называет – письмо подписывается, по-моему, выдуманной фамилией: Невменяев, электромонтер пятого разряда): «По радио «Свобода» русским языком было сказано, что созданная по распоряжению демократически избранного президента Чили «Комиссия по правде и примирению» опубликовала доклад, в котором содержится описание и официальная оценка всех случаев нарушения прав человека в 1973-90 годах. В нем говорилось, что за это время в Чили было уничтожено 2279 человек. Две тысячи двести семьдесят девять, – повторено в письме это число прописью. – Из них 164 стали жертвами во время облав и разгона мани-

фестаций, 2115 человек погибли от рук агентов спецслужб и военных. Комиссия заявила также, что Альенде покончил самоубийством. Сразу после этого сообщения ваш ведущий говорит о тысячах погибших на стадионе в Сантьяго. Какие такие тысячи, мать-перемать? На каком таком стадионе, черт побери?! За все годы правления Пиночета были подвергнуты изоляции (интернированы) и выпущены к чертям собачьим на свободу 130 тысяч человек. 2279 «красных» ублюдков прикончил – и это самый кровожадный монстр двадцатого века! Да еще, к тому же, выгатаил страну из дерьма – ну, это вообще сволочь, за это его надо проклинать последними словами».

Трудно согласиться не с тем даже, ЧТО говорят такие слушатели, как автор этого письма, а с тем, ЧТО они хотят сказать. Дело не только в том, ЧТО они задним числом разрешают Пиночету в Чили, а в том, ЧТО они разрешают российскому Пиночету в России, если он появится, идя навстречу пожеланиям этих трудящихся. Сразу надо сказать, что крови ради крови они, в отличие от генерала Макашова и макашовцев, не жаждут. Они жаждут нормальной жизни. «Я, – пишет Невменяев, – это третье поколение не каких-нибудь людей, а советских, и бизнесмен из меня никакой, пробовал – ничего не вышло. И я тем более укрепился в своей приверженности капитализму. Потому что исполнитель, то есть, рабочий или служащий, я не самый последний, и знаю, что только при капитализме мог бы получать за свое добросовестное исполнение пусть не пять долларов с лишним в час, а хотя бы два. Вместе с моими соотечественниками я твердо знаю, что никогда, никогда, никогда наша красная падаль не сумеет сделать так, чтобы тот, кто желает честно трудиться, получал свою тысячу долларов в месяц. Над нами довлеет проклятье. Четвертое поколение уже пошло, и конца этому бардаку не видно. Душат и душат, грабят и грабят. Скоро в лаптях, бля, пойду! Единственная надежда была на капитализм в России, но его все нет, а кому-я-

ки есть. Этого дерьма всегда в избытке. И поэтому, когда вы, радио «Свобода», выражаете сомнение в необходимости Пиночета для России, а красные тем временем возвращают ее в социализм, вы должны помнить, что говорите вы это уже четвертому поколению людей, доведенных до иступления и могущих пойти на все, на все, на все, чтобы дойти до нормальной зарплаты».

Человек, который пишет на радио ТАК, не относится к числу иступленных, он, по-моему, вполне вменяемый, хоть и подписался «Невменяемым», поэтому можно все-таки надеяться, что он правильно нас поймет. Мы говорили, говорим и будем говорить простую вещь: население, которое иступленно идет на ВСЁ, дойдет до чего угодно, только не до нормальной зарплаты. То же самое и правитель – идущий на все правитель – доведет страну до чего угодно, только не до нормальной зарплаты. Пример Пиночета этого положения не опровергает. 2279 сторонников Альенде были убиты не потому, что иначе нельзя было покончить с чилийской разновидностью социализма. Не для того они были убиты, чтобы обеспечить хозяйственную свободу в стране. Люди погибли в быстротечной, но жестокой гражданской расправе, в борьбе за власть, они стали жертвами озлобления и произвола. Когда электриком пятого разряда Невменяев призывает срубать «красные» головы в России, он вольно или невольно исходит из того, что по-другому их обезвредить невозможно. Но в том-то и дело, что возможно. Российские законы это позволяют, у власти и общественности достаточно сил и средств. Надежда на российского Пиночета – это все та же надежда на чудо, на панацею, на палочку-выручалочку. Ну, и невзрослая увлеченность крайними мерами, высшими мерами. Зачем хвататься за топор или дубину, зачем превышать предел необходимой самообороны, если достаточно взвешенной опеухи?

Из Десногорска Смоленской области пишет Людмила

Павловна Каменева. Она инженер-атомщик, работала на Смоленской атомной электростанции: «Я считаю, что Ельцин совершил три ошибки. Первая. Распустил в 1993 году Верховный Совет, а вслед были распущены местные советы. В тех советах было много людей, верных реформам и солидарных с президентом, но он одним махом от них избавился, растоптал то, что некоторые из нас начали делать на местах. Я в тот период возглавляла депутатский комитет по защите прав человека. Вторая его ошибка. Чеченская война. Борис Николаевич не захотел слушать мудрых людей, которые ему говорили, что ни при каких условиях нельзя бомбить свою собственную страну. Третья ошибка. Он не заставил МВД, ФСБ, прокуратуру работать на реформы. Это что касается президента, теперь – что касается народа. Считается, что наш русский народ озабочен вопросом: «Что делать?» А я уверена, что, в большинстве своем, он озабочен другими вопросами: «Где взять?», «Кто даст?» и «Почему не дает?» Люди власти привыкли говорить народу, что он хороший, талантливый, трудолюбивый, но никто не говорит ему, что: «развалили», «разворовали», «не платят зарплату», «ходят на работу, чтобы получать деньги ни за что», «не хотят работать на земле» – это все тоже народ. Угодники, тунеядцы, клеветники, завистники, подавляющие умелых и честных, – это тоже народ. Люди, позволяющие управлять собою хамам, вора, прохвостам, – тоже народ. Макашов кидает в публику свои хамские, человеконенавистнические речи. Кто-нибудь из народа одернул его? Зюганов взял погромщика под защиту. Кто-нибудь из народа одернул Зюганова? Я писала уже об ошибках Ельцина. Но кто сейчас забрасывает его камнями, кто затравливает его злобными лозунгами? Сначала скажу, почему это делают. Потому что он дал им свободу делать это, они его как бы наказывают за это. Это психология толпы, которая берет сегодня верх. Толпа его травит, Анатолий Иванович, толпа, хоть и называется Государственной думой,

партиями, движениями, газетами! А где же народ? Кто остановит этих злобных, опасных для самих себя людей, на которых мне жалко и горько смотреть – дожили до седых волос, а умнее не стали?»

Я читаю ваше письмо, Людмила Павловна, и вспоминаю Верховный Совет осени 1993 года. Это она и была – толпа злобных, опасных для самих себя людей, на которую, впрочем, сильно смахивает, по словам многих наших слушателей, и нынешняя Государственная дума. По-моему, вы правильно описали то, что она делает в последнее время с Ельциным. Травля заразительна. Только что мы получили Обращение, принятое в Екатеринбурге, как сказано в препроводилровке, «на митингах инвалидов и ветеранов всех войн». Обращение к Генеральному прокурору России. Просят «возбудить уголовное дело против виновников чеченской войны: президента Бориса Ельцина и бывшего министра обороны Павла Грачева». Не знаю, на скольких митингах принималось это обращение, но в препроводилровке не сказано, нашелся ли хоть один человек, который сказал бы: «Позвольте, господа-товарищи! А где мы с вами были под новый 1995 год? Где были весь тот год?»

Александр Кирпичников из Петербурга прислал свою книгу «Взятка и коррупция в России». В ней говорится две, на мой взгляд, важные вещи. Первая: «Коррупция в советской России окончательно разложила командно-административную систему. Она превратилась в окольный путь возрождения общества. Эгоистический интерес коррупционеров коммунистического общества вольно или невольно пробивал окно для частных устремлений каждого». И второе положение: «Коррупция – это объективная реакция зажатого рынка на непомерное вмешательство государства в экономику. Чем меньше государство будет регулировать рынок, тем меньше возможностей у чиновников для взятки и воровства».

Другими словами, взятку можно победить только одним способом: сделать так, чтобы человеку дела не нужно было обращаться к госчиновнику, лишить того хотя бы самых «хлебных» полномочий.

Некоторыми воспоминаниями делится с радио «Свобода» Борис Павлович Волин из деревни Иконниково Красносельского района Костромской области: «В свое время я как-то имел счастье беседовать с одним из очень высоких советских государственных деятелей. Он совершенно серьезно поделился со мной заботившей его проблемой: «Мы сейчас думаем, как бы оградить Москву от вывоза колбасы». Представляете, какие заботы были у нашего дорогого правительства?» О своей жизни в Костромской области господин Волин пишет так: «Находясь в «красном поясе», постоянно чувствуешь себя одиноким волком среди красных флажков. Зайдя в сельсовет, райисполком, редакцию газеты, видишь номенклатурного прыщца, который сидит под портретом «вечно живого» или «отца родного». Борис Павлович припоминает «Гимн чекистов»:

Чекисты мы, нам партия доверила
беречь родной советский дом.
Вперед, за Сталина! Ведет нас Берия!
Мы к зорям будущим уверенно идем!»

12 лет, с 1942 по 1954-й, Борис Павлович служил в армии. Подробно описывает, с каким багажом демобилизовался: «Я умел хорошо бегать, маскироваться на местности, строго соблюдать правила воинской вежливости в отдании чести. Я умел хорошо стрелять из винтовки Мосина образца 1891/1930 годов, у меня навсегда отпечатались в памяти номер моей снайперской винтовки – 130532, из которой я уничтожил 55 фашистов, и номер комсомольского билета – 2587020. Я знал, что вес винтовки 4 с половиной килограмма и что ребра на штыке служат для прочности, а не для стока крови. Я знал, что такое воинский строй, шеренга, колонна, интервал, ряд, что такое караул,

пост, часовой – что ему запрещается петь, плясать, курить и отправлять естественные надобности. Наизусть знал четыре постулата диалектического материализма...» Перечень знаний и навыков, которыми автор владел после двенадцати лет армейской службы, в пять раз больше, завершается он так: «К сожалению, весь этот мой багаж на гражданке не стоил ломаного гроша, особенно постулаты».

Александр Рымарёв из Латвии в целом доволен нашей работой, но высказывает пожелание: «Поменьше грязи на Лукашенко. Не стреляйте в пианиста, парень зарабатывает на хлеб, как умеет. Я бываю в Белоруссии, там очень хорошие люди, и их всех искренне жаль. Но это искусственная страна. Нет ни идеи, ни лидеров, все другие – только хуже, а этот хоть что-то делает, как умеет».

Спасибо за добрые слова – их много в вашем письме, Александр, но в следующем письме покажите, если можно, на паре примеров, ЧТО вы считаете грязью, которой мы обливаем белорусского президента. Я вот думаю, что скажут его почитатели о вашем письме. Разве не скажут они, что оно представляет собою не что иное, как этот самый ком грязи? Вместо того чтобы написать, что вы завидуете белорусам, вы пишете, что искренне жалеете их, сравниваете «батюку» с пианистом, который играет так плохо, что приходится бояться за его жизнь. Вместо того чтобы сказать, что благодаря «батюке» страна имеет великую идею, вы говорите, что никакой идеи у нее нет, да и сама страна – искусственная.

Александр Альбертин живет в Германии, он выходец из Советского Союза, участвует в движении «Проблемы гражданства». Это движение создали люди, замученные, по их словам, волокитой и поборами в российском консульстве в Германии и других российских учреждениях. Господин Альбертин прислал нам копию их обращения

к Генеральному консулу России в Мюнхене господину Логвинову. Прочитаю несколько строк из этого документа: «Господин Логвинов, наша инициативная группа движения «Проблемы гражданства» только за один месяц и только по телефону получила сотни фактов вопиющего беззакония, беззастенчивого обирания россиянина на таможне и при «деловых контактах» в российском посольстве! Плюс такое же море писем. И в каждом из них плач, возмущение, стон задерганного, измученного бесчинствами чиновников народа. Вы можете себе представить такое? И ведь только за один месяц».

Я прочитал это письмо потому, что в нем содержится пример грамотного поведения, грамотной борьбы людей за свои права и достоинство. Создали общественное движение, придумали название, избрали руководителей, обращаются к властям и общественности, дежурят на телефоне, сумели достаточно широко огласить адрес своего штаба, будут устраивать пикеты, демонстрации. Путь этот хлопотный и не короткий, но другого, лучшего, нет, как показывает опыт населения всех свободных стран.

Пишет Зданевич Юрий Иванович: «Выражаю свое отношение к передачам радио «Свобода» и к вашему в них участию так. Если вас беспокоят головные боли, гайморит, остеохондроз, сколиоз, радикулит, геморрой, шпоры, боль за грудиной, тяжелое дыхание, бронхит, то приезжайте в Макеевку Донецкой области, и я вылечу (не все сразу, потребуется две недели, а может и меньше) без всякого хирургического вмешательства, использования каких-либо лекарств или психического влияния – за плату, доступную каждому человеку».

Большое спасибо, Юрий Иванович, пока Бог миловал: ни геморроя, ни шпор... Головные боли, конечно, бывали – когда случалось забыть свою норму.

Игнатий Ивановский из Петербурга прислал свое про-

должение знаменитого стихотворного сочинения Алексея Константиновича Толстого об истории государства Российского.

Про Брежнева говорится так:

Себя не беспокоя,
он дело развалил
и в сладком сне застоя
бровями шевелил.

Про Горбачева:

Он прессе дал свободу,
гоненья истребил
и фокусы народу
показывать любил.
В его руках, бывало,
исчезнуть мог предмет,
и партии не стало:
глядишь, была – и нет.

Ну, и про Ельцина, который позволил «ругать кого угодно, хотя бы и его». Правда,

Мы видим накануне,
быть может, худших бед,
что и свобода – втуне,
когда порядка нет.

И в самом конце:

Но сердце бьется сильно,
с надеждою в груди.
Земля у нас обильна,
порядок – впереди.

Грешные полезнее

Декабрь 1998

Алексей Козлов из Воронежа: «Уважаемая «Свобода»! Я иногда слушаю ваши радиопередачи и даже с прямой пользой иной раз. К примеру, летом, прослушав ваш экономический прогноз, я взял все рубли, какие у меня были, да и купил на них доллары. Как видите, не прогадал. Спасибо большое. Тот уравновешенный и здравомыслящий подход, который вы исповедуете, мне очень симпатичен».

Да не будет ваше письмо, господин Козлов, понято так, что радио «Свобода» подрывает российский рубль. Мы все-таки не можем похвастаться, что нас слушает большинство населения России, а цену доллару знает большинство. Стоит ли складывать зеленый к зеленому или тратить их по мере поступления – вот что хотели бы сегодня знать все, в том числе и те, кому приходится выступать с прогнозами.

Пишет Дмитрий Мирошник из Австралии: «Поводом для моего письма явилось предложение российских коммунистов ввести процентную квоту национального представительства в государственных учреждениях, начиная с правительства».

Это предложение, господин Мирошник, прибавило оснований российским демократам называть своих главных политических противников не коммунистами, а национал-социалистами, нацистами – сокращенно. Но за то, чтобы опять учитывать «пятый пункт», выступают не только Зюганов и его товарищи по партии. Люди, которые считают, что тут есть что обсуждать, появились и в российском правительстве. Так разваливают Россию, а потом будут спрашивать, кто ее развалил, и, отвечая, кивать

на кого угодно, только не на себя. Для самых молодых наших слушателей скажу, что «пятый пункт» в анкете, которую в советское время человек заполнял при поступлении на учебу, работу и во множестве других случаев (например, при получении места в гостинице), требовал указать национальность.

«Есть в технике понятие многомерного пространства, – пишет господин Мирошник. – Оно означает процесс, в котором участвуют несколько или много переменных факторов и трудно представить себе конечный результат их общего действия. В таких случаях используется особый логический прием. Одному из факторов придают крайние, но допустимые значения и прикидывают, что получится. Давайте предположим, что нормы национального представительства в госучреждениях введены. Тогда будет логично распространить их на все учреждения, не исключая и мест заключения. Действовать будем так. Если процент русских за колючей проволокой, допустим, больше, чем на воле, будем выпускать излишек, если меньше – добирать. То же и с другими национальностями. Я думаю, этот логический прием, позаимствованный из мира техники, может помочь понять, что и в тюрьму, и в правительство люди должны попадать по заслугам, а не по национальному признаку. По Зюганову, президентом России никогда не быть не только еврею, о котором вождь компартии заботится, прежде всего, но и татарину, и карелу, и камчадалу, о чукче я уже не говорю. Мой прием и тут позволяет соблюсти национальную справедливость. От каждой национальности избираем президента всей России. 110 президентов одновременно. Президентский срок каждого соответствует проценту его нации. Чукча будет править несколько часов, зато коммунистическая справедливость будет соблюдена безукоризненно».

Спасибо за письмо, господин Мирошник. Науке известно, что северные народы – чукчи, эскимосы, саамы, те же камчадалы – самые умные на Земле. Имеется в виду

природная сила ума, есть способы, позволяющие устанавливать ее совершенно точно, как в аптеке. В советском анекдоте чукча утверждал, что Ленин – чукча. На вопрос, почему он так считает, следовал ответ: «Умная шибко». Анекдот был продиктован великорусской спесью, но невольно бил в точку. Чукча-президент мог бы оказаться подарком не только для России. Историк Ключевский видел смысл всех управленческих преобразований в России от царя Гороха в том, что постепенно снижалось значение не личных заслуг и достоинств человека при отборе на государственную службу – родовитость и богатство медленно, но неуклонно уступали место уму и даровитости. Это путь всех стран. Российские национал-социалисты хотят, чтобы преобразования в России пошли в обратном направлении. Попытное действие называют реакцией, тех, кто хочет повернуть общественную жизнь вспять, соответственно – реакционерами. Российские национал-социалисты – сила вполне реакционная. Все, чего они хотят, требуют, Россия уже прожила, многое преодолела. Что они сила реакционная, было сказано еще в семнадцатом году. Консерваторы хотят, чтобы ничто не менялось, реакционеры – чтобы жизнь шла вспять. Консерватизм может быть иногда благотельным, реакционность – никогда, реакция – это всегда только ломка, ненужная или вредная.

Несколько недель назад молодой человек из Волгограда прислал письмо о том, как он не любит Россию и как стремится вырваться из нее на Запад. Я огласил его письмо. Он прислал второе – о том же. Я огласил и второе, но сказал, что получить о том же третье не хотелось бы. Этот мой ответ возмутил одного слушателя из Петербурга. По-моему, я еще сказал что-то не совсем одобрительное о тех слушателях «Свободы», которые не просто ругают свою страну, а как бы ждут награды за это...

«Несправедливо как-то получается, Анатолий Иванович. С коммунистами и национал-патриотами вы спорите,

а с господином Власовым поступаете проще: от вас, мол, мы больше не хотели бы слышать ничего подобного. А мне приятно было узнать, что еще не все население этой нищей, озлобленной и бесконечно самовлюбленной страны превратилось в оголтелых ура-патриотов. Если я правильно понял, вы считаете русский народ девственно замечательным. Мол, все, конечно, плохо, и страна нищая, и власти не такие, но народ – хороший, просто слегка ленивый. А если кто-то усомнится в этом, то он бяка и пусть вам не пишет. Не лучше ли, Анатолий Иванович, пойти вам к тяжеловесному Киселеву на российское телевидение? Русско-спасительные речи будут наверняка популярны среди уважаемого вами народа, который пьет не просыхая, живет в грязи, делать что-либо отвык на генетическом уровне и очень себя любит. Мне 22 года. Моя нелюбовь к России исходит не из неприятия образа жизни моих соотечественников – это их дело, хотя я и не могу понять, как можно по три дня не мыть посуду или пить пиво в восемь утра в рабочий день. Мое мнение основано на истории отношений России с остальным миром. Все колониальные державы давно отказались от своих завоеваний, Россия же до сих пор пытается удержать остатки. Советский Союз устроил атомную гонку, которая его и утробила, разносил заразу коммунизма по всему миру, занимался шантажом и убийствами, финансировал террористов. Выползшая из-под его развалин Россия продолжает противопоставлять себя цивилизованному миру. Гордыня не дает ей понять, что она – не сверхдержава, а страна «третьего мира». Немногие друзья России – это Ирак и Иран, Лукашенка и Каддафи, Сербия и Куба. Как можно относиться к стране, которая указывает, кому идти в НАТО, а кому не идти, а мэр одного из ее городов публично высказывает территориальные претензии к сопредельному государству? Во многом позиции властей и народа совпали раньше, совпадают и сейчас. К кому в нынешней России относятся хоть с каким-то уважением – к Козыреву

и Чубайсу, пытавшимся отойти от великодержавного хамства в международных отношениях, или к Примакову и Лужкову, которые возродили советскую внешнюю политику во всей красе? Абсолютное большинство моих знакомых Запад на дух не принимают, так что заложено это было прочно, что, правда, не мешает русским кланчить деньги и продовольствие у того же Запада весь двадцатый век. Если кто и остался из людей здравомыслящих в этой стране, то вполне понятно, что они мечтают уехать отсюда как можно скорее».

Письмо большое, после убийства Галины Старовойтой сделана приписка: «Меня приятно удивила реакция населения на это убийство – я не думал, что такой порядочный человек, как госпожа Старовойтова, может иметь столько сторонников в России. Понятно, почему совковый парламент так позорно прореагировал на это убийство – большинство коммунистов, патриотов и прочих «защитников отечественного товаропроизводителя» мечтают о подобном решении вопроса с демократической оппозицией. Это убийство только укрепляет меня во мнении бежать отсюда – мало того, что всех приличных людей изгнали из власти, теперь их убивают. Анатолий Иванович, вы можете дать к моему письму любой, самый едкий комментарий – они у вас хорошо получаются, но не надо затыкать тех, чье мнение вам не по душе, не надо давать нам советы больше не писать на «Свободу» о том, как мы не любим Россию. А куда еще написать, где еще выразить свое мнение? В «Красной Звезде»?

Подписано письмо так: «Бест регардс. Макс», что по-русски значит «С наилучшими пожеланиями Максим». Я тоже, Максим, не могу понять, как можно по три дня не мыть посуду, но то, как можно пить пиво в восемь утра по рабочим дням, понимаю вполне. Пиво в восемь утра и даже в семь пьет рабочий класс и трудовое крестьянство многих стран. Пьют немцы и австрийцы, пьют англичане и, разумеется, чехи, пьют французы, меньше

– итальянцы (те предпочитают разогревать себя с утра глотком-другим белого вина или рюмкой чачи – по-ихнему, грапы). Пожилые американки-путешественницы любят оживлять свою кровь ледяным шампанским – в хороших отелях оно подается к завтраку.

Письмо из Оренбургской области: «Меня зовут Ербулат, я казах, мне 27 лет. Уже семь лет после армии я живу в маленькой деревне, где почти нет молодежи, и три года из них я безработный. Положение в деревне как везде в России. Все, что можно было своровать, своровали (впрочем, нет, еще осталось около сотни коров, несколько тракторов и машин). Почти все пьют – и не только мужчины, но и женщины. Когда есть где-нибудь временная работа, подрабатываю, но получаю очень мало. Я здоровый и сильный, но в рэкет не пойду, хотя рэкетеры у нас тут почти на официальном положении. Водкой торговать не могу тоже, так как презираю «шинкарей», закупать по дешевке скот у бедных колхозников и продавать втридорога тоже не могу. Может быть, это потому, что пока не голодаю и есть что носить, ведь живу с родителями, они пенсионеры, имеем подсобное хозяйство, а может быть, потому, что лентяй, ведь водку сначала надо изготовить: купить спирт, разбавить его водой, разлить по бутылкам. Мое письмо похоже на жалобу, но я просто хотел высказаться. Спасибо, что прочитали, крепко жму руку. С уважением Ербулат. Оренбургская область».

Я думаю, Ербулат, вы вполне могли бы заняться торговлей скотом, вполне – стать прасолом и быть им без малейших угрызений совести хоть всю жизнь. Торговля – почтеннейшее из человеческих занятий, без торговли нет жизни. Всякий торговец только о том и думает, и должен думать, как купить по дешевке, а продать втридорога. Но, в конце концов, своя рука владыка – вы можете и покупать не по дешевке, и продавать не втридорога, такие в купеческом сословии всегда попадались, их назы-

вали кто блаженными, кто святыми, хотя пользы было больше от обычных, грешных.

Учитель из Смоленска Игорь Анатольевич (фамилию просил не называть) пишет: «Наше правительство кланится у Международного валютного фонда, у Америки, Германии, у Японии кредиты. Господа! Не давайте! Разрушают еще по пути в Россию, уйдут эти деньги на евроремонт домов администрации. А наступивший кризис меня не удивил. Не может его не быть в стране, которая ничего не производит. Может, эта ситуация заставит нас, наконец, осознать это. Может, кризис и к лучшему».

Пока что радио «Свобода» не получила ни одного письма, автор которого присоединился бы к денежным просьбам российского правительства. Все – в один голос: не давайте!

«Здравствуйте, Анатолий Иванович! Вы хорошо рассуждаете в передаче, которую я слышал 11 ноября сего года, про тот завод, на котором в советское время работали 400 человек за копейки, тогда как за рубли управлялись бы 40 человек. Я хочу спросить вас про остальных, про 360 человек. Куда их деть? Что они должны делать? Пусть просят милостыню у тех сорока? До свидания. Евгений, 43 года, безработный, холостой, образование – среднее специальное, специальность – зоотехник».

Так и было, Евгений, – триста шестьдесят человек и жили на милостыню, только они ее не просили у тех сорока, а получали в виде зарплаты. Так это, между прочим, и сейчас. В России, по существу, нет такого явления, как банкротства убыточных предприятий. За семь лет в России обанкротилось столько предприятий, сколько в США банкротится за неделю. Отсюда следует, что российское народное хозяйство пока нельзя назвать рыночным или свободным, что одно и то же. Вы боитесь, Евгений, что, если все устроить по уму, 360 человек из 400 останутся

без работы. Где-то может случиться и такое, дело, однако, не в том, кому какая безработица больше нравится, скрытая или открытая, а в том, что скрытая нигде не может продолжаться до бесконечности.

Из Крыма (из Джанкоя) пишет господин Суздальцев: «Шесть сорок пять утра. Невозможно включить радио: опять рок-группа и т.п. Неужели непонятно, что Россия не воспринимает ваши западные ценности, которые вы навязываете при каждом удобном случае в дополнение к папской религиозной пропаганде вопреки христианской морали и религии. Ваши западные фильмы, которые ежедневно на экранах наших телевизоров, отражают всю мерзость западного образа жизни, который вы старательно навязываете России под плащом демократии с надеждой на молодежь».

Я тоже, господин Суздальцев, не слушаю рок и не смотрю эти фильмы, и был бы доволен, если бы действительно вся Россия их не воспринимала, а вместе с нею – и сам Запад. В то же время я знаю, что дурной рок и скверные фильмы – это одно, а западные ценности – другое. Знаю и вот что: известная часть россиян всегда, со времен царя Гороха, тянулась к этим ценностям, к западному образу жизни, и эта часть медленно, но неуклонно росла и продолжает расти. Не к Петру Первому приплыл Амстердам, а Петр Первый приплыл в Амстердам, не Европа прорубала окно в Россию, а Россия – в Европу, не Запад, пользуясь всяким удобным случаем, навязал России физику и химию, алгебру и геометрию, генетику и агрономию, сеялку и молотилку, школы и университеты, железные дороги, динамомашину и двигатель внутреннего сгорания, толчок со спуском, застежку-молнию, компьютер, а Россия, пользуясь каждым случаем, преодолевая сопротивление многих своих сынов, позаимствовала это все у Запада.

Василий Иванович Якунин из Орла: «Давно слушаю

ваши передачи и ничего путного для себя не извлек. Ваша станция очень вредна. Любую партию ненавижу, образования не имею, а то ваш Стреляный упрекает тех, кто пишет без полей и без запятых. Если все будут писать с полями и с запятыми, вас кормить будет некому. Вы там либо до того тупы, либо ничего не видите или безграмотные, как я. Возьмите бумагу и за пять минут подсчитайте, кто как живет в России. При советской власти мой вес был 76 килограмм, а теперь - 57. Все, что нажил при советской власти, я распродал. Велосипед продал, мотоцикл продал, машину продал, гараж продал. Все ушло в налоги. На очереди дача и квартира. Этот зверюга – за что он нас так давит? Откуда он только вылез – такой клещ! Сталин был ангел против него. При Сталине было что ни день, то лучше, а теперь что ни день, то хуже. Пока доллар царствует в России, жизни нам не будет. Я бы хотел, чтобы это письмо прокомментировал ваш умница Стреляный, который отзывается так пренебрежительно о простолюдинах, а ведь он выучился на моем горбу, да и теперь сидит у таких, как я, на горбу, да еще кичится. Я без вас проживу, а вот вы не проживете без таких, как я. Так что подбирайте выражения, и свое мнение о народе держите при себе. Василий Иванович Якунин. Город Орел».

В прошлом веке, да еще и в середине нынешнего неслужный, но тяжелый мышечный труд преобладал и на Западе, и в России, сначала царской, потом советской. Люди этого труда привыкли считать, что они – соль земли и что им должно принадлежать первенство в обществе. Самые решительные из них склонялись к тому, чтобы образованных («благородных», как тогда говорилось) просто извести, с чем соглашался и кое-кто из «благородных». Пока шли эти разговоры, пока кипела эта борьба, положение изменилось и продолжает меняться. Тяжелый ручной труд, не требующий книжных знаний, уступил более-менее умственному. Можно и сегодня, если охота,

рассуждать, кто важнее, кто без кого может обойтись, но это разговор вчерашнего дня, он, кажется, уже не грозит обществу пугачевщиной. Однажды, отвечая на письмо вроде вашего, Василий Иванович, мне пришлось вспомнить рабочие специальности сотрудников Русской службы радио «Свобода». Иван Толстой – санитар, грузчик, уличный продавец, Лев Ройтман – электрик и токарь, Петр Вайль – пожарник, токарь, слесарь-сборщик, бригадир грузчиков, Руслан Гелисханов – переплетчик и столяр, Игорь Таборский – грузчик, дворник, рабочий сцены, Савик Шустер – слесарь, грузчик, дворник, Дмитрий Тарасенков – сплавщик леса, плотник, землекоп, матрос рыболовного флота, Сергей Сининский – столяр-станочник, каменщик, токарь, я – тракторист. Это особенность двадцатого века. Стало обычной вещью, что люди умственного труда владеют даже не одной, а несколькими рабочими специальностями.

Из Нижнего Тагила пишет Руслан Гибадулин: «Чтобы социализм превратился из утопии в науку, надо сделать так, чтобы на земле остался только один обитатель. Тогда не будет эксплуатации человека человеком, ибо у самого себя ничего не отнимешь и не украдешь. Пусть подумают об этом те, кто желает реставрации социализма. Руслан Гибадулин».

Не подумают, Руслан! Такие уж чувства движут этими людьми. Зависть, отвращение к свободе или, как когда-то говорилось, к стихийности, желание осчастливить человечество. Любого из этих чувств достаточно, чтобы прожить, ни разу не подумав о том, можно ли рачительно вести хозяйство, если никто не знает, что во что обходится – если цены не от Бога, а от чиновника. Когда же человека обуревают все эти чувства одновременно (что встречается очень нередко): и зависть, и отвращение к свободе, и любовь к человечеству, тогда и близко не подходи к нему с такими «бухгалтерскими» вопросами.

Из города Лиски Воронежской области пишет Смирнов Юрий Васильевич: «На память мне пришли когда-то прочитанные строчки, автора не помню:

Стоит ли бывшее вспоминать,
брать в дорогу, в дальний путь?
Все равно упавших не поднять,
все равно ушедших не вернуть.
И сказала память: я могу
все забыть, но нищим станешь ты.
Я твое богатство берегу,
я храню тебя от слепоты.

Моя двоюродная сестра в 1947 году окончила медицинский институт и была направлена врачом в систему НКВД. Пришлось ей работать в спецлагере в городе Верхнеуральске. По ее словам, на территории лагеря имелся такой большой бетонный бункер без единого окна и только с одной дверью. Машины «воронки» подъезжали к бункеру дверь в дверь и разгружались. Внутри бункера тех несчастных расстреливали. Она же, как врач должна была подтверждать наступление смерти, то есть, отсутствие пульса. Возможно, что и того лагеря, и того бункера уже нет, но где-то есть захоронения тех казненных и еще, конечно, живы многие палачи – в то время молодые ребята с комсомольскими значками на груди».

Инженер Стегин Тимур Александрович из Петербурга уже девять месяцев не получает зарплату, потерял четыре зуба. «По сравнению с нынешним режимом, коммунисты – ангелы, а период их правления – рай», – пишет он. Этот слушатель хотел бы уехать в Соединенные Штаты Америки, но для получения визы в американском посольстве требуется уйма бумаг. «То же и для въезда в другие страны, – пишет он. – Да еще отстоять огромную очередь. США, кои так любят говорить о правах человека, давно бы сделали безвизовый въезд. А они только на словах – права человека, а на деле формалисты. Дорогой Анато-

лий Иванович! Вы получаете зарплату вовремя? А может, тоже ищете должность дворника по совместительству?»

К сожалению, я не могу ни помочь вам, господин Стегин, ни что-либо посоветовать. Если богатые страны будут принимать всех желающих из бедных стран, то приедем лучше не станет, а местным – хуже – станет. Поэтому право на совершенно свободный въезд в чужую страну за современным человеком пока не признано. Признается только право свободно покинуть свою страну и вернуться в нее.

На Земле и с Землей может случиться всякое, но если вынести эту мысль за скобки и допустить, что завтрашний день будет обычным продолжением сегодняшнего, то такое благо, как совершенно свободное перемещение людей по планете, уже можно себе представить. Начало положено, отчетливо видно продолжение. Три сотни миллионов человек в Западной Европе пересекают границы девяти стран, не останавливаясь. Ни пограничников, ни таможенников нет. Число этих стран обещает расти. Среди них будут и Чехия, и Венгрия. Неожиданно прибавила шагу Польша. Все зависит от трудовых успехов как человечества в целом, так и его частей.

Юрий Пятковский живет в Северном Казахстане, в бывшем Красноармейске (теперь поселок Тайынша). Читаю: «Основной контингент здесь составляют ссыльные народы: немцы, поляки, западные украинцы, хотя, конечно, много людей поуждало. Были крупные заводы: мебельные, ремонтные, строительные. Сейчас все развалено, там, где я работал, зарплату не платят с момента введения национальной валюты в 1993 году, и не будут платить, потому что к этому все привыкли. У нас здесь нет будущего. Люди спиваются, потому что водка очень дешевая. Если раньше водка стоила в пропорции: сорок булок хлеба – одна бутылка, то сейчас: четыре булки хлеба – одна бутылка водки. Было восемь библиотек, осталась одна».

Если бы Юрий Пятковский только это и написал, я не стал бы оглашать именно его письмо – таких много, можно было взять любое.

Но дальше следует вот какая история. «Когда меня заставили уволиться, я подал в суд, чтобы мне отдали деньги, что задолжало мне предприятие. Отдали где-то 80 процентов. Суд был в январе 1998 года. Потом я открыл второе дело, чтобы забрать деньги отца. Он работал на том же предприятии. Так как сумма была большая (тысяча долларов), то по суду было арестовано пользующееся большим спросом имущество предприятия, – чтобы оно было продано. Чиновники из суда, да и руководители предприятия имеют привычку грубо разговаривать, оскорблять собеседника, особенно если он молодой и у него нет покровителей. Мне говорили, что я насмотрелся «Поля чудес» и требую от них приз – наличных денег. Арестованное имущество продали, но денег я не получил. Я собрал документы, из которых видно, как, куда и когда продавали. Судья начал на меня давить: забудь, что произошло, ты получишь другие поделки и будешь уже сам ими торговать. Я отказался, написал в министерство юстиции, оттуда пришло распоряжение разобраться до 18 августа, но пока никто ничего не хочет делать».

Милый Юра Пятковский (позвольте мне вас так называть), да если в этом бывшем Красноармейске найдется еще два таких молодых человека, как вы, – поселок не пропадет. В нем будут и заводы, и магазины, и все, разве что восьми библиотек уже никогда не будет. Ну, и если там продержится еще какое-то время тот судья, который постановил продать заводское имущество, чтобы вернуть вам ваши деньги (представляю себе, как на него там давят, как его там соблазняют)... Это вот оно и есть – то, что надо, чтобы бывшее «красноармейское» общество начало походить на общество современных людей. Вы подаете в суд – и подаете столько раз, сколько требуется, а суд решает дело по закону, как ни неприятны вы судье, решает

по закону, потому что знает, что вы не уйметесь, пока не получите своих денег.

«Здравствуйте, господин Стреляный! Хочу заронить в вас хотя бы тень сомнения в праведности служения Дьяволу. Сбились вы с истинного пути, блуждаете в потемках. По-моему, тут все дело в неприкрытой вашей неприязни ко всему советскому, даже русскому. Почти каждое ваше слово – это трехэтажный антисоветский, антиленинский мат. Матерщинник вы, Анатолий Иванович, ругатель. Нехорошо это. Не сыпьте мусор на высокие идеи и их подвижников – им и без того трудно. Ради Бога, не называйте коммунистами тех глупых, пошлых и агрессивных людей, которые прилепились к идее, так и не поняв ее смысла. Включайтесь в борьбу с Дьяволом, Анатолий Иванович! Постарайтесь во имя христианской морали поменьше лить желчи на все, что связано с властью трудящихся. Власть советов давно существует, в том числе в Америке, только называется по-другому. Перешагните через свое неуважение к людям, добывающим хлеб насущный в поте лица своего. А то у вас выходит, что бандит с приватизированной собственностью стократ лучше, чем нанятый коллективом честный директор, заведомо лишенный права промотать капитал. Имеющий уши да услышит, имеющий совесть да покается. Признание заслуг у Дьявола заслуживает проклятия. Попробуйте выйти на честный праведный путь. С надеждой слушатель радио «Свобода», беспартийный коммунист, христианин Юрий Бурнаш».

Суть того, в чем вы хотите убедить не столько меня, сколько своих соотечественников, господин Бурнаш, я нахожу в ваших словах о честном директоре, заведомо лишенном права промотать капитал. Судя по всему, вы хотите сказать, что руководимое им предприятие, принадлежащее то ли государству, то ли коллективу, заведомо не может разориться. Должен сказать, что американская

власть, отвечающая вашему идеалу власти трудящихся, не просто позволяет разоряться всем и каждому. Право промотать капитал там есть священное право, и многие люди так проматывают свои капиталы. Правда, не в кабаках и не за игорными столами, хотя случается и это, – чаще всего деньги теряют из-за предпринимательских рисков. Без риска нет краха, но без риска нет и успеха. Если одобрять такое общественное устройство – значит, служить Дьяволу, тогда почему вы не порицаете американскую власть, которая бережет эту вещь, как зеницу ока?

Из станицы Анастасьевской Славянского района Краснодарского края пишет господин Анатолий Иванович Тарко: «Не может быть, чтобы Иван Иванович умер – он же мне сто рублей должен!» Как знакома эта реакция многих ваших слушателей на распад Советского Союза, на «гайдаровские» реформы, реже – на рыжковский закон о предприятии! Знаком и молчаливый ответ: «Всем, кому должен, прощаю». В этом кризисном российском уравнении есть одна неудобная для обеих сторон величина: совесть. И те, и другие исповедовали философию: «Советский Союз велик и богат. Столько лет воруют все, кому не лень, а он все нерушим!» И, прикинувшись «шлангом», ждали. Вот и дождались мы, товарищи. На русском поле возшло то, что было посеяно».

ЦРУ и Мымрино

Январь-февраль 1999

«Я городской житель, но одновременно фермер, – пишет Александр Линин из Твери. – Проживаю один. Ферма моя состоит из коз и козлят (до 25 голов), двух собак и десяти котов. Земля мне была выделена плохая: кусты и заболоченность. Техники у меня никакой, все нанимал. Осушил канавой и раскорчевал под пастбище три гектара. Полтора гектара отвел под пруды, три – под парк. Всего у меня семь с половиной гектаров. Кроме работы на ферме и в огороде, занимаюсь исследованием Энергии Разума и Энергии Рассудка, концентрации их в организме человека».

Уважаемый господин Линин, желаем вам и в новом году успеха в обеих областях вашей деятельности.

«Я столкнулся с таким фактом, – пишет Владимир Кловский из Донецка. – Те, что в советское время были в более высоких эшелонах общества – всякие начальники и привилегированные, расстались со старой идеологией легко и просто, а обыкновенные бедные люди, которых обдирали тогда и обдирают теперь, до сих пор не расстаются с нею, являются ярыми сторонниками Советского Союза. Как вы думаете, почему?»

На подобные вопросы, господин Кловский, можно ответить с опорой на исследования, которые проводились (и проводятся) и в бывшем Советском Союзе, и в других странах бывшего соцлагеря. После второй мировой войны изучалось состояние умов в Германии – выясняли, какие слои общества быстрее уходят от фашизма и нацизма, какие – медленнее. Везде одно и то же: и от фашизма с нацизмом, и от коммунизма высшие слои уходят быстрее. Высшие больше живут рассудком, низшие – чувством, а

память чувства обычно крепче. Сказывается и разница положений. Государственная идеология – вроде матушки-императрицы. Одно дело – быть приближенным к ней, другое – простым подданным. Понятно, что какой-нибудь генерал Орлов, знающий всю подноготную царицы, не будет боготворить ее так, как нижний чин. Нижние, наконец, больше верят в чудеса. Генералу тоже, может быть, хотелось бы, чтобы сегодняшний день сменился не завтрашним, а вчерашним, но он понимает, что это невозможно. Рядовой же уверен, что ничего нет проще – надо только громче его призывать – вчерашний день. Ну, и проклинать сегодняшний.

Письмо от неизвестного из Москвы: «Уважаемый Анатолий Иванович, не кажется ли вам, что новый приход коммунистов к власти неизбежен? Дело вот в чем. В настоящее время задача у истории такова: раздробить Россию. Инструмент у нее для этого один: красно-коричневые. Лет восемь назад демократы, сочтя, что распадом СССР дело кончилось, принялись за работу. Они ошиблись. Их время еще и сейчас не пришло. Законы истории требуют, чтобы вслед за Советским Союзом распалась и Россия. В том, что демократы стремились сделать как лучше, а получилось как всегда, нет их вины. Они появились преждевременно. Они невольно сделали все, чтобы к власти вновь пришли коммунисты, ставшие за это время национал-коммунистами. Только они, национал-коммунисты, с их оголтелостью и зашоренностью, способны довести Россию до распада. В этом их историческое предназначение. Можно ли отсрочить распад? Да, можно, если вливать в Россию десятки и десятки миллиардов долларов. Эти инъекции будут только продлевать агонию империи, и миазмы ее гниения будут и дальше отравлять мир».

Это было письмо из Москвы, не подписанное. Среди советских политических заключенных были люди, кото-

рые сидели именно за эту мысль, за это предсказание. На нарах с ними ожесточенно спорили монархисты, марксисты-ленинцы, православные великодержавники. У слушателей может возникнуть вопрос к автору этого письма. Что конкретно будут делать национал-коммунисты, чтобы развалить – невольно развалить, как он подчеркивает, – Россию. Ответить на этот вопрос легко. Они будут изо всех сил пытаться ПРЕДОТВРАТИТЬ распад. Перестанут «разводить демократию», прежде всего. Это позволит бросить большие средства на армию и полицию, на шпионаж и подрывную деятельность в мире, на соперничество с американцами. Населению придется еще больше затянуть пояса. Нехватку продовольствия и ширпотреба будут объяснять «сложной международной обстановкой» – старшее поколение помнит это выражение. Но сил на эту политику все равно не хватит, и будет то, что было в случае с Советским Союзом: народное недовольство, в конце концов, разорвет котел.

Да, и будут призывать к славянскому единству, о чем пишет нам Шакирзян Зайяев из Татарии: «Председатель Государственной думы Селезнев и другие депутаты стали вести активную пропагандистскую работу по объединению славянских государств. Они, по-моему, готовы объединиться под флагом Великой Сербии (такое условие поставил, как я слышал, президент Югославии Милошевич, опровержения не последовало). Неужели господин Селезнев и другие забыли, что Россия – многонациональное государство? По Селезневу получается: славяне объединяются со славянами, а татары, башкиры и еще более со-рока народам дорога зеленая – объединиться с тюркскими народами. Вот и приходится гадать, кто же является разрушителем России, а кто – строителем. Шакирзян Зайяев из маленького городка Азнакаево республики Татарстан».

М.Н.: «Может, хватит вам с упорством маньяка нести в Россию и в другие бывшие советские республики идеи

постиндустриального мира, до которых они не доросли? Все равно вы ничего не добьетесь. Россия управляется номенклатурными элитами, а не «средним классом» через выборы. И слава Богу. Да, власть номенклатурных элит – дело ненормальное. Но только эта система лет за 20-30 создаст в России основы сегодняшнего западного устройства. Иной путь – распад России на 100 маленьких Зимбабве. Так не стоит ли вам, господин Стреляный, со всем вашим запалом воспевать мудрость номенклатуры?»

Если все так, как говорится в этом письме, то номенклатура и без меня не пропадет, а вот я, взявшись ее воспевать, потерял бы всех своих слушателей: и тех, кто за «комунио», и тех, кто против, ведь бюрократию не любят все. Что хотел сказать этот слушатель? Если придут люди, ничем не руководившие, не управлявшие, не знающие хода чиновничьего порядка, совершенно новые люди, то это равносильно революции на каждом отдельном участке... Нынешний российский комсостав представляет собою единый организм. Пусть он и вредный нарост на теле России, как думают многие, если не все, но он покрывает ее всю и не дает распознаться. Все чиновники связаны между собою зримо и незримо – общим происхождением, общими понятиями и управленческими навыками, общей солидностью. Они понимают друг друга без слов. Чужаку среди них делать нечего. Распадется этот организм – распадется и Россия.

Станислав Филиппович из Москвы: «Я не политик, а технарь – конструктор, строитель по профессии и призванию, но интересуюсь многим: от политики и экономики до сочинительства стихов. Удивительно, что люди фашистского или коммунистического толка пользуются свободой и демократией, чтобы хамить и давить своих братьев по разуму. Попробовали бы критиковать Сталина, Гитлера при их жизни. У Ельцина осталась, пожалуй, одна заслуга: он не преследует даже тех, кто откровенно предал

его, не говоря уже о всех, кто поливает его грязью. Однажды я сидел на приеме у врача. Мужчина моего возраста завел разговор о трудностях нашей жизни. Распаясь, говорит: «Всех демократов надо согнать в лагерь, а я бы охранять пошел!» Никто его не осадил, некоторые лишь отодвинулись брезгливо. Попустительство, страх, что-то еще? И так ведут себя даже те, чьи отцы, деды пострадали от репрессий».

Не знаю, Станислав Филиппович, считает ли Ельцин предателем, например, своего бывшего телохранителя Коржакова, но то, что он не преследует ни его, ни других своих обличителей, показывает, что он все-таки перешел из того класса жизненной школы, в котором люди не могут без врагов и предателей. Ельцин когда-то, видимо, понял или почувствовал, что сами эти слова – не из языка демократии, не из языка свободных людей. Не случайно: послушать уголовников – так больше всего предателей вокруг них, ну, и среди них. Последнее, впрочем, верно. Ни в одной среде люди так не предают друг друга, как в этой. Само собою разумеется, что и государство, которое видит в гражданах свою собственность, всегда будет кишеть предателями – предателями с точки зрения тех, кто ему предан. С другой стороны, люди, которые привыкли считать себя собственностью государства, всегда будут казаться, что оно мало ценит их верность, мало воздает за рвение, а то и оставляет в беде, как пишут нам о нынешнем российском государстве русские жители бывших окраин Советского Союза. Преданными считали себя и англо-саксы в бывших английских колониях. Когда генерал де Голь увел Францию из Алжира, оставшиеся там французы сходили с ума от этого чувства.

Из Екатеринбурга пишет господин Фельдман: «В последнее время мы присутствуем при еще одном приступе совковой паранойи – антиамериканизме. Это – осознанная или неосознанная зависть к богатой и свободной стране.

А зависть у совков всегда выливается известно во что: в классовую или национальную ненависть, «антиимпериалистическую» борьбу, в мазохистскую любовь к своим и чужим упырям: Сталину, Ким Ир Сёну, Чаушеску, Иди Амину, Бокассе, Пол Поту, а теперь вот – к родному Саддаму Хусейну. Ну, как же, ведь это все государственники, патриоты. Этот отряд совков спит и видит крах Америки, отпадение от нее целых штатов вроде Техаса. Не дождутся, только себя спалят завистью и ненавистью».

Этот слушатель вклеил в свое письмо объявление из газеты «Советская Россия». Продаются три книги, говорится в нем: Коржакова о Ельцине, воспоминания одного из бывших сотрудников Коржакова, а третья объявлена так: «А.Шикельгрубер. «Моя борьба». 600 страниц в твердом переплете. Библия нацизма без сокращений на русском языке. 300 рублей. Оплата на почте при получении». Газета русских нацистов маленько вводит своих читателей в заблуждение. «Моя борьба» – это книга Адольфа Гитлера, так было указано на обложке и первого издания, и последнего прижизненного. Отцовская же фамилия Гитлера – не Шикельгрубер, а Шикльгрубер. «Советская Россия» – газета людей, которые за свободу, в том числе за свободу печати, только для себя. Это не те люди, которым все равно, какие книги объявлять. И уж они-то знают, как пишется подлинная фамилия автора «Майн Кампф».

Вот еще письмо, в котором о предателях да предательстве: «Десять из девяти цитируемых вами слушателей – русофобы, предатели, обозленные на Советский Союз и Россию дореформенные фарцовщики и нынешние спекулянты, троцкисты, кулаки-мироеды, недобитые белогвардейцы или их потомки. Вы все толкуете о популярности «Яблока». Да их почти все считают платными агентами США – этого новоявленного международного жандарма, молодца против овец-аравов, только наши заржавленные

ракеты еще сбивают спесь с янки и не позволяют им повторить югославско-иракский вариант над славянами и православными».

Понятие «предательство» связано с такими понятиями, как «клятва», «присяга» и, между прочим, «служба» – причем, принудительная. Господа своих слуг не предают – они их прогоняют (или, как при крепостном праве, – продают). Предательство – привилегия слуги (раба, вассала). Демократические же отношения – это отношения равенства, в них нет ничего особенного – ничего торжественного, рокового, ничего, что тянуло бы на такие слова, как «преданность» или «верность», а значит и на «предательство» или «измену». Громкие слова – не из языка демократии. Слушатель, который прислал нам объявление из газеты «Советская Россия» о продаже книги Гитлера, не называет эту газету предательской. Ему вполне достаточно, что она именно «Советская Россия» – одна из газет русских нацистов.

Письмо от русской жительницы Вильнюса: «Приходит ко мне сестра, жена бывшего полковника. С перекошенным от злобы лицом она с бранью бросается на Америку за удары по Ираку. В этот же день приходит из школы внук со скорбным выражением лица, объясняет мне, какое горе постигло Ирак. Откуда, говорю, ты знаешь? А у нас, говорит, с этого начались уроки. Четвертый класс, русская учительница. Как надоело это! Злы и непримиримы. А уезжать отсюда не хотят – Боже сохрани, ведь им тут лучше. Бывшие военные знаете, как здесь живут? Несчастным литовцам, особенно пенсионерам, так и не снилось. Русская, я не могу дружить с русскими. Бесконечные у меня с ними словесные баталии. Все – за Макашова. Жизнью Литвы не живут, настроение у всех коммунистическое».

«Пишет вам молодой человек из сельской глубинки

Кировской области. Слушаю вас с 16 лет, а мне сейчас 33 года. Отец, будучи коммунистом и заядлым пьяницей, не разрешал, но это не имело значения. Было плохо слышно, глушили вас ужасно, но иногда я даже записывал передачи на магнитофон. И когда стал учиться в сельхозинституте, продолжал вас слушать. Сейчас я только «Свободу» и слушаю. А когда посмотришь новости по нашему телевидению, то получается интересно. Замечаешь умолчания, да много чего замечаешь. В селе, где я живу, идут сложные, но, на мой взгляд, объективные процессы. В 1992 году в колхозе было четыре тысячи голов скота, сейчас – две сотни голов. Работников – 120 человек, из них 15 управленцев. Идет в рост личное хозяйство. Крестьяне разделяются на крепких хозяев и на батраков, хотя еще не ясны контуры. И это хорошо – частное хозяйство продуктивнее. Вот с землей – уравниловка, всем дали по 16 гектаров, но это не играет никакой роли – может быть, пока. Каждый живет своим хозяйством. От колхоза лишь используют технику. Дисциплина минимальная. Я работаю ветеринарным врачом. Все мои надежды – на устройство частной ветлечебницы, но пока это невозможно. Огородов Валерий Иванович».

Спасибо за письмо, Валерий Иванович. Что процессы сложные и болезненные, пишут многие наши слушатели, а что процессы эти все-таки объективные, то есть, не зависящие от воли людей, – отмечают немногие. Немногие с этим смиряются – может быть, так лучше сказать...

Тимур Парсиев из Пензенской области написал нам перед Новым годом: «Мне нравится ваша передача. Каких только чудаков и нервных людей нет в России! Каких только понятий и взглядов не услышишь! Мне 33 года, я из прекрасного (для меня) города Душанбе – столицы Таджикистана, по национальности осетин, а сейчас нахожусь по личному случаю на «Большой земле» – в России, в городе Кузнецке Пензенской области, где глава адми-

нистрации Костин, молодой, вроде бы энергичный и умный мужчина, придумал такой фокус: свой добавок к существующим в России налогам, так что многие люди после нового года собрались бросать работу, в том числе и моя любимая Натейкина Татьяна. Она торговала на базаре в Сызрани рыбой от какого-то предпринимателя, а теперь тот предприниматель говорит: после нового года будет невозможно вести дело. Уходила на работу моя Таня в два часа ночи. На улице снег по колено и 25-27 градусов мороза. За полчаса поесть, укутаться и выходить на заваленную снегом трассу. В два тридцать идет машина РАФ, в которой со всех дыр свищет. В машине бочки с рыбой. Приезжают в Сызрань (их три женщины), выгружают бочки и с темна начинают торговать. Домой Таня возвращается в восемь-девять вечера. Лицо распухшее, красное от мороза, глаза на закате, еле стоит на ногах. Ей всего 27 лет, и ребенку 4 года. Я сам пока не в состоянии их кормить – черепно-мозговая травма, никуда не устроишься, инвалидности не дают, так что поеду обратно в Таджикистан – служить на границе, там и такие ходячие трупы, как я, годятся, не умру, так выживу. Там хоть платят нормально. Правда, сейчас, говорят, тоже не платят, а ведь там и убивают, и гибнем мы за кого? – за Россию, а она так с нами обращается. Передайте Ельцину, что это позор, Анатолий Иванович».

«Уважаемый Анатолий Иванович! – пишет Алексей Уваров из Канады. – Демократическое ли сегодня государство Россия? Как я ни кручу, как ни верчу, у меня все получается, что да, демократическое. Выборы, разделение властей, свобода слова, нет политзаключенных, поезжай куда хочешь, и возвращаться не обязательно – словом, мечты сбываются. Именно этого и добивалось радио «Свобода» сорок лет. А то, что процветает преступность вместе с коррупцией, да гремят взрывы, да происходят политические убийства, – так с кем не бывает, человек несовер-

шенен. Почему же не слышно радостных криков в России? Ведь все было так просто в передачах радио «Свобода»: ребята, все дело в злодеях-коммунистах, как только установите демократию, тут-то у вас настоящая жизнь и начнется. И действительно началась – в Чехословакии, Польше, Прибалтике, а в России все как-то больше под гору, если не сказать – в яму. И вот у меня второй вопрос. Предвидело ли радио «Свобода» такое развитие событий? Если предвидело, то почему не предупреждало: имейте, мол, ребята, в виду: после того, как вы установите демократию, будете сидеть без зарплаты, без тепла и света. Не помню я таких передач. Или пропустил? После таких передач народ не пошел бы в Лужники поддерживать Ельцина. Может быть, настала пора в начале каждого часа произносить что-то вроде: извините, не предупредили, что одной демократии для счастья маловато – нужно что-то еще, а что – мы, мол, и сами не знаем».

Знаем, господин Уваров, в том-то и дело, что знаем, и я ума не приложу, как радио «Свобода» упустило своевременно предупредить своих слушателей, что, помимо демократии, для хорошей жизни требуется: не убивать себе подобных и даже не очень подобных – например, лебедей в парковых прудах, не красть, не брать и не давать взятки, каждый день менять исподнее, осмотрительно делать долги и возвращать их, не полагаться на дядю, не давать спуску чинушам, держать в чистоте подъезды. А если серьезно, господин Уваров (хотя я и до сих пор не шутил), то приходится сказать: целая наука под названием «советология», не говоря уже о радио «Свобода», не предвидели не только того, что будет после распада Советского Союза, но, прежде всего, самого распада. Некоторые бывшие советологи до сих пор чувствуют себя сконфужено, хотя с чего, кажется, конфузиться: наука потому и наука, что всегда готова признать свою ошибку или неудачу.

«Жизнь в нашем городке настолько скучная, что не

только жители, но и наша единственная библиотека не имеет возможности выписывать газеты и журналы. Для меня вы единственный источник не только информации, но и нравственной поддержки. Однажды мой муж, мелкий торговец, вернулся с оптового рынка с полупустой сумкой. Раньше на такие же деньги он привозил несколько ящиков товара, а теперь высыпал на пол десятка пачек чая. У меня разболелась голова, закололо сердце, всю ночь не могла уснуть. Денег нет, работы нет. Недавно пыталась устроиться сторожем, долго умоляла, унижалась – не взяли. Знаете, как паршиво себя чувствуешь, когда с университетским дипломом не можешь устроиться сторожем. Было это перед новым годом. Я думала о детях, о том, что не за что купить им подарки, хотя они их заслужили: дочь победила на математической олимпиаде, выиграла шахматный турнир (в свои десять лет она обыгрывает мужиков-перворазрядников), у сына тоже большие успехи в школе. К утру я решила, что отправлю их в школу и вскрою себе вены. Я уже взяла лезвие и отправилась в ванную, когда машинально, как и каждое утро, включила приемник и услышала позывные «Свободы». Невольно прислушалась, и моя решимость стала уменьшаться. Спасибо вам. Если будете читать моё письмо, не указывайте мою фамилию и город».

Александр Павлович из Запорожской области: «В начале перестройки я кинулся искать истину в религии. Уже считал себя верующим. Завел хорошие отношения с местным священником. Даже пчел он у меня опрыскал святою водою. Делалось это осенью, а к весне они пропали. Той же весной наш батюшка, бросив семью, сбежал с любовницей. На его место пришел тоже молодой, светловолосый «святой отец». Первое, что он сделал, – поменял «Жигули» на «Мерседес». Затем прихожанки стали поговаривать о его пристрастии к «зеленому змию» и к девочкам. Перед церковью он открыл шикарный «шоп». Да... Заст-

релили нашего «святого отца» в ночном баре города Мариуполя. В конце мая в заповеднике «Каменные могилы» по инициативе церковников отмечалось 775-летие битвы на Калке. Съехалось туда попов на иномарках уйма. Девочки иже с ними. У попов ризы – до пят, а у их подруг – юбки выше аппендицита. Установили крестик на горке, напились, начали горланить песни. Как с таким людом построить путное общество? Мы почти сплошь бунтовщики, воры, неучи, пропойцы. В конце-концов я вспомнил золотую истину, которую кто-то подарил мне в детстве: никто тебя не воспитает лучше самого себя».

Спасибо за письмо, Александр Павлович. Человек, подаривший вам ту истину, наверное, был знаком с буддизмом, который учит, что даже Бог не может сделать поражением победу, которую личность одержала в борьбе с собой.

«Здравствуйте, господин Стреляный! Вы считаете, что частная собственность на средства производства автоматически определяет успех в экономике. То есть, вы думаете, что только собственник может радеть о процветании своего предприятия», – пишет из Палеа художник Сергей Константинович Петухов.

Радеть о процветании может и управляющий, и рабочий, согласен с вами, господин Петухов, но вот рисковать предприятием может только частный собственник (он не обязательно должен быть в единственном числе), а без риска не внедряются новшества, а без новшеств наступает застой.

«Создается впечатление, – пишет художник, – что вам, Анатолий Иванович, неизвестно о жалком существовании на Западе частных предприятий, о разорениях, о банкротствах именно частных предприятий».

В Праге шагу нельзя ступить, чтобы не увидеть такое предприятие, Сергей Константинович. В глаза обычно бросаются магазины, общепит, различные мастерские.

Это – важный признак здоровой хозяйственной жизни. Не пошло дело у мясника – пытается счастья кондитер. Что значит разорение? Это значит, что потребитель продукции данного предприятия сказал хозяину: всё, дорогой, твой товар мне больше не нужен, я выбрал другой – он лучше и дешевле, а ты соображай, чем привлечь меня завтра. В Соединенных Штатах Америки за неделю разоряется столько предприятий, сколько в России разорилось за все послесоветское время. Именно поэтому не Клинтон просит денег у Ельцина...

Отношение к частной собственности – не единственное, что настраивает художника Петухова против радио «Свобода». «Когда я слушаю ваши передачи, – пишет он, – то слышу ненависть к России, к русским. Вам неважно, кто будет плевать мне в лицо – «гордые» чеченцы, «цивилизованные» американцы или «нэзалежни» украинцы, главное – чтобы плюнули. А если я стану вытираться, сразу завопи-те: «Русский фашизм, имперские амбиции!» Да, Россия грязная, облеванная, пьяная и ленивая. Да, Россия нечесаная и немытая. Но это моя Россия. И я буду, в меру своих сил, тащить ее из грязи, отмывать, скоблить, вытирать ей пьяные слезы».

Не такая уж она, по-моему, и грязная, и ленивая, и пьяная, но господину Петухову, видно, хочется представлять ее себе такой. Русская женщина в старину редко говорила о мужчине: «Я его люблю», чаще – «Я его жалею». У некоторых мужчин образованного сословия в свое время вошло в моду похожее отношение к России. Любить – значит, жалеть. А чтобы слаще жалелось, надо погуще вымазать ее грязью и никого не подпускать: «Сам отмою – моя!» Этого не было, пока не знали о Западе, не соприкасались с ним, пока не подозревали, что грязь есть именно грязь. С Петра началось.

Из города Беслана пишет Скворцов Михаил Иванович: «Уважаемая «Свобода», мной было направлено вам сти-

хотворное произведение, в котором, кроме прочего, фигурирует образ Ленина. Если вас оно не заинтересовало, прошу вернуть его мне. Если оно вас заинтересовало, прошу прислать копию с него с подтверждением намерения использовать (когда и в каком виде желаете использовать и прочее). Ваше молчание мне очень напоминает худшую прессу, существовавшую в СССР, которая для борьбы со свободой слова использовала два надежных принципа: принцип не вступать в переписку и принцип не возвращать авторам рукописи».

Все было наоборот, господин Скворцов. Работник советской газеты, журнала, радио, телевидения обязан был отвечать на все письма. Следили за этим очень строго. Партия учила: за каждым письмом – живой человек. Ни у кого, ни у одной газеты, даже у «Правды», не было никаких сил заниматься каждым письмом, но делали вид, что занимаются каждым. Коммунизм, как известно, погубили не агенты ЦРУ во главе с Горбачевым, а нестыковка планов коммунистического строительства. Казалось бы: раз вы, власть, требуете, чтобы каждый изобретатель «вечного двигателя» получал исчерпывающий ответ, тогда посадите в отдел писем газеты не три работника, а триста. Но это было невозможно по экономическим соображениям, а отказаться от учения, согласно которому за каждым письмом – живой человек, – по идеологическим. На радио «Свобода» стыковка планов полная. Нет денег на отдел писем – нет и обязанности переписываться со слушателями. Не помню, Михаил Иванович, дошло ли до нас ваше письмо со стихотворением, в котором вами создан образ Ленина. Если вы пришлете его еще раз, я, в порядке исключения, обязательно отвечу вам частным образом.

Из Барановичей пишет Фидорчук Павел Романович: «Слушаю с удовольствием разброс мнений в письмах слушателей «Свободы». Это не удивительно, все мы разные.

При Брежневе мне приходилось быть в Сибири: Курганская область, Шадринский район, совхоз «Батуринский», отделение «Кабанское». Мы, «шабашники», строили там телятник и клуб. Считалось, что мы явились за длинным рублем, а сами мы знали, что это добровольная каторга. Местные получили получку – и два дня на работу никто не выходит. Это – в сельском хозяйстве, где корову нужно каждый день если не кормить, то доить. Коровы ревут, некормленные и непоенные, телята мычат, вся тварь, короче, все поголовье стонет, а народ пирует, потому что это все ничье. Кто виноват? Тогда я не знал, кто виноват, а теперь, благодаря некоторым слушателям радио «Свобода», знаю. Виновато было ЦРУ. Взять 1985 год, приход Горбачева. Борьба с пьянством-алкоголизмом. Необходимое дело, давно назревшее. Пропал сахар, дешевые конфеты, пропало печенье, пропала томат-паста – все пошло на самогонку, потом вообще пропало все. Кто виноват? Тогда я не знал, а теперь некоторые ваши слушатели открыли мне глаза: виновато ЦРУ».

Спасибо за письмо, Павел Романович. Приходилось слышать мнение, что деревня Зюганова получила свое название – Мымрино происками ЦРУ: предвидя, кто родится в этой деревне, оно, мол, решило заранее опорочить его...

Из Бутурлиновки Воронежской области пишет Алексей Сашников (отчества не указал): «Здравствуйте, Анатолий Иванович! По-моему, вы недостаточно жестко комментируете некоторые письма. По-моему, злобные письма о голоде в России, о голодных обмороках у детей, даже сельских, приходят от алкашей. Можете ли вы представить себе голодающим человека, живущего на селе? Голодать там могут только алкоголики, неимоверные лодыри и тяжело больные. Согласны вы с этим?»

Согласен, Алексей, и первая мысль – о больных, но читаю дальше ваше письмо: «Один слушатель с Кубани

пишет вам на «Свободу», что его в станице душат налогами на землю и строения, и вот он носит теперь пиджак 44 размера, тогда как при советской власти носил 54-й. Ответьте мне: слышали ли вы об удушающих налогах в России на сельские строения и землю?»

Не слышал, Алексей.

«И не услышите, Анатолий Иванович. Этот человек вам пишет, что продал корову, чтобы вернуть долги. Зачем же он делал такие долги? Почему бы ему не откармливать поросят, бычков, птицу? Кто ему сейчас мешает? Со дня коллективизации колхозникам не платили 30 лет, и, по их мнению, не было бы большой беды в этом, но ведь с них действительно драли три шкуры: 30-40 килограммов мяса, молоко, яйца, шерсть, свиные кожи – все это нужно было отдать, Сталин шутить не любил. Из Орла какой-то человек пишет вам: «Образования не имею. Если все будут образованными, кто же будет вас кормить? При советской власти я весил 76 килограммов, теперь – 57, что нажил при советской власти, продал: велосипед, мотоцикл, машину, гараж, все ушло в налоги, на очереди дача и квартира». Вы согласны, Анатолий Иванович, что таких налогов в России просто не существует, что этот человек просто клеветает?»

Согласен, Алексей, но не могу же я каждого поправлять и уличать! Это же – таким быть занудой, что никто меня слушать не будет.

«Анатолий Иванович: вы, конечно, не можете делать очень уж резкие высказывания, но оглашать резкие высказывания слушателей вы должны, иначе будет повод обвинить вас в предвзятости. Вот я и прошу вас огласить мое мнение в таких словах. Письма, подобные этим, что из Орла и Кубани, могут писать только подонки, политическая падаля. Если бы у этих людей была совесть, они бы написали, как дошли до жизни такой. Я, пишет, продал то-то и то-то. Значит, кто-то купил у него эти вещи! Значит, у кого-то были деньги на эти вещи. Значит, кто-

то заработал эти деньги, и власть ему не помешала. У моих знакомых, я наблюдаю, в последние годы появились автомобили (подержанные, правда, но автомобили), люди стали лучше одеваться, а вот алкаши действительно пропивают квартиры, а потом злобствуют на весь мир, на демократию, на президента. Этот, из Орла, пишет вам, что он без вас, умников, проживет, а вы без него не проживете. Тогда как же он скатился с 76 килограммов своего живого веса до 57? Как дошел до того, что даже велосипеда не сохранил, не говоря о машине и гараже? Сашников Алексей, рабочий, 58 лет, Воронежская область, город Бутурлиновка. Простите великодушно за ошибки, помарки, грязь – у меня полностью отсутствует зрение».

Письмо этого слушателя написано на машинке.

Спасибо за письмо, Алексей, ошибок я не заметил, помарок – тоже. Удивительно чистое письмо, три страницы через один интервал. Не обижайтесь, что я все-таки уменьшил количество ваших ругательных слов. Вы своим письмом отменили закономерность, о которой я уже докладывал слушателям. Самые большие ругатели до сих пор были те, что тоскуют по советской власти, а среди них – женщины, и почему-то все они мечтают об одной казни для главных предателей социализма: через повешение вверх ногами.

«Это только бездельники, лодарюги, тунеядцы читают стихи, книги, слушают артистов, певцов, певиц, а трудяги – они всегда в работе, – пишет нам один слушатель. – Ваше радио угробляет мое здоровье. Читаете всякую ересь. Надо говорить об успевающих: колхозах, фермерах, заводах-фабриках и о не успевающих, чтобы директорам, председателям неуспевающих, работающих убыточно было стыдно».

Кажется, что написано это человеком далекого прошлого, когда еще не было советских, вышедших из трудового народа, то есть из людей тяжелого физического труда,

артистов и поэтов, но обращаешь внимание на слово «фермеры» и видишь, что время не щадит все-таки никого, всех заставляет изменяться вместе с собою. Подумать только: этот человек ставит в один ряд колхоз и фермера, частника, фермер для него уже не враг, фермера он уже не только разрешает, но и требует славить за успехи и стыдить за отставание!

Письмо от Сергея Николаевича (фамилию не указал): «Переняв от Запада систему хозяйствования, Россия не переняла межчеловеческих отношений, которые не менее, а может быть даже и более важны. Как если бы кто-то, посмотрев на кирпичную кладку, стал класть сам, но забыл, что в раствор надо положить цемент или известь. Естественно, кладка на одном песке рассыплется. В Америке все держится на вере в Бога. Собственно, это и есть краеугольный камень западной цивилизации. В США, например, есть целые объединения, ассоциации бизнесменов – «христиан полного евангелия». На одном из собраний Восточного отделения ассоциации аплодисментами встретили рассказ бизнесмена, ведущего дела с Нигерией. Коррупция в Нигерии примерно такая же, как в России. Правительственные чиновники дали ему понять, что оформят нужные документы за три дня, если получат взятку в 20 тысяч долларов, иначе же дело будет тянуться два месяца. Он не проявил понятиливости, что принесло ему 200 тысяч долларов убытка и моральное удовлетворение. Зато на родине доверие к нему возросло, и он тут же заключил несколько договоров, с лихвой окупивших его убытки в Нигерии».

Спасибо за письмо, Сергей Николаевич. В дополнение к тому, что вы написали, наука высказывает одну важную мысль. Заряд веры, на которой было построено свободное общество (в данном случае – американское), со временем может ослабеть и даже совсем рассеяться, но дельные и благородные учреждения, законы, порядки и привычки

остаются навсегда. Опыт также говорит, что все это можно не без успеха перенести на другую почву, вроде советской, например, – если постараться ничего, по возможности, не опопылить, обойтись без «отсебятины». О России все-таки нельзя сказать, что она уже переняла западную систему хозяйствования. Украинцы говорят: «Похожа свинья на коня, тилькы грыва нэ така». До сих пор не позаимствовали такое устройство, как банкротство. Не свело предприятие концы с концами – тут же оно продается тому, кто больше даст. Если бы так делалось в России с 1992 года, то сегодня большинства нынешних воротил, «прихватизаторов», «красных директоров» не было бы ни слышно, ни видно, они сами забыли бы о своем существовании, и наши слушатели завидовали бы собственникам второго, а то и третьего призыва.

Владимир Ефимович, забывший указать свою фамилию и адрес, слушает «Свободу», как он пишет, «примерно месяц». У него накопилось много замечаний и предложений. И самое главное: «У меня уже сто аксиом отсутствия Бога, пишет он. – Я их со временем вышлю вам – сейчас нет денег на конверты».

С интересом будем ждать, Владимир Ефимович, хотя спор о Боге – есть Он или нет Его, в наши планы не входит.

Кислое резюме

Март 1999

Письмо из Волосовского района Ленинградской области: «Часто слушаю радио «Свобода». Иногда – как баба на возу, а некоторые сообщения очень заинтересовали. Теперь о деле. Я учительница. Согласно постановлению правительства о льготах учителям, никогда не платила налог на землю (16 соток), а потом меня обязали заплатить. Налог не так уж велик, но истина-то дороже. Не сочли бы вы за труд выяснить в Обществе российских налогоплательщиков несколько вопросов. Была бы вам признательна не только я – у нас полдома учителей. Первый. Отменено ли постановление о льготах сельским учителям частично, потому как льготы по коммунальным услугам пока есть. Второй. Каким документом сейчас пользуется налоговая инспекция (вернее, должна пользоваться) при взимании налога на землю? Третий. Имели ли право требовать с меня доплаты по налогу? Я заплатила в июне, а в августе появился какой-то новый указ. Успехов вашему радио, мы его слушаем сквозь большие помехи. С уважением...» Фамилия, имя-отчество, адрес...

К сожалению, для меня составить такую справку, какую просит эта слушательница, все-таки труд, который я не в состоянии на себя взять, но могу сказать, что делал бы я, если бы был в числе тех учителей, что живут в одном доме с нею. Оказавшись в ближайший будний день в районном центре, я зашел бы в налоговую инспекцию, сказал бы: «Здравствуйте! Я учитель такой-то», – и задал бы свои вопросы. Или изложил бы их в письме в районную газету – она наверняка печатает юридические консультации. Я не называю ни женщину, которая нам написала, ни даже села, в котором она живет, потому что хочу произнести слово «иждивенчество». Человек не хочет

наклониться к своим башмакам, потому что уверен, что завязывать шнурки ему должна власть (в данном случае четвертая власть – печать, радио)... Таких людей создает патерналистское общество. Патерналистское – значит такое, где начальство служит не только начальством, но и нянькой для бесправных, а значит и беспомощных, граждан.

«Если реванш большевиков будет продолжаться сегодняшними темпами, то скоро вновь образуется социалистический лагерь (вероятные члены: Россия, Украина, Белоруссия, Северная Корея, Ирак, Туркмения и т.д., и т.п.), – это пишет господин Кутин из Харькова. – К эпохе Горбачева Украина, как и другие страны СНГ, пришла с экономикой, подорванной 70-летней гонкой вооружений и не способной производить конкурентоспособную гражданскую продукцию, да и часть военной. Последнее смутное десятилетие существенно увеличило это отставание. Напрашивается вывод: для подъема экономики нужны западные инвестиции и западные технологии. За очень редким исключением, отечественных передовых технологий и каких-либо других реальных источников финансирования не видно».

Более важного разговора о землях бывшего Советского Союза на сегодняшний день нет, спасибо вам за письмо, господин Кутин. Те западные люди, которые интересуются Россией, Украиной, Белоруссией, с оторопью наблюдают сейчас за парламентами этих стран, за правительствами (особенно – лукашенковским и примаковским), за недемократической, а иногда и демократической печатью. Ну, как же, мол, не понимают они, что спасти их может только Запад, да и то при их великом желании быть спасенными. Обижаются, капризничают, задираются, плюют в единственный колодец, который у них есть, – в единственный!

«Вот и возникает вопрос, – пишет господин Кутин. –

Какие категории граждан понимают это и хотят, и могут способствовать этому?» То есть, немедленному, безоглядному и бесповоротному сближению с Западом. «Большинство рядовых граждан просто хотят вернуть время, когда колбаса была по два двадцать, когда из каждого областного центра в столицы ходили «поезда жизни», на которых ездили за этой колбасой. Сразу после высказывания этого желания наступает переутомление серого вещества, и такие термины, как «инвестиция» и «технология» оно отторгает. Причины же падения «колбасного благополучия» вообще не для среднего ума. Следующая категория граждан – понимающие экономическую ситуацию наемные работники частных фирм, но участвовать в политике им некогда – работа в частной фирме занимает все время и силы. Далее идут частные предприниматели. Их мысли заняты одним: товар завис из-за упавшей покупательной способности населения. Разговор двух бизнесменов немалого калибра за рюмкой чая: «Лучше б напечатали денег, народ бы начал товар покупать». Поистине велик Карл Маркс – бытиё определяет сознание. Даже они не понимают, что настоящие деньги не печатаются, а рождаются в живой промышленности и живом сельском хозяйстве. Следующая категория: работники контролирующих органов. На Украине этих органов 31. Огромная армия, бойцы которой поглощены дележом прибыли подконтрольных структур, и общее дело их не интересует. И последняя категория – люди власти, занятые, в общем, тем же. Напращивается кислое резюме, Анатолий Иванович: в обозримом будущем никто не собирается убедить западного капиталиста, что ему выгодно нести сюда свои деньги и технологии, что его не убьют и не выгонят в любой момент голого и босого. Так что железный Феликс может вполне законно хоть сегодня вернуться на пьедестал, а диагноз такому обществу поставьте сами».

В московских и киевских коридорах власти, в научных кругах есть люди, которые, в отличие от господина Кути-

на, твердо убеждены, что Запад – не единственный колодец, из которого может напиться бывший Советский Союз. В их действиях и проговорах можно уловить контуры особого плана – плана на крайний случай. Отгородиться от Запада, взять население в ежовые рукавицы, отобрать у него все, что можно отобрать, и на эти средства провести новую индустриализацию... Экономисты называют это мобилизационной моделью развития, Лариса Пияшева – конфискационной. Искренне хотят победить российскую отсталость, но опять – по-сталински. Думают, что номер пройдет.

Письмо из Москвы: «Зачем пишу? – спросите вы. Душа болит от всего, что приходится видеть, душа болит за судьбу детей, за будущее России. США добились главного: нет Советского Союза, нет препятствия на пути к мировому господству. Ельцин с помощью США (или точнее, США с помощью Ельцина) разрушил главное – нравственную основу, веру в доброту, честность и лучшее будущее. В Россию хлынул мутным потоком американский образ жизни в голливудском исполнении – главная угроза человечеству. Сущность так называемого американского образа жизни – секс. Им пропитана вся жизнь США. Но это же разрушит и Америку, ведь все великие империи от древности до наших дней разрушались не от классовой борьбы, а от разложения нравственности и веры. Аркадий Андреевич Веркус, образование высшее техническое, 60 лет». Приписка: «Веркус – название маленькой речки в Рязанской области».

Так отчего все же он, по-вашему, распался, Аркадий Андреевич? Из ваших слов следует, что нравственная основа Советского Союза была прочна вплоть до дня, когда за неё взялся Ельцин. Но в Советском Союзе у Ельцина никогда не было столько власти, чтобы управиться с таким делом. Да и временем он не располагал. Выше всего (но не самую большую высоту) Ельцин поднялся в конце

августа 1991 года. Советский Союз распался в декабре того же года. Таким образом, на разрушение нравственной основы великой империи, а потом и на разрушение самой империи у Ельцина было меньше пяти месяцев. Или вы хотите сказать, что в сём случае порядок явлений был не типичный – обратный тому, который вы подметили в истории всех империй: сначала был разрушен Союз, а уже потом – нравственная основа? Но это же, каким надо было быть исполином, чтобы меньше чем за пять месяцев прикончить империю, чья нравственная основа пребывала в целостности и сохранности! Не будучи, к тому же, в этой империи первым лицом... «Выгораживаете Ельцина!» – напишут мне.

«Волнами накатывается вы на мою страну, – пишет Сорокин Александр Петрович из станицы Лабинской Краснодарского края, «квалифицированный рабочий-электрик, теперь сторож», так подписано его письмо. – Гайдары, черномырдины и прочая мразь схлынула, сделав свое черное дело, теперь зюгановы, лужковы, явлинские доруют то, что смогут, а там придут лебеди с черными душами...»

Я не понял, за кого этот слушатель, если и Лебедь его не устраивает, и даже Зюганов с Лужковым, поэтому лучше закончу о сексе в Америке и вообще. Дело в том, что Александр Петрович тоже пишет о сексе – о культе секса, который мы, мол, стремимся перенести из Соединенных Штатов Америки в Россию. Предмет культа – это предмет религиозного, молитвенного поклонения. А культ секса, совокупления – древнейший из культов. На площадях водружали изваяния мужских детородных членов, вокруг них устраивались торжественные игрища, в них особенно отличался женский пол, считалось, что это повышает плодovitость – не только, впрочем, женщины, но и скота, и земли. К нашим дням культ секса в чистом виде остался только у нескольких крошечных племен, хотя стертые

следы его еще можно обнаружить у всех народов – в их обычаях, в языке – например, в русской матерщине.

Теперь об Америке. Если называть культом секса небрачную плотскую любовь, то американцы в этом отношении далеко не впереди планеты всей. Они позади Западной Европы, безнадежно отстают от России, как отставали и от Советского Союза – да, Александр Петрович Сорокин из станицы Лабинской Краснодарского края и Аркадий Андреевич Веркус из Москвы, та половая свобода, которая была в Союзе, американцам и не снилась. Американец, который пристаёт к женщине на работе, особенно если она от него зависит, рискует потерять место, а женщина в порядке возмещения морального ущерба может получить большие деньги. В учреждениях устраиваются семинары – как себя вести, чтобы женщине не показалось, что вы ее домогаетесь. Явка обязательна для всех. Я сам отсидел в прошлом году на таком семинаре несколько часов, и в этом году тоже придется – оторваться от чтения ваших писем и сидеть, слушать лекции, смотреть учебные картины.

Из села Мраково Кугарчинского района Башкирской республики пишет Салават Фатыхович Сахибгареев: «Как известно, в 1991 году рухнула самая жестокая в истории человечества тюрьма народов. К сожалению, одна из камер ее сохранилась практически нетронутой. Я имею в виду мою родину Башкирию. Порядки в ней те же самые, что и 20 лет назад. Люди боятся говорить, писать о власти то, что они думают, – не о московской власти, конечно, а о местной, рахимовской. За правду о Рахимове у нас могут наказать не меньше, чем в Белоруссии – за правду о Лукашенко. Один рахимовский чиновник сказал мне: «Колыма и психушки у нас еще не отменены». Но я не боюсь, ибо знаю, что все равно когда-нибудь буду реабилитирован».

Салават Фаттыхович издает газету для инвалидов-

эсперантистов – да, в башкирском селе Мраково, тиражом 200 штук, прислал нам один номер. Газета называется «Конкордо», что на эсперанто значит, как можно догадаться, согласие. Если из-за кого и лишаются, бывает, сна большие самодуры, так это из-за таких, как вы, Салават Фатыхович. Любой «Отец» – будь то всех туркмен, белорусов или башкиров, не может быть спокойным, зная, что кто-то его не боится. Ему надо, чтобы трепетало всё. Один бунтарь возмущает его больше, чем миллион тихо недовольных. Дело, наверное, в том, что миллион для него – это безликая масса, а бунтующую единицу он знает по имени, даже в лицо. Дерзость единицы, которую ему ничего не стоит превратить в ноль, вызывает беспредельную ярость «батьки». Он, как ни странно, чувствует себя униженным. Ему ведь хочется не только безраздельно править, но считаться особым существом. А тут житель села под названием Мраково Салават Сахабгареев говорит ему во всеуслышание: ты никакой не сверхчеловек, ты обыкновенный беззаконник и обманщик.

В трех тетрадях прислала свое жизнеописание Естер Альтеровна Наерман из села Мурованого Львовской области. Она родилась в 1919 году, в юности сильно болела, но не падала духом, потому что цыганка нагадала ей долгие годы жизни. «Она повстречалась мне на улице и говорит: «Красавица, дай погадаю!» Я сказала: «Какая я красавица? Полтора метра роста, все лицо в веснушках». Цыганка взяла мою левую руку и говорит: «Ты выйдешь замуж за человека не своей веры, у тебя будет много детей, и ты будешь долго жить». Ничего не попросила за свое гадание и ушла. В сентябре 1941 года моим мужем стал, как она и нагадала, человек не моей веры и крови – украинец Иван Филиппович Лях». Она родила ему четырех сынов и трех дочерей и до сих пор жива-здорова.

Свое жизнеописание Естер Альтеровна начинает так: «Не буду ни ругать, ни хвалить советскую власть. Я при

другой власти не жила. Я только хочу написать правду – как я, обыкновенный человек, жила в Советском Союзе. В нашем местечке Миньковцы под Одессой жили евреи, украинцы и поляки. Каждый говорил на своем языке, и все друг друга понимали. Семилетку я закончила на еврейском языке, потом поступила в Одесский радиотехникум, где учиться надо было на украинском. Там у меня появилась подруга Оксана, украинка. Мы не расставались много лет. Я плохо говорила по-украински, а она плохо писала по-русски, всюду ставила лишний мягкий знак, но мы быстро справились со своими трудностями».

Она хорошо помнит голодомор тридцать третьего года. В местечке был еврейский колхоз. «Председателем у нас, – пишет Эстер Альтеровна, – была женщина, мать троих детей. Она не просто руководила, она трудилась наравне со всеми, заботилась о людях. На работу она выходила каждый день, несмотря на страшно опухшие, обмотанные тряпьем ноги, распухшее от голода пунцово-синее лицо. На работе она и умерла. Мне кажется, что первой от голода в нашем местечке погибла именно эта женщина, председатель колхоза Шматман (имя и отчество не помню)».

После окончания техникума подруги получили назначение на Дальний Восток, на новую радиостанцию в Комсомольске-на-Амуре. «Мои родители, – вспоминает Эстер Альтеровна, – очень переживали, что я собралась в такую даль, но мама после Бога верила раввину, а он ей сказал, чтобы я ехала, куда меня посылают, и пожелал, чтобы моя голова оставалась всегда ясной. В феврале 1940 года мои дорогие родители проводили меня из нашего местечка в Одессу, откуда я должна была отправиться в далекий путь. Ни я, ни они не думали, что видим друг друга в последний раз. В 1941 году в нашем местечке были расстреляны фашистами 2 тысячи евреев, среди них и мои родители. Из тех, с кем я училась в школе, я встретила потом только одну женщину. Она мне рассказала, что не погиб-

ла потому, что ее приняли за украинку. Всю войну она жила в украинской семье. На вокзале в Одессе меня провожали друзья и два брата. Младший брат плакал – видно, чувствовал, что видит меня в последний раз. Изя погиб на фронте недалеко от Курска».

В Комсомольске-на-Амуре подруг хорошо встретили, работать они стали радиотехниками. «Мы начали работать с большой охотой, – пишет Естер Альтеровна, – нам все нравилось: тайга, река, мы облазили все сопки вокруг нашего поселка. Если снизу посмотреть на сопку, то она вся красная от малины, мы варили из нее варенье. Рыбу (кета, горбуша – жареная, копченая) и красную икру мы ели каждый день. С апреля 1940 года по май 1941-го – это был первый в моей жизни год, что я ела досыта. На работе меня всегда окружали честные хорошие люди. Я их помню и благодарна им. Особенно радостно, что в самом начале моей трудовой деятельности мне встретились хорошие, нормальные люди. Они меня не учили кого-то бояться. Главный инженер меня называл хозяйкой радиостанции и учил подчиняться правилам техники безопасности, а не личностям. Одно время в мои обязанности входило включать высокое напряжение, когда заступала вторая смена. Бригадир этой смены не мог смотреть на меня спокойно, его лицо перекашивалось: он знал, что ждать включения ему придется долго. Пока я сама не закрою камеры высокого напряжения и не положу ключи в свой карман, пока не обойду все распределительные устройства, пока не буду знать, что нет ни одного человека там, где не положено быть людям (еще загляну за передатчики – не забыл ли кто там какую-нибудь железку), – высокого напряжения я не включаю. Проходит некоторое время, и вот однажды бригадир с улыбкой говорит главному инженеру обо мне в моем присутствии: «Вот единственный человек на радиостанции, у которого ничего не случается». Для меня это была награда за мой труд. Такие награды я получала всю жизнь».

То и дело в своих тетрадах Естер Альтеровна вспоминает мужа, своего Ивана – Ивана Ляха. Чтобы жениться на ней, он приехал в Комсомольск-на-Амуре. Там они осели надолго, он устроился на ту же радиостанцию. «Очень много мы работали и в своем хозяйстве, – пишет она. – В тайге заготавливали дрова, копали целину – каждый год расширяли огород, муж косил, я собирала сено для коровы, которую мы купили после войны. Мне завидовали, что у меня такой муж. Русская соседка однажды сказала: «У тебя хороший мужик: не пьет, не курит, на чужих баб не заглядывается». Главное счастье в Комсомольске было в том, что дети наши росли здоровыми».

Дорогая Естер Альтеровна, я два раза прочитал ваше жизнеописание, думал над вашими словами, что на работе вокруг вас всю жизнь были хорошие люди. Мне захотелось сказать одну вещь – ее приятно будет услышать вашим детям и внукам. Дело было, мне кажется, не только в том, какие люди вас окружали, а каким человеком были вы. Кто-нибудь встречал плохого человека, который сказал бы, что всю жизнь ему попадались хорошие? Или – хорошего, который сказал бы: «Ах, какие плохие люди мне попадались!»

Во второй вашей тетрадке мне очень понравилась история с деревенской молодухой и лампочкой – прямо притча, прочту ее вслух: она хорошо показывает и объясняет, что такое советский город, советское городское население, возникшее, по историческим меркам, буквально в одночасье. «В поселок приехала молодая женщина из глухой деревни. Ее поселили в отдельной комнате, включили свет (дело было вечером). Она прибралась и решила лечь. Нужно погасить свет. Она берет стул, ставит его на стол, взбирается на стол, со стола – на стул и дует на электрическую лампочку. Через окно это увидел сосед, постучался и показал ей, как обращаться с выключателем. Проходит немного времени, и вот эта женщина высмеивает дру-

гих – таких, какой недавно была сама: та деревенская не так одета, та деревенская не так выражается. Сосед ей говорит: «А давно ли ты сама дула на лампочку?»

Спасибо за ваши тетради, Естер Альтеровна. Жестокость советской жизни шла не только от общественного устройства, но и от таких людей, как эта молодуха, – от их деревенской бесцеремонности, нетерпимости, неуважения к личности – от их, короче, недемократизма. Демократия – продукт ведь не деревенский, с деревенской точки зрения это баловство. Советские города, тот же ваш Комсомольск-на-Амуре, росли не так, как растет лес, – медленно, для самого себя незаметно, они взлетали и раздавались во все стороны, как грибы после дождя, это был поистине «Большой Взрыв». Страна, рывком сделавшаяся городской, во многих важных отношениях надолго осталась сельской, и первое из этих важных отношений – недемократизм. Потребуется, наверное, еще не одно поколение пропитанных городским духом людей, прежде чем Россия станет городской, то есть, демократической, страной не только с виду, но и по существу.

Запретные темы

Апрель 1999

Юрий Беляев, предприниматель из Ростова-на-Дону: «Настолько тошно от того, что делается в стране после начала бомбардировок Югославии, что просто не могу молчать. Хорошая штука война! Особенно для наших политиков. Отдохновение от нудных будней. А особенно хороши свеженькие войны. Старые, вонючие уже всем осточертели. Вон какая беспросветная бодяга с Чечней! А тут – свеженькая такая войнушечка. Да еще как удачно, что не с кем-нибудь, а с нашими «братьями-славянами». Вот и президент оживился и даже адекватно грозит пальцем. Депутаты позируют перед камерами: геополитика – это вам не шаньга с квасом! Генштаб клянет НАТО, как неверную девчонку (хана загранкомандировкам в страны «вероятного противника»). Ничего, господа генералы, вы еще оторвете кусочек побольше от этого ссохшегося коржика, который какой-то гражданский назвал госбюджетом. Зюганов и Жириновский уже набирают добровольцев, – пишет господин Беляев. – Ура! Дураков, авантюристов и просто отчаявшихся людей, готовых на все, у нас, благодаря этим господам, полно. Но если кто увидит знаковую бородавку и фурагу в косовском окопе, скажите всем. Самый эффектный финт в воздухе сделал, конечно, премьер. Слава Господу, керосин пока есть, можем летать хоть три дня, хоть четыре. Пусть знают, мерзавцы, что имеют дело с великой державой. Нет, что ни говори, война – хорошая штука. Можно забыть обо всем: о коррупции, о развале страны, об учителях, врачах и прочей бюджетной «шушере», о голодных стариках и детях, обнищавших работягах, об уничтоженном среднем классе. Ну их к бесу всех, у нас тут война-с! Патриотизм у нас, вашу мать! Гей, славяне! Вперед, государственные мужи! «Мы пошли

до конца!» – сказал наш «герой дня», воздушный ас и премьер. Конец, очевидно, уже близок. Юрий Беляев, предприниматель. Ростов-на-Дону».

Спасибо за письмо, господин Беляев. Предприниматели нам пишут редко, и обычно это – жалобы на российские законы, чиновников и бандитов, а также проекты, которые, как обычно, показывают, что можно быть удачливым предпринимателем и ничего не понимать в экономике. И, подобно основоположникам, очень любят крепкие слова. «Только непроходимый идиот или подлец, – так начинает свое предложение один москвич, – может в условиях России вспоминать псевдомонетаристские идеи сдерживания спроса на бюджетные ассигнования». Говоря попросту, этот слушатель не видит ничего плохого в том, что «красный» (как, впрочем, и любого цвета) директор, вместо того, чтобы денно и нощно думать, как заработать деньги, стремится всеми правдами и неправдами получить их из казны. У казны же, по мнению автора, никакой напряжёнки с деньгами быть не должно: их надо смело печатать, но раздавать не как попало, а только «на подконтрольное оживление или расширение отечественного производства» и, разумеется, по дешевке, ведь дорогой кредит обрекает хозяйство на застой. Этот слушатель не отвечает на три вопроса, которые напрашиваются сами собой. Кто, как (и почему) будет отбирать кандидатов на «подконтрольное оживление или расширение»? Кто, как (и почему) будет осуществлять контроль за этим самым «оживлением или расширением»? И кто будет покрывать убытки от ошибок при отборе получателей дешевого казенного кредита? С похожим замыслом в правительство Приморья пришли, как известно, коммунисты. На два первых вопроса они отвечают без запинки: «Мы». От третьего привычно уклоняются.

Пишет господин Хабибулин из Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области: «Когда есть время, я ложусь на

диван и слушаю радио «Свобода». Иногда мне кажется, что вы каким-то образом угадываете мои мысли. За то, что я слушал «вражеские голоса» и рассказывал людям, о чем слышал, меня чуть не затолкали навсегда в психбольницу, да спасибо доктору Мохровой, главному врачу психбольницы в нашем городе: она разделяла мои взгляды и оберегала меня, как могла, поэтому меня только перед каждым Седьмым ноября и Первым мая приглашали туда и спрашивались о моем здоровье. Не люблю я коммунистов, вот хоть стреляйте меня. Неужели у нас будет коммунистический реванш? Ведь все идет к этому. Неужели нам не суждено жить по-человечески? Что ж это за страна? Нищий, голодный, бесправный народ, о котором так много заботящихся, сидит на богатейших ресурсах и ничего не делает».

Спасибо за письмо, господин Хабибулин, жалко, что вы не указали своего имени и мало написали о докторе Мохровой. Она могла серьезно пострадать за то, что делала для вас. Не скрывала от вас своих взглядов – вот что меня еще заинтересовало. Не боялась, значит, что вы где-нибудь проговоритесь. Напишите подробнее о ней, о ваших встречах и разговорах с нею и, пожалуйста, не забудьте назвать её имя-отчество.

Марлен Ефимович Новохатский пишет из Оренбургской области: «Вы задумывались ли, почему многие слушатели ругают вас? По глупости, по верности идеям Ленина-Сталина-Хрущева-Брежнева? Потому что тоскуют по ушедшей молодости, когда сахар, кажется, был слаще, а девки – красивее? Нет и нет! Вас ругают за полное неприятие того, что было в Советском Союзе. Да, было много негативного: и расстрелы невинных, и высылка целых народов, и жесточайшая цензура, и однопартийность, преследование инакомыслящих, и агрессивность к Западу. Мне думается, что инициатором холодной войны и гонки вооружений было советское руководство, тем самым заг-

навшее нас в экономический тупик. Но было немало и хорошего. Например, доступное образование и здравоохранение. В свое время я ерничал по поводу общественных фондов. Сейчас считаю, зря. Повсеместно закрываются ясли, детские сады, пионерские лагеря, различные кружки при домоуправлениях, профилактории и дома отдыха. Нерентабельно».

Я знаю, Марлен Ефимович, что многие очень недовольны, что радио «Свобода» не выделяет хорошего в советском прошлом. Пользуясь случаем, скажу: с моей точки зрения, и бесплатное образование, и бесплатное медобслуживание, и все, что делалось на средства из общественных фондов, – все это было очень неплохо, для кого-то и очень хорошо, и я не могу радоваться, что всего этого не стало, как и тому не могу радоваться, что далеко не все отдают себе отчет, откуда это все бралось. Не строили дорог, нормальных жилищ, не делали массы других вещей, которые сами собою делаются в свободном обществе. Сэкономленные таким способом средства шли на военные дела, на образование, здравоохранение. Основную часть средств в брежневские годы давала нефть – 200 миллиардов долларов. Высадка на Луну американцам обошлась, начиная с первого чертежа, миллиардов в 20. Когда нефть вдруг подешевела, сразу кончилась «халява». Что касается промышленности, то о ней без большой натяжки можно сказать, что все равно: была она или не была – работала сама на себя. Кончилась «халява» – кончилась и мнимая бесплатность многих благ. Скажут: бесплатное образование, бесплатная медицина были и до нефтяных денег – да, были, но до шестидесятых годов деревня не знала, что такое пенсия. Кто хочет, тот это все понимает, кто не хочет – никогда не поймет. Это естественно. Потерять что-то хорошее, чему, казалось, не будет конца – удовольствия мало, так и хочется найти виноватого: плохое начальство, подрывная радиостанция «Свобода». На протяжении многих лет я хорошо знал советский ком-

состав – от бригадира до министра, всюду были хорошие знакомые и друзья. Талантливых людей, сильных людей, знающих свое дело, среди них было, уверяю вас, не меньше, а может и больше, чем в любой западной стране, но кто бы ни сидел за рулем машины, которая не в состоянии развить больше 60 километров в час, ничего не сделает, разве что спустит её с горы Арарат.

Из Екатеринбурга пишет Зыков Алексей Александрович: «Уверен, что вы поймете меня с первых слов. Из Свердловской области ушло на фронт 700 тысяч человек, полегло около 300 тысяч, а по моим подсчетам – 350-380 тысяч. Среди них примерно половина – без вести пропавшие. Это те солдаты, на долю которых выпала не только безвестность их последнего боя, но и подозрения в предательстве. Это долгие годы чувствовали мы, их дети – безотцовщина военных и послевоенных лет. В 1995 году мы создали движение «Семьи безвестно павших воинов». В наших рядах уже несколько сотен человек. Мы добиваемся признания павших участниками боевых действий и награждения их посмертно – примерно так, как в 1985 году все фронтовики были награждены орденом «Отечественная война». Обращаться к депутатам, к политикам мы не будем. Дело наше – не голоса в предвыборной перекличке и не торговля: вы – нам, мы – вам. Дело святое для страны».

Спасибо за письмо, Алексей Александрович, я действительно понял вас с первых слов, тем более что и мой отец пропал без вести – в 1943 году, под Ленинградом. Правда, я ни разу ни от кого не слышал даже намека, что это не то же самое, что погиб во время боевых действий, что в этом есть что-то стыдное. Наравне со всеми вдовами фронтовиков мать получала пенсийку, фамилия отца есть в списке павших жителей нашего села, выбита в алфавитном порядке на памятнике возле сельсовета. По-моему, вы напрасно решили не обращаться к депута-

там, к политикам. Получается, что к ним можно и нужно обращаться только по не совсем чистым делам. Политический торг всех со всеми и по всем делам – это нормально, это и есть демократия, иначе общество может дойти до войны всех со всеми. Тут или-или. Или торг всех со всеми, или война всех со всеми.

Михаил Федорович Подвойский из Великих Лук пишет о том, что за человек, по его мнению, будет следующий президент России: «Конечно, это будет человек, который наберет большинство голосов, но без собственной идеологии (учения). Русский, со своей ленью, гонорливостью, нетерпением, занозизостью, так что России предстоит потопать в лаптях и в третьем тысячелетии». Но в коммунизм она, по мнению Михаила Федоровича, топтать уже не будет. «Коммунистический период ушел безвозвратно потому, что коммунистическое учение уничтожило деревню. Мы далеко зашли. Железная дисциплина не поможет. Она потребовала бы уничтожить много людей, что уже немыслимо. Легко было вождю, который получил в наследство семьи из 6-8 человек. Теперь семья – 2-3 человека. В большинстве своем это иждивенцы, не способные к творческому труду и здравому мышлению. Нынешний генофонд ругает Ельцина за то, что он довел страну до нищеты. Но как вооружить этот народ понятием того, что доводить до нищеты начали в момент, когда объявили: «Все – наше!»? Сейчас опять народ взял все в свои руки. Леса и все, что в лесах, хищнически уничтожается. Заводы и жалкое имущество колхозов растащили. Народ взял в свои руки и деньги. У государства денег практически нет, от безвыходности оно вынуждено печатать их, что бьет по способным к творческому труду людям, у которых есть кое-какие сбережения и надежды».

Замечательно сказали вы, Михаил Федорович, о вредности печатания пустых денег: «Это бьет по способным к творческому труду людям». Обычно говорят о стариках,

которые больше всех страдают от роста цен, а вы обратили внимание на ту часть «генофонда», от которой зависит благополучие и стариков, и всех, кто по тем или иным причинам не вполне способен к творческому труду. Быстрый рост цен съедает накопления и не дает затеять какое-либо долгосрочное дело.

Пишет Константин Абакумов неизвестно откуда (письмо пришло по электронной почте): «Вы говорите: те самые люди, которые разбомбили Чечню, теперь рассказывают, как им жалко Югославию. Так что, бомбили Чечню и немцы, и французы, и итальянцы, и американцы? Выберете одно из двух. Первое. Все, кто бомбит, – негодяи. Второе. Все сепаратисты – негодяи. Мне важно ваше мнение».

Спасибо, господин Абакумов, мне тоже было важно узнать ваше мнение, вернее, догадаться о нем. Почему я должен выбирать обязательно одно и обязательно из двух? Можно, конечно, и так, но ведь на то нам и глаза даны, и уши, и голова, чтобы вникать в то, что происходило и происходит, и даже пытаться представить себе, что будет завтра. Часто приходится выбирать не одно и не из двух, очень часто. В целом же мне близок подход одного солженицынского мужика: волкодав прав, людоед – нет.

Степан Федосов: «В советском учебнике по истории, вышедшем из печати в 1940 году, виновниками войны в Европе названы Англия и Франция. Естественно, не гитлеровская Германия. Сегодня в наших глазах виновником является НАТО, Америка, Англия, но не Сербия Милошевича. Подобное тянется к подобному. «Прогнившие западные демократии» – чужие, а диктатор Адольф – свой! И флаг красный. И партия социалистическая, рабочая. И далее так было. Кто у нас в друзьях ходил? Муамар Каддафи, Саддам Хусейн, Ясир Арафат, само собой – Фидель Кастро. На высшем уровне принимали президен-

та Центрально-Африканской республики Бокасса, людоеда в самом прямом смысле этого слова. А что изменилось сегодня? А ничего, Клинтон, Солана, Мэйджер, вплоть до Вацлава Гавела – это чужие. А Милошевич – свой! В Югославии я был десять лет назад, видел цветущую страну и дружелюбных людей. «Юги» ездили на заработки на Запад, привозили оттуда «Мерседесы», все пригородные белградские автобусы были немецкого производства. Даже деньги им печатали в Германии. Десять лет понадобилось Милошевичу, чтобы превратить страну в лагерную зону и разругаться со всеми без исключения соседями. И вот сегодня моя родина поддерживает международного преступника. Мои сограждане проклинают Америку и восторгаются Китаем. Накануне 21-го века. Страшно. Добавьте сами. С уважением Степан Федосов».

Я немного сократил ваше письмо, Степан, а добавить могу о Китае. У приговоренных к смерти там перед казнью извлекают внутренние органы: почки, сердце, все, что, по мнению врачей, годится в дело и может быть продано, это, собственно, и есть казнь. Женщинам запрещено рожать больше двух детей. Если случайно родится третий, его могут тут же убить – этим, от имени коммунистической партии, занимаются врачи. В одном документе говорится: «Мать схватила ребенка и прижала к груди. Его вырвали у нее силой. Главный врач больницы сказал: «Согласно решению партии, этот ребенок не имеет права жить. Место ему в могиле, и он туда отправится!» После этих слов он убил ребенка молотком».

Наш слушатель Яременко пишет, кстати: «Коммунистическая партия Китая на правильном пути. Забудьте о диссидентах в Китае, если не хотите увидеть вторую культурную революцию. Диссиденты в СССР уже сделали свое дело, превратив некогда нормальное объединенное государство с единой валютой в 15 княжеств с разрушенной экономикой и очагами напряженности в большинстве из них».

Пишет Эрнест Геденович Шахназаров: «Тот, кто с вами согласен, редко возьмет ручку и напишет вам об этом, а вот не согласных с вами так и подмывает написать нечто такое-эдакое, что вы, по их разумению, не посмеете прочесть. Но вы читаете все их злобствования и почти что ругательства, на деле доказывая, что для радио «Свобода» запретных тем нет».

Вообще-то есть, Эрнест Геденович, и я думаю, это само собою разумеется, и для вас, и для большинства наших слушателей, как бы они к нам ни относились. Я не раз уже говорил, что не читаю нападок одной нации на другую, одной религии на другую, а таких писем, к сожалению, много. Русские нападают на украинцев и евреев, украинцы – на русских и опять же на евреев, православные – на мусульман и католиков. Этих писем я не оглашаю и никогда не оглашу – пусть авторы не надеются. Раз уж зашла об этом речь, скажу еще кое-что. Евреев ругают все, кому, как говорится, не лень. Но еще не пришло ни одного письма от еврея, который оскорблял бы какую-либо нацию. Ни один католик пока не оскорбил православных и православную веру. Ни один протестант (чаще пишут баптисты и пятидесятники) дурно не отзывался о православных. Писем от мусульман немало – ни одного еще не было, чтобы в нем поносили христиан, иудеев.

Таинственная страсть

Май 1999

Николай Иванович Пономарев из Караганды: «Я сразу прошу извинения за неграмотность, учиться не хотел, пошел работать в шахту. С шахтеров и начну. Просят они денег, им дают, они говорят: мало, верните и долги. А я думаю: откуда у них такие заработки, если со времен перестройки почти нет производства? Совсем недавно было: идешь в шахту – тебе дают 200 граммов колбасы по рублю семьдесят и кусочек хлеба. Я зарабатывал в среднем 300 рублей в месяц, цены были невысокие, но в магазинах ничего по этим ценам не было, мы получали карточки. На карточке написано много чего, но в наличии было пшено, какие-то жиры, сахар и конфеты «Золотой ключик». Сейчас в магазинах все есть, все дорогое. Зайдешь, стоишь, смотришь. Берут все дорогое. Кто же эти покупатели в Караганде? Это, в основном, шахтеры и рабочие других предприятий, которые производят оборудование для шахт. Душа, конечно, радуется. Ну, а кто беднее: учителя, пенсионеры – те идут на базар, где все дешевле и было бы еще дешевле, если бы не рэкет и милиция. Тем, кто вас ругает за очернение прошлого, я хочу напомнить, как было. В магазине – один прилавок, окованный железом, и на него давит толпа, многим ребра ломает. Это были, в основном, сельчане происхождением, их партия загоняла на производство, они на том производстве и тогда были лишние, а сейчас – тем более: отвыкли от сельской работы, а к промышленной не привыкли, очень много таких, что шалай-валяй. Да что писать, Анатолий Иванович, народ испорченный, и крутят им, как хотят эти лапшины, и все против демократии. Я теперь разочаровался и в Ельцине, слышал, как один старый коммунист защищал его. Он говорил своим: «Вы, дураки, не трогайте

Ельцина, это наш друг, смотрите, как мы над ним ни издеваемся, никого из нас не наказал, а молодых демократов разогнал».

Так написал на «Свободу» Николай Иванович Пономарев из Караганды. Мало кто задумывался в советское время и мало кто задумывается сейчас о том явлении, о котором вы сказали вскользь, Николай Иванович. Была большая, местами просто огромная скрытая безработица. Проводилась политика, которая называется политикой полной занятости. И сейчас в разных учреждениях – от сельсовета до президентской администрации – людей больше, чем при советской власти. Для многих, особенно для женщин, как подметил один наш слушатель, учреждение служит чем-то вроде клуба. Есть куда одеться, есть, где отдохнуть от домашней каторги. Такими домами отдыха служат и многие заводы. Люди приходят, играют в домино, рассказывают анекдоты. Перед тем, как разойтись, каждый соображает, что бы уволочь для дома – для семьи, поскольку, как известно, кто в колхозе не вор, тот дома не хозяин, – была такая пословица. Об этом пишет на «Свободу» господин Дзиццоев из Осетии: «Что такое среднестатистический советский человек? Это человек с воровской психологией, которую воспитала «общенародная собственность». Рассчитывать на прояснение этого сознания не приходится, – считает он, – преодолеть воровскую психологию невозможно. Так что пусть уж наши соотечественники доживают со своей воровской психологией».

Господин Бобров из Петербурга хочет, чтобы эти люди, по крайней мере, знали, что то, что произошло с ними, то, что они испытывают сегодня, – на планете не новость. «300 лет назад французский врач Франсуа Бернье вернулся на родину после того, как 12 лет провел на Востоке. Он написал книгу о том, что там видел и о чем думал. «Турция, Персия и Индостан, – писал он, – уничтожив

понятие «твое» и «мое» по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного, поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение и то же опустошение. Итак, не дай Бог, чтобы наши монархи стали собственниками всех земель, которыми сейчас владеют их подданные». Господин Бобров, приведя эти слова, написанные в 1670 году, пишет: «Деятельность коммунистов отбросила общественное сознание на столетия назад, поэтому не следует ожидать быстрого возрождения России. Необходима полная смена поколения, которому сейчас 60-75 лет. Это поколение сопротивляется реформам, так как неспособно действовать самостоятельно. Оно не вписывается в современные общественные отношения».

Согласен с вами, господин Бобров. Никто так не обижается на жизнь, которая смеет не стоять на месте, как человек, который не привык к самостоятельности. И никто так не ругает начальство. Это понятно. Если ты отдал начальству все, вручил ему свою судьбу и судьбу своих детей, если ты ничего не оставил на свою волю, на свою ответственность, тогда ты должен спрашивать с начальства по всей строгости. По самой большой строгости! Больше ведь не с кого. Они же и самые большие ругатели не своих наций. Инженер Когосов из Дюссельдорфа приводит высказывание немецкого поэта Ханса Магнуса Энценсбергера: «Групповой эгоизм и ненависть к чужакам суть антропологические константы, превосходящие всякие доводы». Говоря иначе, ненависть к чужакам – в природе человека, и дурное это чувство сильнее разума. Господин Когосов в связи с этим ссылается и на слова Ларошфуко: «Ум всегда в дураках у сердца». Автор письма приводит один пример из Германии. «Иностранцев, – пишет он, – здесь 7,4 миллиона. «Это – тяжкое бремя для налогоплательщиков. Доколе?!» – гневно взывают правые, не

утруждая себя точными цифрами. А цифры – вот они: стоимость содержания неимущих иностранцев – 30 миллиардов марок, налоги, отчисляемые в бюджет страны работающими иностранцами, – 40 миллиардов».

Примерно такое же положение и в Австрии, Леонид. Ксенофобы (ненавистники чужаков) не утруждают себя точными цифрами потому, я думаю, что нет в природе таких цифр, которые могли бы их поколебать. Выводы делаются вне разума, до того, как включается разум. Отсюда – слова: «предвзятость», «предрассудок» – вывод идет впереди рассудка, перед, пред рассудка.

Андрей Силантьев: «Недавно я задал себе вопрос: а собственно почему считается, что народ не отвечает за деяния своих правителей? В 1917 году народы России привели к власти большевиков. В Германии в 1933 году Гитлер правовым путем пришел к власти, народ не был лишен волеизъявления. Югославия всегда была более свободной страной, чем другие страны Восточной Европы, сербы знали, как живет мир, но они привели к власти Милошевича с его комуно-фашистскими принципами, а теперь еще и сплотились вокруг него. Государственным деятелям необходимо понять, что государство и общество кончаются перед порогом квартиры каждого человека, а каждому человеку необходимо понять, что государство и общество начинаются за порогом его квартиры и что если туда постоянно плевать, то сначала будет неприятно выйти за порог, а потом будет небезопасно и оставаться в квартире».

Спасибо за письмо, Андрей. Все знают, как Гитлер пришел к власти, – как устроил поджог Рейхстага, как, воспользовавшись пожаром, совершил переворот, стал преследовать своих противников, а их было очень много – против него голосовали, кажется, 36 процентов, – все это знают и, однако же, повторяют: законным путем, законным путем. Что имеется в виду, понятно: то, что в

конце концов за Гитлером пошло подавляющее большинство немцев, но жалко, что мы невольно затемняем одно важнейшее обстоятельство. Ленины, Сталины, Гитлеры, Мао, Хуссейны, Милошевичи законным путем к власти – к той власти, которая Сталина делает Сталиным, Гитлера – Гитлером, Милошевича – Милошевичем, – не приходят, и прийти не могут.

Из деревни Матырино Лепельского района Витебской области пишет Доберман Семен Израилевич: «Хотя моя фамилия и Доберман, живу на селе, работаю в своем хозяйстве, никого не эксплуатирую, разве что самого себя, многое воспроизвожу сам, и даже мое испражнение идет не на вонь в окружающую среду (как у вас), а прямиком на удобрение. Если бы вы знали, как мне жалко моего времени писать в адрес вашей «благоуханной» радиостанции от ЦРУ, но долг сильнее меня. Как вы стремитесь обратить нас в свою веру, так и я надеюсь проронить малюсенькое семя совести в ваших потерянных душах. Вы стараетесь, чтобы россияне добровольно, как папуасы, отдали свои ресурсы дядюшке Сэму. Нам ведь не нужно вашего рынка, у России все есть, ей не нужно что-то вывозить, чтобы что-то ввезти. Вот этого-то вы и боитесь, как черт ладана. Поэтому всеми силами пытаетесь сделать так, чтобы в России всегда чего-то не хватало, чтобы она всегда ждала помощи от дяди Сэма. Вам надо, чтобы никто в России не хотел учиться и трудиться, а хотел только свободно жевать резинки и заниматься безопасным сексом. Скажи, Стреляный, хотя бы себе честно: ведь не хочешь ты, чтобы мы сами научились работать и потреблять свои ресурсы».

Прочитаю вам, Семен Израилевич, письмо из Твери. Прислала его женщина, о себе сообщила, что ей уже не 17 лет, но и старухой не может себя назвать. «Там, где я живу, граждане, не утомляя себя выходом на лестницу к мусоропроводу, выбрасывают остатки своей жизнеде-

тельности в окна. После таяния снегов российская действительность предстает каждый раз в самом мрачном виде. А когда слышишь разговор семилетних детишек на улице, то не перестаешь удивляться их познанию ненормативной лексики. Сирень, бывало, только расцветет, так эти малыши в считанные дни оставляют одни обрубки. Психологией разрушения пронизано все вокруг. Повсеместное пьянство, равнодушные».

Напишите мне, пожалуйста, Семен Израилевич, каким все же образом Соединенные Штаты Америки, ЦРУ, радио «Свобода» заставляют жителей Твери выбрасывать мусор из окон многоэтажек. Какими действиями мы мешаем калужанам пить с просыпом и обучать детишек не матерному, а русскому языку? Второй вопрос. Россия, говорите вы, могла бы ничего не продавать и не покупать, но американцы (с моей посильной помощью) отучили ее трудиться, и она вынуждена и продавать, и покупать. Но как объяснить тогда поведение самих Соединенных Штатов? Отучить американцев учиться и трудиться Советскому Союзу не удалось. Однако они продают и покупают огромные массы всякой всячины. В мире никто столько не продает и не покупает. Напишите мне, Семен Израилевич, чьи происки вы усматриваете в этом случае. Что за сила поставила американцев в такую зависимость от мирового хозяйства? Про зависимость мирового хозяйства от американцев я вас не спрашиваю: ясно, что это ЦРУ так устроило, что европейцы и японцы все покупают и покупают у американцев их товары и никак не могут остановиться. А вот кто устроил так, что дядя Сэм тоже покупает и покупает у европейцев и японцев их товары и никак не остановится? Я обращался к Семену Израилевичу Доберману, живущему своим хозяйством в деревне Матырино Лепельского района Витебской области. Он мечтает о том, чтобы Россия (в которую он включает, как можно понять, и свою Белоруссию) тоже жила своим хозяйством – ничего не продавала и не покупала. Такое

хозяйство называется автаркическим, то есть, замкнутым. Мысль-мечта о нем у господина Добермана возникла там, где ей и положено возникнуть, – в деревне. Но изложил он ее на компьютере. На компьютере, но – в манере прошлых веков, по-радищевски: «Ах, россияне, когда же вы, наконец, научитесь отличать разницу между добром и злом? О, Боже! Когда же ты остановишь засилье сатаны?» Все смешалось в доме Облонских...

В отличие от хозяйственного жителя белорусской деревни Матырино, его соотечественник господин Гедун не хочет включать Белоруссию в Россию: «Не все белорусы жаждут объединиться с Россией. Лукашенко уже не выражает мнение большинства белорусского населения и тем более – белорусов. Пусть никого не вводит в заблуждение малолюдье митингов оппозиции в Минске. Многие противники объединения живут в провинции и не всегда могут добраться до столицы: нищета. Объединение таких разных величин, как Белоруссия и Россия называется аннексией или, более точно, аншлюсом. Я пишу это немецкое слово для того, чтобы оживить память тех, у кого она коротка. Вот точное высказывание Александра Лукашенко, записанное на пленку немецким журналистом: «Гитлер – это мое понимание роли президента в стране». Этот человек может появиться на политической сцене России, где не погасли имперские рефлексy, где в думе преобладают красно-коричневые, а председателем ее является коммунист, вслух мечтающий ввести в стране ка-торгу. Не говорите тогда, сторонники «славянского союза», что вы не знали, что творили. Но я и не осуждаю таких людей. В конце концов, не их вина, что они имеют мозги с имперским уклоном. Это громадные пространства, которые они до сих пор считают своими, так влияют на их образ мышления. Даже я, щирый белорус, не без усилия сообразил, что родина кончается за Витебском, а не за Сахалином. Василий Гедун».

Пишет Будьмо Анатолий Иванович из города Калуша Ивано-Франковской области: «Слушая вас, убедился, что только на «Свободе» новости более-менее достоверны. Одни коммунисты у власти, другие рвутся к власти. Научились за 80 лет кредиты брать и ничего не делать, довели людей до крайности, и все ищут врага вокруг себя, только не в себе. Мне очень это интересно. В 1950 году мне было 14 лет, тогда я все про них понял и так им и сказал: этот ваш пузырь лопнет с большим треском. Не думал я тогда, что доживу до этих дней. Все это свершилось, а люди и сейчас не могут ничего понять».

Всё они понимают, господин Будьмо. Понимают, но не принимают. Настраивались так: было одно начальство – плохое, мало о нас заботилось, придет другое – хорошее, будет больше о нас заботится, слаще кормить, моднее одевать. А поменялось-то не начальство. Начальство как раз осталось прежнее, о чем с негодованием говорится в каждом втором письме на радио «Свобода». Поменялась основа жизни. Эту перемену многие слушатели выражают словами: «Некому пожаловаться». Вот что самое ужасное. Не на кого переложить свои заботы. Словно появился царь, который на все жалобы отвечает одинаково: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» Смириться с этим многим очень трудно. Еще труднее поверить, что сравнительно сытая жизнь в брежневские годы – это была «халява», которая кончилась, как только подешевела нефть на мировом рынке.

Инженер, указавший только свое имя – Геннадий пересказывает сочинение одного российского профессора, известного своими нацистскими взглядами и теориями. Одна из его теорий гласит, что Россия находится под властью, как он выражается, «инонационального и иноконфессионального» правительства, которым руководит заграница. Если бы он не опасался говорить по-русски, то сказал бы так: Россией правят российские евреи, а российскими

евреями правят западные евреи, а задача этого правления – истощение недр и сокращение населения страны. «Факты налицо, – говорится в письме. – И людей уже умирает больше, чем рождается, и промышленность стоит. У меня нет ностальгии по тоталитарному прошлому, но меня очень беспокоит судьба моей родины. Хочу, чтобы вы прокомментировали эту статью и мое письмо».

Не буду, господин инженер, – не хочу сегодня комментировать ни статью того нациста, ни ваше письмо. Может быть, в следующий раз как-нибудь – ведь они не последние – и такие статьи, и такие письма. А сегодня просто прочитаю, что пишет на «Свободу» Вера Мазурова, фармацевт: «Пишу вам из коммунистического заповедника, то есть, из Белоруссии, из Минска. Сейчас мне 54 года, радио «Свобода» слушаю с детства, помню, как ее глушили – я думала, что глушат мотором от МТЗ (это трактор Минского завода, он издавал сильный шум). Слушаю некоторые письма из бывшего Советского Союза и хочу сказать: если бы я сама здесь не прожила всю жизнь, то могла бы подумать, что нас действительно забросали диверсантами и шпионами, которые и сотворили все, от чего мы страдаем. Здоровые сильные мужики лежат на рельсах и ждут милостыню. Какой позор! Или это тоже американские диверсанты и шпионы?»

Нам пишет Татьяна Ивановна Филатова, русская, православная, москвичка: «Очень тревожит меня наш российский антисемитизм. Люди, которые считают себя православными, но кричат против евреев, не читали Библию, иначе не навлекали бы на себя гнев Божий. У нас с евреями один Отец Небесный. На иконах, к которым мы прикладываемся, изображены еврейские лики. Как можно целовать еврея на иконе и плевать на него в жизни? Зачем о каждом еврее думать, что он обязательно потомок тех, кто распял Христа? Может быть, он как раз потомок апостолов? Приглашаю братьев-славян читать Библию и не

ленимся думать. До свидания. Надеюсь, что вы прочтете мое письмо в эфире, и кто-то образумится».

Вряд ли, Татьяна Ивановна. Не удивлюсь, если будет наоборот, распалятся еще больше. То, о чем вы пишете, есть дурная болезнь – дурная умственная болезнь, а вид здорового не очень радует больного.

Госпожа Новоселецкая из Усть-Абакана: «Я живу не в таком уж диком захолустье – Абакан в тридцати минутах езды от нас. Но улицы у нас не освещены, заросли травой, нет никакого культурного учреждения, кругом пьянь и мат. Люди живут почти на улице. Попробуй, за день нечаянно плечом девочку-подростка в автобусе – получишь такой удар, что не устоишь. В школах дети страшно обижают друг друга. По-моему, у нас ничего нельзя сделать хорошего, потому что мы все вышли из общежитий, воспитаны комендантами, потому-то и в думе дерутся. Таких, что могут сказать: «Я не могу поднять руку на человека», уже не осталось. У нас никто никого не любит, я не знаю человека, который пришел бы другому на помощь. Я на себе все испытала. Я беженка, пыталась найти пристанище в Москве, в Рязани, в Ярославле, Иваново – с нами (у меня дочка-школьница) просто не хотели говорить, в одном районе в Ярославской области в магазине и в столовой отказались продать хлеба. Нам все эти ужасы снятся, как солдатам война. Люди давно помешаны и все без конца кричат: «Кто же придет? Кто же сделает?!»

Пишет Александр Лебедев из Москвы: «Мне 16 лет. Я слушаю радио «Свобода» с 1996 года. Я думаю, вам интересно будет узнать мнение одного из ваших слушателей. Насколько я могу судить, из всех средств массовой информации «Свобода» дает наиболее объективную информацию. В то же время, хотя «Свобода» и реагирует на изменения в мире, мне иногда кажется, что вы живете годами

начала реформ. Даже многие ваши гости – из прошлого: Козырев, Горбачев. Также кажется, что и мировоззрение ваше осталось прежним: в чем-то идеализация США, в чем-то необоснованная критика прошлого. Не могу не упомянуть Югославию. По-моему, там виноваты все три стороны. Милошевич и сербы – потому что недопустимо проводить этнические чистки, уничтожать людей по национальному признаку, косовары – потому что большинство из них перебрались в Сербию из Албании во время диктаторского режима в своей стране, а следовательно, живут на земле сербов, Запад виноват потому, что люди, погибшие от бомбардировок, не должны отвечать за преступные действия своего руководителя. Кому реально помогли бомбардировки? Милошевичу в Сербии, коммунистам и иже с ними в России, коммунистам в Китае, ученым-ядерщикам в странах типа Ливии и Ирака. При всех достижениях Запада, у него очень много плохого. «Разумный» эгоизм породил мещанскую культуру, сексуальная революция – массовость абортот у несовершеннолетних, демократия зачастую переходит в охлократию. Вы говорите, что Примаков делал худшее, что можно делать для России, – отдалял ее от Запада. Я отнюдь не сторонник Примакова, но кто знает: может быть, много Запада и не нужно России? В заключение хочу поблагодарить вас за вашу работу. С уважением Александр Лебедев».

Спасибо за письмо, Александр. Я бы назвал вас «новым русским», но ваша новизна – не та, которую презирают на Западе и ненавидят в России: вы не богач-уголовник. Ваши мнения – это мнения многих наших слушателей. Но обычно эти слушатели высказываются в своих письмах на «Свободу» более или менее враждебно. Вы свое несогласие с нами, причем, несогласие по важным, по важнейшим! вопросам выражаете спокойно и благожелательно, то есть, с чувством собственного достоинства. Вы не отказываете нам в добрых намерениях и даже благодарите нас за работу, хотя ваш возраст располагает

скорее к драчливости, чем к той благородной сдержанности, которой пронизано ваше письмо. Уверен, что не за все свои мнения вы будете долго держаться. Дело в том, что они основаны на не совсем точных сведениях, а это поправимо. Это ни в какое сравнение не идет с идеологическим упрямством. Есть люди, которые думают так или иначе не потому, что они что-то знают или чего-то не знают, а потому, что им нравится так думать. Нет, например, ни одного признанного наукой доказательства, что существует многовековой всемирный заговор против России. Но многие люди уверены: существует, сочиняют о нем не только письма на радио «Свобода», но целые книги, ими зачитываются, в Государственной думе России есть целый комитет, который, по существу, только тем и занимается, что обсуждает козни «мировой закулисы» против России. В названии этого комитета – важное с виду слово, над которым смеются уважающие себя исследователи, потому что оно ничего не означает: «геополитика». У вас же, Александр, я усматриваю обыкновенную нехватку точных сведений. При коммунистическом режиме в Тирании албанцы не бежали в Югославию – граница была на замке. Косовары в Косово появились намного раньше. Но вообще, уже в прошлом веке сам разговор о «коренных» и «пришлых» нациях считался неуместным, неприличным, так сказать, в «хорошем обществе». Видно, что вы человек читающий, поэтому назову вам одного автора. Английский философ Милль (его работы хорошо знали в России) назвал варварскими ссылки на исторические права народов. В том, как некоторые россияне противопоставляют Россию Западу, тоже чувствуется душок той первозданности. Далеко не все даже хорошее, что есть на Западе, не говоря уже о плохом, объясняется «западностью», далеко не все. Ваши западные сверстницы, Александр, делают аборт не потому, что они западные, а потому что они ваши сверстницы – не совсем еще взрослые, неопытные и беспечные. Таких случаев здесь, кстати, не-

измеримо меньше, чем в России, о массовости речь не идет: неплохо поставлено половое воспитание, противозачаточные средства доступны и вполне надежны.

Господин Тищенко из Львова: «Не вина ваших слушателей, а беда, что они в отчаянии пытаются вправить вам мозги, распространяясь о своем благополучном социалистическом прошлом. Им не с чем сравнивать, им другое неведомо. Словами их не убедить. Ваши попытки объяснить им насреддиновую халву заведомо обречены. За годы жизни в прошлой социальной структуре мы научились во всем искать скрытый смысл и находили – в новых и старых книгах, новых и старых картинах и спектаклях, в поступках тех или иных лиц – словом, во всем. Мы смотрели милую комедию «Айболит-69» и видели скрытый смысл в песенке: «Это очень хорошо, что пока нам плохо!» Мы стояли возле памятника вождю на вокзальной площади Ивано-Франковска и были уверены, что кто-то специально так сделал, что идол протягивает руку в сторону забегаловки: «Правильной дорогой идете, товарищи!» И наверняка неспроста кто-то намалевал призыв: «Любите Родину – мать вашу!»

Ваше письмо, господин Тищенко заставляет меня опять произнести слово «варварство». Для древнего человека (а варвар от него ушел не так уж далеко) его жизнь была как сон, требовавший истолкования. Во всем, что вокруг него происходило, он видел скрытый смысл, всяк – будь то соседнее племя или камень, о который он споткнулся, что-то замышлял против него. В двадцатом веке целые народы, словно машиной времени, были перенесены на столетия назад – в варварство. В России это слово было употреблено сразу же. Лучшие люди уже в семнадцатом году все разглядели и так и сказали: народ отброшен в варварство. Варварская безудержная враждебность друг к другу, варварские страхи, варварская мстительность, варварская предвзятость, алчность и зависть.

Мария неизвестно откуда, свою фамилию не указала: «Здравствуйте, господин Стреляный! Вас удивляет, что мы так возмущаемся эротикой на телевидении: мол, выключите и все. Здесь все гораздо сложнее. Десятилетиями нас воспитывали так, что будто постельных дел нет совсем, что это тайна, касаться которой нельзя. Ходили даже анекдоты на эту тему. Внук и внучка пришли к бабушке и спрашивают... А теперь с этого сорвали покров тайны, причем, пустились во все тяжкие. Выключить можно, но сознание, что такое существует, мучит многих и многих. Выскажусь также о национальном вопросе и об отношении к нашему советскому прошлому. Я – русская, жена еврея, за 45 лет совместной жизни не видела его пьяным, не знаю измен, наша старшая дочь замужем за немцем, сын женат на украинке, а в семью мы взяли на воспитание девочку-финку: ее мать лишили родительских прав, и мы взяли. Так что в нашем случае вопрос о нации теряет смысл. И о прошлом. Скажите, когда это в советское время я могла свободно купить в магазине икру, осетрину и прочие вкусные вещи? Мне не надо стоять часами в очереди за молоком, за хлебом. И пусть у меня всего 450 рэ, но я, главное, имею право, могу хоть посмотреть на такие вещи. А тоскуют по прошлому те, кто был вором, чиновником от партии и кто фанатично служил идее. Нормальному человеку достаточно всмотреться в лица Зюганова, Анпилова, чтобы понять, с кем имеешь дело. Каждый день с ужасом включаю свою старенькую «Спидолу»: а вдруг батарейки уже настолько сели, что я больше не смогу слушать «Свободу»?! Мне их надо 8 штук – кошмар! Тогда я злюсь на вас, мне кажется, что вы злонамеренно унижаете Россию, радуетесь ее слабости. Но батарейки еще не подводят, идет очередная передача, и я обнаруживаю в ней ваше сочувствие нашим бедам, тревогу за нас. Это, наверное, и есть объективность. Рука устала. Спасибо за внимание. С уважением Мария».

Если бы все слушатели могли так смотреть на себя со

стороны, так оценивать свои состояния, как Мария, то друзей у нас, я думаю, было бы раз в десять больше. Мнительность, подозрительность, да и обыкновенная раздражительность мешают многим правильно понять, что ты говоришь, особенно – что ты хочешь сказать. «К враждебности таинственная страсть, друзья мои, туманит ваши очи», – как-то я уже приводил эти строки Беллы Ахмадулиной. Именно страсть, именно таинственная. И про объективность Мария сказала замечательно – что это такое. Без сочувствия действительно не может быть настоящей объективности.

Письмо из Хакасии: «Не торопись читать мое письмо. Подойди к окну, открой его, набери полную грудь воздуха, представь, что он прохладный, что это хиус потянул – ветер долин. Он долго скапливается внизу, потом переваливает через хребты и спускается опять в долины: ниже, ниже – слышишь это спокойное мощное ворчание Духов Гор – Алтая, Саян, Бурятии, моей родной Хакасии? В этом ворчании их жизнь и достоинство, привет тебе от них. Выйди на природу, возьми казанок, влей туда молоко пополам с водой ключевой, всыпь горсть сушеного творога, повари, потом горсть пшеничной муки всыпь стружкой, мешай, пока не загустеет, и кушай эту кашу с маслом да с дымком – и будешь богатырь. Картошку у нас не сажают».

Спасибо тебе за красивое письмо, добрый человек. Что же ты даже имени своего не назвал?

Гордость семьи

Июнь 1999

Из села Родино Алтайского края прислали номер районной газеты «Дело Октября». «Октябрьская» она не только по названию, но и по содержанию. Учредитель газеты – районная администрация. Глава этой администрации Тевонян рассказывает корреспонденту «Дела Октября» об Ирландии, где он побывал в составе краевой делегации. «Я считаю, – говорит он, – Ирландия поступает нерационально, поручив производство всей сельхозпродукции только фермерам». Автор письма, в которое вложен этот номер газеты, пишет, что ничего смешнее он за последние 10 лет не читал ни в местной, ни в центральной печати. Он хотел бы знать, какие замечания товарищ Тевонян сделает Франции, когда побывает и там.

Из Миаса: «Вы сказали, что Запад живет потому богато, что умно ведет внутреннюю политику. Не надо врать людям. Ваш Запад потому живет хорошо, что всегда ведет себя нагло. Англия, Франция, США, Италия, Испания, Португалия, Германия имели колонии по всему миру и бессовестно грабили их. Я убежден: отдай ваш преуспевающий Запад все награбленное миру, уровень жизни трудящихся там упадет в тысячу раз. И можете не ликовать, что Россия сейчас слаба. Еще 170 лет назад святой Серафим Саровский сказал, что Россия была, есть и будет страной, которую боялся и будет бояться окружающий мир. И Нострадамус сказал, что Второе Пришествие Господа Бога состоится на территории России. А напоследок хочу сообщить, что с древнерусского языка слово «Русь» переводится как «Дом Пресвятой Богородицы», поэтому хотел бы я видеть ваши кислые хари, когда жизнь у нас будет лучше, чем у тех, кому вы продали душу, да и ду-

ши у вас нет – на ее месте у вас доллары. Не советую замалчивать это письмо. Всеволод».

Мне кажется, Всеволод, что, уповая на Бога, вы и сами не опускаете рук, иначе вряд ли так твердо верили бы, что в России станет лучше, чем на Западе. Тогда и о ней кто-нибудь напишет на радио «Свобода», что она разбогатела грабежом бедных стран.

Александр Иванович из Ростова пишет о бизнесе в России: «Представьте себе, что вы приходите в ресторан, заказываете ужин, вам его приносят, и тут набегают официанты, швейцар, бухгалтерия, уборщицы каждый со своей ложкой и лезут к вам в тарелку. Это наш малый бизнес. А во исполнение последних правительственных посулов о развитии малого бизнеса у вас и ложку отнимут, и со стула спихнут. Заниматься бизнесом – значит не уважать себя. Не то что мне уж так жалко дать кому-то на лапу. Мне почему-то стыдно давать. Перед тобою холеные, наглые чиновничьи рожи – ну, какой тут, кажется, стыд? Отстегни и работай. Но лучше я буду голодать, чем так зарабатывать. В начале девяностых годов мы с другом открыли дело. Производство удобрений. Спрос был, люди работали, но мы не смогли лебезить и унижаться. Два года потом закрывались. Штрафов кучу заплатили, но закрылись-таки. Надежд на возобновление нормальной предпринимательской работы нет. А годы идут».

Сотни таких, как автор этого письма, закрыв или просто бросив дело, даже уехали из страны. Обычно это очень хорошие специалисты – инженеры, врачи, научные работники, вплоть до астрономов. Они обнаружили в себе предпринимательскую жилку, но ловчить и унижаться посчитали ниже своего достоинства. Лишние люди. Им бы родиться лет через сто. В странах, которые выходили из феодализма обычным путем, таких не было и не могло быть. Фабрикантом становился не звездочет, а вчерашний ремесленник, банкиром – не бард, а ростовщик.

Из города Шахты Ростовской области пишет Мажаров Александр Степанович: «У знакомого я спросил, за кого же мы будем голосовать на выборах. Он мне ответил, как будто ждал вопроса: «За Адольфа Виссарионовича Пиночета».

По-моему, Александр Степанович, это сказал человек, который хорошо знает, что означает каждая сторона его треугольника. Адольф – это Гитлер, это расизм. Россия – для русских, долой евреев, кавказцев, долой цветных. Виссарионович – это Иосиф Виссарионович Сталин, это палочная дисциплина. Ну, а Пиночет – это Пиночет. Все потребности, все удовольствия низкой души: сытно есть и сладко пить, ходить по струнке и давить инородцев. А может быть, ваш знакомый говорил не о себе, не о своих желаниях, а просто назвал три партии, на которые, по его мнению, разделятся избиратели.

Из Японии, из города Кобешай, одно за другим прислал два письма Алексей Ямамото. В первом осуждает нас за то, что мы скрываем от наших слушателей правду почти обо всем, что происходит в мире, во втором просит адрес президента США Билла Клинтона. О себе пишет так: «Ваш часто не согласный с вами и иногда не очень сдержанный, но искренний слушатель».

Уважаемый господин Ямамото, спасибо вам за оба письма, отдельное «спасибо» – от секретаря Русской службы радио «Свобода» Татьяны Прикрыловой, которая смогла пополнить свою коллекцию сразу двумя японскими марками. Вы так бранились в первом письме, что мне хочется получить от вас и третье: объясните в нем, что значат слова «искренний слушатель» во втором. У нас немало таких слушателей, и они меня очень интересуют. Терпеть нас не могут, а слушают «Свободу» днем и ночью и пишут нам об этом как бы даже с благодарностью. Сообщаю вам адрес Клинтона: «Соединенные Штаты Америки, президенту Клинтону».

В следующем письме встречаются слова из уголовного языка. Знают их, видимо, не все наши слушатели, хотя этот язык – язык Гулага входил, да и входит в повседневную русскую речь, о чем впервые написано у Солженицына. Лох – примерно то же, что совок. Хакер – компьютерный озорник и разбойник, килер – наёмный убийца, «группировка» – большая бандитская шайка, подразделение организованной преступности, которое опекает определенную местность.

Читаю письмо: «Я, в натуре, очень люблю твою программу. Это крутецкая вещь. Даже лохи и те начинают думать. А ваши отмазки на левые базары о комуняках! Так держать, братела! Но по-моему, надо больше про психологию. Ведь тут-то и зарыта собака, здесь кроются причины происходящего в России. Почему комуняцкие идеи так живучи? Почему лохам так нравится мысль, что все могут быть равны? Почему им нравится пытаться и расстреливать других? Немного о себе. Я наглый, злобный хакер, килер и подрывник в одном лице. «Работаю» в одной крутецкой киевской группировке. Оч-ч-чень люблю стрелять лохов. С уважением Werwolf». Приписка: «Отвечьте обязательно, хоть мылом, хоть в эфире. Безразличие убивает...»

Werwolf значит оборотень – немецкое слово, оно и написано по-немецки, современные немцы его почти не употребляют. Вервольфом был назван последний сюрприз Гитлера – партизанские отряды нацистов. Не хочу обидеть автора этого письма, но раз он любит стрелять лохов, то получается, что он тоже из них – из тех, о ком желает что-то услышать на волнах «Свободы» – почему им нравится мучить и убивать друг друга, почему они так любят уравниловку. Это, в общем, один вопрос, и мы только то и делаем в передаче «Ваши письма», что обсуждаем его. Уравниловка человеку нравится потому, что его терзает зависть, а зависть его терзает потому, что ему, как он думает, всего дороже справедливость, а жаж-

да справедливости, которую он никогда не может утолить, – в природе человека, это одна из основных, первичных потребностей двуногого, она-то и служит двигателем истории, как полагает современная наука. Я подчеркиваю: наука. Это значит: не исключено, что завтра она будет полагать что-нибудь другое, исследования ведь продолжаются. Неизменным останется только одно наблюдение – такое важное научное наблюдение, что о нем не грех вещать с утра и до утра. Благосостояние населения любой страны улучшается только с ростом богатства в расчете на душу населения. Дело, другими словами, не в том, как распределяется добро между людьми, а в том, как быстро оно умножается в расчете на душу населения.

Письмо из Тихвина Ленинградской области: «Меня зовут Антон Евсеев, мне 20 лет. Югославия стала проверкой на вшивость всей российской демократии. Результат – повальный педикулёз. Какой кретинизм – разжигать в «совке» ненависть к Западу, который они вчера обожествляли! Я не понимаю: почему это сербы Милошевича, с подачи думы, вдруг стали моими братьями? Мой лучший друг Гришель Коган – еврей, моя подруга, с которой я живу, Фатима Хатум – негритянка. Почему не папуасы Новой Гвинеи – мои братья, не индейцы Северной Америки, а именно сербы и остальные славяне, которые, кстати, бегут от большого родственника под натовский зонтик? С этим вопросом на устах мы с друзьями, не сдержавшись, надавали недавно по шеем фашистам, которые расписывали своей галиматьей еврейскую могилу на кладбище. В начале горбачевской перестройки у нас жил попугай, которого мой дед учил за орешки и семечки говорить: «Солженицын – дурак, Сахаров – враг!» Сейчас он забывает баки моему младшему брату своими нафталиновыми сказками о райской жизни при советской власти. Я говорю: да взять хотя бы ваши очереди за бананами и апельсинами – обезьяны ведь со смеху покатывались! А в другой

комнате бабушка вместе с подругами читают вслух «Советскую Россию». Не квартира, а Смольный перед революцией: всюду валяются газеты и брошюры всего спектра – от ярко-красного до темно-коричневого, приходят соратники по борьбе, нередко – с бутылкой. Говорят: что с того, что в магазинах все есть, если денег у людей мало? Но я-то знаю, что возможностей заработать кругом хоть отбавляй, только не сиди на заднице. Я не говорю, что государство должно совсем отстраниться от людей, как нынешний скотский псевдо-демократический режим, но и ждать, когда тебе «чаво-нибудь» в рот положат, глупо. За такие мысли бабушка зовет меня «пятой колонной», дедуля – жертвой аборта. Родители заняты «челночным» бизнесом, вижу их редко, но и от них мне перепадают кое-какие эпитеты. Гордость семьи – младший брат, потомственный коммунист, мозги ему здорово промыли рассказами о том, как Ленин бревно таскал на субботнике. Я говорю: Муссолини работал на молотилке, Гитлер копал канавы. Объясните мне, почему американские президенты не кривлялись у станков и не намащивали чего-нибудь в закрома своей американской родины? Правда, брату еще только 15 лет – может, когда закончится половое созревание, он и забудет свое «красное» увлечение, надоест играть в подпольщика. Сам я объездил уже весь Запад, даже в Японии был с друзьями (только в Восточной Европе не был). Иногда подумываю перебраться в другую страну, но все-таки есть пока сумасшедшая мысль, что здесь когда-нибудь появится свет в конце тоннеля. Недавно вернулся из Германии и нашел в почтовом ящике газету нашего райкома КПРФ, посылаю вам этот образчик левоописания. Все те же постные консервы, даже злости это уже не вызывает. Но запрет КПРФ был бы несусветной глупостью. Все-таки обиженных государством не убавилось, для них это был бы подарок. К тому же, запрещать – это по части тоталитаризма, а не зрелого демократического общества».

Я читал письмо от Антона Евсеева из Тихвина. Газета, номер которой он прислал, называется «За правое дело». На первой странице Ленин читает газету «Правда», на второй – портреты патриарха Алексия и епископа Вениамина. Епископ пишет: «Частью мировой борьбы темных сил против Христа являются те трагические события, что происходят сейчас в Югославии». Призывает верующих: «Развратителей народа нашего, завладевших электронными средствами массовой информации и большей частью газет, презирайте и в совет с ними не вступайте!» Тут же – стихи о российском флаге: «Под этим флагом в дни войны шли все предатели страны». На первой странице тоже есть стихи: «Неужель все, о чем мечталось, сдал без боя рабочий класс?» Спасибо, Антон, и за письмо, и за эту газету. В вашем письме я нашел неодобрительные слова о кабачковой икре советских времен. Да, одно время только её и можно было свободно купить. Потом и её не стало. Но говорю вам со всей ответственностью: на закуску вполне годилась. С ржаным хлебом. Ваш дед прав: не надо чернить всё подряд.

Господин Пашко из Днепропетровской области: «Не пасуйте перед слушателями, которые кричат, что вы оскверняете прошлое, скрываете, как хорошо жилось советскому человеку, каким свободным он был. Эти заявления принадлежат пациентам палаты номер шесть. Один такой бранит вас за то, что вы забыли про такие достижения, как «катюша», танк Т-34, автомат Калашникова. Боже мой (чтобы не выразиться по-шахтерски – я шахтер, сорок лет стажа)! Очереди – за всем, что в рот шло. Вместо мяса – Продовольственная программа Брежнева. Масла к чаю перед спуском в шахту я намазывал столько, что хлеб просвечивался. Помню, говорил я об этом с одним хорошим и умным человеком. Чего у нас в Советском Союзе не хватает? Всего вроде навалом: угля, руды, нефти, газа, золота, редкоземельных. Пух-перо,

институты, кадры. Что же мы так плохо живем? За границу, в Болгарию или Венгрию, по турпутёвке едешь один из тысячи раз в жизни – так такие инструктажи проходим, что стыдно глаза поднять. Такие просторы, такие земли, что, казалось бы, вышел в поле, завалил быка, и ты с мясом, ан нет, не только быка – зайца не добудешь. Так чего же у нас не хватает? «Ума, – сказал тот человек. – Ума у тех именно, кто называет себя умом, честью и совестью эпохи». Мы оба крепко рассмеялись».

Автор благодарит нас за работу и предлагает закрыть передачу «49 минут джаза», чтобы у нас было больше времени для главного: «Будить, будить и будить людей, помогать им прозреть». «Я ведь тоже прозрел, – пишет он. – Было время, когда говорил: «Валенсу расстрелять надо!» Америка и НАТО вызывали у меня гнев и дрожь. Такой я был патриот. А ведь этим и сегодня больны ох многие! Не прозрели». Так заканчивается письмо. Значит и тогда не в одних вождях было дело. Вот Горбачев и не спешил объявить, что Валенса был прав. А что НАТО – это хорошо, до сих пор не говорит.

Из Чернигова пишет Виктор Петрович Широков: «Лежу в больнице, слушаю, кто чем хвалится. Работник мясокомбината с гордостью рассказывает, как он ворует мясо, работница консервного завода сообщает, что на всю жизнь запаслась банками и крышками для консервирования. Старший мастер инструментального завода рассказывает, что подарил заведующему отделением набор инструментов для «Жигулей» – ворованными железками у него забит гараж. Одна гражданка делится радостью от большой удачи в своей жизни. Раньше она работала на комбинате «Химволокно», потом устроилась поваром в дом престарелых – получать стала вдвое меньше, а жить – намного лучше. Принесла врачу две курицы, украденные у престарелых. В моём цехе двум мастерам установили повышенную пенсию, указав в бумагах должности,

которых они никогда не занимали». Автор этого письма считает, что воровать и жульничать перестанут, если будет создано подчиненное только парламенту карательно-сыскное учреждение под названием Государственное бюро расследований. Служащие этого бюро, пишет он, «должны иметь право прослушивать телефонные разговоры, пользоваться услугами тайных осведомителей с выплатой гонорара за ценную информацию, контролировать работу суда и прокуратуры, и тогда не будет такого, что за решетку попадает один из восьми преступников». Слушатели, я думаю, без труда припомнят, что такое учреждение уже было – существовало 70 с лишним лет, подчинялось только одному человеку в стране, пользовалось и платными доносчиками, но никогда не испытывало недостатка в бесплатных. Следствие и суд вершились быстро, заключенными были населены целые города, а мясо на мясокомбинатах воровали так же, как и сейчас, и хлеб – на хлебокомбинатах, и рыбу – в рыбколхозах, и золото – на рудниках, и существовали подпольные производства, и даже на военных заводах, где чекист был на чекисте и «стукач» на «стукаче», гнали «тухту» с такой лихостью, о которой нам написал инженер Карлинер: «На закрытом предприятии (в «ящике»), где я начинал в 1960 году мастером, основной план участка – «по валу» – начальник выполнял сам, без привлечения работников. Он поил кладовщика цеха, точнее, пьянствовал с ним, и в конце каждого месяца они оформляли сдачу на склад несуществующей продукции. За «изготовление» этой продукции они и мы, мастера, получали зарплату и 40 процентов премии, рабочим, числившимся сдельщиками, тоже исправно выводилась зарплата, каждому – определенная, в зависимости от «выработки». Правда, был еще один, никак не узаконенный, но подлинный план – по номенклатуре. Начальник выяснял, какое изделие в этом месяце собирается в сборочном цеху и что для него нужно. То и делалось. Эту социалистическую экономику я освоил в

первый же месяц своей трудовой деятельности и могу засвидетельствовать: за 40 лет другого порядка не видел. Страна имеет многовековой навык жить не по законам, а вопреки законам. Поэтому нынешний «бардак» – не новость, а естественное продолжение истории. Новизна в том, что этот «бардак» можно открыто обсуждать».

Так инженер Карлинер разбирает один из нынешних российских мифов, гласящий, что раньше был порядок. Мифом (то есть, сказкой, в которую верит сам сказочник) он считает и мнение, что большинство людей в России стали жить хуже, чем при советской власти. «Это мнение не выдерживает критики. Товаров стало больше, и они, хоть и с переменным успехом, но раскупаются. Машин стало в несколько раз больше, и они ездят. С кем ни общаюсь, а это десятки, сотни самых разных людей, – все жалуются на ухудшение жизни. Многих в разговорах приходится выводить на чистую воду. Они признают, что материально их дела не так уж плохи, но стоят на своём: жить хуже, настали плохие времена. Я знаю, чем они плохие, я вижу, что люди потеряли, а они не видят. Потеряли спокойствие, а думают, что потеряли благополучие».

Пишет Вячеслав Мордовцев из Израиля: «Что помнит нормальный советский человек? Каждый точно знал, что ему можно, а что нельзя, и, надо сказать, «можно» было немало. Народ помнит советские выборы, на которых выбирали людей достойных – не криминальных авторитетов и не пустых болтунов, как сейчас. Очереди за продуктами? Но ведь интересно не то, что на магазинных полках, а то, что на столах. А на столах было столько всего! Наконец, главное. Люди все-таки помнят, что при коммунистическом режиме они были этому режиму **НУЖНЫ**. Зачем нужны – это вопрос другой. Чтобы делать атомную бомбу, нужны специалисты. Чтобы получить специалистов, нужны вузы. Чтобы эти специалисты хоть что-то делали – их нужно кормить, им нужно строить квартиры, больни-

цы. Каждый, кто застал эту систему, будет вспоминать о ней с теплотой в душе. Не относясь к своему делу всерьез, можно было подняться аж до министерских и академических постов. Так жило громадное большинство населения России. И вот приходит власть, которая заявляет, что игра окончена, что теперь надо жить и работать всерьез. Пришло антинародное руководство. Поясню, что значит «антинародное»: такое, которое пытается изменить население, приспособив его к себе, вместо того, чтобы самому приспособиться к населению. Они не знают, как гнать самогон из ворованного сахара. Они не знают, кто такой участковый, и какие порядки в выпрезвителе. Они не знают, как выламывается ногой автобусная дверь. И они хотят искоренить все это (и многое другое), то есть, изменить традиции и образ поведения большей части населения. Население справедливо считает их вовсе не выразителями своих интересов перед внешним миром – но, наоборот, выразителями интересов внешнего мира. Однажды оно возмутится, и придется-таки вспомнить слова про русский бунт. Система будет восстановлена. Снова появится государство, заботящееся о своих гражданах, использующее их в своих интересах, снова в том государстве человеку будет легко и весело, ибо не надо будет о себе заботиться. Уверен, что все это не только я смогу наблюдать (с огромным удовлетворением), но и вы, Анатолий Иванович, – с бессильной злобой, разумеется. С уважением Вячеслав Мордовцев, 30 лет, Реховот, Израиль».

Этот слушатель, сам того не желая, хорошо показал, почему та жизнь кончилась – жизнь в детском саду. Взрослея, люди все больше тяготились ею. Ясно, что впереди может быть всякое, но язвительная теория господина Мордовцева, по-моему, не учитывает, что люди меняются. Нэ будэ баба дивкою, как говорит украинская пословица. Подобная есть во всех языках. С людьми происходит нечто более существенное: они в обязательном порядке покидают сей мир. Одни поколения уходят, другие приходят.

Заглавное место на пиру уже занимает поколение, выросшее не в детском саду. Теория, мой друг Мордовцев, мертва, но вечно зелено древо жизни

Справедливости ради надо, правда, сказать, что господин Мордовцев не одинок в своём ожидании бунта в детском саду. Слушатель, подписавшийся словом «Русский», пишет: «Вы вносите в наши русские души дух сомнения и прочие подрывные ощущения, так что после вашей телесной смерти вас за это ожидает весьма бурная и насыщенная программа. Вы хорошо знаете: чтобы восторжествовала ваша демократия, необходимо одно: качественное изменение русского сознания, чего вы никогда не дождетесь. Ну, не хотим мы меняться, хоть убей! В своих попытках переделать нас вы напоминаете мне первых социалистов, веривших, что путем увещаний и революций можно заставить человека заботиться о себе меньше, чем о коллективе. Они не понимали, что человек по своей природе накопитель, и это ставит крест на всех социалистических попытках».

Русская душа, как можно понять из письма, есть душа накопителя, частника, и в этом отношении она, следовательно, не отличается от прочих душ, населяющих Землю. Но ей, по мнению автора, не любя демократия. Обычно специалисты по русской душе объясняют это тем, что русский человек по своей природе не частник, а общинник. Таковы все разговоры о народной душе, будь то немецкая или русская: тёмные разговоры, невразумительные, докапываться до смысла бесполезно.

Следующее письмо – без подписи: «Примите еще одно мнение о нашей современности. Что ж, не захотели наши трудящиеся работать друг для друга, то есть, быть хозяевами. Значит, такой будет и наша жизнь. Хозяев – не любим, начальников боимся и уважаем. Быть хозяином – значит, работать и отвечать за все свои дела и поступки, никому не завидовать. Быть начальником – значит, прика-

зывать, не отвечая ни за что. Это мечта почти каждого. Отсюда и уважение – как к счастливчику. Поэтому, кстати, когда выбираем их, то большинство предпочитает дурака или бандита: дурака обманешь, с бандитом договоришься. А умный и сам будет работать, и других заставит. Вот всё у нас и рухнуло, когда дошли до критической массы трутней (и не одних начальников). Даже пчелы лишних выбрасывают – иначе улей не перезимует. Видно, и нам придется так поступить».

Письмо на двух клочках бумаги, без подписи.

Пишет Валентина Матусевич: «Я иногда слушаю «Свободу» и хочу с вами побеседовать. Америка купила наших дураков у власти за зеленые и держит кредитами всю Россию на крючке. Не меньше меня возмущает и удивляет Европа. Как можно допустить Америку командовать на своем континенте? Можете говорить что угодно (это ваша работа, вы, господин Стреляный, ведь тоже продались за зеленые), но нормальные русские люди никогда не верили и не верят американцам. Ослабить Россию и завладеть ее богатствами – вот задача всех иноземных политиков с воспаленными мозгами. В каждом комментарии «Свободы» присутствует злорадство, особенно в сообщениях об экономических трудностях России. Как вы радуетесь, господин Стреляный, и ваши сообщники по передачам, что Россия в дерьме. Лично я считаю, что Россия преодолет все невзгоды и поднимется, как она это делала не раз. До свидания. Валентина Матусевич».

Если в России возобладает такое отношение к Западу, к Америке, расчет госпожи Матусевич, конечно, не оправдается. Посмотрите, какие страны сейчас особенно враждебно настроены к Западу. Это самые бедные, самые не-свободные, самые незадачливые страны. Скажите, как вы относитесь к Западу, и я скажу, как идут у вас дела и могут ли они пойти лучше – на что вы способны, кроме уныния и зависти. Во Франции мужики, правда, тоже по-

ругивают за бокалом красного и американцев, и НАТО, но когда доходит до дела, 70 процентов французов вместе с таким примерно числом американцев одобряют натовские действия на Балканах. «Почему вы поддерживаете бомбардировки Югославии? – спросил один мой знакомый поэт у нейтральных, не входящих в НАТО шведов, будучи в Стокгольме, – пишет Марк Ляндо из Москвы. – «Мы не хотим выращивать второго Гитлера в Европе», – четко ответили ему. Мне кажется, тут стоит нам всем почесать в затылке».

Пишет Светлана Павловна Панова из Харькова: «Когда деревня, хлынувшая в город, заняла места у государственных кормушек, за прилавками, за стойками, у раздаточных окон, на базах и складах, она и стала определять собою физиономию города. Для меня это символ брежневского сброда, который был назван новой исторической общностью – советским народом. Самый уважаемый человек тот, кто может больше украсть. Чего можно ждать от государства, костяк которого составляет толпа с таким понятием? При чем тут Америка и происки «империализма»? Возмущаются, что по телевидению показывают «порнуху», что Запад насаждает у нас разврат. Вспомните только одно бытовавшее в шестидесятые годы высказывание: «У нас нет домов терпимости – у нас есть дома отдыха». Такого разврата, как у нас в советское время – и в семьях, и на производстве, наверное, не было и не будет нигде. Не могу равнодушно смотреть на свистопляску, которую устроила наша, да и не только наша, толпа в связи с войной в Югославии. Разумного человека можно убедить вести себя как следует. А дурака, на которого не действуют увещевания, надо наказывать. Спасибо Америке, этой единственной стране, благодаря которой мы хоть как-то приближаемся к цивилизованному миру. Раскричались на неё те, которые увидели, что могут быть наказаны и они. Панова Светлана Павловна. Харьков».

Письмо резкое, пропитано чувством, но написано все-таки рассудком. Такова в моем представлении советская женщина-инженер (врач, исследователь) – лучшее приобретение двадцатого века. Заметным оно стало в шестидесятые годы. Удивительно правильное сочетание чувства и разума. Многие из них, кстати, горожанки в первом поколении. У явления, о котором пишет Светлана Павловна, ведь две стороны. Хлынувшая в город деревня сделала-таки его межеумком. Но сразу же началось и преодоление межеумочности, и дело пошло в пользу города: город стал переваривать деревню, а не деревня – город. А город – это, как ни верти, свобода, раскованность, предприимчивость, разнообразие (тысячи профессий и занятий!), город – это, в конце концов, демократия.

Валерий Галимович Акчурин: «Во втором классе я узнал зарплату североамериканского рабочего и люто возненавидел свою страну. Но к началу перестройки я уже понял, что живем мы все равно лучше, чем работаем. Сейчас я твердо знаю: Россия в «золотой миллиард» населения развитых стран никогда не войдет. Даже Румыния и Болгария вряд ли станут развитыми странами. Единственные из бывших советских республик, которые могут преуспеть, – прибалтийские. Что-то есть в Западной Украине, но для Украины это скорее плохо – она может развалиться. Уже древние греки заметили: чем дальше в глубь континента, тем ниже культура труда. Нынешнее развитие в Центральной и Восточной Европе накладывается на религиозный атлас шестнадцатого века. Лучше идут дела там, где укоренены протестантизм и католичество, хуже – где православие. Можно сказать иначе. Лучше идут дела там, где люди более трудолюбивы, более бережливы, больше привыкли отвечать за свои действия и где у мужчин больше вкуса к технике. Попытки реформаторов подтянуть к Западу страну «кое-каков», «авося» и «небося», цивилизовать людей, которые собирают 12 центнеров зер-

новых с гектара, а от коровы надаивают полторы тысячи литров молока в год, – эти попытки просто смешны».

Я читаю ваше пораженческое письмо, господин Акчурин, а передо мною лежит очередная проповедь одного из высших священников Русской православной церкви. Он гневно сокрушается, что Россия «повержена в прах перед иноземными идолами земного преуспеяния». Другими словами: не тщитесь, православные, выйти из нужды, это – грех. Протестантские, особенно кальвинистские, проповедники – те да, уже не одно столетие твердят своей пастве, что грех – не тщиться выйти из нужды, что Богу угоден и будет спасен тот и, между прочим, только тот, кто выжал из себя в земной жизни все, что мог, – до предела развил свои способности, достиг вершины в избранном ремесле, усердием и предприимчивостью увеличил родительское наследство и передал его своим детям.

Господин Семак тоже пишет об Америке: «Странное дело, почему это сегодня всех там одолевает скука. Молодежь от скуки убивает, ширяется, ловит кайф на страшных рок-сборищах, скучают миллионеры, не говоря уже о несчастных миллиардерах, скучает армия нью-йоркских бездомных, скучают кинозвезды», – и так далее.

Скучающих хватает, господин Семак, но большинству все-таки скучать некогда. Работают люди. Государственный бюджет Соединенных Штатов Америки – один триллион семьсот сорок два миллиарда семьсот миллионов долларов. Американский бюджет складывается, в основном, из налогов, собираемых с физических лиц: с предпринимателей, клерков, рабочих, фермеров, кинозвезд. Представляете, сколько должны зарабатывать эти физические лица, чтобы отстегивать в казну один триллион семьсот сорок два миллиарда семьсот миллионов долларов? И сколько работы там должно быть, сколько дела.

Совесьть чекиста

Июль 1999

Андрей Попов из Москвы прислал своё стихотворение:

Радио включил я в час ночной,
Слышу голос наглый и уверенный:
Вновь глумится над моей страной
Враг мой Анатолий Недострелянный.

Стихотворение большое, прочитаю из него еще пару строк:

Он не Анатолий, а Натан,
Ловко под хохла замаскированный.

«Здравствуйте, Анатолий Иванович! Я офицер запаса КГБ СССР, ветеран, афганец. Ушел в 1993 году, а просили поработать ещё. Да не могу я служить режиму, который из пушек лупит по парламенту. Совесьть не позволила мне, Анатолий Иванович, остаться в спецслужбе, подпавшейся под таких правителей. Учредил и возглавил фирму, штат – 8 человек, занимаемся оптовыми поставками продуктов населению, тем и живем». То, что происходит в России сейчас, он считает грязной борьбой «сплошь красных» с «красными наполовину», «до пояса красными». Первый из «красных до пояса», по его мнению, Ельцин. Но главное, ради чего написано это большое письмо, – доказать, что не все «гэбэшники» были одинаковы: «Вот вы, Анатолий Иванович, костерите ВЧК-КГБ за прошлые грехи и косвенно так и норовите переложить их вину на таких, как я. Но меня тогда на свете не было. К сослуживцам Ягоды, Ежова, Берии у меня свой счет имеется. По линии отца два его дяди с семьями в тридцать седьмом сгинули. Мать в тридцать третьем в Донбассе стала круглой сиротой. Её отца, моего деда, в возрасте 32 лет расстреляли за то, что как мог помогал людям

спасти от голода: подделал колхозную печать и ставил её на справки, по которым с десятков семей его односельчан смогли убежать в город. Сдал деда какой-то «Павлик Морозов». От голода умерли моя бабушка в возрасте 26 лет и дядя восьми лет. В 1988 году по КГБ прокатилась волной кампания по выискиванию мест массовых захоронений времен 1924-38 годов. Ужас. Мне попадали в руки учетные карточки ОГПУ, свидетельствующие, что ВМН (высшая мера наказания – расстрел) применялась за «антисоветскую пропаганду и агитацию» к целым семьям: муж, жена, дети старше 7 лет. В карточку вписаны 6-9 человек. И указана дата исполнения приговора. Карточек – тысячи». В связи с этим автор вспоминает Милошевича, его преступления: «Считаю, что Милошевич, вместе с единомышленниками, должен уйти в небытие. Эпоха милошевичей в Европе закончилась, а в России ещё нет. Наши кретины называть вещи своими именами ещё долго не будут потому, что сами заслуживают тех эпитетов, которыми мир награждает Милошевича».

Служить советскому государству, которое расстреливало своих врагов старше семи лет, он, как видим, не считал зазорным, а служить российскому, на котором еще остаются только «родимые пятна» советского, ему не позволяет совесть. Что касается его отношений с советским государством, то там для него имело значение не только то, в какое время служить, но и по какой части. По части борьбы с инакомыслящими – нет. «Мне не пришлось марать руки этой «важной и почетной» работой», – пишет он. А по части борьбы с Западом – да: «Я служил во Втором главном управлении, выявлял и обезвреживал агентуру ЦРУ, немецкой БНД, британской МИ-6 – агентуру, продававшую не семейные, а государственные секреты Западу, занимался розыском военных преступников второй мировой, боролся с незаконным оборотом и контрабандой наркотиков. Я выполнял работу, которая является святой для спецслужбы любого государства».

Агентура, которую он выявлял, боролась с тем самым государством, которое погубило его отца, родню и миллионы других его соотечественников и, может быть, погубило бы ещё больше, если бы не они, агенты ЦРУ, МИ-6, БНД. Люди, которых он ловил, ослабляли то самое государство, которое преследовало инакомыслящих. Но это оно делало руками сотрудников Пятого управления КГБ, а он служил во Втором, поэтому пишет: «Мне себя упрекнуть не в чем». Так рассуждают и так, конечно, чувствуют подавляющее большинство людей его судьбы. С удовольствием познакомился бы с ним: живой человек, думает не только о себе. Интересно, как он ведет своё дело: как находит общий язык с неподкупными московскими чиновниками, с бандитами.

Пишет Максим Скрынник из Львова: «В этом году я закончил биологический факультет университета. В последнее время изучаю психологию. Интересно узнавать, как личные психические расстройства отдельных людей превращаются в коллективные помешательства – порождают такие явления, как фашизм, коммунизм, религиозный фанатизм. Самолюбование больше или меньше присуще каждому смертному. Но полный нарциссизм – это психоз. Себя псих видит в наилучшем свете, а окружающие для него – что-то неправильное, некультурное, нечестное. Они его воспринимают, как надо, – как больного. Но когда псих скажет не: «Я лучше всех», а «Мы лучше всех», то многие будут считать его нормальным и охотно с ним согласятся. Довольно простая схема: мы, славяне (русские, арийцы, мусульмане) – самые-самые, они же, не славяне, – не самые-самые, потому что они не славяне. Политические партии можно условно разделить на такие, члены которых способны видеть действительность без всяких очков, и на такие, члены которых склонны к бредам и к предрассудкам. Господин Жириновский не только порождает бреды – его поведение напоминает поведение

ребенка. Детская часть личности, имеющаяся у каждого, принимает в этом случае решения за взрослую часть. Это и есть отклонение, патология. Комунисты пришли к власти на бредовых идеях всеобщего равенства. Эти идеи возникают из детской зависти (у него больше, чем у меня). А сейчас коммунистические лозунги представляют собою, в основном, предрассудки (при Сталине, мол, был порядок, при Брежневе было все). Особенно любопытно сравнение православия и коммунизма или православия, коммунизма и фашизма. Это показывает, что и в сознании отдельных людей, и в общественной практике могут объединяться противоположные вещи».

Спасибо за письмо, Максим. Я чуть было не сказал, что там, где вы живёте, ваши знания нужнее, чем где-либо на Украине, потом вспомнил про Донбасс, Крым, Одессу, откуда мне всё пишет один русский, доказывая, что русские лучше всех на свете, а хуже всех – украинцы и почему-то белоруссы, называет их «бульбашами». Интересно, чем закончатся потуги Украины родить своего «Батьку» или «Матушку». Человек любит Гитлера или Сталина, Лукашенко или Милошевича не потому, что тот делает для него что-то хорошее, а потому что ему нужен вождь, чтобы любить его. Такая у него потребность – потребность подростка. Если хочется любить вождя, вождь всегда найдется. Чехам не хочется любить вождя, они любят пиво, и у них его нет (не пива, а вождя – потому и пиво есть, что нет вождя). И ненавидит «взрослый подросток» не потому, что протестанты или безбожники делают ему что-то плохое, а потому что ему хочется кого-то ненавидеть. В минуту прозрения русский народ разглядел это в Ленине и буквально высветил душу симбирского подростка, когда сказал: «Что ты смотришь, как Ленин на буржуазию?»

На первой странице следующего письма, в углу слева, написано: «Бог поругаем не бывает». «Господин Стреля-

ный и радио «Свобода»! Молчанием предаётся Бог, поэтому я сочла своим долгом – долгом русского патриота написать вам это письмо справедливого протеста в ответ на ваши заявления и передачи, в которых вы бессовестно поливаете грязью Россию и православие. Вы занимаете откровенно прозападную позицию. Более того, вы и вся свора «демократов» посягнули на святая святых русского народа – наше православие. Вы в своих передачах ставите православие в один ряд с погаными протестантами».

Протестанты – это баптисты, лютеране, кальвинисты, это, в общем, все христиане, кроме католиков и православных, несколько сотен миллионов человек, в основном, в Европе и Америке.

«Всю эту нечисть надо гнать поганой метлой со Святой Руси. Для нас, русских православных, православие – национальная святыня, оскорбление которой должно караться смертью. Прощения за это быть не может! Мы за великую, единую и неделимую Русь, с нами Бог. Наша церковь в лице ее иерарха, архиепископа Феофана Полтавского, призывает верных России и православию своих чад: «Будем ненавидеть врагов Божиих и врагов русского народа». Заканчивается это письмо стихом:

Слабый, беспомощный сброд
Молча поляжет в гробы.
Русские – Божий народ.
Все остальные – рабы.

Прислала это письмо молодая женщина, зовут её Анной, фамилию не назову. Одной рукой трепетно листает писание, в котором сказано: «Любите врагов ваших!», другой выводит: «Смерть! Прощения нет!» В России есть выражение: «православный фашизм». Первым его употребил священник Александр Мень незадолго до того, как его убили, перед самым упразднением Советского Союза. Он предвидел, чем могут заболеть многие православные, когда вдохнут воздуха свободы. Он очень боялся, что ре-

лигиозное рвение перейдет в религиозную нетерпимость и соединится с грубым патриотизмом, с безоглядной преданностью старине – никаких поправок на время, никаких новшеств, никаких уступок демократической современности.

Письмо из Литвы: «Не буду вас ни хвалить, ни ругать, но прошу не забывать, что вас слушают не только жители России. У нас в Литве плохое положение в сельском хозяйстве. Наши мужики, поучаемые социал-демократами, социалистами и коммунистами, готовят разные акции, требуют дотаций, повышения пошлин на дешевое продовольствие из Европы, хотя мне кажется, всегда умнее покупать что дешевле, например, польский сахар, который в два раза дешевле нашего. Купили наши торговцы где-то в Израиле помидоры по четверти доллара за килограмм, продавали здесь по доллару-полтора, и все равно не сравнить с нашими ценами. Я думаю, если литовские мужики не могут работать по-настоящему, то это их вина. После краха коммунизма прошло почти десять лет. Сколько еще им нужно, чтобы научиться? Правительство Литвы тратит большие деньги на поддержку деревни, а им всё мало. Говорят, вот на Западе правительства щедро дотируют сельское хозяйство, поэтому там продукты такие дешевые. В Китае, думаю, не особо балуют крестьян дотациями, но привезённое оттуда мясо опять в два раза дешевле литовского. Вот у меня просьба: расскажите, как в Европе на самом деле с этими дотациями. Желательно привести цифры: сколько, кому, на что дают. С уважением Зенонас Лицкус. Каунас».

Цифры мало что скажут, господин Лицкус. Ясно и без них, что ошибается тот литовский крестьянин, который наслушался социалистов-коммунистов и думает, что на Западе с помощью их братьев по разуму кормят лодырей и неумёх. Давать ли мужику деньги за то, что он мужик (в чем, собственно, и состоит смысл дотаций), а если

давать, то – сколько и как, каждое общество решает по-своему. Многое зависит от того, хорошо ли оно понимает несколько простых вещей. Вы их, видно, понимаете очень хорошо. Первое. Чтобы кому-то дать, надо у кого-то взять. Второе. Деньги, которые человек не должен возвращать, он обычно употребляет не самым лучшим образом. Так что почти любая дотация, в конечном счете, причиняет ущерб всем, включая и тех, кого осчастливили. Но о «конечном счете» мало кто думает. «В конечном счете, все мы покойники», – сказал один крупный западный экономист, чьи плохо понятые выкладки сейчас на знамени советских академиков. Третье. Свободное общество дотациями откупается от тех своих членов, которые угрожают спокойствию в стране. Самых требовательных из них моё село называет горлохватами. Все годы, что Маргарет Тэтчер была у власти, люди этой породы пытались схватить её за горло, да не на ту напали: смогла-таки приучить целые отряды рабочего класса и трудовой интеллигенции жить без больших подачек. Теперь говорят ей «спасибо». В любом обществе люди ни за что так охотно не борются, как за привилегии. Суэта вокруг общего пирога не прекращается ни на миг. В этом смысл политической жизни.

Еще письмо из Литвы: «Если вы такие рьяные правдолюбцы и морализаторы в последней инстанции, то почему вы на вашей «Свободе» ни разу, повторяю: ни разу не обмолвились, как это получилось, что после войны такие хорошие американцы и англичане предали и буквально продали, как скот, любимому дядюшке Джо, сиречь Сталину, народы Восточной Европы. Ась, Анатолий Иванович? Вина за это злодеяние лежит на Трумэне, Эйзенхауэре, Черчилле. Увы, они прекрасно знали, что творили – спасли ведь Австрию, Финляндию и Норвегию от советизма и коммунизма с его победоносным колхозным строем. А почему? Потому что эти народы принадлежат к «высшей» германо-нордической расе».

Не читаю слов, которыми автор награждает Трумэна, Эйзенхауэра и Черчилля. Дядю Джо, говорят, тоже спрашивали, почему он оставил в капиталистическом рабстве народы Западной Европы, – не дошел хотя бы до Ламанша. Он отвечал с ленинской прямоотой: сил не хватило. А у его бывших союзников не хватило сил дойти до Бреста. На том и порешили. Один секретарь обкома, бывший фронтовик, мне, помню, говорил: «Дойти-то мы, может, и дошли бы. Но чем потом их кормить – этих французов? Вот в чем был вопрос. Сами-то они со своих колхозов не прокормились бы, а народ строптивый».

Следующее письмо подписано двумя буквами: «Ю.Н.»: «Кому-то на Западе кажется, что русская нация поддерживает шовинистическую кампанию таких людей, как Жириновский. Об этом не может быть и речи, хотя настроение и действия российского военного руководства вызывают тревогу. Почему они так стремятся ввязаться в столкновения на Балканах? Что они там потеряли? Или это президент таким способом пытается восстановить самоуважение и достоинство? Трудно, конечно, быть главой страны, население которой отвергает твоё правление. Поэтому внешняя политика Ельцина все больше следует линии коммунистов в думе. По существу, мы наблюдаем консолидацию государственной власти, но это опасная консолидация, потому что почва под нею недемократическая. К власти Ельцина у нас в России сейчас относятся, как относились к советской власти: это – данность, она есть и будет, от меня, простого обывателя, тут ничего не зависит. Время горбачевской перестройки вспоминается как светлое время, когда мы двигались к демократии и настоящему социализму. Нынешний вакуум ценностей в России поистине ужасен. Население разочаровано в реформах и вообще в общественных идеалах. Конечно, наше общество сейчас, как никогда, молчаливо, но мне кажется, надо правильно понимать смысл этой молчали-

вости. На самом деле общество уже сделало выбор, и выбрало оно демократические идеалы, поэтому не хочет бунтовать, а хочет демократическим путем сменить «великого демократа» на умного государственника».

В одном предложении сказано, что общество во всём разочаровалось, ни во что не верит, в другом – что оно выбрало демократию и созрело до осмысленного поведения на западный манер. Из третьего предложения узнаём, однако, что это, во всём разочаровавшееся, но выбравшее демократию, общество хочет «умного государственника», то есть, человека, чьи убеждения тем дальше уведут его от демократии, чем он умнее. А вообще, как следует из четвертого предложения, лучше всего было бы возобновить движение к «настоящему социализму», который, кстати, не может не быть глубоко чужд государственничеству. Масло и вода. Но это – на взгляд со стороны. А в голове у человека всё смешано самым натуральным образом. Таких людей много в каждой партии. В одной личности более или менее мирно копошатся несколько личностей: та тянется к Гайдари, та – к Владимиру-Адольффу, та – к Зюганову. Не только население не разбилось на сообщества по интересам (не структурировалось, как говорит наука), но и каждый человек в отдельности не разобрался с собой, не решил, кто он такой... В обществе, где таких людей большинство, побеждает тот политик, у которого в голове тоже каша, который может с одинаковым пылом говорить противоположные вещи. А ведь и в самом деле могут поменять «великого демократа» на «умного государственника»!..

Письмо из Нижнего Новгорода: «Некоторые ваши передачи я записываю на магнитофон и вожу к матери слушать вместе. Мне – 49, ей – 78, оба – преподаватели вуза, английский язык – я, психология – она. Давно хочу спросить вас: как, по вашему мнению, объясняются нынешние экономические неурядицы в России – только объективны-

ми причинами или же еще и субъективными? Другими словами, если бы у власти сейчас был не Ельцин, а, скажем, Явлинский или Зюганов, или имярек, могло ли быть лучше? Больно, что демократия оказалась так скомпрометирована. Теперь очевидно, что и в думу, и в президенты пройдут левые – и как бы не Зюганов. Очень плохое самочувствие от такого предчувствия. Баранцев Сергей Иванович».

Спасибо за добрые слова, Сергей Иванович. Демократию в России, как мы помним, подсекли первые хозяйственные неудачи Ельцина. Люди потеряли сбережения, заработки, очень многие – и работу. Обозлились, разочаровались. На волне этого недовольства во власть поднялись коммунисты, стали сопротивляться преобразованиям. Подавлять их – недемократично, а в таких условиях и опасно: можно и гражданскую войну невзначай развязать. Ельцин вынужден был уступать и откупаться, откупаться и уступать. Так что всё, по-моему, упирается в самые первые неудачи, они оказались поистине роковыми. Можно ли было их избежать – вопрос для вечного спора. Кое-кто из тогдашней команды Гайдара в последнее время стал говорить, что можно было, признают свои ошибки, но не те, конечно, которые им ставят в вину коммунисты и нацисты, а те, на которые им с самого начала указывали такие люди, как Лариса Пияшева. При Зюганове сегодня наверняка было бы хуже. При Явлинском, если бы он сейчас занимал место Ельцина, – может быть, чуть-чуть лучше. Я подчеркиваю: сейчас. Все демократы сейчас не те, что в девяносто втором – набрались опыта, в том числе и ельцинского.

Московские штрафы

Август 1999

Пишет художник Ефим Хайдович: «Хотелось бы, чтобы вы рассказали о Канаде. Почему именно эту страну ООН четыре раза называла лучшей страной в мире для проживания человека. Как удалось Канаде построить социализм, в то время как у нас бывшие коммунисты пытаются построить капитализм?»

Видимо, еще не скоро перестанут приходить письма с такой игрой слов. Вкус к «измам», к тем упражнениям с ними, что называются «начётничеством», современные люди унаследовали от своих (не таких, впрочем, далёких) предков, которых мне приходится вспоминать чуть ли не в каждой передаче, – которые верили, что словом можно сворачивать горы и обращать вспять реки не в переносном смысле, а в прямом, – надо только знать нужное слово и – как его произнести: ясным ли днем, ночью ли темною. Обычный северный американец, то есть житель Соединенных Штатов Америки и Канады, которой интересуются господин Хайдович, этой игры может не понять. Слова «капитализм» он в своей речи не употребляет, что оно означает, не задумывается, свою страну называет не капиталистической и не социалистической, а свободной. Если вздумается ему использовать слово «система», то говорит так: «У нас система свободного предпринимательства». В науке слово «капитализм» употребляется в том смысле, какой вкладывал в него в двадцатом веке самый сильный критик Маркса Макс Вебер. Капитал – это накопленные деньги. Человек накопил денег и вложил их в какое-нибудь дело, что-то предпринял – создал предприятие. В основе современного, полноценного, правильного, так сказать, капитализма лежит частное предприятие. Предприятие выпускает какие-то вещи на свой страх и

риск и продаёт их, чтобы возместить затраты и получить навар. Большая часть наvara используется для расширения производства. Важнейшая особенность капиталистического предприятия, та особенность, которая делает его предприятием современным, сравнительно новая особенность – бухгалтерия, повседневный учет движения денег, повседневное сопоставление расхода и прихода. Возник такой капитализм в Западной Европе. Почему именно в Западной Европе, почему именно отсюда он стал распространяться по Земле, долго было загадкой, да и сегодня она не совсем разгадана. Указывают на такие свойства западноевропейского человека, как особое трудолюбие, особая любовь к свободе и порядку, особая бережливость, особая честность в делах, особый вкус к новшествам. Но почему именно у западных европейцев эти свойства оказались особыми и так проявились, – на сей счет мнения разные.

Письмо из Мурманской области: «Побывал на Украине, с которой уехал 23 года назад на русский Север. Города во мраке, промышленность в развале, люди не знают, как жить дальше. На фоне бедности основной массы людей – жирующие нувориши на шикарных авто. В России всё тоже не слава Богу, но на украинском фоне мы выглядим вполне благополучно. Не хочу никого винить: умные сами понимают, что произошло, а глупых ни научить, ни убедить. Прошу Вас рассказывать и дальше о жизни в наших суверенных странах так же непредвзято и понятно. Наше телевидение и радио заняты другим. Юрий».

Юрию не приходит в голову, что радио «Свобода» может быть заодно с этими жирующими новобогачами, но на её волны настраиваются не только такие, как он. Один из наших слушателей напомнил недавно восьмидесятилетней давности слова русского философа Бердяева, что коммунизм – это идеология зависти. Как и следовало ожидать, тут же пришло письмо, автор которого (подпись я

не разобрал) требует от нас «не обзывать завистью оправданную, обоснованную ненависть бедных к богатым, эксплуатируемых к эксплуататорам, классовую вражду рабов к своим угнетателям, к тем, кто делает им горе». Нас он, в свою очередь, обзывает дураками и подлецами, которые защищают «свободу некоторых обворовывать остальных». «Теперь ясно, – говорится в письме, – что вы остаётесь нашими врагами, а коммунисты, хоть и строгие, были и есть за народ». Тем не менее, автор желает нам добра и даже подсказывает нам, как лучше делать наше грязное, с его точки зрения, дело. Со стороны профессионального пропагандиста, пишет он, «ведущего передачи из-за бугра на нищую полувраждебную страну, заводить разговор о социальной зависти совсем глупо. Вы же подрываете к себе доверие. Так что считайте, что мы хотим помочь вам сделать вашу пропаганду убедительней и достоверней».

Наверное, действительно стоило бы замять этот разговор до лучших времен, но если заминать такие разговоры, лучшие времена могут не наступить. Когда и говорить о социальной зависти, как не тогда, когда она готова вот-вот вырваться из-под спуда на шестой части Земли! Когда, как не в такое время, напоминать людям, что не было в истории случая, чтобы после того, как бедняки раскулачили богачей, им, беднякам, стало лучше! На душе становилось легче, это да, но на очень короткое время, потому что на следующий же день бедняки исправнейшим образом делились на бедняков, середняков и богачей. На следующий же день. Социалисты, да и не только они, говорят, что положение рабочих в «мире капитала» улучшилось потому, что они боролись за свои права: за сокращение рабочего дня, например, за социальное страхование. Под напором рабочего движения хозяева, мол, стали щедрее, чтобы не потерять всё. Об этом написаны тысячи книг, и только в нескольких из них показано, как было на самом деле. Положение рабочих улучшила не борьба

труда с капиталом, а научно-техническая и предпринимательская мысль: бурное внедрение всевозможных машин, приспособлений, производственных новшеств. Распределение пирога и увеличение пирога – не одно и то же. Пирог растет не потому, что «труд борется с капиталом за свои права», а скорее вопреки этому – доказано не только логически, но уже и математически.

Из Москвы пишет господин Малышев, 1941 года рождения: «Может ли считаться нравственной цивилизация, которая так всех и не накормила, но развивает все более извращенные потребности, плодит кровавые драмы? Может ли цивилизация основываться на принципах накопления сверх разумных потребностей? Не почитать ли нам Ленина – все 55 томов? И не пора ли научиться отделять Идею от исполнителей? Не прекратить ли обзывать коммунизмом период неумелого и во многом преступного правления оседлавших перспективную идею людей? Идеи Свободы, Демократии, Прав Человека оказались в куда более недобрых руках. Заново надо начинать! Седлать тенденции общественной мысли, становиться в авангарде и вести куда-нибудь в сторону. У нас опять Враг – открытый и беспощадный, снаружи и внутри. И служи его, и знамена его, и слова его повсюду. Да наплевать! Будет торжествовать нравственность, будут торжествовать идеи Справедливости, слова, оплаченные не долларами, а совестью. И опять нам, русским, стоять насмерть. И будем: не вы. Мы – Русские! С пожеланием спасения души. Сергей Александрович Малышев».

Я, было, хотел попросить господина Малышева написать нам в следующем письме, кто будет решать, какие потребности разумные, а какие неразумные и что предполагается делать с людьми, которые будут не согласны с этими решениями, но перечитал письмо и увидел, что в нем есть ответы на все вопросы. Кто пишет «Справедливость» с большой буквы, а рядом, тоже с большой –

«Враг», тот знает, что делать, если рай на Земле не будет получаться. Господин Малышев, как мы слышали, считает неумёхами и даже преступниками организаторов и вдохновителей строительства коммунизма. Это ставит его против главной партии российских коммунистов. Их вождь считает, что лучшим из строителей был Сталин, которому почти всё удалось. Господин Малышев собирается вернуться на ленинский путь, но «стоять насмерть» у него будет не рабочий класс с трудовым крестьянством, а вся нация. Ленин таких уничтожал: сначала словесно, потом и телесно. Так что, если «оседлать тенденции общественной мысли» – значит создать «красную» партию, которая и против Ленина, и против Сталина, и против Зюганова, то можно не бояться, что у этого слушателя что-нибудь получится.

Николай Сухоцкий из Москвы пишет о положении приезжего в этом городе: «Всюду вас подстерегают штрафы. «Штрафные батальоны» милиционеров охотятся на вокзалах за кавказцами или просто черноголовыми людьми, за тетками, навьюченными сумками. Почему никому не жалко этих людей и не стыдно за такую городскую власть? Что ищут милиционеры в бывших советских паспортах? Не следы ли «великой отчизны»? Советского народа не стало, но просто народ-то остался. И вот стоит перед милиционером этот не отметившийся бывший советский человек и с удивлением смотрит через плечо стража порядка в свой паспорт. Как-то вице-мэр обрушился на попрошайек и бомжей. Он хотел их «заставить работать». Любимое советское слово: «заставить». Хочется только «заставлять», командовать. Попробуйте найти в Москве уличный туалет. Где приюты? Ночлежки? Где человеческий выход из всего этого беспредела? Смешно говорить, что нет денег, глядя на бессовестную жизнь этой части общества», – пишет из Москвы Николай Сухоцкий.

Значит, эта часть всё-таки недостаточно большая, да и недостаточно сытая, скажу я, господин Сухоцкий. Горячий суп, ломоть хлеба, ночлег, врача бездомный более-менее легко находит только в стране, где средний заработок раз в десять выше, чем в России. И только в такой стране невозможно встретить ни вице-мэра, ни мэра – никого, кому хотелось бы кого-то заставлять работать. Ночлежки, всевозможные приюты, бесплатные столовые – это признак не только того, что в стране есть бездомные и голодные люди, но и того, что в стране весьма и весьма достаточно весьма и весьма сытых. Можно сказать еще так: ощутимую помощь бедным оказывает только ощутимое богатство – причем, богатство среднестатистическое. По-другому не получается.

Пишет академик-физик Евгений Александров: «Слушая передачу, в которой вы опять касались магии слова, я вспомнил стихотворение Николая Гумилёва (кажется, так и называется: «Слово»). Цитирую по памяти:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

Как и положено человеку точного знания, автор письма напоминает, что, согласно Библии, которую поэт вольно использует, стены Иерихона были разрушены не словом, а трубным звуком, Солнце же было остановлено не для чего-нибудь, а для продления битвы. Спасибо за письмо, Евгений Борисович. Обычно вспоминают последнюю строку из этого стихотворения: «И, как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова». Это – о речи современных людей, которые разбрасываются словами, потому что не верят в их всеисие – поставили им, как сказано у поэта, «скудные пределы естества». К нынешним дням самое серьезное – смертельно серьезное – отношение к слову осталось в уголовном мире, то есть, в низ-

шем из миров. За иное могут убить. Исключительно чувствительны к слову (то и дело судятся с газетами) и политики этого склада. Проверьте – кто не верит. Если политик или властитель города, района, области тащит в суд газетчика за всякое слово, которое ему не нравится, значит, это или уголовник, или личность с известными задатками: врожденный «пахан» либо что-то вроде блатного-сутяги из подворотни: «Что ты сказал? А ну, повтори!»

Пишет Ростислав Беляев: «В последних передачах вы рассказывали о письмах бывшего кагэбешника, который считает, что его совесть чиста, так как он занимался «святым делом» – ловил людей, передававших на Запад секреты СССР. Но и «святое дело» требует переосмысления. Многие люди, которых отучили от логического мышления, грустят по СССР, помнят только о колбасе за два двадцать и пенсии в 135, не осознавая, что и колбаса, и пенсии могли быть какое-то время только за счет займов у Запада и продажи нефти и газа. На своей земле коммунисты не были способны ни производить что-либо, кроме ракет и танков для захвата планеты, ни даже вырастить достаточно хлеба – свои последние 20 лет были вынуждены закупаться у американцев. Запад защищался от «мировой революции», затрачивая 7 процентов своего бюджета, в то время как СССР расходовал на подготовку Третьей мировой 70 процентов – своего. За счет мобилизации ресурсов одной шестой планеты и обнищания своего населения ему иногда удавалось обогнать Запад в создании некоторых видов оружия. И если так называемые «предатели» раскрывали эти секреты и военные планы Кремля, уменьшая его перевес, а значит и вероятность ядерной катастрофы, мы должны испытывать к этим людям лишь глубокое уважение и благодарность. Ростислав Беляев».

Этот слушатель совершил над собою то, что самостоятельно, без понуждения со стороны государства, большинство бывших советских людей совершить не в силах. Он

посмотрел в глаза правде и не побоялся сделать все выводы. Он осознал главное: тот строй был не способен обеспечить население даже хлебом. Победа того строя в планетарном масштабе означала бы всемирный голод. Все советские секреты, стало быть, в конечном счете, сводились к одному: как выморить человечество, хотя многие носители этих секретов считали, что осчастливят его.

«Мне 73 года, скоро помирать, и я хочу успеть сказать Западу: не помогайте России ничем, ничем, иначе рано или поздно эта помощь обернется против вас. Почти весь двадцатый век нам вдалбливали, что мы самая-самая великая страна, а что величие наше заключается не в хлебе и мясе, а в ядерных бомбах, мы соображали сами, без подсказки, и были довольны и собой, и страной. Это самодовольство переходило из поколения в поколение. Главное – стрелять или хотя бы целиться, а в какую сторону, неважно: в Афганистан – так в Афганистан, в Чечню – так в Чечню, в Чехословакию, Венгрию, в НАТО. Главное – показать своё превосходство, своё великодержавие. Чем лучше будет становиться финансовое положение России, тем выше будут поднимать головы генералы, тем больше будет опасность для самой России и для мира. Разве можно ожидать другого, если сегодня у голодных пенсионеров демократическая вроде власть ни с того, ни с сего взяла 150 миллионов долларов на российское присутствие в Косово? Поэтому у меня просьба к Америке, Западу: крепите свою мощь и не помогайте нам ничем, ничем. Владимир Николаевич (такой-то), 73 года, инвалид Второй мировой войны, участник встречи с американцами на Эльбе в 1945 году».

Мало в России ветеранов, думающих, как этот. Даже не называю его, чтобы не пострадал от бывших товарищей по оружию. Большинство из них хотят и жить хорошо, и наводить страх на весь мир. Не понимают, что это невозможно. Или – или. Слава Отечества – одно, благо-

состояние граждан – другое. Обычно одно достигается за счет другого. Известный пример – Япония. Сегодня она в числе слабейших в военном отношении государств, а по уровню жизни – в числе первых. Есть, правда, и там десяток-другой сынов отечества, которым по душе Япония 1937 года: могущественная империя с бедным и бесправным, ослепленным и затюканным населением.

Господин Шурыгин спрашивает: «Существует ли организации, которые занимаются выработкой целостного мировоззрения? Если вы сможете прислать несколько адресов таких организаций, я чрезвычайно буду вам признателен».

Как вы, конечно, знаете, господин Шурыгин, самой большой такой организацией в мире был Центральный Комитет КПСС. Из нынешних можно назвать ЦК Кубинской компартии, Северо-корейской, лично этим делом занимаются Саддам Хусейн, «Отец Всех Туркмен», Александр Лукашенко. Это организации и лица, которые заботятся о целостном мировоззрении для других, а целостное мировоззрение для себя каждый человек вырабатывает сам – обычно бессознательно, а если есть охота, то и сознательно. К числу интересующих вас организаций нужно, разумеется, отнести «Центральные комитеты» основных религий современности.

Мечтатели

Сентябрь 1999

Пишет научный работник Владимир Николаевич Черняк: «Хотя мое образование техническое, я всегда считал, что образованный человек должен быть в наибольшей мере гуманитарием, а затем специалистом в своей области. Любому человеку совершенно ясно, что Россия сейчас в состоянии глубокого экономического и психологического кризиса. Многие граждане не хотят жить в такой стране, и те, кто мог, уже давно «изменили родину». Однако остающимся необходимо как-то приспособливаться, а также думать о будущем устройстве своей страны для своих детей и внуков. Очевидно, что полагаться на существующих политиков нельзя. Эти люди мысленно давно в развитых странах, а их дети и физически уже там. Может быть, в таком случае, следует сделать ставку на тех, кто исторически доказал свое желание обустроить Россию, как свой собственный дом? Я очень долго думал на эту тему и кроме дома Романовых ничего не нашел. Для них просто нет смысла обворовывать Россию, как нет смысла обворовывать Англию английской королеве или шведскому монарху – Швецию. Я думаю, Россия, как блудный сын, все равно вернется к монархической форме устройства, которая наиболее ей соответствует. Но жаль тех поколений, которые умрут, не увидев счастливой жизни. Владимир Николаевич Черняк».

Английской королеве нет смысла обворовывать своё отечество, но она ведь и не правит. Русские цари не воровали, но это не мешало воровать их министрам, губернаторам, градоначальникам – всем, кому, согласно поговорке, достаточно подержать за бороду казенного козла, чтобы сшить себе шубу. Россия только то и делала, что бунтовала против своих царей. Она чуть не смела царизм в 1905

году, с огромным подъемом сделала это в 1917-ом (до всяких большевиков, между прочим) и с тех пор, уже почти век, живёт без «помазанников Божиих». Все исследования нынешнего российского, так сказать, «соборного» ума показывают, что монархии в нём места нет и не предвидится. И все равно то в одном письме, то в другом приходится читать, что именно она, монархия, более всего соответствует русскому естеству.

«За Русь, за царя и за веру» агитирует своих друзей студент Иван Шлыкков из Саратова – агитирует, по его словам, «на вечерней кухне», исполняя под гитару свои монархические песни. А прозой пишет так: «Европе – позор! Продалась Америке в лакеи. Лишь Русь устояла. И то ли еще будет. Самостийна земля русская! Всё в ней: золото, нефть, уголь, газ, алмаз, уран – всё! И будет: огрядимся от гниющего мира цепями электрическими, поставим на границе мощные вентиляторы – нюхайте! А пока на демократию вашу я плюю, ни за кого не голосовал и не буду. Знаю: не надолго сия бесовня. Близко время! Закопаем вас вместе с коммунистами и мумией в одной яме, ибо и коммунизм от вас заслан в муку народу русскому. Объединятся братья-славяне под государем, и грядет Золотой Век».

Студент Шлыкков – более выраженный, сознательный, так сказать, монархист, чем научный работник Черняк: студент сделал себя с черносотенца восемнадцатого года. Но письма обоих всё-таки из одного ряда – из того ряда писем, которые выглядят, как одно нескончаемое письмо, чьи первые строки теряются где-то в позапрошлом веке. Прежде всего, конечно, бросается в глаза мечтательность. Человек говорит, что он очень много думал, а на самом деле он очень много мечтал. Думать для него – значит мечтать. Это сознание называется утопическим. Мечты о стране Небывалии. Не мысль о себе: как обустроить себя, свое семейство, своё дело, а как обустроить других,

всю Россию. Причем, она должна увидеть небо в алмазах сразу. Счастье, согласно нашему плану, должно быть подано уже нынешнему поколению, здесь и сейчас, и подано – начальством. Всё сделает не время и труд, не личная предприимчивость и рачительность каждого, а начальство. И не то начальство, что имеется в наличии, нет, домощенное не годится – надо призвать варягов, тем более что в данном случае у них русская фамилия: Романовы.

Пишет господин Алфёров из Гродно: «Все мы в Советском Союзе жили довольно-таки прилично. Центральные газеты осуждали затяжные, по несколько дней, гуляния на свадьбах, где гостей бывало аж по 150-200 человек. В то время было за что гулять. Сейчас Россия обескровлена. Она бедствует. Чуда, на которое рассчитывал наивный обыватель (в том числе интеллигенция), давая карт-бланш Ельцину, не произошло. Но лет через семь Россия сделает рывок, чтобы уже навсегда занять подобающее ей место в группе мировых лидеров. И снова будут свадьбы с широкими застольями, а времена правления Ельцина покажутся страшным сном. Г. Алфёров». Приписка: «А что, Анатолий Иванович, слабо прочитатъ письмецо без купюр?»

Уважаемый господин Алфёров, я не смог прочитатъ ваше письмецо полностью за неимением времени, но взял из него самые «крутые», как выражается молодёжь, места. Вместе с вами буду радоваться, когда по России снова загудят свадьбы «с широкими застольями». Я только думаю, что усаживать за столы по 500 человек (бывало и по 500!) уже никогда не будут. И гудеть по несколько дней тоже никогда не будут. Это ведь языческие пиры. Языческие пиры нищего народонаселения. 360 дней в году голодаем, пять – объедаемся. Так не может быть вечно. Многолюдная свадьба, кроме того, была разновидностью складчины. Молодым приносили вещи, припасы: снаряжали в семейный путь. Исследователь, наверное, назвал бы это одним из элементов общинной техники выжива-

ния. В свободном потребительском обществе, каким все ещё может стать Россия, человек предпочитает обзаводиться по собственному вкусу, а не по вкусам своих свадебных гостей, отправляться в семейный путь не с тем, что ему принесут, а с тем, что выберет сам.

О том же пишет и Иван Николаевич Жуков: «Да, верно, сегодня Россия стала задворками Европы с бюджетом меньше финского. Но по этим задворкам маршируют колонны чернорубашечников. Неужели и вы считаете, что это просто доморощенное пхе? Присмотритесь, какой размах и силу, какое влияние на огромную часть населения уже приобрёл фашизм в России. А ваши политологи утверждают, что пока у наших наци нет вождя масштабов Гитлера, они не опасны. Несерьёзные это рассуждения! Вождь не преминет возникнуть из этой мутной пены. Русский фашизм – это прямое продолжение 80-летнего коммунистического прошлого. В течение последних 7-8 лет Красная площадь в Москве и подступы к ней были отданы в распоряжение распространителей гитлеровской литературы. Является ли открытое шествие разнузданного фашизма внутренним делом России? Очень хочется знать, как вы оцениваете русский фашизм».

Как болезнь части населения, Иван Николаевич. Эту часть нельзя вылечить словами, но слова не совсем бесполезны – слова, прежде всего, о том, в чём болезнь проявляется и к чему приводит. Ведь далеко не всякий фашист сознаёт, что он фашист. Кто-то наверняка только сегодня, в сию минуту, услышит, что фашизм – это культ нации и культ вождя, что резче всего этой дрянью пахнет крикливый, да и слезливый патриотизм, что за дикую, животную любовь к отечеству и к палочному порядку расплата бывает не только страшной, но и позорной, унижительной: приходит победитель (а победитель приходит обязательно!) и говорит: «Что скажу – делайте, чего не скажу – не делайте». В России чистый, так сказать, созна-

тельный фашизм представлен пока небольшими отрядами, но есть довольно пухлый кокон, из которого он может развернуться в нешуточную силу, – думское большинство. Оно стоит ближе к немецкой разновидности фашизма, к национал-социализму.

Наталья Петровна Колесникова пишет о дворцах, которые «безнаказанно» (её слово) возводятся по всей стране «новыми русскими» на те деньги, что не доходят до рабочих и пенсионеров в виде зарплаты и пенсии. В письме говорится: «Невольно вспоминаются шестидесятые годы, когда была волна выделения садовых участков. Прокуратура и правоохранительные органы строителям лачут на этих участках не давали покоя – требовали доказательств законности приобретения чуть ли не каждого гвоздя. А если какой смельчак осмелится, бывало, соорудить баньку, её безжалостно сносили».

На самом верху самым большим недругом этих смельчаков, Наталия Петровна, был не кто иной, как Косыгин, глава правительства. В пику Брежневу население считало его своим заступником. Он был и против раздачи участков, и особенно против строительства на участках, страшно не хотел разрешить печки в домиках. «Будут воровать уголь у государства», – говорил хмуро. Покойный заместитель председателя Госплана Гусев, добрый и здравый человек, который готовил и пробивал постановление об участках, переубедил Косыгина таким соображением: «Не разрешим печек – будут воровать электричество». Косыгин согласился: «Будут».

Пишет Игорь Цирельсон: «Безо всякой тени злорадства хотел бы поделиться своей точкой зрения на происходящее в России. Эти взрывы должны были рано или поздно произойти. Вся политика российского руководства вела к ним. На волнах «Свободы» один из губернаторов высказался в том смысле, что подъём исламского фундамента-

лизма – не внутреннее дело России, а угроза всему миру. Россия, дескать, – «первая ласточка», за которой громыхнёт везде. Чушь собачья! «Первая ласточка» уже давным-давно прилетела. Я говорю о терроре против Израиля. Гитлер тоже начинал с евреев, а другие сидели тихонько и думали: авось пронесёт, ведь он только евреев не любит. Нет, не пронесло. Не только евреев не любил Гитлер, а ещё многих-многих других, которые даже и не подозревали, как Гитлер их не любит. То же самое мы наблюдаем и сейчас. Как рассуждают российские верхи? Продадим пару десятков ракет Ирану, ведь всё равно он разве что по Израилю ударит. А если не только по Израилю? Об этом не думают. Или вот нефть начнём там добывать. Захотели – и всё тут! Америка нам не указ, мы ей вот назло сделаем. Но разве только Америке? От этого ведь рано или поздно пострадают все. Российским журналистам в эти дни подсказывают, как писать про арабские страны. Дескать, нельзя подыгрывать Америке, нельзя допустить противостояния России с ними. Ха-ха-ха! Даже очень старательно вылизывая Саддаму заднее место, в «правовверные» всё равно не попадёшь. Америка это давно поняла. «Тонкий знаток Востока» Примаков годами, десятилетиями лобызался с Хусейнами, а теперь заявляет, что силовые министерства не готовы к отражению зла. Вот и готовил бы их в своё время! Четыре года во внешней разведке что делал?»

Спасибо за письмо, Игорь. Четыре года во внешней разведке он, по словам Андрея Козырева, бывшего тогда министром иностранных дел, настраивал Ельцина против Запада.

Из самых важных недавних ельцинских высказываний какое вспоминается прежде всего? О том, что не щадя живота своего будет сражаться с Западом (с «западниками», как он выразился). В это самое время Бин Ладен заканчивал последние приготовления к взрывам в Москве. Бин-Ладен, как известно, не «западник».

Прежде чем читать следующее письмо, скажу на всякий случай, кто такие панки. Панки – это подростки, которые выделяются своим дикарским внешним видом. Они считают, что живут вне общества с его глупостью, жестокостью и лицемерием – со всем тем, что они называют «попсой». Годом к 25-ти большинству из них эта жизнь надоедает. На Западе панкам хуже, чем в России: прохожие не обращают на них внимания.

«Пишет вам из Краснодара панк Джохар – бывший русский. Понятия «панк» и «русский» несовместимы. Русский не может быть панком, равно как и панк никогда не станет русским. Тот, кто говорит, что он русский панк, – это или самозванец, или просто дебил. Всё, что теперь вкладывается в слово «русский», острейшим образом противоречит панковскому духу. Мне 27 лет (почти). Образование – высшее гуманитарное, в 1995 году окончил университет. Мусульманин-суфий. Дервиш-панк. С февраля по сентябрь 1996 года был бойцом чеченского сопротивления (или чеченским боевиком, если выражаться по-россиянски). Видел там плоды вашей демоКРАДИИ: обгоревшие детские трупы. Был ранен 21 августа 1996 года в Грозном. Как ненавидят меня горячо любимые вами представители молодого поколения (главным образом до 25 лет) – менеджеры-елицынённыши всего лишь за то, что я не такой, как они! Нередко слышу за спиной злобное шипение: «Во, рокер пошёл». Всегда нужно быть готовым к драке. Мне надоела чушь, которую несете вы, господин Стреляный, и большинство ваших слушателей. Вы постоянно твердите вашим слушателям, что много денег – это очень хорошо, а не плохо. Вы или искренний мерзавец, или слабо осведомлены, что же на самом деле творится с людьми в России. В пропаганде толстого кошелька россияне нуждаются меньше всего. Они тут почти все сплошь и рядом друг другу глотки грызут из-за денег, независимо от политической ориентации. У всех на уме одно: деньги, деньги, больше денег, еще больше денег, больше, больше,

больше! То есть, кругом одна попка. Именно в этом главная проблема, а вы только усугубляете».

Люди, конечно, гибнут за металл, и это печально, но металл тут, по-моему, ни при чем, Джохар. Панки испокон веков видят зло в металле, не раз пробовали избавиться от него человечество, один собирался пустить золото на строительство отхожих мест в России, но как только упраздняли обычные деньги, тут же появлялись заменители – такие, как, например, место в «номенклатуре». Хотя я, кажется, ломлюсь в открытые ворота. Панк Джохар, как выясняется, не против денег, а за чистые способы добывания денег. Он пишет: «Вы говорите: достаток лучше бедности. А я вам отвечу: смотря какой ценой. Если мне ради достатка нужно унижаться или унижать других, а третьего в России не дано, то я лучше выберу нищету. Вы что, обзовёте меня за это тунеядцем и коммунистом? Ответьте, пожалуйста!» Не обзову, Джохар. В том, что вы говорите, много правды. Третьего действительно очень часто не дано. Везде и во все времена. Ваш выбор: нищенствовать, лишь бы не унижаться и не унижать других, – достойный, по-моему, выбор. Завидный выбор! Жалею, что был неправильно вами понят. Хозяйственная свобода лучше несвободы. Чем больше хозяйственной свободы, тем больше благ, тем меньше одни унижаются, а другие унижают. Вот, собственно, всё, что я говорю и хочу сказать, когда заходит о материальном... Напишите, какое было у вас имя до того, как вы приняли мусульманство. Как вы его принимали? По всем правилам? Не укладывается в голове: в одном лице мусульманин и панк, называющий своим любимым хэви-мэтал-рокером немца Удо. То же самое, как если бы в панки подался молодой старообрядец-таёжник.

Изяслав Лемберикман из Днепропетровска пишет: «Реформаторы в своё время не обнародовали весьма важную истину. В истории не было опыта передачи так назы-

ваемой общенародной собственности в частные руки. Передача от хозяев «народу» происходила неоднократно и только одним способом: революционным. А обратного никто нигде не совершал. Ну, не может член коллектива желать, чтобы кто-то один стал настоящим собственником предприятия, готовым продать его или радикально изменить производство, уволить ставших ненужными работников! Справедливой полной приватизации быть не может. Экспроприировать, отнять у кого-то для всех – пожалуйста. А отдать общее одному или нескольким, сотворить тем самым «буржуинов» – извините! Но что делать, если только они, пресловутые «кулачье» и «буржуины», способны обеспечить всех желающих небесполезной работой и достойным заработком!»

Автор сожалеет, что в 1991 году народ никем не был предупрежден, что будет трудно, что важнейшие вещи придется решать на ходу, действовать способом «тыка», что больших потерь и трудностей не избежать, даже если всё делать образцово: устарелое производство не обновить за год. «Народ вступил в новую жизнь непредупрежденным, вот, – пишет господин Лемберикман, – и редет теряющий надежду демократический электорат, идёт поиск врага. Находят его с «левой» подачи, конечно, в демократах, «ведущих по западному наущению геноцид народа», в инородцах и в тех, кто несмотря ни на что, сумел найти себя в нашей недорыночной экономике».

Насколько я помню, Изяслав, насколько понимаю, народ и не мог быть кем-либо предупреждён. Он не был настроен слышать предупреждения такого рода. В известные исторические минуты любой народ слышит только то, что хочет слышать. Во времена оно это знали одни мудрецы, теперь это знает любой социолог. Я хорошо помню: приватизации не замечали до тех пор, пока она не закончилась, пока не появились крупные собственники, если можно так назвать людей, которые транжирят вроде бы теперь свое добро, как чужое, потому что хозяйствуют

на птичьих правах. Кого я только не спрашивал в девяносто втором, в девяносто третьем: «Вы вообще-то знаете, что идет приватизация – как она идёт, что это такое?» Ответ был один: «Да хрен с ней, пусть идет – по-нашему всё равно не будет». И не могло быть, потому что если передо мною было два человека, между ними тут же вспыхивал отвлеченный (и потому страшно горячий) спор: как бы надо поделить Магнитку и Гум (почему-то именно Магнитку и Гум делили в этих спорах). И не было случая, чтобы спорщики до чего-нибудь договорились, что естественно: думали ведь не о том, как бы не потушить Магнитку, а как бы кому-то не досталось от неё больше, чем остальным. «Прихватизация» тем временем шла полным ходом.

Пишет Глебов Владимир Семёнович: «Обращаюсь к вам, мучимый чистосердечным непониманием одной, возможно, совсем простой вещи. Надеюсь, поможете разобраться. Недавно Григорий Явлинский, любимец вашей радиостанции, в очередной раз заявил, что власть в России, включая высшую, сплошь коррумпирована, о чем, по стандартному выражению господина Явлинского, знает «любой ребёнок». Имён не называет, предоставляя это другим – правительству, правоохранительным органам, а может, «любому ребёнку», который окажется посмелее Григория Алексеевича». Автор письма вспоминает Александра Руцкого «с его доньне не распакованными одиннадцатью чемоданами компромата», Александра Коржакова «с его обещанием всех, кого надо сокрушить неопровержимыми уликами в подходящий момент», который что-то никак не наступает. «Полагаю, – пишет господин Глебов, – что запрашиваются две, на выбор, версии. Первая – всецело удручающая: в России есть оголтелая коррупция и есть мелкие и крупные политические бесы, оседлавшие конька антикоррупционной демагогии, чтобы въехать на нём во власть. Вторая версия – отчасти вдохновля-

ющая: есть вышеозначенные всадники и есть раздуваемый ими миф о коррупции, а её самой нет, по крайней мере, в таких апокалиптических масштабах, какими они пугают. Признавая презумпцию невиновности, на сегодняшний день следует отдать предпочтение второй версии, не правда ли?»

Нет, я бы не отдал предпочтение этой утешительной версии, Владимир Семёнович: мешают российские законы и порядки. Российские законы и порядки страшно стесняют предпринимательство, производство, вообще – любое проявление жизни. Если налоговая служба района, города, области, страны примется действовать строго по закону, на подведомственном ей пространстве все предприятия – и частные, и государственные – будут мгновенно разорены, всё замрёт, жизнь прекратится. Так что не преступать закон невозможно. Но это же дураком надо быть, чтобы преступать закон бесплатно, рассуждает налоговый, а за ним и пожарник, и санитарный врач, и глава района, города и чего угодно.

Взятка есть способ смычки между жизнью и бюрократией, вернее, между жизнью и сводом губительных российских законов. Большинство этих законов население России обязано думским коммунистам и их союзникам.

Александр Сергеевич Никольский прислал небольшой трактат под названием «Коммунизм и скука». Прочитаю пару мест из этого труда.

«Скука – не случайная спутница, а родная сестра советской власти, сопровождавшая её всегда и везде. Корни этого явления, пожалуй, понятны. Они в природе тоталитарного режима, который не выносит выдающихся, ярких личностей, старается нивелировать всё и вся, боится любого явления, которое может отвлечь народ от монотонной рабочей жизни. Для такой власти опасен даже безобидный смех, кроме того, о котором в газетных отчетах о докладах вождей сообщалось в скобках: «Смех в зале».

Полное единообразие буквально во всем! Вспомните советские праздничные мероприятия, все эти концерты. «Соловей» Алябьева на меня до сих пор действует, как рвотный порошок – так им накормили. К сегодняшней русской жизни претензий много, но то, что в ней нет советской скуки, – уже прекрасно. Жить стало не легче, но, несомненно, веселей!», – пишет автор.

О том, что при социализме будет, кроме прочего, очень скучно, предупреждали многие проникательные люди задолго до Семнадцатого года: Достоевский, например. Чем ближе был Семнадцатый, тем гуще шли предупреждения, а в Восемнадцатом даже Горький кричал: «Скучно! Ужасно и скучно!» В своём трактате Александр Сергеевич Никольский разбирает разные виды творцов скуки, их побуждения.

«Почему сегодня часть деятелей культуры пошла за компартией России? – спрашивает он. – Там удивительно бесцветные, серые, скучные люди. На этом сером фоне легко выделиться».

Спасибо за трактат, Александр Сергеевич, жалко, что не могу прочитать его полностью. О социализме или антикапитализме в среде служителей муз рассуждали многие, лучше всех, по-моему, – австрийский экономист Мизес. Служитель муз обычно очень высокого мнения о себе, говорит он. Всяк мнит себя гением, считает бесценной свою пустяковую продукцию, ему, видите ли, унижительно зависеть от свободного рынка – от вкуса и прихоти толпы. Раз я выше толпы, думает он, то и оценивать меня должна ступень, которая тоже выше толпы: государство. Уж оно-то не выберет абы какие книги для печати, абы какие картины для выставки, оно выберет лучшие, то есть, мои книги, мои картины...

Письмо из Воронежской области: «Небывалая жара обрушилась в этом году на всё Черноземье и на нашу деревню. Урожай сгорел на корню, моя картошка стоит,

как после атомной войны, на базаре страшная дороговизна, мы всерьёз опасаемся голода, страну охватила эпидемия воровства. Воруют зерно из-под комбайнов, шастают по частным полям и огородам. Наша деревня оцепенела от ужаса из-за налетов на огороды. Милиция сказала: «Поймаете – бейте». Я посадила огромный огород, в невыносимую жару полоча, рыхлила, падая от усталости, и я не уверена, что мне достанется мой урожай. Первый урожай огурцов сняли воры. Но недавно наступил перелом. Деревня начала охранять огороды, и воры, наконец, попались. Это местные жители, муж и жена. Схватили их в четыре часа утра. Женщина вырвалась и убежала, а мужчину привязали к столбу и стали бить. Вызвали милиционера, он присутствовал при этом. На милицейской машине поехали за женой вора, вытащили её из постели, еще во дворе начали бить, для чего милиционер предоставил свою дубинку. Потом женщину привезли к месту наказания её мужа. Раздели её догола, привязали к столбу, кто-то собрался бежать за бензином, чтобы облить обоих и поджечь. Тут женщина взвыла по-собачьи, начала молить о пощаде, сознаваться в предыдущих кражах, обещала возместить убытки и была, наконец, отпущена. Отлежавшись, она подала в суд, но что может сделать суд в русской деревне с её вековыми обычаями самосуда? Где он возьмёт свидетелей? Их нет, и не будет. Никто ничего не видел и не слышал».

Это письмо из Воронежской области, написала его учительница. Она, надо полагать, тоже ничего не видела и не слышала. Одно дело – написать на радио «Свобода», другое – дать свидетельское показание. Самосуд не обязательно был страшнее казенного суда. Конокрадов, конечно, убивали, да и то не всегда. Но там, где самосуд ограничился бы поркой, казенный суд мог упечь человека в казенный же дом, сгноить в Сибири. Эта супружеская пара, по зрелом рассуждении, не должна жалеть, что избежала обычного судопроизводства. В России сегодня месяц

даже предварительного заключения может сделать человека инвалидом: в тюрьмах и лагерях свирепствует туберкулёз. Чем точно плохи самосудные приговоры у всех народов и во все времена – они унижают человеческое достоинство. Самосуд всегда растаптывает личность. Привязать к позорному столбу, провести в непотребном виде по селу...

Письмо из Полтавской области: «Я никак не могу понять, почему вы отмалчиваетесь. Ведь я к вам обратилась не с праздным вопросом, а с жизненно важным. Так, как мы намучились в этом году с колорадским жуком, и представить трудно». В мае эта слушательница требовала, чтобы я убедил украинский народ, что «жука надо уничтожать с весны и до поздней осени, особенно перед тем, как он спрячется в землю». Она повторяет своё требование. Также призывает меня «заставить властные структуры, чтобы они обязали всех руководителей колхозов и совхозов травить жука после уборки картофеля». Дело в том, что некогда «какой-то недалёкий агроном колхоза сказал людям, что после цветения картофеля жук не приносит вреда», а они поверили. В мае я сильно сомневался, что украинская деревня со своей властью меня послушается, потому и промолчал. Не прошло это сомнение и по сей день. Да и не знаю я, кто прав: тот агроном или наша слушательница.

Вроде выпимши...

Октябрь 1999

«Пишет вам Дмитрий Степанчук. Живу в Канаде, мне 20 лет. «Свобода» сообщает много информации, но почему-то никто из вас не выразил свое мнение: правильно ли действуют российские власти или нет? Оправданы ли жертвы бомбежек? Ответ у меня напрашивается один. Вы растеряны. Сказать, что Россия правильно делает, не подобает, но и осудить действия России тоже нельзя. Ведь известно, что Басаев и его банда тесно связаны с ближневосточными террористами, и деньги им идут, скорее всего, оттуда. Было бы намного лучше, если бы Америка не критиковала русских, а помогла им в Чечне. Если Россия проиграет, то Чечня станет мощнейшей базой международного терроризма. Тогда уж и Америке мало не покажется. С уважением Дмитрий Степанчук».

Наверное, нет другой такой радиостанции в мире, чьим мнением так настойчиво интересовались бы слушатели. Я скажу вам про себя, Дмитрий. Вы близки к тому, что я чувствую, когда пишете: «Сказать, что Россия правильно делает, не подобает, но и осудить действия России тоже нельзя». Именно! Со мной пока именно так.

Пишет Юрий Шубс: «Мне уже 51, и все равно меня поражает *«принципиальность»* КПРФ и её лидера, которые заботятся о пенсионерах и других обездоленных. Известно что КПРФ откровенно торгует «ксивами» помощников депутатов – это приносит ей порядка 300 тысяч долларов в год. А во сколько обходится мавзолей? Если товарищ Зюганов просуммирует, то получит весьма внушительную сумму – порядка 2,5 миллиона долларов в год. Геннадий Андреевич, вместо того, чтобы блажить на митингах перед стариками, возьмите да используйте партийную «неуч-

тёнку» в гуманных целях – перечислите её в дома для престарелых, в детские дома и больницы, в тюрьмы, наконец, ведь именно туда попадают некоторые обладатели купленных у вас «ксив». И раздайте эти 60 миллионов рублей, конечно, *поровну*, согласно вашим коммунистическим принципам! Юрий Шубс».

Автор этого письма просит нас простить ему «всплеск эмоций». Представляю себе, Юрий, какой был бы у вас всплеск, если бы вы знали, что приведенная вами сумма – мелочь по сравнению с теми, которыми ворочает эта партия и её руководители. Многие из них – очень богатые люди, очень богатые люди, совладельцы отнюдь не убыточных предприятий, но деньги на партию дают не они, а еще большие богачи, не состоящие в ней. Головка КПРФ, думская фракция КПРФ – это часть той самой власти, которую они называют антинародной, а люди этой власти таковы, что вкладывать в них деньги исключительно выгодно. КПРФ в этом отношении не отличается от ЛДПР, и Зюганов, и Жириновский – по существу, купцы высшей гильдии, их штабы – это правления особых фирм. Будь они бескорыстными, гори они огнем неподдельного энтузиазма, было бы хуже.

Кстати, об энтузиазме. Сергей Семёнович Азаров из Москвы в своём письме рассказывает, как он в свое время, будучи студентом-геологом, проводил агитационную работу в одном из общежитий в Черёмушках. Это было общежитие женщин-строителей, женское общежитие. «Мои подопечные были деревенские девушки, жили они пять или шесть в одной комнате, одна, правда, была постарше, лет сорока, во время моих бесед с ними все время вязала. Одна из первых бесед заключалась в проработке передовой статьи газеты «Правда». Прочитал статью, спрашиваю, всё ли понятно. «Всё». «А вот, – говорю, – тут есть слово «энтузиазм». Что оно значит?» В ответ молчание. Ладно, стал объяснять. Закончив, спрашиваю: «По-

нятно?» – «Да, понятно». «Ну, как вы поняли, расскажите!» Молчание. Тогда старшая привычным движением выудила спицу из вязания и, почесывая ею затылок, сказала: «Ну, это вроде того, что выпимши».

Спасибо за письмо и за эту байку, Сергей Семёнович.

Письмо из Петербурга: «Я никогда не был и не буду поклонником различных западных радиостанций, в том числе и радио «Свобода». Ваша радиостанция никогда не приглашает за круглый стол коммунистов и представителей других народно-патриотических сил, хотя они – самая крупная партия в России, они имеют самую мощную фракцию в думе. Подавляющее большинство ваших слушателей занимают прозападную антироссийскую позицию. В то же время большинство россиян думают совершенно иначе, и предстоящие думские и президентские выборы это подтвердят. Хотя вы частенько твердите, что мировой заговор против России – политический бред выживших из ума людей старой закалки, тем не менее, факты говорят, что это – реальность. Хочу сказать вам, что в России у основной части народа не вытравлен патриотизм и что не всем антиамериканистам за 50, как пытаются представить либералы. Госьков Андрей, 21 год, ленинградец, студент».

Самые последние исследования показали, что к Америке хорошо относятся более 60 процентов населения России, состоят эти проценты, в основном, из молодёжи и людей средних лет. Напишите мне, Андрей, как вы думаете, почему они не говорят, что это не из них, а из вас и ваших единомышленников вытравлен патриотизм, почему они не называют вас предателями. Вы их называете, а они вас – нет. Я вижу тут очень важный признак. Когда одна часть населения обвиняет в предательстве родины другую часть, это еще не беда – не гражданская война. Гражданская война – это когда обе части обвиняют одна другую в предательстве родины. «Красные» обвиняли «бе-

лых» в сговоре с международным империализмом, «белые» обвиняли «красных» в сотрудничестве с германским Генштабом. Вот почему, Андрей, я с ужасом жду и надеюсь не дожидаться, когда ваши недруги-демократы станут говорить, что вы предатель родины. Пока только вы их называете предателями, жить можно.

Из Ульяновской области пишет господин Марков (имени-отчества не указал): «Здравствуйте, уважаемая редакция! И простой человек хочет, чтобы его услышали. Знаете, что-то улетучился патриотизм у простых людей в глубинке России. Люди довольно отчужденно воспринимают бомбёжки Чечни, Дагестана или Афганистана российской авиацией. Незачем простому человеку умирать за великую и неделимую империю, простой человек ничего не имеет и не имел от этого величия, до империи ему дела нет. В разговорах иногда звучат слова восхищения чеченцами, афганцами, ваххабитами, которые, не имея ничего, кроме автоматов и гранатометов, сопротивляются до зубов вооруженной армии дряхлеющей империи. Любому неглупому человеку понятно, что империя – это могила для любого нерусского народа. Время показало, что народы, не имеющие своей государственности, не имеют и будущего. Лукашенко это тоже понимает. В империи всегда шла негласная поэтапная русификация и ассимиляция нерусских народов. Конечно, нужно понять и белорусам, и украинцам, и казахам, и всем: империя воспринимает себя только как великорусское величие и полное подчинение их всех своей великодержавной воле. Вызывают раздражение речи мэра Москвы Лужкова и Зюганова. По российским понятиям, не должно быть такого открытого противопоставления себя властям, какое проявляют Лужков и Зюганов, а власть должна быть жесткой. В России люди всегда были рабами, и вдруг какой-то Лужков противопоставляет себя царю. Такого в России не приемлют. Лужков никогда не победит на выборах в России. Это –

факт! Это – аксиома! Спорю на пузырь. А. Марков. Ульяновская область».

Что-то нет пока в нашей почте писем от сторонников Лужкова. В прошлом году было несколько штук, в позапрошлом – тоже, а в этом – еще нет, хотя отзыв господина Маркова о нём можно, мне кажется, при желании истолковать отчасти и в его пользу. Если этот слушатель и простой человек, то – очень не простой! Он говорит о том, о чем Лужков, видимо, своевременно не подумал. В России не любили, когда против царя восставал кто-нибудь из его, царского, круга. За Емелькой или Стенькой могли идти тьмы, твердо зная, что идут за разбойниками. Но много ли народных голосов собрал, к примеру, князь Курбский? Знаю и по колхозам. Редко сочувствовали главному, который начинал «копать» под председателя. Глас народа звучал определённо: «Чего-то, зная, не поделили». Правда, за Ельциным против Горбачева пошли, но Ельцин был к тому времени выкинут из власти.

Пишет из Белоруссии господин Галко. Он считает, что радио «Свобода» делает глупость, допуская на своих волнах поношения советской номенклатуры, которая до сих пор у власти в СНГ. «Классическая политическая номенклатура, – пишет он, – дала Горбачева, Ельцина, Кравчука. Что касается «мудрого простого народа», то я даже в горбачевское время не слышал от него, что советские войска должны уйти из Чехословакии, Венгрии, Германии. «Допустить объединение Германии? Отдать Литву литовцам? Да вы что?!» Рядовой труженик хотел, чтобы его малый служил в ГДР, Венгрии, Чехословакии – везде, откуда можно вернуться со шмотками. Не в номенклатурном кругу я слышал байки, как героически «наши дети» оборонялись в Праге от банд чешских «ревизионистов». Пока номенклатурщик Горбачев не ослабил кремлевские путы, 99 процентов советского народа считало, что Валенсу с его «Солидарностью» надо расстрелять, а остальных поля-

ков выселить в Сибирь. Это номенклатурщики Горбачев, Ельцин сказали номенклатурщику Каримову: «Ислам Абдугашиевич, спасибо, всё, живи теперь своей головой!» Когда номенклатурщик Бразаускас вывел компартию Литвы из КПСС, он сделал для независимости Литвы в 10 раз больше, чем демократ Ландсбергис. Пишущие тебе «Мариванны» и «Сансаньчи» повинны в грехе не меньше, чем преданность коммунизму. Они были за присутствие своей армии в Восточной Европе, в Балтии. Другого патриотизма они за собой не знали. Они рассуждали так: «Брежнев, конечно, вор и дуб, но наши ребята должны показать Кузькину мать всем этим «фашистам». Это и есть пиизё, – продолжает он, – раз оно плевалось, глядя на Брежнева, но рукоплескало захвату брежневскими танками Праги. Русское, украинское (без галичан) и белорусское быдло крепило советскую империю, и если бы всё зависело от него, эта империя продолжала бы стоять. Я помню, как оно возмущалось: «Гад Горбачев. Германию за так отдал, позор – из Германии наши ребята уходят!» К счастью, у «широких масс» и номенклатуры были глубоко разные интересы. Массы хотели «хорошего социализма» от Сахалина до Эльбы, брежневской «халявы» с андроповским «порядком», а номенклатура хотела западных благ и свободы, собственности, реальной власти в республиках – жить, короче, по-человечески, а не по-советски. Именно в своих, пусть корыстных, интересах номенклатура увела страну от взвинченного совкового милитаризма к свободе, хоть пока и куцей, диковатой. Номенклатура спасла всё в 1991 году от военщины, службистов и одобряющего их большинства. Номенклатурщик Лужков хозяйственно обеспечил оборону Белого дома. Номенклатурщик Кравчук сумел в январе следующего года подчинить себе до миллиона совковых силовиков на Украине. Я уж не говорю о номенклатурщике Ельцине, который смог целый год ограждать Гайдара на премьерском посту. Гайдар, Чубайс, Немцов, Кириенко – это молодое, умное,

сверхправильно, но может ли стадо воспринять это всё в ближайшие 10 лет? Погляди на Белоруссию. Народ, поставивший над собой сам знаешь кого, выкинул себя на помойку европейской истории. Он должен будет лет 50 облагораживаться под опекой московской номенклатуры. Запомни, Анатолий Иванович: собаке – и постель собачья, и еда. Надежда на тех, кому 20-30 лет, а еще больше – на тех, кому от года до двадцати, а эти несчастные, «отдавшие все для блага Родины» при Сталине и Брежнев, не заслуживают твоего сочувственного слова – 90 процентов из них не заслуживают. Пора, пора тебе понять, Анатолий Иванович, – пишет господин Галко в конце, – Россию на путь к Западу вывела и ведет по этому пути советская политическая (обкомовская) номенклатура».

...номенклатура, господин Галко, которую породили эти самые Мариванны и Сансаньчи и которая, как следует из вашего письма, выполнила-таки свою работу (чтобы не говорить: «долг»), своё назначение рулевого. Не вижу беды в том, что её ругают наши слушатели. Во-первых, это одна из её обязанностей – быть поносимой за дело и без дела, во-вторых, – чтобы не зазнавалась. В Белоруссии она-таки да, оплошала, допустила на самый вверх несолидного человека, теперь кусает локти. В номенклатурном кругу это самое большое ругательство. Человека, о котором решат, что он несолидный, не подпустят туда на пушечный выстрел.

Из Германии пишет Александр Шааф: «Мне 43 года, женат, двое детей, инженер-экономист, в Германии тоже получил похожий диплом. Уехал из Украины, хотя в последнее время имел там очень интересную работу: был председателем строительного кооператива. Работали мы по государственным расценкам, но и нас, как известно, начали давить со всех сторон. Вшестером мы брались за объекты, от которых отказывались государственные шарagi с огромным штатом дармоедов, мы воздвигали эти

объекты вдвое быстрее, чем было положено шарагам по советским нормам. Отец мой – немец из колонистов, поколения которых жили в причерноморских степях, пока Сталин не забросил их на Урал, мать – крымская болгарка, её отец имел 140 десятин земли, 11 лошадей, мельницу и отару овец в 500 голов, был дважды раскулачен, сидел в сталинских лагерях – пахарь такой, что соль на рубахе колом стояла, и в этой же рубахе был с семьей сослан тоже на Урал. Здесь, в Германии, я многое созерцал, и по истечении лет вижу скрытую серость и эгоизм этой системы. Недавно по русскому радио один англичанин на вопрос о России ответил: «Страна больших сердец». А ведь он прав! Таких душевных людей я здесь не встречал, хотя объездил весь Запад. Я от многих немцев слышал восторженные отзывы о России, но это – только после того, как они там побывали. Некоторые думают, что русские живут в больших бараках, без перегородок между семьями (а вокруг медведи ходят), что ученых людей в России недавно выпустили из-за колючей проволоки, и теперь они все удирают в Америку и Европу. Не в восторге я от здешних педагогов. Демократия, царящая в школах, не напрягает школьников. Знания у многих – на низшем уровне, то же самое и в высших учебных заведениях. Народ здесь расслоённый, как в торте «Наполеон», соседи в редких случаях общаются между собой, чаще враждуют, процентов, наверное, 90 судятся. Дочь моя – очень компанейская натура, и ей плохо в школе, говорит: «Тут – как в зоопарке: пока бросают каждому кусок мяса, никто никого не кусает». Деньги здесь значат не то, что в России. Это – друг, брат и повелитель. Каждый год мы ездим на Украину – вы будете смеяться – чтобы поесть продуктов с земли. У жены в Германии через два года началась страшная аллергия: яблоко не может укусить, когда чистит картошку, руки покрываются сыпью, ночью задыхается, а на Украине всё ест – и нормально. Вы скажете: «Возвращайся на Украину!» Да, когда-нибудь вернусь».

В таком духе из Германии в Россию, Украину, в Казахстан пишут многие русские немцы, некоторые – и на радио «Свобода». Не каждое дерево легко приживается в непривычной ему почве, не каждой рыбе одинаково хорошо и в пресной, и в солёной воде. В Германии, которая кишит чужеземцами, тратятся большие деньги, чтобы как-то помочь им освоиться, но особых успехов нет. Немцем, конечно, можно стать, но лучше родиться – и непременно в Германии. Правда, о немецкой жизни, о немецкой натуре так, как наш слушатель Александр Шаар, отзывался и покойный Генрих Бёлль – крупнейший немецкий писатель, и другие известные немцы. Это у них называется: резать своему народу правду-матку о нём. О самом обличителе – о его душевном состоянии, наклонностях ума и политических взглядах его нападки, естественно, говорят больше, чем о его народе. Ну, в самом деле! Если у немцев такая дурная пища, если они только то и делают, что рвут друг другу нервы, почему же они живут: мужчины, в среднем, уже больше 80 лет, женщины – под 90? Почему так щедро помогают бедным странам? Почему приветили столько инородцев? Почему у них столько зелени, цветов? Почему такая всюду чистота, порядок, почему так весела их молодёжь, такие здоровые дети? Почему у них столько научных и технических достижений, если они такие тёмные, как пишет на радио «Свобода» живущий среди них русский немец? Говорю это и вспоминаю, что на днях один из высших руководителей Германии, взбешенный брюзжанием и требовательностью своих соотечественников, назвал их «самой плаксивой нацией в Европе». В общем, ещё раз скажу. Когда человек ругает или хвалит Германию ли, Россию или Руританию, я не говорю себе: вот какая плохая или хорошая Германия, Россия или Руритания. Я говорю себе: вот передо мною человек, который ругает или хвалит Германию, Россию или Руританию. Мне это его занятие что-то говорит в первую очередь о нем самом, а не о Германии, России или Руритании. Если

мне надо знать не то, что кто-то говорит о Руритании, а какова эта страна в действительности, я обкладываюсь книгами, причем, книгами скучными – справочного характера и смотрю: какая там продолжительность жизни, какая преступность, какой образовательный уровень, каков доход на душу населения, сколько там лауреатов Нобелевской премии...

Александр Александрович Воронов из Кировской области: «Вы недавно сказали, что не было еще в почте «Свободы» письма от коммуниста, который уважительно относился бы к демократу, не считал бы его предателем Родины. Ну, вот, я как раз такой коммунист, хотя в партии никогда не состоял и не состою, – убежденный коммунист-марксист, живу в деревне, занимаюсь чем придется. Был и журналистом, и механизатором в совхозе. Сегодня я никто. В России лучше вообще ничем не заниматься: безопаснее и не накладно. Откройте телефонный справочник самого захолустного района. Найдите налоговые органы. Их телефоны составляют четвертую часть всего списка служебных телефонов. А сколько там людей, не имеющих пока телефонов? Все они исправно получают зарплату. А дети в школах падают в голодные обмороки. Я коммунист, поэтому мне больно за страну. Но я ничего не сделаю. Вы – тоже. И другие. И еще десять поколений, и двадцать. Не верю! Мы не переживём жульё – ни коммунисты, ни демократы. Покаяние жулика в этой стране – всего лишь способ начать жульничать сначала. У меня хорошая жена, двое детей. Сердце покалывает: каково им будет? Нет у них клыков, не смогут они выживать, терзая ближних. Вот почему я за социализм. Это – Россия. Здесь нельзя без социализма. Без социализма люди грызут друг друга и, в конце концов, загрызут. Я коммунист, и во многом с вами не согласен. Но я уважаю ваше мнение, потому что имею своё. Если бы я решился стать фермером, то я не хотел бы иметь землю в частной собственности»

ти, мне было бы удобно арендовать её, чтобы не ждать, когда меня из-за нее разорят, вынудят продать её за бесценок, а я должен буду уйти в батраки».

Интересный коммунист написал это письмо: не считает Россию страной «больших сердец», не верит в её социалистическое будущее, не поносит демократов. По натуре он не строитель коммунизма, а, так сказать, потребитель коммунизма. Это видно по тому, каким он хотел бы быть фермером. Не иметь земли в частной собственности, не участвовать ни в каком соревновании, кроме социалистического, не опасаться разорения. Многие и на Западе не прочь жить похоже, беда только в том, что при таком хозяйственном строе люди не могут прокормить себя. Земля хорошо родит только тогда, когда хозяин начинает и заканчивает день (и нередко просыпается ночью) с мыслью, что, если он оплошает, она уплывет из-под него. Одним такая жизнь нравится, они-то нас и кормят, другим – не нравится, и они становятся наёмными работниками, батраками, тоже дело: помогают своим нанимателям кормить нас, и вполне довольны до тех пор, пока какой-нибудь крикун не внушит им, что они – соль земли.

Письмо из электронной почты: «В последней передаче вы прочитали письмо одного слушателя из Германии, который сетовал на то, какие всё-таки немцы недалёкие, какие эгоисты, какие у них плохие продукты, какое плохое образование. И вы ответили ему вопросом: «А как же тогда получается, что у них высочайшая продолжительность жизни, огромные успехи в науке и технике, в обустроенности жизни, что они приняли так много чужеземцев, так щедро помогают бедным странам и всё такое прочее?» Так вот, Анатолий Иванович, этим самым вопросом мы в своей семье задаёмся все годы, что живём в Германии. То, что написал Ваш слушатель, – чистая правда. Всё ужасно неповоротливо, огромное количество идиотизма кругом. Но ведь крутится как-то всё, чёрт возьми!

Почему русские: такие душевные, вовсе не ленивые, изобретательные, умные и учёные, а дело у них никак на лад не пойдёт? У немцев – всё наоборот, даже отметки, хотя их в здешних дебильных школах и вовсе можно отменить, а дело идёт? Может оттого, что немец сначала думает о себе, потом – о своей семье, а потом уже – обо всех остальных? Конечно, это даёт побочный эффект, о котором ваш слушатель тоже написал: кроме как о деньгах, говорить немцы ни о чём не умеют. Святая правда! Во всяком случае, ничего другого от них я пока не слышал: ни от коллег, ни от знакомых, ни от соседей. Ну, не бывает на свете так, чтобы и волки сыты, и овцы целы! Хочешь «духовности» и «мировой роли» – потуже затягивай ремень. Хочешь жить хорошо – отливай «золотого тельца».

Можно упомянуть еще одно из объяснений. Все самое крупное, ценное, все, что более-менее поддерживает жизнь, а тем более – двигает её, меняет к лучшему – все это делает меньшинство, таланты. Таланты выводят новые сорта растений и пород животных, создают новые лекарства, машины и приспособления, способы производства. Всё, что было когда-либо на свете изобретено, – от колеса и пуговицы до бухгалтерии капиталистического предприятия, без которой было бы невозможно современное рыночное хозяйство, от лыж до Интернета – всё это придумано, сделано единицами. Общество, которое позволяет творить всякому, кто может и хочет творить, общество, которое даёт развернуться всякому, кто способен развернуться, общество, которое (главное!) не завидует большому успеху, позволяет изобретательному и предприимчивому меньшинству получать достойное вознаграждение, – такое общество и само будет жить неплохо. А нынешнее немецкое общество – как раз такое.

Еще письмо из электронной почты: «Мне хочется обратить внимание на некоторые высказывания нового перспективного лидера России. Как-то они не вписываются в

общепринятый стиль речи такого должностного лица, как премьер ядерной державы, не без основания претендующей на мировое лидерство. «Мы их замочим», – это из языка криминальных авторитетов. Прозвучавший на высшем государственном заседании его призыв «не распускать слюни и сопли» тоже о чем-то говорит. И призыв отбросить чувство вины перед чеченцами. Все это принимает характер воистину зловещего предзнаменования».

Я не вижу особого предзнаменования, но услышать эти выражения, увидеть, как они произносились, мне было интересно. Значит, на таком языке говорят в той среде, где Путин чувствует себя свободно, – в «родном доме», как сказал он о здании на Лубянке, когда стал руководителем главной российской спецслужбы. Этот язык отражает их вечно голубую мечту: не иметь над собой закона. Таковы все полиции, почему и глядят за ними в оба демократические общества. Первая научная работа только что умершего академика Лихачева (он написал её после того, как освободился из Гулага) называлась: «Черты первобытного примитивизма в воровском языке».

Письмо из Донбасса, автор – Тихонов, имени-отчества не указал: «Всю жизнь слушаю, так сказать, враждебные голоса, много потрачено времени, много недоспано. Но дружественные голоса – Албании, Китая так и не смог слушать. Не совсем увлекательны и свои радиостанции. Как-то противно слушать: вот построим, сдадим и заживём. Работал со мной в шахте мужичок. Рассказывает однажды свою жизнь: детский дом, потом – долг Родине, потом женился, пошли дети, а жить негде, а нормально питаться невозможно: в шахту спускается, имея с собою «тормозок» в виде куска хлеба с маслом, и сверху насыпан сахарок. Мораль, как он сказал, та, что Родина – где хорошо кормят. Интересно мне знать, Анатолий Иванович, какой язык на свете самый лёгкий и красивый и в какой стране меньше всех работают. Тихонов».

Если бы это написал молодой человек, то можно было бы подумать, что он прикидывает, в какую страну податься. Единого мнения насчет языка нет, господин Тихонов. Англичане, например, самым трудным из славянских языков считают польский. Где меньше всех работают, не знаю. Знаю, где больше всех работают: в Соединенных Штатах Америки. На втором месте японцы, на третьем французы. Выработка самая большая тоже в Америке. Американский рабочий занят около двух тысяч часов в год, товаров производит почти на 50 тысяч долларов. Если обратиться к бедным странам, очень много работают в Китае, почти без отпусков, выходных и праздников (правда, большинство рабочих заняты убыточным трудом: два предприятия из трех существуют за счет успешного третьего).

Из Москвы пишет слесарь-ремонтник подвижного состава Виктор Караваев, 52-х лет: «Социализма в России нет, искоренили, а капитализм еще не наступил. Строй, как всегда, неопределенный – патриархально-монархический, с воровским уклоном. Рабочего так прижали, что не пикнуть. Руководитель предприятия может устраивать любые порядки. Не понравился ему человек – иди на все четыре стороны, причину найти – раз плюнуть. Профсоюз и при социализме в «шестерках» был, а теперь даже собраний не проводят, а взносы идут только на оплату председателя профкома, поэтому я покинул эти ряды, чтобы не оплачивать спокойную жизнь этого лодыря. Наступил «золотой век» для бюрократии. Я тут телефонный справочник открыл – у меня челюсть отвисла от обилия учреждений и контор. Чтоб у этих управленцев кусок поперек горла стал! Всех перемелет этот аппарат, никакие законы не помогут, тем более, российские. Каждый вшивый «мент» старается тебя унижить, вытрясти. Походите по рынкам, и вы увидите, что «менты» давно снюхались с мафией и вместе обируют народ. Гаишники на дорогах

совсем обнаглели. Простых, то есть, тех, кто движется на отечественных марках, обидают по-черному. Все это сказки – о правах человека, даже в хваленной Америке. Все делают деньги».

Автор этого письма был уволен из электродепо «Сол» за то, по его словам, что обратился к начальнику, как он пишет, «по поводу несправедливого лишения премии». Примерно так настроены рабочие повсюду в мире. Первый недруг рабочего – мастер, второй – заводоуправление, третий – профсоюзный босс, четвертый – полиция, пятый – чиновничество, шестой – толстосумы (в частности, банкиры), в некоторых странах список замыкают попы. Крепость выражений, употребляемых по адресу перечисленных «эксплуататоров», зависит от чего угодно, только не от уровня жизни в стране. Послушать иного австрийского слесаря – так ему живется хуже, чем Виктору Караваеву. В одном отношении австриец прав: надзирают за ним строже (на рабочем месте, конечно).

Из другого письма: «Реальность сегодняшнего дня такова в России, что святые отцы сами по себе, а народ – сам по себе. Вот и всё».

Такие речи в христианском мире ведутся уже почти две тысячи лет. А в Древнем Египте говорили о жрецах: «Реальность сегодняшнего дня такова, что жрецы сами по себе, а народ – сам по себе». Священников не упрекают в отрыве от народа только в странах, где уже нет или и не было деления народа на сословия, где священство в общем мнении – такое же занятие, как и всякое другое, где попа называют пастырем, пастухом, а прихожан – духовным стадом просто для порядка, почти в шутку.

Пишет Владимир Буланкин: «Я 33-летний русский, родился в глубинке Татарстана, в семье рабочих без больших претензий, после армии вернулся домой, но уже не мог сидеть в глуши. Поехал в Рязань. Думал, что увижу

настоящих русских мужиков: здоровяков-бородачей, русских красавиц в сарафанах. Такими они мне снились. Увидел другое. Поголовное пьянство, мат-перемат, разнузданность. Но была часть русских, которые не смешивались с местными. Это были выходцы из нерусских частей Советского Союза, который уже начинал распадаться. Ехали они в Россию, как к себе домой, но дело в том, что они, «русские азиаты», были лучше рязанских образованы и обеспечены, более приветливы и организованы. Они вызывали зависть и гнев местных жителей. В Рязани коммунистический застой был в чистом виде. Я задыхался в нем. Работал монтажником в НИИ, который проектировал линии для производства рубероида. Мы ездили по всей стране. Половина новой техники валялась на заводских дворах, но считалось, что мы её смонтировали и что она в работе. Директор подписывает соответствующие бумаги (деньги-то не из его кармана), месяц мы ничего не делаем, возвращаемся в свой НИИ, там еще получаем премии. Все довольны. В конце-концов я этой хорошей жизни не выдержал и уехал в Выборг. Там на улицах один разговор: как съездить на заработки в Финляндию, кому из чиновников сколько дать, чтобы попасть туда через какую-нибудь гуманитарную организацию. «Сделал» себе загранпаспорт и однажды съездил на трое суток и я. Поразила меня не граница, а люди, что ехали со мной на пароме. Они ехали сорить деньгами. Банковские служащие, чиновники от спорта, торговцы, просто темные личности. Мне жутко было наблюдать их барское поведение, их капризность. Я впервые столкнулся с поколением, которое в одночасье превратилось из нищих инженеришек в настоящих миллионеров. Стало жарко, когда я понял, что такие-то и правят нами. Меня поразила особая болезнь. Когда каждый день по телевизору рассказывают, какие деньги украл какой-то политик, с тобой происходит то, что с деревом, которое мало-помалу подтачивает червь. Наступает момент, когда с виду дерево – еще дере-

во, а внутри – труха, оно уже не годится ни на что. Чтобы не стать таким деревом, я нашел способ уехать. Полтора года я живу на птичьих правах в Чехии, вместе с друзьями с Украины выполняем самые черные и тяжелые работы. Здесь я слушаю «Свободу», передачу «Ваши письма», и передо мною встаёт Россия – и сильная, и слабая, и умная, и глупая, но страна с особой судьбой – это точно. Меня задевают письма злых русских. Если бы я был сейчас в России, я, наверное, тоже писал бы подобные. В России я бы уверенно говорил, что всё делают деньги. Живя в Чехии, я утверждаю, что все делает труд – работа. Мы, русские, вечно строим воздушные замки, то есть, замки без фундамента. А дело как раз в фундаменте. Фундамент Запада – это особый дух народа, иначе – культура, а культура – это потребности. Я сознательно, но, конечно, и бессознательно впитываю это в себя. Я начинаю понимать психологию простого западного человека, о которой пишущие вам всезнайки не имеют понятия. Я чувствую, что мне, как и простому западному человеку, не нужны миллионы. Мне нужны нормальные, честно заработанные мной деньги – заработанные согласно тарифу и договору, а не сколько урвёшь или отвалит хозяин. Мне очень дорого мое достоинство, и для меня очень важно – что вокруг меня, какие здания, какой город. Я не был бы счастлив, имея трехэтажный особняк в населенном пункте, где грязь и мусор на улицах, где наплевательское отношение всех ко всему и вся».

Захотелось обожать

Ноябрь 1999

Письмо из электронной почты, не знаю, из какого города: «Обмывали сейчас, понимаешь, рождение еще одного русского, или хохла, словом, один черт, одного из тех, которых вы там, на «Свободе», все хороните, да хороните за госдеповские-то, а мы все рождаемся и рождаемся, блин. Полез перед сном посмотреть в Интернет, как там говнококов в Чечне, наконец, мочат, и вот зарулил нечаянно на «Свободу». А завтра с утра надо быть, как огурчик: заказан кран, будем ложить перекрытия второго этажа дома друга, и чтобы со стенки не слететь, надо быть в норме. Купличенко Валерий Петрович, инженер-физик, 49 лет, наполовину русский, наполовину хохол».

«Я пьяница и мизантроп, инженер, вынужденный жить и трудиться в среде работяг», – письмо из Красногорска, автора не называю. Дальше говорится о НАТО и США: инженер обвиняет их во всем плохом, что происходит с ним и, конечно, с Россией. «Запад нас не любит», – главное обвинение. Мизантроп – значит человеконенавистник. В Западной Европе, в Америке тоже есть и пьяницы-мизантропы, и наркоманы, и лодыри-мечтатели, искатели легкой жизни, но никто из них не обвиняет Россию в своих неудачах, никто не задаётся вопросом, любит ли она Запад, никто не производит на свет детей, чтобы досадить России, полагая, что она зловредно не желает, чтобы росло западное народонаселение. Как вы думаете, господа инженеры, в чем тут дело? Откуда эта разница? Вспомните самый тот момент, когда вы последний раз напились. Вы сознавали, что эту неприятность вам устраивает именно Запад? Если бы вы были уверены, что он вас и вашу страну любит, вы бы остановились после первого стакана?

«Привет вам из болгарской столицы Софии. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов в связи с Чечней. В 1994-96 годах я смотрел на Чечню с некоторой даже симпатией – крошечная республика, противостоящая огромной России. Однако, что случилось с Чечней после того, когда она стала независимой? Построено ли там образцовое демократическое государство, нечто вроде «Швейцарии на Северном Кавказе»? Или Чечня превратилась в террористическое образование? Что бы нам ни говорили, мы чувствуем, что тут что-то не так. Как могло случиться, что Россия, которая, как можно догадаться, все еще контролирует многие процессы не только на постсоветском пространстве, но и в Восточной Европе, потеряла контроль над частью своей собственной территории? Ведь речь идет не о каких-то «террористах» в Чечне, а о хорошо вооруженной, не очень уж маленькой армии. Действительно ли русские спецслужбы не в состоянии поймать Басаева, Хаттаба и прочих? Почему русская армия так плохо воевала на Северном Кавказе в 1994-96 годах, а теперь показывает, что умеет и гораздо лучше? Борис Ванков».

В связи с последним вашим вопросом, господин Ванков, я вспомнил рассказ покойного генерала Рохлина. В России этот рассказ, кажется, почти не заметили. Когда Рохлин прибыл в Моздок и стал снаряжать своё войско для похода в Чечню, генералы со смехом спрашивали его: «Ты что, воевать там собрался?» Они не верили (вместе с Грачевым и Ельциным), что чеченцы будут сопротивляться, что будет война. Когда Рохлин был убит, и обвинение в убийстве было предъявлено его жене, я вспомнил, как звучит самое страшное чеченское проклятие на голову мужчины: «Чтоб ты погиб от руки своей жены!» После того, как российские войска покинули Чечню, Чечня не могла стать независимой, тем более, демократической. Причин много, но достаточно назвать одну: далеко не все самые известные чеченцы хотели независимости и

демократии. Они хотели денег, во-первых, денег, во-вторых, и власти над всем Кавказом, то есть, опять же, денег, в-третьих. Ну, и насчет российского контроля. Надо иметь в виду, что существует несколько России, одна из них – и пока сильнейшая – воровская. Так вот эта Россия ни на один день, ни на один час не теряла контроля над Чечнёй.

Письмо из Подольска: «Мне 35 лет, бывший офицер, занимаюсь мелким бизнесом (у меня небольшая розничная торговая сеть). В Подмосковье моя семья живет недавно, с 1997 года. Родился я в Казахстане, в Караганде. Отец мой был из донских казаков. Во время «рассказачивания» его деда (моего прадеда) вместе с другими станичниками отправили в Казахстан перевоспитываться, а точнее, погубить. Выслали ВСЕХ, потому что бедных в станице не было. Мою бабушку с дочкой (моей будущей мамой) и сыном выслали в 1941-ом как немку, хотя немкой она была только по отчиму, и была женой офицера-пограничника, который погиб в первые дни войны в Тирасполе. Немецкого языка бабушка не знала, немцы на поселении относились к ней недружелюбно. Русские же считали ее немкой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не дал ей и её детям пропасть казах-директор совхоза. Совхозу дали задание разводить свиней. Казахи этим не занимались, а настоящим немцам не было доверия, так что поселил директор мою бабушку с детьми и десятком свиней в одинокой мазанке в степи и сказал: «Вырастите поросят – будете жить. Хоть одна свинья или поросенок подохнет – пойдете в лагерь». Так они войну и прожили – в одном помещении со свиньями. Повзрослев, я стал интересоваться своими предками. Если со стороны отца все было просто – казаки во многих поколениях, то со стороны матери слилось много разных кровей. Прадед – англичанин (сохранилась фамилия – Эдвардс), сын представителя английской судоходной компании в Одессе, владеет ювелирным магазином. Прабабушка – итальянка,

пела в Одесском театре. Это со стороны бабушки. Со стороны деда – старинный еврейский род. Мой прадед (фамилия – Флям) был перед революцией раввином в Киевской синагоге. Все это я написал, чтобы вы могли понять мою философию и отношение к российской действительности. Во-первых, не принимаю какого бы то ни было национализма. Во-вторых, испытываю генетическое отвращение к большевизму. По роду занятий я каждый день сталкиваюсь с простыми людьми. Что мне бросается в глаза? Порыться в мусорном баке стало не зазорно не только бомжу, но и вполне обеспеченной пенсионерке, которая пошла с внуком погулять. Просить милостыню – другое излюбленное занятие. Один раз я сидел в машине (недорогой иномарке) у входа в банк, когда бабуля стала просить у меня три рубля «на хлебушек». Минут за пять до этого мы с ней стояли рядом у кассы, где она проверяла проценты по вкладу, а вклад был 15000 рублей, о чем она с гордостью во весь голос объявила. Мелкое воровство стало массовым явлением. Мои продавцы больше боятся не детишек, а таких вот бабушек. Дело здесь не в упавших доходах населения. Пенсию в Подольске платят регулярно. Большинство из этих помоечниц-попрошаек-воровок живут с детьми, в хорошо обставленных квартирах, храня на сберкнижках приличные суммы. Дело здесь в двух болезнях, которыми поражены сегодняшние россияне, особенно старшее поколение – зависть и страсть к «халяве». У тех, кому 25-55 лет, к этому добавляется пьянство и тунеядство. А надежда России – те, кто моложе, особенно нынешние школьники. Они больше видят и знают, в том числе благодаря Интернету. Их не затронуло советское воспитание. К счастью, ими в большинстве своём не занимаются их отцы и деда».

Слушатель 22-х лет, московский аспирант: «Действительно, трудно назвать нормальной страну, которая, располагая почти на шестой части суши, обладая почти

третью ресурсов планеты, с населением всего лишь в три процента мирового, с далеко не глупыми людьми, находится в глубочайшем экономическом кризисе и скоро скатится к уровню даже ниже развивающихся стран. Ненормальна страна, на центральной площади которой хранится труп человека, являющегося одним из самых страшных преступников века, уничтожавшим народ и культуру той страны, в центре которой он и лежит».

Почти на каждое такое письмо есть противоположное, продиктованное патриотическим задором. Это два лика России, христианский и языческий, как их определил когда-то русский философ, вернее, две России. Христианская всё время недовольна собой, осуждает себя, с отвращением всматривается в себя вчерашнюю, кается, хочет улучшиться, перемениться. По-гречески «покаяние» и «перемена» – одно слово. Языческая Россия постоянно собой довольна, полна самообожания, счастлива, когда её боятся. Этот национализм Владимир Соловьев называл стихийным, звериным, это был национализм генералов Александра Третьего и Николая Второго, это был патриотизм тех русских историков и литераторов, которые считали, что таких народов, как польский, украинский, не существует в природе, что эти народы выдуманы врагами России.

«Вокруг патриоты и патриоты, – пишет Панов Александр Иосифович из Белозерского района Вологодской области. – Хотя бы один раз послушать по московскому телевидению или по нашему местному радио непатриота, чтобы знать, какие они бывают, непатриоты. Патриот – это что такое? Я знаю только патриотов, и всё равно не очень понимаю, что означает это слово. Пионер – это я знаю, это значит первый. А патриот? Он тоже в чем-то первый или как? Но что такое «патриотизм», я знаю. Это средство в руках власти, с помощью которого управляют общественностью, средство внушения и запугивания, средство против здравого меньшинства населения. Патриот

тизм – это оружие власти, направленное против человека. Человеку стараются навязать чувство, которого он в нормальном состоянии не может испытывать».

Спасибо за письмо, Александр Иосифович. Патри – значит родина. Патриот – тот, кто любит свою родину. В этом смысле подавляющее большинство обычных людей – патриоты. Но есть среди них и особые патриоты – с пёной на губах. Такому человеку мало любить свою родину. Ему нужно считать, что кто-то из его соотечественников её не любит. Обычные люди давно знают: если партия или политическое движение называет себя патриотическим, значит, хочет пройти по родной стране если не огнём и мечом, то кнутом.

Александр Кокин, 1947 года рождения: «Многие в России тоскуют по Российской империи, по её укладу и традициям. Другим не хватает России сталинской, третьим – брежневской. Есть и такие, что мечтают завершить «дело Петра», а есть и думающие, что хороша была бы сегодня модернизированная допетровская Русь. Популярна также мысль о возрождении державы в границах 1913 года (с последним броском на Юг в дальнейшем). За так думающих готовы голосовать миллионы. Как вы полагаете, такие настроения, мечты и надежды в народе могут ли быть смешными? Чуть ли не три четверти населения России считает, что надо бы с крохотной Чечнёй и пожёстче, что «лица кавказской национальности» (ЛКНы – национальность такая новая) забыли своё место, а евреи, как всегда, вредят, а прибалты нас вообще не любят, а поляки, а чехи... А уж американцы! Глас народа, он ведь глас Божий, да? Так смешно или страшно?»

Бывает и смешно, Александр, и страшно, а чаще – и не смешно, и не страшно. На ум приходят прописи. Нет и быть, видимо, не может нации без национального мифа, без Выдумки с большой буквы, без такой Выдумки, в которую верит большинство, – потому верит, что она

льстит его самолюбию. Каждая песчинка в куче песка чувствует себя тогда Эверестом или, на худой конец, пи-ком Коммунизма. Чеченцам новые властители их дум тоже вон рассказывают, что они, чеченцы, самый древний народ на Земле и, конечно, самый лучший. Тот патриотизм, который вздувают сейчас такие разные люди, как Жириновский с Зюгановым и Чубайс с Кириенко, на Западе называется патриотизмом пивной. Пострадать от него может в первую очередь сама Россия.

«Пишет вам студент филологического факультета из Гродно Анатолий Медведев. С детства Запад представлял для меня идеал свободного общества, так и сейчас, но иногда я думаю: ведь бесплатным бывает только сыр в мышеловке, и каким бы гуманным ни казался нам Запад, он тоже преследует свои конкретные интересы, давая займы России».

Безусловно, Анатолий. А как же без интереса? Деньги займы даются под определённый, совсем, кстати, небольшой процент. Другими словами, Россия деньги не занимает, а покупает. Навар, который банки имеют с продажи денег кому бы то ни было, по-английски называется «интересом». Дать деньги в рост – так говорят по-русски, дать деньги под интерес – так говорят по-английски. Ваше письмо читается так: «Если бы западные правительства и банки были по-настоящему человеколюбивы, они думали бы не о себе, не о своих странах, а только о других, в том числе – о России». Страна с таким правительством и с такими банками была бы бедной, как церковная мышь, Анатолий, и ничего, кроме сочувствия, никому не могла бы дать. В такие банки никто – ни одна тётя Мэри – не понёс бы свои сбережения, и банков просто не было бы в природе, ведь основу их богатства составляют вклады не толстосумов, а обыкновенных людей, стариков и старушек, из того, что они по доллару накопили за жизнь и что досталось им от их бабушек и дедушек.

Александр Дерий из Петербурга: «Демократическое государство в России строится только на словах. На деле же создаётся государство полицейско-бюрократическое. Правит не закон, а чиновники всех уровней. Юридическим инструментом им служит Кодекс об административных правонарушениях (КоАП). Он даёт бюрократии право осуществлять так называемое «административное судопроизводство» – пародию на настоящее судопроизводство. Гаишник штрафует вас за нарушение не правил дорожного движения, а просто какой-нибудь инструкции МВД. Предпринимателю административная комиссия регулярно «впаривает» штрафы до двухсот минимальных зарплат за нарушение любой из сотен бюрократических инструкций, существующих только для того, чтобы можно было брать эти штрафы. Люди, которых штрафуют, преследуют в соответствии с КоАПом, даже не слышали этого слова. Они просто считают, что у милиционера, вообще, у всякого, кто «при исполнении», есть безусловное право штрафовать. КоАП – этот краеугольный камень советской системы был предусмотрительно перенесён в Конституцию 1993 года. И плакали все наши права! Административное судопроизводство – это прямая противоположность тому, что в свободном мире называют третьей – то есть, судебной – властью. Это суррогат судебной системы. Люди даже не понимают, каким способом власть облапошивает, обирает их и, самое главное, тормозит свободную творческую активность граждан. С виду часто все правильно и благопристойно. А в итоге – десять лет развала вместо российского экономического чуда, которое было возможно при некоторых условиях и в первую очередь – при отмене КоАПа – узаконенного беззакония бюрократии. Александр Дерий. Петербург».

Людьми, которые знают то, что знает Александр Дерий, нет цены, по-моему. Он не из тех правдоискателей, что докучали советскому чиновничеству. Те обычно не знали и не хотели знать законов, они требовали именно правды,

справедливости, а не законности. Господин же Дерий требует законной законности. Это требование долго будет наталкиваться на препятствие, о котором в его письме не говорится. Жертвы-то этого КоАПа, этого узаконенного беззакония, на свой лад, не лучше палачей: нарушают всё, что можно нарушить, обходят всё, что могут обойти, ловчат везде, где могут ловчить.

Из Пензы пишет Инсаров В. Д.: «Жаль Россию и русских, что они просветили, образовали полудиких людей. Теперь они, кавказцы, чувствуют себя высоко. Русские настроили им всего, подготавливали специалистов, давали генеральства и статусы республик. И вот такая благодарность. И буржуазники вроде всяких корреспондентов и правозащитников им подгавкивают, сидя у себя в чудесных квартирах с кучами US-долларов. Любовь на расстоянии. Идите к ним на Кавказ и живите с ними! Чего вы там не обоснуетесь? Надо было дать право Грачёву сжечь напалмом Дудаева и Масхадова. А кто выплаживает боевиков-убийц? Мирное население. Это еще надо понять роль этих мирных. У каждого боевика-головореза есть деды, бабушки, отец, мать, братья, сёстры и так далее. Вот пусть они и получают сполна за выращенного ими боевика. Благородное мирное население не плодит садистов. Мы, все русские, обожаем В. Путина, и все будем голосовать за него на президентских выборах. Примаков не пройдёт, потому что стар. Самый лучший министр – В. Рушайло. Самый лучший тележурналист – С. Доренко. Радио «Свобода» очень нужное».

Вот те на! Да ведь это радио год за годом, десятилетие за десятилетием говорит одно-единственное, господин Инсаров: до тех пор, пока в России будет много людей, которые рассуждают, как вы, добра ей не видать. Будете скверно питаться и одеваться, жить в тесноте и обиде, будете надирать себе здоровье завистью к «буржуазникам», ко всем, кто живёт «в чудесных квартирах с кучами

US-долларов». Почему? Какая связь? Если вы на минуту допустите, что связь есть, вы её тут же увидите. Тут же! Важное слово в письме господина Инсарова – «обожжаем». Можно было, казалось, сказать: «уважаем» или «одобряем», но нет: «Мы, все русские, обожжаем В. Путина». Давненько никого не обожали, так я понимаю, а привычка своего требует. Последним, по-моему, был Андропов, если не считать Ельцина под занавес «перестройки».

Господин Рудь из Киева не оставляет камня на камне от всей продукции радио «Свобода» и сомневается, что я оглашу его критику. «Побоитесь, – пишет, – а то и запретят». У нас, по его мнению, «запор мысли», мы «болтаем всякую чепуху», причем, «до блевоты нудно», поскольку являемся «интеллектуальными импотентами», особенно же мы «задолбали всех историями о неграх-джазистах». «Джаз вам не заказывает никто из слушателей, – пишет он. – Это не наша культура!!! Вам известно такое слово: «культура»?»

Ответа на этот вопрос господин Рудь, понятно, не ждет, но я всё-таки отвечу. Нам известно до десятка значений слова «культура», а скажу о трёх. «Культурой» называется все, что сотворено на Земле не природой, а человеком, – все рукотворное. «Культурой» также называется всё, что создаётся для удовлетворения не телесных потребностей человека, – всё, что служит, так сказать, духу, духовные ценности: развлечения и молитвы. Молитвы – сначала. В основе такой культуры лежит религиозный культ – то, чему или кому поклоняется народ. В основе христианской культуры – культ Христа, поклонение Христу, его учению. Употребляется слово «культура» и в значении «отёсанность». Отёсанный, культурный человек не настаивает на своих мнениях, он учтивый, знает грубые, оскорбительные, площадные слова, но брезгует ими.

Патриотизм Величия

Декабрь 1999

«Смешно сказать, по какому поводу я волнуюсь при всех неурядицах в России, в Европе, на всей планете, – пишет Галина из Испании. – Весь мир зачарован цифрой «2000». Все говорят, что 31 декабря 1999 года кончается двадцатый век. Никому не могу доказать, что 1 января начинается последний год текущего столетия и только 31 декабря 2000-го года мир шагнет в следующий век. Меня понимает только моя дочь, которая говорит: «Год называется: двухтысячный. Само название говорит, что он должен еще пройти, чтобы закончилась вторая тысяча». Я очень люблю праздники, но почему никто не вспомнит то, чему учат в начальной школе? Следующая десятка – это 11, 21, 31. Следующая сотня – это 101, 201, 301. Следующая тысяча – это 1001, 2001, 3001».

Не гневите Бога, Галина – разве мало вам того, что вас понимает дочь? Сколько матерей об этом мечтает! Что касается охватившего весь мир арифметического нигилизма, то, по-моему, то же самое будет и в последний год третьего тысячелетия. Будут, ничтоже сумняшеся, праздновать его как первый год четвёртого тысячелетия. Человечество не живёт ни арифметикой, ни умом вообще. Там, где больше одного человека, мозги начинают барахлить, а там, где миллиард, – от рассудка не остаётся и следа.

Эту слишком хорошо известную вещь напомнило также и письмо Михаила Скаларского из Соединенных Штатов Америки. Он считает доказанным, что «человеческая история давно написана и человечество просто въезжает в очередной эпизод, как пассажиры поезда на очередную станцию (на прошлой – лимонад разносили, а на этой –

махновцы грабят). Главной неопределенностью в этом отнюдь не хаосе остается таинственная, но весьма реальная, субстанция, присущая человеку и обладающая способностью выбора. Возможно, весь сценарий для того и реализуется, чтобы души выбирали».

В этом месте вашего письма, Михаил, я и подумал, что надо его прочитать вслед за письмом Галины из Испании. Дар выбора – таинственный, чудный дар, слов нет. Еще чуднее, что души, на что обратил внимание Достоевский, часто пользуются им будто назло тому, кто наделил их этим даром. Выбирают черт знает что: черт знает на ком женятся, и черт знает за кого выходят замуж, черт знает что отплясывают и поют, черт знает кого ставят на президентство, черт знает на что тратят деньги, черт знает из-за чего воюют. Господину Скаларскому 45 лет, у него не совсем обычная биография. «В бизнесе я с 1979 года, – пишет он, – на Советы никогда не работал, три года жил и работал (на себя) на Северном Кавказе, два года – в Средней Азии, до переезда в Америку два года прожил в Праге, освоил и полюбил чешский язык, по Праге тоскую, как никогда ни о каком городе, а до Чехии жил в Израиле, познакомился с ивритом, прошёл через веру в Бога к знанию Бога».

Евгения Михайловна Михайлова, уборщица из Москвы, тоже пишет, что «весь земной спектакль запрограммирован свыше». Во время короткого правления Андропова она, по её словам, написала в Кремль, что «богатеи́шая держава российская идет к духовной и экономической бездне». После этого письма её пригласили в «дурдом». «Для первого раза меня предупредили. «Уборщица не имеет права писать письма правительству». Я замолчала, решила не умничать. В 1986 году я сказала священнику, что Союз рухнет, КПСС распа́дется. О том, что власть Антихристова разорится к 1988 году, я знала от своей матери еще в 1950 году, когда училась в четвертом классе.

Провидицей была и моя бабушка. Когда большевики-звери вошли в дом к моему деду и предложили сдать весь скот в колхоз, дед занемог и просил бабушку: «Запрягай лошадей, привязывай к телеге коров и уходи в лес. Недолго Антихристу лиходействовать!» И ответила моя мудрая бабушка: «Власть Антихристова отпразднует свои семьдесят два года и сама себя разорит».

Из Словакии пишет Леонид Машкин: «Когда я был в Волгограде, там по телевидению передавали встречу с ветеранами Второй мировой войны. Выступает один из них, рассказывает про свои награды. Вот орден за разгром дивизии СС «Галичина». «В плен мы их не брали, – говорит старик, – поскольку все они были одеты в эсэсовскую форму». Хотелось бы услышать от волгоградского героя: сколько за этот орден ему пришлось прикончить раненых? Повесить ярлык изменника западным украинцам нельзя даже при сильном желании: в то время они не были гражданами СССР. По-моему, их вину такие герои, как этот волгоградский ветеран, видели в их родословной. Славяне, свои – значит, изменники. Хочу услышать ваше мнение».

Мнение тут может быть только одно, господин Машкин. Я встречал советских ветеранов, которые горько сожалели, что, сражаясь с варварами, сами вели себя по-варварски. Одного из них я знал близко. Несколько лет назад он умер. После войны ему жилось плохо, болел, попадал в истории. Часто говорил, что это ему за фронтовые грехи. У меня был учитель (историк), который исповедовался мне, ученику, как давил своим танком немцев-беженцев на шоссе под Берлином. После войны прошло только десять лет, он был еще молод, donaшивал военное, помню его серое лицо и тихий сипловатый голос. Ну, а этот волгоградец, можно сказать, счастливее моего учителя. Он так и не разобрался в своих орденах, так и не понял, чем человек может гордиться, а чего – стыдиться.

Татьяна Емельяненко: «Мне кажется, и детям понятно, что террористов не ловят и не убивают бомбами, войнами и великим страданием целой нации. Российские правители разорили и изгнали в зиму до двух сотен тысяч людей. Это всё палка о двух концах, одним она бьёт чеченцев, другим – русских. У чеченцев – великое страдание и озлобление, у русских – дальнейшее обнищание. Дальнейшее обнищание – дальнейшее опускание рук. Стою я во дворе, а сосед напротив погреб строит. За моей спиной – другой сосед. Он говорит: «Буржуи – палаты строят!» Засучив рукава, он мог бы и себе такую палату сделать за два дня. Но Мне лень это делать, так пусть и у него не будет погреба. Нам обычно не нравится теплое слово о преуспевающем труженике. У нас пословица: «От трудов праведных не наживёшь палат каменных». Люди тоскуют о коммунизме, не замечая, что живут всё еще в нём. Правда, этот коммунизм в предсмертном состоянии. Наряду с насилием уже существует свобода, наряду с запретом уже существует выбор. Внутренняя политика в целом прежняя: ободрать население до нитки, внешняя – одну руку протягиваем за милостыней, другую держим на ядерной кнопке. А какой гонор! Население хочет сильной руки. Сильная рука – Милошевич. Имел могучую поддержку народа. И что же? Распалась Югославия в этой сильной руке, как песок на ладони. Соломон просил у Бога мудрости, чтобы управлять народом. Просите и вы у Бога не сильной руки, а трезвой, разумной головы! Силы русской уже никто не боится. Боятся бесстыдства и безумия русских правителей».

Пишет господин Френкель из Южной Африки, из Йоганнесбурга: «Вы ошибаетесь насчёт арифметического нигилизма современного человечества. С исчислением возраста и летоисчислением дело обстоит не так, как считает Галина из Испании, чьё письмо прозвучало в последней передаче «Ваши письма». Возьмите хоть свою жизнь. Пос-

ледный год первого десятка вашей жизни начался, как только вам исполнилось 9 лет. Это потому, что первый год жизни (до года) является нулевым, но он ведь есть. Так что сейчас фактически кончается 2000-й год от Рождества Христова, и когда он кончится, мы вступим в третье тысячелетие. Мы называем наш год 1999-м, но это по старой привычке считать от единицы, а возраст-то идёт от нуля, от рождения. Сначала ребёнку день, месяц, полгода – всё ещё года нет, но в жизни ведь этот год считается ПЕРВЫМ».

Письмо из Тольятти от одного из создателей этого города (не хочу его называть): «А знаете ли вы, враги России, что только после войны было построено 47 новых городов с населением свыше 100 тысяч? И на каком основании вы, негодяи, ведёте кампанию террора советскому режиму, коммунистам, которые вели руководство? За 9 лет демократического вандализма уборной не построили. А ведь после войны каждый год строился один город. И будь у власти коммунисты, они построили бы за это время ещё 9 городов, уйму заводов и квартир. Мир без СССР не раз ещё ужаснется от неуправляемых и наследственных бандитов и пиратов Америки. До сих пор его спасал СССР, власть советов, да еще Китай и другие страны с разумным правлением. Мир только начинает ощущать, какую подлость империалистическая реакция вместе с нашими провокаторами-диссидентами и врагами в партии совершила, уничтожив СССР. Будьте вы все прокляты во веки веков!!!»

Не называю этого человека, потому что его письмо, как видим, малограмотное, а он инженер, в своё время – большой строительный начальник. Скажу, в чем я с ним согласен. Если бы нефть на мировом рынке не подешевела, и советский социализм протянул до наших дней, наверняка был бы построен еще не один город, который клепал бы, шил бы и тачал бы никому не нужные изделия.

Но я буду последним, кто назовёт совершенно бесполезным советское градостроительство. Конечно, города и заводы создавались не там, где они возникли бы, если бы дело шло природным порядком, а не по воле государства, и не такие, какими они были бы, если бы рождались и росли сами собою. Но в том, что Россия при советской власти превратилась в городскую страну, был великий смысл. Деревенскую, крестьянскую Россию постигла бы судьба захолустья. Только городская страна, кстати, могла сбросить социализм и двинуться к демократии. Социализм сделал страну городской, а городская страна прикончила социализм. Тут диалектика, господин инженер, а не «враги в партии».

Из села Мокроусово Курганской области пишет Георгий Всеволодович Назаров: «Как-то вы огласили призыв одного товарища прочитывать все 55 томов Ленина. Горячо поддерживаю этот призыв, поскольку сам сделал это в середине 70-х годов сразу после университета. И двух друзей приохотил. Ленина нельзя читать под водку. Надо – под пиво или лучше – портвейн. Как сверкает тогда ленинская мысль! Например, такая (из того, что запомнилось). «Наверное, товарищ Адлер подъезжает сегодня к Вене. Наверное, завтра на площадях Вены будет праздноваться первый день всемирной социалистической революции». Ну, и хохотали мы! И так – до утра, и не одну ночь. Была у меня в ПТУ группа девушек на базе 11-го класса. Пишу на доске: «По Христу: убийство – зло. По Ленину: нравственно всё, что приближает мировую». Нравственно убить больного гемофилией ребёнка с родителями, сёстрами, прислугой и врачом. Приближает... Нравственно выкинуть детей голышом на мороз за то, что у их родителей две коровы. Еще больше приближает. Показал своим ученицам лошадиные паспорта 20-40-х годов (нашел их в старых бумагах сельсовета). Паспорт жеребца. Паспорт кобылы. Паспорт мерина. На обложке

– герб СССР. А колхозники, говорю, получили паспорта только в 50-х, да и то на выезд из села еще лет 10 требовалось разрешение местной власти. Принёс на урок книгу о нацистской Германии. Гиммлер просит Гитлера снизить возраст подлежащих смертной казни немцев с 19 до 18 лет. Это – 1943-й год, военное время. Показываю ученицам советский «Уголовный кодекс». По статье 58-й («политической») уголовная ответственность с применением всех мер наказания наступает с 12-летнего возраста. И ВСЕ меры применяли. Год – 1934-й. Мирное время. За обычное убийство при отягчающих обстоятельствах – 10 лет, за несколько картофелин, взятых с колхозного поля, – до расстрела».

И расстреливали, Георгий Всеволодович, – семилетних расстреливали вместе с родителями – «врагами народа». Об этом некоторое время назад нам писал один бывший полковник КГБ. Через его руки проходили дела с пометками об исполнении таких приговоров.

Пишет слушатель, подписавшийся тремя буквами: А.К.Р.: «Наше государство долго приучало своих подданных к «халяве». Дельное меньшинство работало, а получали ВСЕ, причем, примерно одинаково. При этом избранные жили при коммунизме – по потребностям. Потом условия изменились, но ни государство, ни все перестроиться не смогли. Поэтому получается, что у государства и у ВСЕХ своя свадьба, а у дельного меньшинства – своя. И, что самое интересное, бывшие избранные теперь стараются попасть в избранные, чтобы выражать интересы ВСЕХ. Однако, дельное меньшинство, те, кто имеет руки и голову, живут неплохо и им в принципе наплевать и на малопродуктивное большинство, и на избранных. Вот такая ситуация, на мой взгляд, сложилась в России. Надеюсь, что это ненадолго. А.К.Р.»

В отличие от господина А.К.Р., я надеюсь, что это долго, навсегда. Такой расклад во всех передовых стра-

нах. Науку, технику, производство двигает вперед меньшинство, а большинство, понимая свою выгоду, не мешает ему. Главное – чтобы способный человек мог выбраться из большинства. Более-менее равные возможности, одинаковые для всех правила и мирный торг. Без торга не обойтись, потому что даже в тех странах, где большинство давно выбилось из нужды, оно уверено, что его грабит меньшинство. Меньшинство, в свою очередь, считает, что его грабит большинство. К истине обычно ближе меньшинство, но надо очень внимательно и непредубежденно смотреть, чтобы это увидеть. Самый древний и верный способ грабежа большинством меньшинства – непомерные поборы с предпринимателей.

Из поселка Козлово Конаковского района Тверской области пишет Сергей Шафранов, «маргинал со стажем», как сказано в первой строке, «сторож на фабрике» – в последней. Посёлок Козлово примечателен тем, что там находится одна из президентских резиденций – «Русь», «Хозяйство», как называют её козловцы. «Приемлемая жизнь, – пишет автор, – только в той части поселка, которая примыкает к Хозяйству, на остальной – то же, что повсюду: если что и растёт, так это кладбище, и растёт быстро, умирают и старые, и молодые, и молодёжь не уступает старикам». Правда, недавно появился просвет. «На Завидовской тонко-суконной фабрике начали выдавать зарплату: повезло с директором, бывшим номенклатурщиком, талантливым управленцем, который один раз уже вывел фабрику из прорыва, было это в 1985 году». Господин Шафранов обсуждает последние сдвиги в российских настроениях. «Примаков и иже с ним, – пишет он, – пугают нас по старой памяти расширением НАТО и прочими напастями в том же духе. Пред нами все тот же дряхлеющий, но живучий Патриотизм Величия. Но Величие мы уже проходили. Оно всегда строится на костях собственного народа и, откровенно говоря, не вдох-

новляет, как бы ни хотелось этого Примакову. Империя распалась, а сознание осталось прежним: даёшь возрождение империи! Не понимают, что именно то, что хотят возродить, и привело к вырождению. Патриотизм Величия – это Патриотизм Вznуздывания народа. Поэт сказал точно:

Сохрани, Господь, Россию
от величия кровавого,
порази её бессилием
волю исполнять лукавого.

Некоторые основания для оптимизма есть. Свыше миллиона эков томятся в пыточных условиях, и думается, их не очень пугает расширение НАТО на восток и даже на Владивосток. В стране сидел чуть ли не каждый третий, и соблазнять нас Патриотизмом Величия, добиваться от нас оборонного сознания – дохлый номер».

Не скажите, господин Шафранов, Патриотизма Величия нигде не бывает так много, как за колючей проволокой, в подворотне и в пивной, не считая курилок Генштаба.

«На смену Патриотизму Величия должен прийти Патриотизм Процветания. Но придет ли? Наиболее динамичным слоем общества оказались, как известно, бандиты. Когда их дети примут эстафету, ботать по фене будет за падло, в натуре, одному Патриарху Всея Руси. Высказывание генералиссимуса Александра Суворова: «Мы – русские. Какой восторг!» искренне будут повторять (правда, на своем языке) только эти: «Мы – русские, в натуре. Какой кайф!»

Сергей Шафранов переходит к Западу: «Вроде бы Запад действительно заинтересован в освобождении России от азиатчины, тем не менее, ставит палки в колёса по чеченскому вопросу».

И вы туда же, Сергей! Как только русский человек садится на антизападного конька, тут же отрывается на нём от своей земли. Уж кто-кто, а вы, Сергей, знаете, что та-

кое вчерашний зек в камуфляже, на которого возложено восстановление Государственного Величия. Скажите, можно ли перегнуть палку в стремлении не дать ему разгуляться на нешироком чеченском просторе? Вы представляете, что уже натворили бы там эти ребята, если бы Запад молчал, а тем более – поощрял их? Ведь что говорит Запад, если вслушаться? Он говорит: «Мужики, речь не о том, правое ваше дело или неправое. Мы же вас знаем. Ведь не удержитесь в рамках самого правого дела, не удержитесь!». И разве я совру, Сергей, если скажу, что первый же «отморозок»-контрактник, положила руку на сердце (а руку на сердце способен положить и он) призывает: «Это верно, бля. Не знаем удержу, в натуре!»

Письмо из электронной почты: «В таких странах, как Россия, выборы просто обязаны быть подтасованы, иначе о демократии будем рассуждать на Колыме. Ведь мало отстранить «красных» от власти, нужно впредь их не допускать. Здесь конституционных методов мало, да что я вам рассказываю. Честные выборы – это зеленый свет для всякой нечисти».

Не только в таких странах, как нынешняя Россия или Германия 1933 года, – можно сказать в дополнение к этому письму. В Австрии вон только что большого успеха добилась партия человека, которого не пускают в приличные дома Европы. Та же история в Швейцарии. Демократия не более надежная штука, чем жизнь, что уж говорить, но я не знаю случая, когда с нечистью совладали бы посредством выборных подтасовок. Еще одна закономерность. Нечисть может получить власть законно, но удержать её законно не может. В этом самая большая опасность нечисти. Как только она получает власть, она тут же начинает готовиться к тому, чтобы добром её не отдать.

Письмо из электронной почты: «Как-то вы обмолви-

лись о книге, рассматривающей влияние исповедуемой религии на менталитет нации, на ее благосостояние. Напомните ее автора и название, если вспомните. Есть ли ее перевод?»

С этим слушателем у меня завязались личные отношения. Я обратил его внимание на то, что в его письме нет ни одного из «волшебных» русских слов вроде «пожалуйста». В ответ он рассказал, как долго ходил «по мукам» в Интернете, пытаясь пробиться к радио «Свобода». В общем, я забываю свою обиду и с удовольствием отвечаю на вопрос этого слушателя. Речь шла о работе: «Протестантская этика и дух капитализма». Вышла она в свет в 1905 году, написал её немец Макс Вебер, один из отцов социологии двадцатого века. В том же году он, кстати, выучил русский язык, желая лучше разобраться в первой русской революции. На русский язык его работа переведена. Он задался вопросом: почему капитализм не только зародился именно на Западе, а не где-либо ещё, но только на Западе и прижился? Потом Вебер обратил внимание на то, что лучше всего капитализм показал себя в тех местах Европы, где проживают христиане-протестанты, прежде всего, кальвинисты. Не потому ли, что протестантизм учит верующих как раз такому поведению в обыденной жизни, какое требуется капитализму? Честность, честность и еще раз честность в делах, воздержанность в личной жизни, суровая скромность в быту – само собою. Главное – культ наживы. Культ особый, небывалый. Наживайся не для того, чтобы прожить нажитое, а чтобы вложить в производство. Производство ради наживы и нажива ради производства – и производства тоже особого, небывалого: фабрично-заводского, с повседневным сопоставлением прихода и расхода, с особым, небывалым бухучетом. С Максом Вебером согласны не все исследователи, католичество, говорят они, тоже представляло собою очень хорошую почву для капитализма, но никто не отрицает, что между верованиями населения и хозяйственной жиз-

нью есть связь. В России не случайно цвет купечества составляли старообрядцы.

Озеров Анатолий Гаврилович из Донецка рассказывает в своем письме, как он в течение десяти дней опрашивал сограждан в электричках, магазинах и на улицах. Вопрос был один: «80 лет назад в гражданской войне победили «красные», коммунисты. Как бы, на ваш взгляд, мы жили сейчас, если бы победа досталась «белым»?» Три четверти людей старше 60 лет отвечали: «Жили бы хуже», хотя «куда уж хуже», замечает Анатолий Гаврилович. Многие, более молодые, говорили: «Какое нам дело?», «Мы люди маленькие», «Не приставайте с ерундой!», «Не знаю, думать некогда». – «Да что тут думать! – говорил самодельный социолог. – Финляндия была частью России. В этой части победили «белые» – царский генерал, белогвардеец Маннергейм. Посмотрите, как живет сегодня Финляндия. И все другие богатые европейские страны – «белые». Без промедления следовал один из двух ответов: «Куда нам до Европы!» или «Вот они и жируют за наш счет!» Слышал господин Озеров и такой ответ: «Подлец! Мало вас Сталин перестрелял!». Больше всего Анатолия Гавриловича поразила, как он пишет, «жгучая ненависть к капитализму и ко всему, что с ним связано». Если в советское время эта ненависть носила, так сказать, религиозный характер, то теперь она проистекает из грубой зависти. В советское время многие верили, что на Западе человеку хуже, чем в Советском Союзе, и даже сочувствовали ему, сегодня уже все знают, как обстоит дело, и сочувствие сменилось нехорошей завистью.

«Голосовать я не буду».

Когда встречаю такие слова в письме, тянет сказать: «На зло маме нос отморожу!»

«Голосовать я не буду никогда более. Не хочу быть причастным ни к войнам типа Чеченской, ни к нищете народа, ни к несправии. До 1991 года я ратовал за демо-

кратию. В августе 1991 года воочию убедился, что никакой демократии не случилось».

Слова «не случилось» в этом письме хорошо, на мой взгляд, показывают, почему Россия так трудно идёт к свободе. Миллионам безразлично, куда она идёт и вообще идет ли куда-нибудь. Миллионы все еще не понимают, что демократия не случается, а созревает, как цыплёнок в яйце, если насадка знает своё усидчивое дело.

Пишет Альфред Сwiatли, скорее всего немец: «Я живу в Польше, интересуюсь русской историей и культурой, нынешним положением Федерации и её соседей. Я часто беседую с русскими. Одни из них работают в той же компании, что и я, другие приезжают по делам своего мелкого бизнеса. Русские, конечно, не любят, когда их «достають» иностранцы, но один из них, когда я спросил его о Чечне, не обиделся, а отослал меня к роману Федора Достоевского «Преступление и наказание», к той главе, которая называется «Сон Раскольникова». Должен сказать, я был потрясен, когда прочитал этот сон – насколько он точен и всеобъемлющ. Я нашел там и Российскую империю, и Чечню, и западный взгляд на русские дела, и многое другое. С 1866 года много воды утекло, но некоторые вещи не изменились, другие приобрели новый смысл. Мне хотелось бы услышать, что думают русские об этой странице из лучшей русской прозы. Альфред Сwiatли». Письмо на английском языке, а приписка – на русском: «Извините меня, что я писал к вам по-английски, но мой русский в письме является плохим. Желаю России богатства, мира и нормальности. Такая Россия будет самым лучшим соседом для всех». Приложен и «Сон Раскольникова», что и натолкнуло меня на мысль, что имею дело с немцем.

В этом сне незадачливому «сверхчеловеку» привиделся случай отчаянно-горького мужицкого самодурства, каких потом было немало в русской литературе. Возле кабака Раскольников видит огромную телегу, в которую впря-

жена кляча – такая жалкая, что её хозяин говорит: «Кобыленка этга, братцы, только сердце мое надрывает: так бы, кажись, ее и убил, даром хлеб ест». Он сажает на телегу толпу пьяных мужиков и баб и начинает неистово стегать лошадей: «Мое добро! Что хочу, то и делаю. Садись еще! Хочу, чтобы беспрерывно вскачь пошла!» В какой-то миг обезумевшая и уже еле живая лошадь начинает даже отбиваться, но сдвинуть телегу с места не может. В ход пускается оглобля, потом железный лом. «Доконал!» – кричат в толпе. «А зачем вскачь не шла! Мое добро!» – кричит хозяин «с налитыми кровью глазами». Он стоит возле забитой лошади с ломом в руках, «будто жалея, что уж некого больше бить». От этого сна Раскольников проснулся «весь в поту, с мокрыми от поту волосами, задыхаясь».

Я думаю, тот русский, который в разговоре о России и Чечне отослал немца к «Сну Расколькова», имел в виду вот этот довод мужика: «Моё добро. Что хочу, то и делаю».

Слушатель по имени Александр (фамилии и адреса в письме нет) прислал на радио «Свобода» свои соображения о вреде шума и пользе тишины. Письмо большое, прочитаю только послесловие: «Тишина, в отличие от шума, действует на человека благоприятно и благотворно. В равной степени – и на всё общество, способствует творческой активности людей, свободе их, уравниваемости, радости и миру, созиданию и процветанию страны и общества. Власти, пренебрегающие борьбой с шумом, обрекают народ свой и себя на трудности и упадок, на горе и беды, на вырождение и пагубу. Потому что в тишине – сам Бог, а шум – это безбожие и кощунственная хула на Бога всегда. Так-то».

Сказано сильно, но, понося шум, не вредно, по-моему, и переборщить.

Кого мы любим?

Январь 2000

«Пишет вам из Москвы безработный Колесников Геннадий. Мне 40 лет. Почему я не работаю? Да просто не хочу, как и многие другие. На корку хлеба хватает, и ладно. Мы получили от Запада вместо демократии канализационную трубу, из которой на нашу незащищенную землю хлещет наркомания, преступность, бездуховность и прочие отходы».

Не все так сознательно, как этот слушатель, рассчитывали, что Россия получит от Запада не что-нибудь, а настоящую, правильную, хорошую демократию, но подспудное ожидание этого дара было, пожалуй, у большинства. Только в самое последнее время начинает распространяться мысль, что правильную демократию, как и трудолюбие, получить в подарок нельзя. Опыт, правда, показывает, что в некоторых случаях к демократии можно принудить. Немцам, японцам, итальянцам, как известно, было приказано устроить демократию, но перед этим их разгромили в длительной войне.

Из Гааги пишет Яков Бессараб: «Посмотрев мир, прожив в разных его частях, понимаешь, что различия между Россией и, к примеру, Голландией определяются не размерами территорий и населения, а особенностями менталитета народов. Подобно тому, как все вещества состоят из одних и тех же элементов таблицы Менделеева, сознание всех народов состоит из одних и тех же свойств. Здесь и человечность, и рассудительность, и свободолюбие, и агрессивность, и завистливость, и покорность, и удаль. Всё дело в соотношении этих элементов. Я пришел к выводу, что русский менталитет несовместим с подлинной демократией, ведь естественное состояние народа, как оно пред-

ставляется его большинству, – жизнь под тоталитарным управлением и контролем обожеествляемых вождей. Пытаясь оценить перспективу нашего народа, видишь печальную картину. Возбужденный шовинистами, сцементированный враждебностью к Западу, большой народ идёт сейчас к фашизму. Это и будет его долгожданная национальная идея. С этой идеей он войдет в какую-нибудь войну, в которой будет разгромлен, раздроблен и потеряет по крайней мере свои восточные территории. Дай Бог ошибиться».

Спасибо за письмо, господин Бессараб. Я вот быстро перебираю в памяти опасные события последних лет: сколько раз могло показаться, что еще чуть-чуть – и от слов перейдут к делу – ринутся мыть сапоги в Индийском океане, пойдут за Лужковым брать Севастополь, поведёт их «батько Кондрат» громить «сионистов», покажут вместе с Примаковым Кузькину мать натовцам... Уж как ополчились на Чечню, уж какую соборность явили, а где она сегодня – та соборность? Имперско-фашистская дурь неизменно остаётся на поверхности, пробегает рябью на стоячем водоёме. Вопрос всех вопросов: старая брага, выдыхаясь, пускает последние пузыри или новая сооружается? Большинство признаков показывают, что пока – первое.

Господин Айвазян, с 1993 года живущий в Германии, переслал нам два письма от своих родственников из России. До грузино-абхазской войны все они жили в Абхазии, это их родина. Переписываются по-русски. Из Липецка ему пишет сестра: «Мы сейчас на улицу вообще не выходим, сидим дома, нас и так здесь ненавидят, а после этих терактов вообще заклевали, соседи говорят: «Вас, всех чернозадых, стрелять надо и закопать в помойной яме!» На рынке вчера одного азербайджанца избили до полу-смерти за то, что он на рынке помидоры продаёт, когда их дети погибают в Чечне. На работу нас нигде не прини-

мают. Если бы не приусадебный участок, то не знаю, чем бы мы вообще питались. Из Абхазии нас прогнали, а если отсюда попросят, то не знаю, куда деваться, хоть вешайся. Отца нашего убили, так он хоть похоронен на родной земле, а у нас и этого не будет. Жалко детей, они ведь еще ничего хорошего не видели в жизни и увидят ли? Хорошо, что наша Валя похожа на русскую, и паспорт у неё на фамилию русского мужа, а то и ей никто не дал бы работы». Из Сочи господину Айвазяну пишет дядя: «Раз ты женился на грузинке, в Абхазию тебе нельзя ехать, но и сюда, в Россию, не сможешь приехать, ты ведь понимаешь, ты армянин, здесь тебя тоже по голове не погладят. Мой брат Гоча в Москве, он говорит, что там никакой перспективы, его несколько раз в день проверяют, лишний раз никуда не выйдешь. Ты должен знать Карена Эмексузяна – ему в Сочи омоновцы разбили челюсть, ходит с протезом. Полный беспредел. Отец его жаловался в прокуратуру, там ему посоветовали не настраивать их против себя. В связи с этой Чечнёй везде проверки, все нерусские страдают, никаких прав мы не имеем, уже думаешь: почему я не русский? Оказывается, жили мы в раю по сравнению с тем, что сейчас. Пишу сейчас и плачу, тяжело очень. Всё изменили политики, а народ страдает. Все живут, надеются, но чем дальше, тем надежды наши гаснут, как свечи, живём только воспоминаниями». Это октябрьское письмо, его получил от своего дяди из России его живущий в Германии племянник, который переслал это письмо на радио «Свобода». «Очень прошу вас, – пишет он, – если можете, объясните, почему такая ненависть и зло по отношению к нам в России? Что мы сделали плохого русским?»

Ничего нового я этому человеку сказать не могу. Одно из самых живучих понятий, которые достались современному человеку от первобытного, – что в каждой беде, постигшей одно племя, непременно виновато другое. В доказательствах не нуждались. Доказательство содержа-

лось в самой беде. Раз случилась беда, значит виновато другое племя. Почему виновато другое племя? Потому что оно другое. Из первобытности же доволоклось до наших дней представление, что поступки отдельного человека – это одновременно поступки его близких, его селения, его племени. Первобытность не просто, так сказать, однажды постановила считать, что тут не должно быть разницы. Первобытность действительно не видела разницы между поступком личности и поступком общности, потому что не имела самого понятия «личность». Облагораживается двуногое существо просвещением и благополучием. Это самые надежные средства, но они очень медленно действуют, во-первых, а во-вторых, все-таки почти бессильны, когда на человека или народ вдруг обрушивается большая беда, когда жизнь резко ухудшается.

Наш слушатель Лотов даже на конверте уместил следующее высказывание: «Басаев! Ты – мертвец, несмотря на помощь Запада и радио «Свобода» и предательство в Кремле». Живёт господин Лотов в городе Заречном Свердловской области, увлекается спортом, чем-то вроде бокса или восточного единоборства, я думаю, – в конце письма сообщает: «Почерк дрожит после тренировки». В письме говорится: «Вам всё труднее скрывать свою враждебную нам сущность. Вы нас не предупредили, что, одним махом порубив дракона на куски, мы окажемся у разбитого корыта, а мясо дракона сожрут крысы, во множестве расплодившиеся. Напрасно вы пытаетесь нас убедить, что чеченские террористы – это и есть народ Чечни, что Западу можно бомбить суверенные государства, а нам нельзя навести порядок даже на своей территории. Фашистов тоже Запад выкормил, да только сам и обжегся. А кто Ленину деньги давал? Не Германия ли? Уверен, что и Басаеву деньги идут от Соединенных Штатов, только схема похитрее будет. Так что, хотел сказать, заткнитесь, хотя нет, продолжайте: ваше радио я слушаю, враньё

у вас дозировано, больше объективных новостей, иначе механизм манипулирования работать не будет, не так ли?»

Напишите нам, господин Лотов, как вы отличаете враньё от правды на волнах «Свободы», по каким признакам. Думаю, дело обстоит просто. Правдой вы считаете всё, что не мешает вам гордиться своей страной. Вам надоело не гордиться своей страной. Услышав что-либо, например, о Танзании по радио «Свобода», вы не думаете, правда это или враньё. Но что касается России, тут вы держите ухо востро. Желание гордиться своей страной – замечательное желание, потому-то им и пользуются настоящие ловкачи, настоящие манипуляторы. Вы думаете, что они где-то за океаном, а они рядом с вами.

«От Насти Логиновой из деревни Родионовка Серпуховского района Московской области: «Нынче принято говорить о правах человека. Много входит в это понятие. Думаю, что в том числе и право человека пользоваться удобствами современной цивилизации. Так вот, в нашей округе, в домах так называемого частного сектора, нет ни природного газа, ни водопровода. А ведь газопровод в Европу идёт практически у нас под ногами. А с тех пор, как объявили, что будет пущен «голубой поток» в Турцию, мы с бабушкой не находим себе места от досады. Почему это вдруг туркам наш природный газ нужнее, чем российским жителям старинных подмосковных деревень? Чем мы хуже турок или тех же чехов, венгров и поляков, которые от нас в НАТО подались и вообще? Хотя прабабушка не разрешила мне писать вам (говорит: «Не смей!»), мне все же хотелось бы получить ваш совет. Что надо сделать, чтобы нашим большим и маленьким начальникам стало стыдно вести «голубой поток» российского природного газа в Турцию, когда собственные граждане не имеют его вовсе? Может, радио «Свобода» сумеет пристыдить российских деятелей, которые радеют за

удобный быт турок и напрочь забывают о собственных людях? Прабабушка говорит, что так было и при советской власти. Может, вы нам поможете крикнуть: «Ау, правительство! Дайте природный газ во все деревенские дома россиян! Дайте нам водопровод! Не забывайте чистить сельские дороги после каждого снегопада! Хотим иметь бесперебойное энергоснабжение! Верните в деревню проводную радиотрансляцию».

Настя Логинова, автор этого письма, почитает Владимира Путина. «Я думаю, – пишет она, – что ваша радиостанция пока недолюбливает Путина, нашего и.о. президента. А мне хотелось бы, чтобы изменилось у вас отношение к нему, потому что в марте я буду впервые голосовать за президента. Раньше не хватало лет. И я для себя и для всех россиян буду голосовать за Путина Владимира Владимировича! Я не считаю его «ястребом» или будущим диктатором. Я раньше жила в Серпухове, теперь живу с прабабушкой в деревне Родионовка Серпуховского района. Помогаю. Вот вы знаете обо мне почти всё. Спасибо вам за внимание, Анатолий Иванович, и простите за многословие. Молчишь, молчишь тут в глухомани. Настя».

Спасибо и вам за внимание, Настя. Напишите мне еще одно письмо: чуть больше о себе, о своих бабушках и прабабушках, об односельчанах. Право пользоваться удобствами современной цивилизации у человека, конечно, есть, но оно не больше и не меньше права НЕ пользоваться ими. Оно не из тех, за соблюдением которых следят международные правозащитные организации. На деле пока что существует право СОЗДАВАТЬ для себя удобства современной цивилизации. У одних людей и народов это получается лучше, у других хуже, у кого-то совсем не получается. Одни чистят дороги после каждого снегопада, а другие – никогда не чистят. То же и с уборкой подворий, подъездов. Население одних стран само управляется с этими делами, население других – ждет, когда это сделает его правительство. Иногда хочется сказать:

кому что нравится, но лучше говорить добрее: у каждого своя история, своя судьба. Хотелось бы вернуться к одному вашему высказыванию, Настя: «Чем мы хуже турок или тех же чехов, венгров и поляков, которые от нас в НАТО подались и вообще?» Напишите мне, что вы хотели сказать? Что значит: «от нас в НАТО подались?» И что значит «и вообще»? Ваша прабабушка правильно говорит: при советской власти начальство тоже не заботилось о людях. Не хватало у государства денег. Почти все деньги шли на то, чтобы мир боялся советских, чтобы никуда не подались чехи, поляки, венгры. Если ваше отношение к ним превратится в политику России, это будет такое дорогое удовольствие, что вы никогда не дождетесь газификации Родионовки.

«Я чеченец, мне 48 лет, после войны, в октябре 1996 года, я из Чечни переехал в Казахстан. Я знал, что русские не оставят нас в покое. Продал всё, кроме постелей, забрал семью и махнул в город Актау, купил квартиру, устроил детей в школу, сына – в садик и вроде зажил, но душа болит, телом я здесь, а душой там, в Грозном. Какой был красивый город! Парки, фонтаны, кинотеатры, два драмтеатра, стадионы, трамваи и троллейбусы ходили, и всё это разрушили, взорвали. Я прошел всю войну с 1994 по 1996 год, семью прятал в горах, а сам с группой в семь человек по ночам обстреливал блок-посты и БТРы. Днем высматривали, ночью нападали. Я видел, как танки и БТРы давили машины с людьми, с чеченцами. Для водителей этих танков и БТРов мы не люди. Я всю жизнь чувствовал, что я нерусь, то есть, плохой, не такой, каким должен был бы уродиться, чтобы быть хорошим. Нас называли черными, черножопыми. Я не нацист, жена у меня русская, хоть и приняла ислам. Много хочется писать, но бумага есть бумага. Из Чечни в Актау приезжает много беженцев, и многих уже отправили назад, в Чечню, прописывают на 15 дней, после этого говорят: «Уезжайте

в Чечню», снимают отпечатки пальцев, фотографируют: профиль, анфас. Новости я слушаю по «Свободе» – по телевизору врут. С уважением ваш слушатель Алхазур».

Простите, Алхазур не разобрал вашу фамилию. Да, не все, кто употребляет слова «чурки», «чучмеки», понимают, сколько вреда они уже причинили этим в первую очередь себе и сколько еще могут причинить. Я думаю о Насе Логиновой. Живет в деревне, (в глухомани, по её слову), там её дедушки и бабушки, прабабушка там – простые, добрые, видно, люди, но не ветром же ей надуло эти злые, завистливые отзывы о чехах, поляках, эту обиду на них: «Подались от нас в НАТО и вообще»! Почему они должны были оставаться с нею, у неё, в её ведении «и вообще»? Я её попросил написать мне еще одно письмо, и вас прошу написать, Алхазур. Из Чечни за последние десять лет выехало очень много чеченцев. Этот исход начался при Дудаеве, до войны. Многие выехали после войны, как вы. Вы говорите: «Уехал, потому что предвидел вторую войну». Я встречал ваших соплеменников, которые говорят: «Уехали мы из-за нашего беспорядка. У нас и при русских не было нормальной власти, и без русских она не появилась. Невозможно жить там, где десять президентов, каждый со своей армией, со своим чиновничеством, со своей внешней политикой, со своей религией». Я хочу вас переспросить: только ли из-за того, что предвидели новую войну, вы переселились в Казахстан? На каком, кстати, языке учатся там ваши дети?

«Пишет тебе Леонид Зёнке. Желаю поделиться с тобой своими мыслями и насчет Чечни, и вообще обо всем самым главным понемногу». Господин Зёнке семь лет назад переехал из России в Германию, уже, по его словам, не только осмотрелся, но и освоился, и к германской власти относится не лучше, чем некогда – к российской: «Шрёдер (канцлер) обещал меньше налогов, но выходит наоборот, и литр 98-го бензина уже стоит 2 марки, а Ёлка Фишер

(министр иностранных дел) хочет нагнать и дальше и поднять цену аж до 5 марок. Что это – демократия? Спросил ли он у народа, хочет ли народ этого? Нет, не спросил». Россию же с её властью господин Зёнке одобряет, а нас, радиостанцию «Свобода», соответственно, осуждает: «Слышно, что твоя радиостанция снюхалась с бандитами и ни капли не осуждает чеченских басмачей. Во-первых, если бы вы начали осуждать мятежников, то ваши корреспонденты были бы врагами боевикам и не могли бы снюхиваться с бандитами. Во-вторых, Западу и Америке очень выгодно, чтобы Россия распалась на княжества. В русской армии не хватает снайперов, и это плохо. На каждого снайпера дать 10 человек десантников-телохранителей – тогда, я думаю, пошло бы дело в Грозном. России надо было довести начатое дело до конца еще в первой операции, но предатель Лебедь и трусость российских генералов... Хорошо, хоть Ельцин сообразил под конец и поставил Путина... Очень плохо, что у Милошевича не было и нету ядерных боеголовок. Тогда бы Запад с почтением относился к Югославии и не сунул бы носа куда не надо. Моя точка зрения такова: албанцы должны жить в Албании, а сербы – в Сербии. Я хочу, чтобы твоя станция была нейтральная и критиковала бы обе стороны. А пока этого не будет, ты остаёшься для меня подлизой, не умеющим трезво, нейтрально, законно рассуждать. Если ты не прочитаешь моё письмо в эфире, значит, никакой ты не демократ и боишься правды и критики. Желаю тебе здоровья и перемен в мышлении твоём и твоей станции. С уважением Леонид Зёнке».

В связи с твоими словами, что албанцы должны жить в Албании, а сербы – в Сербии, хочу проверить себя таким к тебе вопросом, Леонид. Германия поселила у себя очень много иностранцев, очень много, особенно турков. Насколько я понимаю, ты относишься к тем немцам, которые считают, что Германия должна быть только для немцев, турки должны жить только в Турции, чехи – в Чехии

Какого ты мнения о русских в связи с этим? Они тоже должны жить только в России? А Россия должна быть только для них?

Пишет Карпова Екатерина Алексеевна из Литвы: «Вот слышишь: нас, русских, не любят прибалты, нас, русских, не любят американцы, нас, русских, не любят чеченцы. Я хочу обратиться с вопросом: а кого любим мы? Негров мы не любим, потому что они негры, китайцев и вьетнамцев – потому что они азиаты, украинцев – потому что они «хохлы», к месту и не к месту высмеиваем их за «горилку и сало», прибалтов не любим, потому что все они «фашисты», евреев – потому что они жида, ну, американцы – те глобальные враги, Запад – хитрая гидра, для Кавказа со всем его населением у нас три слова: «Черный есть черный». Люди русские, что с вами происходит? С телеэкрана – потоки и потоки лжи, смотреть уже невозможно, а вы её глотаете. Задайте себе вопрос: неужели у России нет забот, кроме грязной войны, которую вы дружно поддерживаете? Всё чаще я вижу перед своим мысленным взором женщину, которая не работает, пьёт, бедно и грязно живёт и люто завидует трудолюбивой, с крепким налаженным хозяйством, чистоплотной соседке, обвиняя её во всех своих бедах. С таким отношением к себе и к соседям никогда не видать нам демократии, никогда не жить, как живут люди».

Передачу «Ваши письма» я веду с середины 1995 года. Это первое письмо, в котором звучит вопрос: «А кого любим мы?» Считаю, что произошло большое событие. Только на этот вопрос и надежда, собственно говоря.

«Широка страна...»

Февраль 2000

Давний наш друг писатель Марк Костров из Новгорода Великого просит нас напомнить слушателям «Свободы» несколько берестяных грамот, чтобы не думали, что их, наших слушателей, бытие так уж сильно отличается от бытия древних новгородцев. Бумаги тогда еще не было, для писем использовали куски березовой коры, но содержание писем – вполне современное. «Переслеживай за Танькой, чтоб не блудила чего зря». «Накосил сена, а озерикские его у меня отъяли». «Поял мою исполовницу – расплатись телицей». Ну, и самое знаменитое из писем, найденных при раскопках: «А пришли мне чтения доброго». Такие и я получаю от слушателей.

Года два назад в письме на «Свободу» господин Захаров из Москвы употребил выражение «плохая водка», чем огорчил меня до глубины души, поскольку известно, что плохой водки не бывает, – водка бывает хорошая и очень хорошая, как говорил бывший директор Русской службы радио «Свобода» Юрий Гендлер. Лучше ругать демократов, чем водку, – такое тогда высказал я своё личное мнение. Господин Захаров слышал ту передачу. На днях мы получили от него письмо, в котором говорится, кроме прочего, следующее: «Хочу сообщить вам интересное наблюдение, которое я сделал в наш переходный период. Действительно, где свобода (но не вседозволенность) и конкуренция (но не кровавая), там и количество товаров соответствует спросу, и качество их растёт. В своё время некачественная водка...»

Видимо, господин Захаров учёл отношение Русской службы радио «Свобода» к слову «плохая» о водке и решил заменить его словом «некачественная». Такое упот-

ребление противоречит правилам русского языка, но звучит, надо признать, мягче.

«...некачественная «красная», то есть, советская водка заставила меня перейти на самогонование. Дело это довольно хлопотное и даже, я бы сказал, опасное. Если не соблюдать определенных правил, аппарат может выплюнуть брагу, а то и рвануть. Так и продолжал бы я рисковать, если бы однажды не купил водку «Смирнов» нашего разлива, из Черноголовки. На вкус я сразу определил, что это приличная вещь. Как инженер-химик я сделал химический анализ по всем правилам. Все параметры оказались превосходны, сивухи, то есть, сивушных масел не было. Вот это да! Похоже, спирт действительно высшей очистки, как написано на этикетке. С тех пор самогонным аппаратом я не пользуюсь, а покупаю нашу (не американскую!) «Смирновочку». Ведь можем же делать хорошие вещи! Вот плоды нормальной конкуренции и заботы о потребителях. Если бы у нас так было во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, то мы не просили бы кредиты, а предлагали бы их другим. Но наша «красная» дума всячески препятствует рыночным преобразованиям, поэтому радиостанция «Свобода» просто обязана продолжать свою работу. Александр Захаров. Москва.

Мне приятно было читать ваше письмо, господин Захаров. Очень приятно! Напишите, пожалуйста, что вы думаете о «Беспохмельной» водке, которая недавно изобретена в России и уже появилась, говорят, в продаже. Подвергните её проверке по всем правилам и дайте своё заключение. С нетерпением буду ждать вашего письма. Я, кстати, её еще не пробовал.

Пишет не назвавший своей фамилии Николай Иванович: «С удовольствием пережевываю вашу мысль из последней передачи, что производимая продукция распределяется примерно одинаково в обществах разного уклада, что этот процесс подчиняется одним и тем же объектив-

ным законам, что думать надо не о том, как делить произведенное, а как наладить производство, что наилучшим образом произведенное распределяется само собою, то есть, когда в это не вмешивается власть. Отсюда следует, что благосостояние трудящихся в развитых странах выросло отнюдь не благодаря их борьбе с предпринимателями. Эту мысль мне не сразу удалось усвоить, но после того, как я её усвоил, я стал другими глазами смотреть на мир. Такого рода простые, казалось бы, вещи надо излагать постоянно, ведь узнать их нам негде, а они убедительно разъясняют никчемность надежд на прошлое и дают представление о возможном лучшем будущем».

Большое спасибо за письмо, Николай Иванович! Это не мои мысли, да, строго говоря, это и не мысли, а нечто более серьезное – это установленные исследователями факты, явления и законы хозяйственной жизни. Многим они не нравятся, больше всего – «борцам за права трудящихся».

«Давно слушаю вас и заметил очень хорошие голоса, дикцию, произношение букв у ваших сотрудников. Все, все, даже Джованни, произносят буквы правильно. Как вы подбираете сотрудников? А что у нас? Если «плезидент» и «плавительство», то это – такая-то (называет одну из телевизионных корреспонденток), если «Хабаловск», то это – такой-то, если лягушка за столом, то это такая-то... Где только находят таких «красавиц»? У меня вопрос к вам: как это смотрится и слушается с той – с вашей – стороны?»

За добрый отзыв надо благодарить, что я и делаю, но на ум приходит вот что. Нигде нет таких строгих людей, как в бывших социалистических странах. Никого так не раздражают всякие неправильности, всякое своеобразие, как недавнего советского человека, никто так не горит желанием следить за произношением и правописанием. Это проявляет себя нормативное мышление. Норматив-

ное – значит, приказное, казарменное, воспитанное веками несвободы... Мне нравятся не всё, что происходит на российском телеэкране, что пишется в газетах и журналах. Но даже когда смотришь номера, которые выкидывает твой совсем уж разнузданный собрат, не забываешь, что это – свобода, что и таким образом разрушается нормативность советского мышления. Человека, который устало махнул рукой на окружающую его «вседозволенность», надо поздравить, как с выздоровлением. Он излечился от потребности делать замечания. С ним можно иметь дело.

Письмо из электронной почты: «Я много слушал вас в период горбачевской перестройки, но когда в России появилась свободная пресса, переключился на газеты и телевидение, слушая «Свободу» только в дни очень важных событий. Честно говоря, не предполагал, что придется опять слушать вас ежедневно. Это чрезвычайно плохой симптом. Дело Андрея Бабицкого явилось той лакмусовой бумажкой, по которой мы теперь можем судить, кто ставит интересы власти выше прав отдельного гражданина. Отношение власть предержащих к правам человека отражает и неандертальский уровень правовой культуры в нашем обществе. Это видно по Государственной Думе. Мне кажется, мы стоим на пороге диктатуры. Ситуация напоминает ту, что была в Германии, когда одряхлевший Гинденбург назначил Гитлера канцлером, после чего тот стал фюрером. Я боюсь, что мы опять станем винтиками государственной машины. Дмитрий, 40 лет, Москва. Просьба не сообщать мою фамилию».

Разумеется, Дмитрий. Поведение Владимира Путина – это поведение человека, для которого не существует ни закона, ни приличия. Каждый человек, за что бы его ни арестовали, имеет право тут же сообщить о случившемся с ним своим близким и защитнику. Андрею до сих пор не позволили сделать это. Объявлено, что Путин держит

дело Бабицкого под своим контролем. Вот так он его держит – юрист с университетским дипломом, глава государства, который обещает сделать это государство правовым. Я не знаю, что с ним (не с государством, а с Путиным): например, боится ли он своих генералов и «членов Политбюро», и как он их боится – так же, как их боялся в свой последний год Горбачёв, когда молчал о бесчинствах того же Рижского ОМОНа, или больше. Я не знаю, как он спит (не Горбачев, а Путин). По словам нашего слушателя психолога Кормушкина, Владимир Путин – человек, не уверенный в себе, склонный к самоедству, и спать должен плохо. Я твёрдо знаю одно: его поведение – это поведение человека, для которого, повторяю, не существует ни закона, ни приличия. А стоит ли страна на пороге диктатуры, судить не берусь. Даже если Россия стоит на пороге невиданного благоденствия, чем будет обязана Путину, его поведение этих недель не может быть названо достойным.

Господин Тимофеев из Москвы пишет об известных советских песнях: «Широка страна моя родная», «Марш энтузиастов»: «Искусству нужны и преувеличения, акценты и яркие фантазии. Одна из самых знаменитых песен – «Широка страна моя родная», как и «Марш энтузиастов» и другие гражданственные песни, в буквальном смысле реализованы еще не были. Но это мечты, цели, как бы план работы на будущее. И хотя пока у нас предательство и период реакции, мы верим, что рано-поздно они сбудутся. Может быть, «широка страна» станет и гимном нашей возрожденной державы. Целью, программой партии коммунистов или не коммунистов и практической деятельностью государства будет реализация идей этой песни. Чтобы «человек проходил, как хозяин», чтобы старикам был почёт и так далее. По сравнению с этими светлыми мечтами и благородными идеями как убоги и жалки ваши «разоблачения», злобные крики и визги!»

Если бы господин Тимофеев сказал это всё тогда, ког-

да «Широка страна» звучала в Советском Союзе с утра до вечера, он мог бы поплатиться свободой за «клевету на советский общественный и государственный строй», как говорилось в уголовном кодексе. В песне «Широка страна моя родная» говорилось ведь: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Не «будет когда-то дышать», а уже дышит.

Автор следующего письма называет себя «бородатым антисемитом». Он пишет: «Поражение в «холодной войне» с Западом и в горячей войне с Чечней породило в наших душах те же чувства, на которые опирался Гитлер после поражения немцев в мировой войне. Россияне все еще мечтают о «добровольном» воссоединении осколков империи. Эти-то чувства и наполнили ветром паруса Путина. Слишком глубоко застряло прошлое в головах наших сограждан. Для преодоления подобного состояния у «матери-истории» есть особый механизм: вместо того чтобы открыто сражаться со старым, новое рядится в его одежды и, благодаря этому, легче утверждается в умах. Так Лютер устранил преграду, которой стал на путях европейского духа католический Рим, не через основание новой религии, а опираясь на авторитет Христа: Библия осталась, но прочтена была по-новому. Вот теперь и либеральная экономика попытается утвердиться в России, драпируясь в националистические одежды прошлого. Грубо говоря, предприниматель будет поднимать экономику не только ради денег, но и для того, чтобы вернуть стране могущество и утереть нос надменному Западу. Не вам объяснять, насколько это опасно, но в этом и состоит трагизм: Россия не может примириться со своим историческим поражением, а чтобы его преодолеть, она должна, хотя бы для начала, использовать просвещенный национализм. Хорошо сказала мадам Олбрайт: Путин ухватил за хвост тигра. Но даже она не понимает: для нынешней России тигр не только хищник, но и средство передвиже-

ния по путям истории. Без национальной идеи нельзя, а кроме смертельно опасного национализма, у нас сейчас ничего нет. Чтобы национализм держать в рамках, нужна сильная власть. Путин уже провозгласил: покончим с расхлябанностью! Итак, либеральная экономика – просвещенный национализм – сильная власть. Первая часть этой «триады Путина» предполагает союз с правыми, вторая – с левыми, а третья в нынешних условиях означает опору на силовые структуры. Если есть какой-то секретный план, он в этом и состоит. Дело пахнет бонапартизмом... Но и это вполне естественно: буржуазия во многих странах выстраивала свой новый мир под «крышей» бонапартизма».

Значит, бонапартизм, по мнению автора, еще не самая большая опасность, он допускает нечто более страшное. Понять его можно. Россия – единственная из стран бывшего социалистического лагеря и единственная из советских республик, население которой испытывает чувство национального унижения. Мы, конечно, были рабы своего царя, но царь-то наш – всем царям был царь! Остальным народам крах социализма только прибавил национальной гордости. Разница огромная. Что из неё следует, мы видим, что последует, Бог весть. А ведь есть еще народная привычка к произволу. Заигрывать с такими чувствами и привычками – действительно то же самое, что скакать на тигре. Но нужно ли, неизбежно ли? Иgra-то пока не сыграна, сегодняшний день пока сегодняшний. Мы смотрим на него не как историки следующего века, а как участники событий. Совмещать в себе историка и участника – высший пилотаж. Но если не получается совмещать, лучше все-таки быть участником.

Национальная идея

Март-апрель 2000

«Держи лапу, Стреляный! Пишет тебе братва с Урал-маша. Надоел ты нам, решили накатать тебе телегу. Решили жизни тебя поучить. А то хороший ты мужик, а от жизни отстал. Мы пока не крупняк. Работаем так, по мелочёвке. Держим аллею: камнерезов там всяких, да художников. Бабки сдаём в мэрию, но и нам на жизнь хватает. Чиновникам мы нужны. Они без нас не могут. И мусорня без нас не может. Мафия – великое дело. Вы там, на своём Западе, с мафией боретесь, а зря. Своих всех повыведут – мы придём, свято место пусто не бывает, уж будем держать гнилой Запад – не рыпнутся. Ты, брателло, на мафию не наезжай, и про криминал не надо дуть, а то накажем, замочим в сортире. Раньше у нас была партия, а теперь мафия. Ну, пока, а то нас искусство ждёт, художники, бля! Братва с Уралмаша».

Ох, братва-братва! Всё бы ничего, да туберкулёз свирепствует в российских местах заключения – в тех местах, где вы скоро окажетесь. «Крупняк» ещё какое-то время погуляет на свободе, а вам, мелочёвке, – долго не придётся. И не «мусорня» вас пересажает, а вы сами – друг друга. Подавляющее большинство преступлений, как известно, испокон веков раскрывается только потому, что в любой «братве» – стукач на стукаче. Это главное, что надо бы, по-моему, знать о жизни всякому, кто вступает в уголовный мир, и однако же как раз этого вы не хотите знать.

Владислав Иваницкий из города Слободского Кировской области: «Маленькому человечку в Советском Союзе нужна была и маленькая свободка. Пусть вам не покажется странным то обстоятельство, что большинство советских людей не чувствовали себя скованными советской

деспотией, – их сознание, их крошечные мысли не уходили слишком далеко, и ошейник был для них слишком просторен, чтобы почувствовать его. Этот режим теснил и удушал только больших людей – волков, а не «дворян-жек», для которых плен – не плен, а корм и дом».

Мысль понятна, и очень хочется с нею согласиться, и даже нужно, видимо, согласиться, а с другой стороны... Я столько встречал в Советском Союзе простых людей, которые очень хорошо чувствовали ошейник на себе, за годы работы в советской печати прочитал столько их писем, что знаю, можно сказать, из первых уст: желания их уходили далеко. Всякий уважающий себя сельский житель хотел иметь собственную землю, вести собственное хозяйство. К восьмидесятым годам таких стало меньше, а ещё в шестидесятые было очень много. Как хотите, а мысль о собственной земле я бы не назвал крошечной. А как дружно поддерживали Горбачева, потом – Ельцина! Если бы не чувствовали себя скованными советской деспотией, этого не произошло бы. Верили, правда, что сразу окажутся в раю, что устроен он будет не общими трудами, а волей Горбачёва и Ельцина, но и в этом есть что-то, что заставляет произнести слово Глупость с большой буквы. А Глупость с большой буквы уже не глупость, а мечта, и мечта не мелкая. С народами вообще-то – как и с отдельным человеком: чем взрослее, тем скромнее мечты. Что бы лужайка возле дома радовала глаз, надо посеять траву и триста лет ежедневно подстригать её. Что может быть мельче этой английской мудрости?

Владимир Борщев, научный работник: «Этой зимой, вернувшись в Москву из Америки, я обнаружил, что большинство моих друзей одобряют войну в Чечне. Это было непривычно, раньше мы находили общий язык. «Вы зомбированы Западом», – говорят теперь мне. Я считаю, что война ведется варварскими, преступными методами. В ответ слышу: «А что делать? Надо же эту проблему как-

то решать». Те, кто тоже пожил на Западе и вернулся, признаются, что избегают заговаривать о Чечне с друзьями – боятся поссориться. Пожалуй, я стал удивляться еще раньше, во время событий в Косово. Возмущались не Милошевичем, а Западом. На Западе тоже далеко не все одобряли бомбардировки, но для наших людей главное было – изобличить «гнусную Америку». При обсуждении Чечни Югославия всегда всплывает: «Они нас осуждают за Чечню, а сами бомбили беззащитную (или суверенную) Югославию». То есть, уж если «они» бомбили «чужих», «нам» позволено со «своими» делать все, что угодно. «Это, конечно, все так, – говорят о бесчинствах военных в Чечне. – Но у нас ведь все в ужасном состоянии – суды, тюрьмы, милиция. И все же, если на тебя нападут бандиты, ты к этой милиции будешь обращаться, другой ведь нет. Вот и армия у нас такая же, не лучше. И она воюет, как умеет, тут уж ничего не поделаешь». Говорю со знакомой. Её возмущает радио «Свобода»: «Отвратительная радиостанция!» Говорю о Бабицком, его только что «обменяли», неизвестно жив ли он. Она – сразу: «А зачем он туда лез?». Через какое-то время в Чечне исчезает французская корреспондентка. Моя знакомая ее знает. То, что француженка «полезла туда», ее задевает меньше. В нашем советском подсознании француженка – свободный, независимый человек, она имеет право «лезть» куда захочет. А Бабицкий – «наш», то есть, раб, как и мы, он должен сидеть и молчать в тряпочку. Моя покойная жена в последние годы своей жизни занималась Библией. Она говорила мне, что библейское положение: «око за око, зуб за зуб» было огромным шагом вперед, оно вводило строгие ограничения на меру мести, наказания. Утверждался принцип: «мера за меру». За око – *не больше*, чем око, за зуб – *не больше*, чем зуб. А в Чеченской войне во сколько раз превышена эта мера? Солдатам внушают, что все чеченцы – бандиты. В Чечне действительно было немало бандитов. Но *эта* армия – не бандиты? Чубайс

сказал, что в Чечне возрождается российская армия. Возрождается *что?* Армия у нас и раньше была *зоной*, пропускавшей через «дедовщину» миллионы молодых людей, внося свой вклад в формирование нации. А что сейчас выйдет из воюющих таким образом солдатиков? В связи с высказываниями Сергея Ковалева о войне Егор Гайдар утверждает, что могут быть две позиции – правозащитника и политика. Правозащитник, мол, выносит моральные оценки, а политик обязан что-то делать, как-то решать проблему. Вот эта направленность на «решение проблем» сама по себе вещь сомнительная. Не все проблемы можно решить. Англичане решают ирландскую проблему уже несколько сот лет, Израиль – палестинскую – больше столетия. Недавно я слышал чьи-то слова, что основное в политике – не «решать проблемы», а умение жить с нерешенными. А мы исходим из того, что все можно решить быстро. Причем, «враз и навсегда». И вот, вместо того, чтобы выздоравливать, мы опять куда-то катимся. Спецслужбы набирают силу. Трудящиеся пишут письма. Запад нас опять «не понимает», «унижает», «строит козни». Опять пробивается старая песня: «кто не с нами, тот против нас». Наводят порядок с «информационным обеспечением», то есть, врут, врут, врут... По телевизору показывают чеченский эпизод. Задержали боевиков или людей, которых подозревают, что они боевики. Их ставят лицом к стене. Омоновец привычным движением бьет одного из них по ногам – чтобы шире расставил. Потом их «за шкирку» тащат и бросают в грузовик. Смотрю – ничего особенного. Через несколько дней я в Америке, там по телевизору те же самые кадры. И вдруг понимаю кожей, что американец смотрит на всё это другими глазами. Для него такое обращение с любым преступником – дикость. У Запада есть ощущение грани. Когда её переходят, поднимается страшный шум. В том поношении Запада, которое сейчас отовсюду слышится, – наша собственная ущербность. Запад тут не при чем. Там живут

своей, в общем, здоровой жизнью, и не очень много о нас думают. Только взглянув иногда в нашу сторону, поёживаются. Конечно, нас не совсем понимают. Главное – не понимают, какие мы больные. А «зомбирует» нас Запад вот как. Живя там, быстро привыкаешь, что в общественных туалетах чисто и всегда есть бумага, и к тому, что врать не принято. Если политик публично соврет, даже, как Клинтон, по очень личному поводу, то встает вопрос об импичменте. В обоих случаях – это вопрос гигиены».

Спасибо за письмо, господин Борщёв. Наши слушатели не оставили без внимания эти высказывания Гайдара и Чубайса. Автор одного письма надеется, что они когда-нибудь пожалеют о своих словах, ведь ясно же, что политик-демократ может действовать только как правозащитник. Демократическая политика есть не что иное, как защита прав человека, правозащитная деятельность государства. Другая деятельность демократическому государству просто не позволена, оно потому и демократическое, что всё разнообразие его деятельности сводится к правозащите. Политику-демократу также не придёт в голову, что армию современного демократического государства может создать война, которую и войной-то, по лживости, не называют. Карательные налёты и «зачистки» создают карателей, а не воинов. Я только не стал бы говорить, что Россия больна. Это всё возрастное – именно такой вывод делают многие западные исследователи России. Россия в своём возрасте. Сказать точно: российская демократия в своём возрасте. Запад переболел всеми «русскими болезнями», изучил все их до тонкостей, «загадочную русскую душу» просвещенный западный человек понимает вполне. Типичнейшая из «болезней» или «загадок» – всеобщая недемократическая, додемократическая, вавварская уверенность, что не существует не решаемых проблем и что каждую из них можно решить «враз и навсегда». Ясно, что при таком подходе обычно принимается наихудшее из решений.

Стало чуть-чуть больше писем от предпринимателей. Невесёлые письма. «У меня весенняя хандра. Абсолютное безразличие к политике, бизнесу и даже к жизни. Занял одному 20 тысяч долларов, спас его на время – не отдаёт. А нужны позарез. Звоню партнёру в Орёл: «Сережа, сбрось на мой расчетный миллион. Надо временно закрыться перед банком». Обещает, но, видимо, не сможет. Переговорил с еще одним другом. Он в таком же положении – выбивает 50 тысяч долларов у друзей, которых, как и я своего, в своё время выручил. Пригласили меня недавно в команду бывших начальников, теперь профессиональных коммерсантов. Выяснилось, что всех нас «кинули» или заёмщики, или партнеры, или государство. Все в дерьме, и вот слились воедино, чтобы выкрутить. У всех нервы звенят. Каждый имеет возможность разорвать должника, но должники понимают, что убивать их не будут, иначе ведь денежки – тю-тю. Банкиры ждут выборов. Готовы и к продолжению работы, и к бегству. А бизнес без нормального финансирования стоит. А госконтроль усиливается, особенно за деятельностью захудалых фирмочек, вроде моей. Всё ловят нас, мошенников, за мелкие грешки, а до крупных воротил, ворующих миллиардами, власти дела нет. Значит, вкусно кормят наших правителей эти воротилы. У банка, которому я должен, потому что должны мне, есть, разумеется, бандитская «крыша», из неё мне сыплются угрозы, вешают проценты, обещают проломить череп. Что делать? Достал ствол для самообороны, готов в любую минуту применить. Поймают менты – ну, как докажешь, что ствол не для разбоя? Посадят, а в отчет галочку поставят – раскрыто, мол, преступление... Отвык народ от работы на дядю, а на себя поработать ему не дают. В сельском хозяйстве людям нечем оплатить горючее, удобрения. Закладывают будущий урожай с незасеянных нив сплошь и рядом, по всей России. Гуляющей земли больше половины от пригодной. Вопрос о земле уже перезрел. Я бы раздал её не ленивым людям без

права продажи. Пусть растят хлеба и сады. Но это для Думы очень сложный вопрос. Боятся, что мужик не возьмёт или отдаст иностранцу за бутылку «Виски» свой гектар».

Да почему же «без права продажи», о, Господи? Я думаю, вопрос о земле в России не перезрел, а все-таки не созрел, раз даже предприниматель всё ещё того мнения, что она, российская земля, будет родить что-то, кроме бурьянов, если ею будут владеть без права продажи. Неужели только голод или нешуточная угроза голода заставит таких предпринимателей, не говоря уже о думцах, понять: если бы земля, которую пахарь не волен продать, могла хорошо родить, то так и было бы во всех странах, что уже давно кормят не только себя, но и половину мира?

Пишет розничный торговец из Московской области: «У нас страдная пора. Кругом на заводах выдают зарплату, пенсионерам выдали все, что только можно, моя выручка растёт, доллар падает под натиском рубля, короче, бизнес процветает. Одна мыслишка портит настроение – после прошлых президентских выборов пенсии не давали месяца три, а зарплату задержали на полгода. Что будет в этот раз?» На свою страну автор этого письма смотрит, как он пишет, «сквозь призму розничной торговли», и то, что он замечает, по-моему, интересно: «Устроена у нас очередная рекламная кампания сигарет Мальборо. Стали клеить на пачки цветные полоски, которые нужно отрывать и куда-то там отправлять, чтобы выиграть призы от фирмы. В итоге продажа Мальборо сократилась у меня вдвое: наш народ пачки с полосками не берет, говорят, подделка, на настоящем Мальборо таких полосок нет. Мальборо – сигареты недешевые, и по идее те, кто их курят, должны немного соображать. Но оказывается, имущественным цензом дураков не отфильтруешь... Открылся новый вид патриотизма – водочный. У меня в продаже несколько водок Кабардино-Балкарии и Северной

Осетии. Продукт дешёвый и вполне сносный. Так вот, некоторые демонстративно отказываются покупать эту водку, называя ее «подарком от Дудаева». Не кажется ли вам, что это отражает суть всего нынешнего «патриотического» возбуждения, особенно того, что в Думе? Вы-то, наверное, уверены, что посланец брянских рабочих в Думе знает, что Кабардино-Балкария и Чечня – это две большие разницы, а Северная Осетия и Чечня – две очень большие разницы. А вот я не уверен, что это знает даже Зюганов... С этой водкой чуть не потерял мысль, которая следует из сигаретной истории. Западный трюк, когда каждые полгода выпускается новая версия шампуня с наклейкой «NEW!», у нас не проходит. У нас «тот самый чай – тот самый вкус» (и правда, этот «чай со слонем» отлично продается, несмотря на посредственное качество и явно завышенную цену). Поэтому-то и берет свои голоса КПРФ, что бы они там в программе ни писали и в думе ни вытворяли – ведь электорат их пьет «тот самый чай», курит «ту самую «Приму» с правильной надписью на пачке» и голосует за «ту самую партию».

Письмо из Москвы: «Я понимаю, что ваша станция, как и все другие, не является истиной в последней инстанции, как вы считаете. Вы так же пропагандируете политику Запада в отношении России, как и все другие радиостанции разных стран. Причем, в последнее время пропаганда стала откровенно злобной. Своим Бабицким вы морочите мозги нашего народа. Я понимаю, конечно, что вам не нравится наша победа в Чечне. Вы хотели бы хаоса и терактов в нашей стране, но этого не добьётесь, а добьётесь того, что вашу станцию прикроют, чтобы она не изрыгала грязь в адрес России. Бобович Татьяна Мечиславовна, бухгалтер частного бизнеса».

Всё может быть, Татьяна Мечиславовна, но если будет по-вашему, тогда вам вряд ли придется работать в частном бизнесе – прикроют и его.

«Я слушала вас больше 20 лет, – пишет из Нижнего Новгорода Цендровская Елена Владимировна. – Слушала еще сквозь грохот глушилок, еще подростком, записывая в тетрадку имена диссидентов. Я воспитана вашим радио. Вы были моими собеседниками, учителями и друзьями. Я любила вас и готова была подписаться под каждым вашим словом. Всё изменилось в последние полгода. России был дан Путин. Впервые в жизни я не в оппозиции к власти. Впервые с уважением и любовью смотрю на моих генералов и моих солдат, на моё правительство и моё ФСБ. И впервые я поняла, вернее, почувствовала, что такое враг и предатель. Олицетворением этих понятий для меня стал Бабицкий. Я слушала все его чеченские репортажи с нарастающим недоумением, неприятием и отвращением. Я молила Высшие Силы, чтобы его настигло возмездие. Я счастлива, что оно свершилось. И теперь хочу вам сказать: я не позволю вам унижать и оскорблять мою страну и моего Президента. Тем самым вы унижаете и оскорбляете меня. И потому вы – мои враги. И потому я отторгаю вас и не верю больше ни одному вашему слову. И потому испытаю удовлетворение и радость, когда вас вышвырнут из Москвы, из России, из эфира моей страны. Прощайте. Цендровская Елена Владимировна. Город Нижний Новгород, улица Володарского, дом... квартира...»

Прощайте, Елена Владимировна, вы написали примечательное письмо. Когда человек так сильно вдруг полюбит власть, он тут же найдёт кого-то, от кого её надо защищать. Любовь без ненависти не ходит – во всяком случае, любовь к вождю, к «органам», как в сталинское время в народе назывались спецслужбы. В речах на торжественных собраниях можно было услышать: «сталинские органы», «наши славные сталинские органы». Любовь к вождям и к их «органам» никогда не оттеняется ненавистью только к врагам. Должна быть и ненависть к предателям. Это – обязательно. Любовь ведь предполагает и ревность,

а врага не ревнуют. Подозревать в неверности можно только кого-то из своего стана. Елена Владимировна, сказав, что она впервые поняла, что такое враг и предатель, не зря уточняет: «почувствовала». Таков закон любви. На поиск врага и предателя нас отправляет чувство. Разум тут не нужен, он ведь может удержать нас от этого предприятя.

«Хотелось бы понять, что вы, кто вы, Анатолий Стреляный, – предатель, изменник, перевертыш или просто заблудился и перешел в стан врагов России? Ах, Россия, Россия, теряет своих лучших сыновей! Ну, почему вы так ненавидите Россию и её народ? Нет прекрасней страны, чем Россия, нет прекрасней и роскошней её разноликой природы. Спора нет, много невинных пострадало от репрессий советской власти, но немало таких, что признали в какой-то степени свою вину и не держат обиду на советскую власть, на Россию, не собираются изменять ей. Я готов подавить свою личную обиду, нанесенную мне чиновником или властью, но Россию я не продам. Я готов отдать свои личные интересы ради интересов страны. Так что же вы, Анатолий Стреляный, изменили Родине и помогаете американскому империализму задушить Россию? Ведь планы и цели Гитлера пытается осуществить американский империализм. Для осуществления своих планов Запад забросил в Россию диверсионную подрывную колонну в виде так называемых правозащитников. Эта коварная, зловещая, замаскированная благими намерениями организация путем обмана и лжи, введения в заблуждение и воздействия на психику доверчивых людей, в первую очередь молодежи, путем пропаганды и внедрения западной антикультуры подготовила почву для смуты, для разрушения и гибели СССР и России».

Своим письмом этот человек вносит, по его словам, вклад в разработку новой русской национальной идеи, на что Ельцин некогда отводил своим помощникам ровно

год. Известный московский литератор на писательском собрании по этому делу предложил не «гонять порожняк» – уложить Идею в одну страницу. Тем временем идея со-творилась сама собою. Обида на весь мир и желание показ-ать ему кузькину мать. Недавно было сообщение: с Пути-ным встречались два видных человека из российского мира искусств. Беседа была долгая, толковали о русской национальной идее. Сегодня нет более неуместного толко-вища. Разговор о национальной идее – это 19-й век. Не случайно представителями этого века в нынешней России служат люди искусства или совсем уж простые – прОстые, как выражается народ. Они лучше других чувствуют, что песня не допета. Песню прервал семнадцатый год. Их тянет её допеть, доиграть эту пластинку, чтобы освобод-ить место для следующей, для современной пластинки. Современная же пластинка – это права человека. Дойдут, доволокутся, наверное, и до неё, но мир перед тем насме-шат порядком. За прерванные разговоры о таких предме-тах, как национальная идея, расплачиваться приходится иной раз и кровью.

Пишет господин Риттер: «Письма, которые вы оглаша-ете, очень интересны. Особую ценность, по моему мне-нию, представляют те из них, в которых критикуется ра-дио «Свобода», и совсем уж прелестны направленные про-тив вас лично. Это – шедевры. Поверьте, Анатолий Ивано-вич, слушая их, получаю огромное даже не удовольствие, а наслаждение. Это же кладезь народной мудрости! Опа-саюсь только, как бы вы не перестали их читать, тем са-мым лишив меня хорошего настроения. Что касается ма-териала для вашей передачи, то в теперешней России та-лантливых писателей писем, уверенных в своей правоте, этих творцов истины в последней инстанции, должно по-видимому только прибавляться и соответственно не иссяк-нет источник красноречия. Вы можете оказаться уже не только агентом ЦРУ с руками по локоть в крови, но и

контрреволюционером наподобие Эзопа. Вы правильно делаете, что не обижаетесь на них, они заслуживают прощения, так как они не в ладах с логикой жизни. Риттер Артур Иванович».

Спасибо за письмо, Артур Иванович. Конечно, заслуживают прощения, а как же? Всякий человек заслуживает прощения, во всяком случае, с этой мыслью жить легче. Эти люди прожили жизнь в условиях, когда всё делалось за них, в том числе и с мировым империализмом боролись за них, и чистоту Великого Учения отстаивали за них. Эти люди, наверное, не чаяли дожить до времён, когда им будет позволено встать на ноги и самим, по собственному почину, не в строю, не под присмотром власти, побороться за свои взгляды. И вот дожили. Порадуемся за них...

...Закончился очередной выпуск программы радио «Свобода» «Россия вчера, сегодня, завтра». Режиссер Лев Ежов, редактор и ведущий Анатолий Стреляный.

Наши адреса. Московский. 103006. Старопименовский переулок, 13, корпус 1. Пражский адрес. Радио «Свобода», улица Виноградска 1, 11000, Прага-1. Чехия. В Интернете я в списке сотрудников Русской службы на сайте: дабл-ю дабл-ю точка «Свобода» точка орг

